
N·K·JEMISIN
СТО ТЫСЯЧ КОРОЛЕВСТВ

Сто тысяч Королевств
Н. К. Джеймисин

Аннотация
Н. К. Джеймисин. Сто тысяч Королевств
1. Дед
2. Другие Небеса
3. Тьма
4. Заклинатель
5. Хаос
6. Узы альянсов
7. Любовь
8. Кузен
9. Воспоминания
10. Семья
11. Матушка
12. Разум(ность)
13. Выкуп
14. Гулящая Старуха
15. Ненависть
16. Сар-эн'на-нем
17. Утешение
18. Зиндан
19. Адаманты
20. Арена

21. Первая Любовь
22. Яр(ост)ь, как она есть
23. Себялюбие
24. Если я попрошу…
25. Шанс
26. Бал
27. Церемония Правопреемства
28. Сумерки и Рассвет
29. Трое
Приложения
Приложение первое. Глоссарий
Приложение второе. Необходимые уточнения к основам в именовании Небесного Отца нашего, Пресветлого Итемпаса, Несущего Мир
Приложение третье. Исторические записки, Архивы Семьи Арамери, том 1, из коллекции Декарта Арамери
Благодарности
Об авторе
Интервью с автором

Аннотация

Йин Дарр — изгнанница с варварского Севера, энну своего народа. Когда же при загадочных обстоятельствах умирает её мать, девушку неожиданно призывают в высокий Небесный город. Здесь её ждёт шокирующее известие — теперь она Наследница Престола.

Но трон Ста тысяч Королевств — не столь простой приз, как кажется; Йин против воли втянута в порочный круг противоборства за власть… вместе с парочкой свежеиспечённых родственничков. И чем дальше заводят Йин интриги королевского двора, тем ближе она к убийцам матери — и очередным фамильным скелетам. Теперь, когда судьба мира зависнет на волоске, она познает, каков он, смертоносный узел любви и ненависти, свитых воедино, — богами и смертными.

Н. К. Джеймисин
Сто тысяч Королевств

Оно не изменилось ни на йоту. Лицо Декарты Арамери, имею ввиду. Я не смогла счесть его.

— За моего наследника, внучка. Сегодня я оглашу твоё имя.

Молчание. Такое же тяжкое, как и каменное кресло деда, вросшее в пол.

Шутка, подумала я, но никто не засмеялся. Это и заставило увериться окончательно: лица придворных, повергнутые в ужас и шок; вид, с коим они уставились на своего господина и повелителя. Все они, кроме одного, поименованного Вирейном. *Этот* смотрел на *меня*.

Что ж, с *провозглашённой* ожидался какой-нибудь, но ответ.

— У вас уже есть наследники, — сказала я.

— Чересчур прямо, — сухо констатировал Вирейн, — ей следовало бы быть чуточку учтивее.

Мимо. Декарта и глазом не повёл, словно не замечая чужих слов. Он обратился ко мне, подтверждая:

— Верно. Имеются ещё двое претендентов. Мои племянник и племянница. Скаймина и Релад. Твои двоюродные кузены.

Разумеется, я слыхала о них. Да и кто не слыхал. Слухи то и дело провозглашали наследника… или наследницу, перетасовывая парочку местами. Но

кто же?.. — сказать наверняка… если бы, как же.

Мне и в голову и не приходило, что *я* могу оказаться на *их* месте.

— Если мне дозволено советовать, дедушка, — начала осторожно (сколь возможна какая-то там осторожность в беседах подобного толка), — то смею предполагать, что уже двое — и то чересчур много.

Это всё глаза. Они старили Декарту, намного, *надолго* старили. Но последнее поняла я излишне позже. Понятия не имею, каков был изначальный цвет этих жестоких глаз; возраст обесцветил их, затянув белесой дымкой. Глаза, в коих отражалась вся тяжесть, прожитых им лет. Разве что, кроме счастья. Для него в этой паре вперившихся в меня светочей места уже не оставалось.

— И впрямь, — согласился он. — Но, полагаю, порядком хватит для занятного состязания.

— Не понимаю вас, дедушка.

Он приподнял руку, в слабом, но изящном… *некогда* изящном жесте, а теперь, по большему счёту, попросту *слабом*.

— Всё просто. Всё *очень* просто. Я назвал три имени. Цели же добьётся лишь один. А касаемо остальных, либо они перебьют друга, либо кончат жизнь от руки победителя. Кто выживёт, а

кто умрёт… — Неопределённое пожатие плечами. — …дело твоё.

1. Дед

Я не та, что прежде. Они сотворили *это* со мной: вторглись мне в душу, сломали меня, вырвали мне сердце. Я уже и не знаю больше, кто я есть.

Но я вспомню. Должна вспомнить.

* * *

Люди, мои люди, болтают разное о ночи моего рождения. Говорят, матушка что есть сил сводила ноги во время родов, лишь бы не допустить дитя в этот мир. Боролась, мол, что есть мочи. Но я, само собой, пробилась на свет; природа взяла своё. И всё же, что удивительного в её стремлении?

* * *

Матушка была Наследницей Арамери. Тогдашний же бал слыл из того рода вещей, что случаются единожды в десятилетие (если не реже): подачка, впрочем, сомнительного толка, всей младшей знати… оно же — пощёчина их самолюбию. Отец мой осмелился просить о танце, и матушка соизволила дать согласие. Я

спрашивала себя (и часто), что он говорил (что делал?) в ту ночь, и что заставило *её* воспылать столь страстной любовью. Дорого обошедшейся, впрочем. Чувства, как оно и бывает, стоят жертв, — навроде фамильного права. Чудная выходит присказка-то? Этакая почва благодатна для побасенок. Да возвышенных сказаний, что и говорить. Как же там дальше, в сказкак-то?.. — и жили они долго и счастливо… Жаль лишь, что в последних обходят молчанием иные судьбы. Хотя бы тех, кому попутно посчастливилось перейти дорожку самому могущественному роду в мире.

* * *

Но я забываю о себе. Так, кто же я? Ах, да.

Йин. Меня зовут Йин. Среди моих людей я — Йин дау ши Киннет тай вер Сомьем канна Дарре, что есть — дочь Киннет, из племени Сомьем, меж народа Дарре. Я помню это, пусть в нынешние дни племена мало что значат, не то что прежде, до Битвы Богов.

Отроду мне девятнадцать лет. И я вождь (или была им) народа, называемая *эн'ну.* В доме же Арамери, ведущих род свой от Амн, я — баронесса Йин Дарр.

Месяцем позже матушкиной смерти, отец её,

Декарта Арамери, официальным посланием пригласил меня к себе, в фамильное гнездо. Полагаю, уже ясно, что подобные приказы, ох, простите, *приглашения*, отказов не терпят. На дорогу ушло без малого три месяца, от далёких берегов Крайнего Севера, морем Покаяния, до самого Сенма. Хоть Дарры и не славились богатством, странствовала я довольно сносно, поначалу — паланкином и морским судном, а в довершение — даже каретой. Выбирать не приходилось, да и кто бы дал мне? Дарре, весь Воинский Совет, отчаянно надеялись, что в моих силах вернуть им благосклонность Арамери. Выставить себе на показ в лучшем виде — чем не подходящая метода? Всем известно, что Арамери по нраву подобное показушество.

Соответствующе одетая, на пороге зимнего солнцестояния, я была готова к встрече. И когда возница на холме, за городом, приостановил карету (якобы напоить лошадей, а на деле — ещё один здешний охотник выискался полюбоваться на физиономии глазеющих чужеземцев), итак, то было мое первое прикосновение к сердцу Ста тысяч Королевств.

Растёт одна роза, знаменитая на весь Крайний Север. (Не сочтите это за лирическое отступление.) Имя ей — алтарная окаёмь. Раскрытые

лепестки её сияют жемчужно-белым светом, но мало того, вдоль чашелистика сердцевину цветка огибает ряд вторичных лепестков. Наиболее ценятся те розы, чьи побочные лепестки столь огромны, что завесью спускаются до земли. Цветущая пара, венчик, таящий плод с семенем, и второцветок, нисподающий по стеблю; пара, прекрасная и сверху, и снизу.

Небесный город. Так уж он звался (и был). Разросся вдоль небольшой горы (или холма приличных размеров): обрамлённые кругом высоких стен, высящиеся вверх ярусы зданий; указом Арамери, в белом сиянии. А над городом, где жемчужные стены ярусов иногда затемняются стремительным полётом рваных облаков, ещё ярче (но меньше) сияет дворец… также именующийся Небесами (возможно, он заслуживает своё название куда более самого города). Я знала — массив поддерживает колонна, тонкая, невообразимо хрупкая, — отсюда, правда, невидимая глазу. Дворец парил над городом; связанные незримыми узами, они были столь прекрасны, что я затаила дыхание при виде этой неземной красоты.

Алтарная окаёмь бесценна из-за трудностей разведения. Самые известные сорта вывели

путём имбридинга; читай — уродства, кое некоторые особо подкованные селекционеры сочли наиболее полезным. Выгодным, проще говоря. Аромат первичного цветка сладок для человека, но отпугивает насекомых, потому розы опыляют вручную. Вторичный цветок иссушает растение, поглощая питательные соки и уменьшая плодоношение. Семена — редкость; и на каждое, вырастающее в идеальную розу, приходится десяток, порождающий лишь мерзость, вырезаемую под корень.

* * *

У Небесных (дворцовых) врат я свернула, правда, по другой причине, не той, что ожидала. Как оказалось, дед не появлялся. Но зато оставил инструкции на мой счёт.

Небеса — дом Арамери; дом, а не торговая площадь. Не биржа для сделок. Родичи мои — негласные правители мира, официально же всеми делами заправляет Консорциум Нобилей, при благосклонном содействии Ордена Итемпаса. Консорциум собирается в Салоне, огромном, величественном здании — и, разумеется, белостенном, — одном из тех, что высятся у подножия дворца, меж прочих правительственных зданий.

Смотрится неплохо, даже величественно, но было бы куда как лучше, не подвизайся он в аристократичной тени дворца.

Войдя внутрь, я представилась служащим — слегка удивлённым моим визитом, но безупречно вежливым. Меня, в компании юного помощника (невеликого, как мне представилось, звания) препроводили в палату заседаний, где полным ходом шло полдневное собрание.

Как представителю младшей знати, мне всегда были открыты двери Консорциума (но к чему?). Вопрос был лишь в времени, месте и… деньгах. Впрочем, забудем на миг о расходах, помноженных на месяцы долгого пути. Дарр и без того слишком мал, слишком беден и слишком неприглядан, дабы голос его что-то да значил. Молчу уж про матушкино отречение, окончательно подпортившее и без того хилую репутацию Дарров. По правде говоря, наш Крайний Север — редкостная глушь. Провинциальное болото. За редким, если на то пошло, исключением. То бишь за теми приличных размеров странами, у коих хватило престижа, власти или денег (а лучше — и того и другого), чтобы быть услышанными своими более благородными собратьями. Оттого-то я и не удивилась, узрев, что положенное мне место

(в тени, за колонной, на одном из ярусов) уже занято — каким-то бесцеремонным делегатом от одного из континентальных народов Сенма. Мой помощник, заикаясь от волнения, встревоженно пробормотал, что, мол, было бы чрезвычайно грубо согнать уважаемого пожилого человека, к тому же с больными коленями, с *его* места. Быть может, я не возражала бы постоять? Памятуя о долгих часах, проведённых в тесной коляске, я согласилась. *С радостью*, разумеется.

По счастью, следующий ярус, куда меня увлёк проводник и где я скромно притулилась в уголке, оказался с хорошим обзором. Планировка палаты заседаний впечатляла, и не в последнюю очередь — своей обстановкой. Белый мрамор, дорогое чёрное дерево, вероятно, из даррийских лесов, когда те ещё знали лучшие времена. Дворяне — человек триста или около того, в общей сложности, — восседали в удобных креслах вдоль зала (или же на лесенкой уходящих вверх ярусах). Прислужники, пажи и писцы толпились позади (а с ними и я), готовые, чуть что, подать документы или умчаться с поручением. Главенствовал консорциумный Распорядитель, стоя на возвышении искусно сработанного подиума и дирижируя попеременно требующими слова нобилями. Очевидно, теку-

щий спор зашёл о праве на водный источник где-то в пустыне (и претензии были аж у пяти стран). Никто не говорил без очереди, не терял выдержки, не отпускал ни ехидных замечаний, ни завуалированных оскорблений. Другими словами, действо, исполненое строгого порядка и взаимной вежливости, чинное и степенное. Хлопот не доставляло ни число делегатов, ни их хорошо подвешенные языки, вкупе с желанием потрафить соотечественникам.

Одна из причин столь вышколенного поведения как раз и стояла на постаменте за подиумом Распорядителя: статуя Небесного Отца собственной персоной, в натуральную, так сказать, величину; всем своим видом воплощая Обращение к Смертному Разуму. Попробуй распусти излишне язык под этаким-то суровым взглядом. Но, как я подозреваю, куда как более угнетал иной взгляд, — того, кто сидел в ложе, виднеющейся аккурат чуть выше за Распорядителем. Обзор отсюда был плоховат, и я могла разглядеть немногое: мужчина преклонного возраста, со строгим взором, богато одет, в окружении группы слуг и молодой пары — блондина и темноволосой женщины.

Хотя молчаливая личность эта не окольцовы-

вала себя видимой охраной, не носила короны, не вмешивалась в ход заседания (как и его свита); угадать, кто он, не составляло труда.

«Здравствуй, дедушка», — пробормотала себе под нос я и, даже зная, что невидима, послала ему улыбку через всю комнату. Пажи и писари одаривали меня слегка странноватыми взглядами весь остаток дня.

* * *

Склонив голову, я опустилась на колени перед дедом, слушая насмешливое хихиканье, доносившееся отовсюду.

Нет, постойте.

* * *

Некогда существовало трое богов.

Всего трое, имею ввиду. Сейчас их десятки, возможно, и сотни. Плодятся как кролики, что ни говори. Но когда-то их было всего трое, самых могущественных и блистательных из всех: бог дня, бог ночи и богиня рассвета и сумерек. Иными словами, Свет, Тьма и Тени, что между. Ну, или — Порядок, Хаос и Равновесие. Не так уж и важно это, ибо один давно погиб, другой, очевидно,

тоже мёртв, ну а третий, да, он — единственный, сохранивший силу.

А заодно и тот самый залог власти Арамери. Имя ему — Небесный Отец, Пресветлый Итемпас, и предки Дома были преданнейшими из священников Его. За что и не избежали награды — оружия, столь могучего, что ни одна армия в мире не могла противостоять ему. С его-то (ха, точнее будет — *их*) помощью Арамери и провозгласили себя властителями мира.

Ну, вот. Так-то лучше.

* * *

Склонив голову, я опустилась на колени перед дедом; нож мой послушно лёг на пол рядом.

Мы были на Небесах, переместившись сюда сразу после заседания Консорциума, с помощью магии Отвесных Врат. По прибытии меня немедленно попросили пройти в дедову приёмную (по виду — точь в точь тронный зал). Формой — неровный круг (священный для Итемпаса), а сводчатый потолок заставляет придворных зрительно выглядеть величавее — совершенно зря, Амн и так гораздо выше, чем я, к примеру. Высокие, бледные, с безупречной осанкой, словно и не живые люди, из плоти и крови, а безмолв-

ные статуи.

— Высокий из Высочайших, Лорд Арамери, — поприветствовала я. — Видеть вас — большая честь для меня.

Я расслышала хихикающий смех перед тем, как войти в комнату. Сейчас он зазвучал снова, слегка приглушённый руками, веерами и носовыми платками. Мне вспомнились птичьи стаи, гнездящиеся под пологом леса.

Передо мной восседал Декарта Арамери, некоронованный правитель мира. Он был стар, возможно, самый старый из когда-либо виденных мною людей; хотя Амн, как правило, и живут дольше моего народа, так что ничего удивительного. Тонкие, почти полностью белые волосы. Настолько худой и сутулый, что его приподнятое каменное кресло — *кресло*, и никаких «тронов», — казалось, грозилось вот-вот поглотить старика целиком.

— Внучка, — сказал он, и смех приостановился. Молчание. Столь тяжкое, что стынет в руках. Он — глава семьи Арамери, и слово его — Закон. Никто и не ждал, что он признает меня за родственницу, а менее всех — я сама.

— Поднимись, — приказал он. — Дай мне на тебя глянуть.

Я подчинилась, подобрав нож, коий никто не осмелился конфисковать. Тишина стала ощутимей. Осязаемей. Я не слишком интересный объект для толкований. Случись всё иначе, слейся во мне черты обоих народов более удачно… к примеру, амнийский рост и даррийская гибкость, или, наоборот, прямые густые — и *светлые* — пряди волос. Но нет, у меня амнийские глаза, оттенка выцветшей зелени, скорее *неудобные*, раздражающие собеседника, нежели красивые. В противоположность им — волосы, коричневые, как древесная кора. Прямые и короткие — по другому справляться с ними не с руки. Да, короткие настолько, что порой, по ошибке, меня принимают за мальчика.

Всё в той же, затягивающейся тишине я видела, как хмурится Декарта. Я заметила странного цвета отметину на его лбу: идеальный чёрный круг, будто кто-то макнул монету в чернила и прижал к коже. Круг, с обоих сторон заключённый меж мощных линий остроконечных шевронов.

— Ни капли сходства с нею, — наконец подытожил он. — Но, полагаю, это лишь к лучшему. Верно ж, Вирейн?

Последнее предназначалось человеку, стоявшему среди придворных — ближе всех к трону.

На мгновение мне показалось, что он ещё старше деда, но быстро поняла ошибку — этот беловолосый разменял лишь четвёртое десятилетие. Он тоже носил налобную татуировку, но попроще: обычный чёрный кружок.

— Ну, она не безнадёжна, — сказал он, скрестив руки на груди. — С внешностью, конечно, ничего не поделаешь, сомневаюсь, что даже макияж поможет. Но… снять с неё этот варварский наряд, приодеть, и, думаю, что она, на худой конец, сможет сдать… *сойти* за особу благородных кровей.

Он сузил глаза, словно уже разбирая меня мысленно по косточкам. Моя дучшая даррийская одежда — длинный белый жилет из меха виверны и леггинсы по щиколотку — удостоилась короткого вздоха. (Этот наряд уже заработал странный взгляд в Салоне, но я так и не поняла, *что* их смутило.) Он так долго вглядывался в моё лицо, что я уже начала подумывать, не выказать ли мне зубы.

Вместо того Вирейн показал свои, улыбнувшись.

— Мать хорошенько обучила её. Полюбуйтесь, даже сейчас она не уличает ни страха, ни злости.

— Тогда, думаю, она сойдёт для дела, — заметил Декарта.

— *Сойду для чего*, дедушка? — спросила я.

Напряжение в комнате действовало угнетающе с каждым мигом, словно выжидая чего-то. Хотя старик уже и нарёк меня «внучкой». Я, конечно, слегка рисковала, необдуманно обращаясь к нему привычным мне словом, — люди его положения порой обижаются и на более незначительные вещи. Но матушка действительно *хорошо* меня подготовила: порой стоит рискнуть, чтобы завоевать себе уважение в глазах двора.

Оно же не изменилось ни на йоту. Лицо Декарты Арамери, имею ввиду. Я не смогла счесть его.

— За моего наследника, внучка. Сегодня я оглашу твоё имя.

Молчание. Такое же тяжкое, как и каменное кресло деда, вросшее в пол.

Шутка, подумала я, но никто не засмеялся. Это и заставило увериться окончательно: лица придворных, повергнутые в ужас и шок; вид, с коим они уставились на своего господина и повелителя. Все они, кроме одного, поименованного Вирейном. *Этот* смотрел на *меня*.

Что ж, с *провозглашённой* ожидался какой-нибудь, но ответ.

— У вас уже есть наследники, — сказала я.

— Чересчур прямо, — сухо констатировал Ви-

рейн, — ей следовало бы быть чуточку учтивее.

Мимо. Декарта и глазом не повёл, словно не замечая чужих слов. Он обратился ко мне, подтверждая:

— Верно. Имеются ещё двое претендентов. Мои племянник и племянница. Скаймина и Релад. Твои двоюродные кузены.

Разумеется, я слыхала о них. Да и кто не слыхал. Слухи то и дело провозглашали наследника… или наследницу, перетасовывая парочку местами. Но кто же?.. — сказать наверняка… если бы, как же.

Мне и в голову и не приходило, что *я* могу оказаться на *их* месте.

— Если мне дозволено советовать, дедушка, — начала осторожно (сколь возможна какая-то там осторожность в беседах подобного толка), — то смею предполагать, что уже двое — и то чересчур много.

Это всё глаза. Они старили Декарту, намного, *надолго* старили. Но последнее поняла я излишне позже. Понятия не имею, каков был изначальный цвет этих жестоких глаз; возраст обесцветил их, затянув белесой дымкой. Глаза, в коих отражалась вся тяжесть, прожитых им лет. Разве что, кроме счастья. Для него в этой паре вперившихся в меня светочей места уже не оставалось.

— И впрямь, — согласился он. — Но, полагаю, порядком хватит для занятного состязания.

— Не понимаю вас, дедушка.

Он приподнял руку, в слабом, но изящном… *некогда* изящном жесте, а теперь, по большему счёту, попросту *слабом*.

— Всё просто. Всё *очень* просто. Я назвал три имени. Цели же добьётся лишь один. А касаемо остальных, либо они перебьют друга, либо кончат жизнь от руки победителя. Кто выживёт, а кто умрёт… — Неопределённое пожатие плечами. — …дело твоё.

Матушка учила меня никогда не выказывать страха, но эмоции не приглушить так легко. Спина покрылась холодным потом. Лишь раз в жизни я удостоилась чести стать мишенью для покушения — вот оно, преимущество наследницы бедной и крошечной нации. Кто бы взялся такую за неблагодарную работёнку? Но сейчас точно найдётся парочка желающих на моё место. Богатство и могущество, коими обладали лорд Релад и леди Скаймина, за пределами моих самых смелых мечтаний. Всю свою жизнь они провели, ставя друг другу подножки на пути к власти над миром. И вот являюсь я, никому неизвестная безродная бродяжка, без связей, без денег, без

друзей, — и с ходу в бой.

— Не будет никакого выбора, — сказала я. По счастью, честь оставалась за мной: голос не дрожал. Почти. — И никакого состязания. Они побыстрому расправятся с помехой при первой же возможности и обратно примутся друг за друга.

— Возможно, — задумчиво протянул дед.

Как назло, в голову не шло ничего путного, что могло бы вытащить меня из этой передряги. Он же чокнулся, совсем обезумел, сошёл с ума. Это было как дважды два. С какой стати он вообще выдумал это состязание и более чем странный приз? Умри он завтра, Релад и Скаймина от мира камня на камне не оставят, тут же передравшись друг с другом. Убийства и войны затянутся на десятилетия. Ему ли не знать, не понимать этого. Однако за слабоумную здесь, по всей видимости, держали меня. Случись чудо, и завоюй я трон, Сто тысяч Королевств тотчас окунулись бы в бесконечную спираль разрухи и страданий. Уж он-то *должен* знать это.

Никому не под силу спорить с безумием. Но порой, уповая на случай, дар свыше и благословение Небесного нашего Отче, можно рискнуть расспросить безумца.

— Почему?

Старик кивнул, будто ожидал этого вопроса.

— Твоя мать, покинув нашу семью, лишила меня наследника. Ты выплатишь её долг.

— Она четыре месяца как в могиле, — огрызнулась в ответ я. — Какая в том честь, мстить мёртвой женщине?

— Нет, внучка, ничего общего с местью. Лишь вопрос долга. — Он махнул рукой, левой, и другой придворный отделился от толпы. В отличие от первого — да и от большинства царедворцев, чьи лица мне были видны, — знак на лбу его скалился перевёрнутым полумесяцем, словно пара хмуро насупленных бровей. Он опустился на колени перед возвышением, в кое врастало кресло Декарта (длинная, до пояса, алая коса свесилась со спины на плечо и ниже, мазнув вьющимися кончиками по полу).

— У меня нет надежды, что мать научила вас долгу, — сказал Декарта за спиной склонившегося в поклоне мужчины. — Она отреклась от своего, играясь со своим сладкоязычным дикарём. Я позволил это… потворствовал… и часто жалел о своём попустительстве. Я успокою своё разочарованное сердце, внучка, лишь вернув заблудшую овцу в овчарню. Не важно, выживешь ты или умрёшь. Ты — Арамери, и ты будешь *служить*,

подобно всем нам.

Он махнул рукой рыжему.

— Подготовь её, и как можно лучше.

Вот и всё, и ничего более. Огневолосый встал и подошёл ко мне, бормоча, что мне следует пройти за ним. Собственно, это я и проделала. Так и закончилась моя первая встреча с дедом, и начался мой первый день как Арамери. Что ж, то был не самый худший денёк в моей жизни. Особенно, в сравнении с теми, что выдались позже.

2. Другие Небеса

Столица моих земель — Эрребейа. Древний камень, чьи стены поросли виноградником и охраняются зверьми, что никогда не существовали. Наша память не хранит год её основания, но только как столица она уже известна, по меньшей мере, две тысячи лет. Тамошний люд привык к медленному шагу и тихому говору — из уважения к поколениям, бродившими этими улицами ранее, — ну, или, возможно, до них просто не доходит потребность помянутой суеты.

Небесам — городу, имею в виду, — всего лишь пятьсот; его выстроили, когда пало предыдущее гнездо Арамери. Грубоватый, неотёсаный, одним словом, город-подросток. Мой экипаж проезжал самым центром, мимо проносились прочие кареты, под стук колёс и лошадиных подков. Людская толпа не просто двигалась, а одним непрерывным, бурлящим слоем покрывала каждый тротуар. Шумным, но не разговорчивым. Все они, казалось, куда-то непременно спешили. В густом воздухе со знакомыми запахами навроде лошадиного пота и болотной затхлости

соседствовали и другие, едкие и приторные на вкус, приятные и мерзостные. И ни малейшего проблеска зелени в поле зрения.

* * *

О чём это я?..

Ах, да. Боги.

Не те, оставшиеся на небе, верные Пресветлому Итемпасу. Другие, не столь… благожелательные. Преданные. Не знаю, должно ли теперь именовать их «богами», ведь вера в них угасла. (А что вообще есть «бог»?) Наверное, мне стоит подобрать лучшее определение их сути. Пленники, проигравшие войну? Невольники? Рабы? Или то, вспомнившееся прежде, слово… *оружие? орудия*?

Орудия. Да, неплохо звучит.

Поговоривают, они где-то в Небесах, четверо, обретшие сосуд из плоти, запертые замком и чародейной цепью. Может, спят в хрустальных вместилищах, пробуждаясь лишь, чтобы быть свидетелями, как темница их будет отполирована и смазана маслом. Может, выставленные напоказ как диковинка, тешат видом своим почётных гостей.

Но иногда, иногда, хозяева призывают их наружу. И тогда множатся по миру загадочные

поветрия, прокатываются по земле новые моры. А временами и целый город, вместе со всеми людьми, невесть как исчезает в одночасье. И являются однажды на месте горной гряды дымящиеся, неровные провалы.

Гиблое дело — ненавидеть Арамери. И посему ненависть наша на орудиях их, ибо радеть о них — пустая, ничейная забота. Да и кому сдался лишний призор? Оружие не заботят. Но и оружие не заботится.

* * *

Придворный, бывший моим спутником, представился как Т'иврел, дворцовый сенешаль. Ну, одно уже имя его говорило само за себя: полукровка, как и я (он сам подтвердил, пояснив, что смесок по крови от Амн и Кен). Кен, да будет вам известно, племя умелых мореходов-островитян, живущих далеко отсюда на востоке. И этот странный алый окрас достался ему от тамошних родичей.

— Леди Игрет, возлюбленная жена милорда, трагически погибла, совсем юная. Сорок с лишним лет уже прошло, — торопливо пояснял Т'иврел, покуда мы шли белокаменными залами Небес (по голосу и не скажешь, что проводник

мой так уж и расстроен трагедией этой мёртвой леди). — Киннет о ту пору была совсем ещё крошкой, но ясно, подрасти она — и более подходящего наследника не сыскать. Так что Декарта, полагаю я, не считал нужным заводить новый брак. Когда она… ну, гхм… оставила семью, он переключился на детей своего покойного брата. Поначалу, кстати, их было четверо, самые младшие — Релад и Скаймина. Близнецы и заправляют семьёй. Увы, но их старшую сестру настиг несчастный случай (ну, так гласит официальная версия).

Я просто слушала. Полагаю, любые слухи о моей новоиспечённой родне не лишни. Ладно б ещё не столь шокирующие. Видимо, поэтому Т'иврел и поспешил просветить меня на этот счёт. Заодно он вкратце разъяснил мне новые обязанности, новые привилегии и новое имя. Йин Арамери. Йин Дарр более нет. А в нагрузку к имени — контроль над землями и несметное богатство. Большее, чем я могла бы себе представить. Регулярное присутствие на заседаниях Консорциума в заждавшейся меня персональной ложе Арамери. Высокое разрешение на личные покои в Небесах — и гостеприимные объятия матушкиных родичей. Лоно семьи, одним словом. Ах, да, и дозволение никогда больше не ступать

на родину.

Мне доставило труда не удержаться на этом, последнем штрихе; Т'иврел, тем временем, продолжал:

— Старший же брат (и мой родитель) тоже умер… не без помощи (правда, своей же собственной). Его подвела любовь к молоденьким красоткам. Сильно молоденьким. — Он скривился, но я чувствовала кожей, что история эта претерпела чересчур много пересказов, дабы всерьёз задевать его. — К несчастью для него, моя мать оказалась достаточно взрослой, чтобы забеременеть. Когда род её взбунтовался и потребовал объяснений, Декарта кончил дело казнью. — Проводник вздохнул и пожал плечами. — Нам, людям высокой крови, может сойти с рук многое, однако… законы есть законы. В конце концов, именно мы были теми, кто увязал и определил рамки возраста согласия. Единые рамки. Игнорировать собственные законы — преступление против Небесного Отца.

Хотела бы я спросить, с чего такая трепетная забота, если припомнить, что иные делишки Арамери мало волнуют Пресветлого Итемпаса; но вовремя придержала язык за зубами. Уж больно холодной иронией отдавал голос полукровки.

Что тут ещё скажешь?

Оживившись, Т'иврел деловито вымерял мои размеры для новой одежды для портного, коему было назначено всего через четверть часа. (Скорость его работы заставила бы взревновать мою практичную бабушку.) Потом мне устроили короткую экскурсию; и пока мы тащились по коридорам дворца, выложенным (собственно, как и сам дворец) то ли белой слюдой, то ли перламутром, то ли ещё блестящим чем-то, чьего названия я не знала, бесконечная болтовня сенешаля успела изрядно поднадоесть.

Тогда-то я и перестала вслушиваться в его речи. Наверное, внимай я с должным уважением, почерпнула бы много ценного — важные персоны дворцовой иерархии, ключевые фигуры борьбы за власть, свежие и пикантные слухи, ну, и всё такое прочее. Однако ум мой ещё не пришёл в себя, слишком много невероятного навалилось сразу. Слишком многое следовало исчислить, взвесить и разобрать. И поскольку Т'иврел из проблем был самой малою, я со спокойной совестью пропускала его пышнословие мимо ушей.

Наверное, настроение моё (и невнимательность) не укрылись от него, но, похоже, что он не возражал, не подавая, во всяком случае, виду.

Наконец мы добрались и до моих (новых) покоев. Громадные окна, от пола до потолка, тянулись вдоль одной из стен. Вид на город и мимохожую пастораль внизу — действительно, с *Небес* — захватывал дух. Я воззрилась вниз, приоткрыв рот от удивления (и непременно заработала бы нагоняй от матушки, буде она жива и здесь, со мною). Глазу людей не разглядеть, так высоко парил над землёю замок.

Тогда-то Т'иврел и сказал мне это (я почти отключилась, пытаясь переварить происходящее), и ему пришлось повторить:

— Это, — палец его коснулся отметины на лбу. Знака полумесяца.

— А? — не поняла я.

И он терпеливо повторил ещё раз, не выказывая ни малейшего признака раздражения. Испытывал ли он его вообще?

— Нам надо увидеться с Вирейном, ибо только он может нанести сигил, печать крови, на ваш лоб. Сейчас он, должно быть, уже освободился от дворцовых обязанностей. А потом, вечером, вы сможете отдохнуть.

— Но зачем?

Его взгляд в удивлении замер на мне на секунду.

— Разве ваша мать не поведала…

— Что именно?

— Энэфадех.

— Эн…*э*… что?

Нечто среднее между жалостью и ужасом отразилось на лице Т'иврела.

— Леди Киннет, обучая вас, умолчала об этом, верно? — Он продолжил прежде, чем ответ пришёл мне в голову. — *Э*нэфадех — причина появления наших сигилов, леди Йин. Никому и ночи не пережить в Небесах без печати. Убийственное решение.

Я отставила покуда в сторону мысли насчёт непривычностей новоиспечённого титула, коим меня одарили.

— И в чём угроза, лорд Т'иврел?

Он поморщился.

— Просто Т'иврел, пожалуйста. Милорд повелел пометить вас знаком чистой крови. Теперь вы — дитя старшей фамильной линии. Я же — обычный полукровка.

Хмм, то ли я пропустила нечто важное, то ли это самое нечто так и осталось недосказанным. Весьма крупное *нечто*.

— Т'иврел, вы же понимаете, что сказанное вами — полная бессмыслица для меня.

— Может, и так. — Он нервно провёл рукой по волосам (выказывая наконец первый признак беспокойства). — Но объяснять, лишь терять время. А до закатной тильды менее часа.

Полагаю, ещё один из арамерийских законов, должных к соблюдению, понять бы ещё зачем.

— Хорошо, но… — Я нахмурилась. — Что же мой кучер? Он всё ещё ждёт во дворе.

— Ждёт?

— Я же не расчитывала здесь задерживаться.

Т'иврел шевельнул губами, будто бы желая высказать всё, что он по-настоящему думает, но сдержался, выговорив в конце концов:

— Не волнуйтесь. Его наградят за причинённые неудобства. Я пошлю кого-нибудь к нему. Его услуги вам больше не потребуются, у нас достаточно прислуги.

На этих-то я насмотрелась по дороге: безмолвные, во всём белом, фигуры, деловито и торопливо снующие по коридорам и залам Небес. Ещё подумала, мол, на редкость непрактичный цвет для уборщиков, впрочем, не мне, гостье, здесь распоряжаться. Однако твёрдо решила стоять на своём:

— Этот человек объездил со мной весь континент. — К горлу подкатил ком раздражения,

но я старалась сдержаться. — И он, и лошади его порядком устали. Разве он не заслуживает хотя бы временного ночлега? Дайте ему один из этих ваших сигилов на ночь и проводите утром. Обычная вежливость и законы гостеприимства, только и всего.

— Лишь Арамери вправе носить кровную печать. Она нестираема.

— Лишь… — Меня озарило. — Хотите сказать, здешняя прислуга… *родичи*?

Взгляд, что мужчина бросил на меня, не был… горьким. Хотя, возможно, таким бы ему надлежало быть. Он же уже сам дал мне все искомые подсказки: ранг сенешаля, бродяга-папаша… Высокопоставленный *слуга*. Но слуга есть слуга. Арамери, как и я, но бастард, незаконорожденный, и родители его не были скреплены узами брака (а строжайшему Итемпасу не по нраву беззаконие). И отец его никогда не числился в фаворитах Декарты.

Будто читая мои мысли, Т'иврел сказал:

— Как и говорил милорд, леди Йин… долг всех потомков Шахар Арамери — служить. Так или иначе.

Слишком много недосказанного таилось в его словах. Сколько наших родичей, покинувших

отчие края, возможно, прибивались сюда? И что, единственный их удел — чистить овощи да натирать полы шваброй? А сколькие родились здесь и никогда не покидали этих стен? Были ли те, кто пытался сбежать и что с ними сталось?

И мне стать одной из них, разделить судьбу Т'иврела? Навсегда? Отныне и вовеки?

Ха, ну уж нет. Т'иврел в сравнении со мной — мелкая сошка. Какая с него угроза наследничкам, борющимся за власть? Я же — иное дело. Мне так не свезти.

Меж тем, сенешаль дотронулся до моей руки (надеюсь, то был знак сочувствия):

— Нам неподалёку.

* * *

Казалось, что на верхних уровнях Небес окна тянулись повсюду. Коридоры, даже потолки — все из прозрачного стекла и хрусталя, правда, для обзора предлагались лишь небо да округлые дворцовые шпили. Солнце ещё не село — за последние минуты нижняя кромка рдеющего за окнами кругляша лишь слегка коснулась горизонта, — но Т'иврел сразу взял куда более быстрый шаг, чем прежде. Я повнимательнее присмотрелась к прислуге, покуда мы шли. Есть ли в нашем облике

что-нибудь сходное, фамильное? Кое-что было: многие щеголяли зелёными глазами, схожими чертами лица (я-то, по большему счёту, пошла в батюшку). Цинично звучит, но, может, у меня просто разыгралось воображение. Кроме того, большинство из них были столь же непохожи, как мы с Т'иврелом, хотя, по преимуществу, казалось, они схожи с Амнами; ну, или с какими-нибудь сенмитскими племенами. И татуировка горела на лбу у каждого (я и раньше замечала её, но не придавала особого значения, полагая, что это дань очередной местной моде). В основном, простая чёрная полоска; реже — треугольник или четырёхгранник «алмазного наконечника».

Мне пришлись не по душе их взгляды, то и дело бросаемые на меня: мельком вскинутые головы, лёгкий налёт осознанности и снова прежнее безучастие.

— Леди Йин. — Т'иврел, заметив, что я отстала, приостановился в паре шагов впереди. Амнийские предки наградили его длинными ногами. Меня сей дар миновал, да и денёк выдался не из лёгких. — Пожалуйста, поторопитесь, у нас мало времени.

— Ладно, ладно, — устало согласилась я, порядком растеряв за время вежливость.

Но он не двинулся с места, словно задеревенев, спустя секунду я увидала, куда направлен его остановившийся взгляд — в конец коридора, куда мы и шли.

А выше, над нами, стоял человек. Мужчина.

Оглядываясь назад, я зову его человеком, ибо им в то время он казался мне. Выше, в смысле, на балкончике, выходящем на коридор, обрамлённый изящной потолочной аркой. Полагаю, там проходил ещё один, перпендикулярный нашему, коридор, которым и перемещался незнакомец; он так и замер в полоборота, казалось, лишь на секунду прервав шаг. К нам была повёрнута лишь голова. Лица я не видела из-за игры теней, окутывавших смутно виднеющуюся фигуру, но кожей чувствовала тяжесть чужого взгляда.

В отчётливо ощутимом медленном размышлении он опустил руку на перила балкона.

— Что такое, Нахья? — донёсся до нас женский голос, слабо прокатившись эхом по коридору. Мгновением спустя появилась и его хозяйка собственной персоной. Её я разглядела четко, в отличие от мужчины, — поразительной красоты соболиные амнийские кудри, аристократичные черты лица, царственная грациозность стана. По волосам я и узнала её: та самая незнакомка,

что сидела рядом с Декартой в Салоне. Платье на ней было из тех, что предпочитают носить лишь амнийки (да и подходит оно лишь им) — длинное, прямое, облегающее; тёмного, насыщенного цвета, оттенка кровавого граната.

— И на что ты уставился? — спросила она, нацелясь в мою сторону; но слова её предназначались не мне, а незнакомцу рядом. Она приподняла руку, покручивая что-то в пальцах; приглядевшись, я различила изящную серебряную цепочку. Извиваясь, она болталась у неё между пальцев, свисая вниз. И прячась вторым концом вверху, у шеи мужчины. Посаженного на привязь мужчины.

— Тётя, — с тревогой произнёс Т'иврел упавшим голосом. Что ж, теперь понятно, кто она такая. Леди Скаймина, моя кузина и соперница в будущей борьбе за власть. — Прекрасно выглядите этим вечером.

— Спасибо, Т'иврел, — ответила она, не глядя (глаза её не сходили с моего лица). — Кто она?

Пауза, приторная и неприятная. Сосредоточенное лицо сенешаля говорило само за себя — он спешно пытался выдумать более-менее правдоподобный ответ (а главное, надёжный).

Одно «но». Специфическая причуда моей натуры — на моих землях выступать в свою защиту

мужчинам позволяют лишь слабые духом женщины.

Шаг вперёд и склонить голову в уважительном поклоне.

— Йин Дарр. Вот моё имя.

Ответная усмешка — знак того, что сия догадка посетила её раньше. В этом дворце не так уж много Дарре.

— Ах, да. Кто-то уже говорил мне о сегодняшней дядиной аудиенциии. Дитя Киннет, я полагаю?

— Она самая.

Этот сочащийся безупречной вежливостью, лживый тон… В Дарре я бы уже уладила дело на ножах. Но здесь — Небеса, благословенный дворец Пресветлого Итемпаса, господина порядка и закона. Увы, но привычные мне решения здесь не пройдут. Я глянула на Т'иврела: что он предпримет? представит нас?

— Леди Скаймина Арамери, — спокойно произнёс он, к своей чести, ничем себя не выдав. Лишь глаза беспокойно скользили с моей кузины к сохраняющему неподвижность незнакомцу. Я ждала, что сенешаль представит и его, но тот смолчал.

— Ах, да. — Мне и в голову не приходило подражать тону Скаймины. Матушка пыталась (и

неоднократно) обучить меня управлять собственным голосом, дабы сохранять лицо в любой ситуации, и меж друзей, и меж врагов. Но для подобного искусства я была чересчур Дарре, и этим, как понимаете, всё сказано. — Приветствую, сестра.

— Не могли бы вы извинить нас, — Т'иврел обратился к *бывшей* наследнице мгновением позже, чем я захлопнула рот. — Я лишь показываю леди Йин дворец…

Именно в этот момент спутник кузины перевёл дыхание, издав лихорадочный выдох. Волосы его, длинные, чёрные и густые настолько, что заставили взревновать бы любого Дарре, взметнулись наперёд, скрывая лицо; рука вцепилась в перила.

— Погоди-ка, Т'иврел. — Скаймина задумчиво рассматривала спутника, потом, будто бы поглаживающим жестом, коснулась щёки того, запустив руку в водопад чёрных волос. Еле слышный щелчок, и глазу открылся разомкнутый обруч изящного, умело сработанного серебряного ошейника.

— Сожалею, тётя, — отрывисто сказал Т'иврел и, уже не скрывая страха, крепко схватил меня за руку. — Нас ожидает Вирейн, а вы же знаете, как

он ненавидит…

— Подождёт, — отчеканила Скаймина ледяным голосом. — И как я могла забыть… Т'иврел, ты же выказал себя столь полезным. Маленький послушный служка… — Она глянула на черноволосого и снисходительно улыбнулась. — Здесь, на Небесах, полным полно хороших слуг. Как думаешь, Ньяхдох?

Ньяхдох. Вот, значит, кто этот черноволосый. Это имя вызывало во мне смешанные чувства — чем-то неуловимо знакомым веяло от него. Но чем? И где я могла его уже слышать? — память отказывалась мне помочь.

— Остановись, Скаймина, — вмешался Т'иврел. — не вздумай делать этого.

— На ней нет знака, — обронила кузина. — Ты же знаешь здешние законы.

— А вам прекрасно известно, что законы здесь ни при чём! — с жаром возразил сенешаль. Но дедовой племяннице не было дела до его слов.

И тогда я почувствовала *это. Его* затруднённое дыханье. (Думаю, всё началось с этого). И воздух дрогнул. Ваза неподалёку задребезжала. С чего бы? — видимых причин не было, но я *знала*, что-то внутри меня знало: где-то на тонком плане грань реальности сместилась. Освобождая,

уступая место. Чему-то *иному*. Чему-то *пробивающемуся* сюда.

Черноволосый поднял голову и взглянул на меня. Улыбаясь. Его лицо, я видела его теперь, эти обезумевшие, безумные глаза; и вдруг осознала, что знаю, кто он есть. *Что* он есть.

— Слушай меня. — Т'иврел, его напряжённый голос давил мне на ухо. Я не могла отвести взгляд от глаз черноволосого существа. — Доберись до Вирейна. Теперь лишь чистокровным под силу приказать ему уйти, и Вирейн — один из них… Ох, ради всех демонов этого мира, *на меня*! Гляди на меня!

Он загородил меня, разрывая зрительный контакт. В ушах стоял мягкий гул, Скаймина говорила вполголоса. Звучало так, будто она отдавала инструкции, параллельно с теми, что втолковывал мне Т'иврел. Я едва слышала их обоих. *Так холодно.* Мне было так холодно.

— Лаборатория Вирейна двумя уровнями выше. Подъёмники — на каждом третьем коридорном стыке; ищи нишу между вазонов с цветами. Просто… просто доберись до одной из них, а там сама разберёшься. Дверь окажется прямо перед тобой. Шанс ещё есть, пока светло и не зашло солнце. Давай же! Беги!

Он толкнул меня; споткнувшись, я бросилась в сторону. За спиной грянул нечеловеческий вопль, будто слились воедино сотня волчьих глоток, сотня ягуаровых пастей, сотня зимних вихрей, — и все они алкали моей плоти. А потом грянула тишина, и это безмолвие было страшнее всего.

Бежать. Бежать. И я бежала. Бежала, неслась… Без остановки. Не оглядываясь.

3. Тьма

Мне отвлечься и объяснить всё подробнее? Скверная выйдет история, скверная и бьлеклая. Но мой долг — вспомнить всё, вспомнить, и помнить, помнить… ибо это единственный путь сохранить власть над воспоминаниями. Слишком много обрывков уже утеряно.

Итак.

Трое богов существовало некогда. И возжелал один изничто жить другого, а третьего заточить навеки в узилище адское. Кровью и костью были стены его, глазами — створы зарешёченные; а карою легли — сон, голод, страдания, боль и все неустанные притязания плоти смертной. И стали стражей сей твари, загнанной в тенета телесные, Арамери. Его, и божественных отродий, числом три. Но что до неволи познавшему ужас воплощения?

Ребёнком узнала я от жрецов Пресветлого Итемпаса, что падший бог есмь чистое зло. Культ его времён Трёх — зверства и насилие; последователи его — темны и дики, удел их — полночные оргии; а таинство, чтимое ими, — безумие. Ре-

шись же битва меж богов на иной лад, молвят зловеще священники, и не было б смертного рода, как есть, на земле.

Будьте же благочестивыми крошками, могли бы добавить они, или же попадёте прямиком в лапы к самому Владыке Ночи.

* * *

Я бежала от Владыки Ночи полными света коридорами. Даже сейчас, когда солнце село, стены Небес окутывало мягкое, белое свечение (таковы особенности их материала). Двадцатью шагами позади, восполняя силы, неистовал бог тьмы и хаоса. Раз, рискнув, я оглянулась: нежное мерцание холла гасло, поглощаемое теменью, столь непроглядной, что я чуть не лишилась зрения от безжалостной рези. Более я не оборачивалась.

Напрямик было не пройти. Хороший старт, давший фору, — единственное, что спасало меня допредь; да ещё то, что чудовище позади оказалось нерасторопнее смертного. Может, что-то божественное внутри всей этой тьмы и сохранило толику человеческого обличья; но, даже так, его ноги были определённо длиннее моих.

Итак, раз за разом поворачивая на каждом стыке коридоров за угол, я на полном ходу вреза-

лась в стены и, почти не притворживая, тут же давала дёру, торопливо отталкиваясь локтями. Поверьте, то было отнюдь не нарочно с моей стороны. Стены словно сами по себе вырастали из-под ног. Совладай я с постыдным страхом, сохрани рассудок, очисти разум, — может, и припомнила бы нужное направление. Как бы то ни было, на поверку, я безнадёжно заблудилась.

К счастью, где заглохли доводы разума, выручила слепая паника.

Заметив одну из ниш, описанных Т'иврелом, я бросилась туда и скорчилась, вжавшись в стену. Со слов сенешаля выходило, что мне нужно было напрячь мозги и догадаться самой, как задействовать встроенное заклятие, дабы подъёмник сработал и перенёс меня на другой дворцовый ярус. Единственное же желание, что на все лады вертелось в голове, было — ПРОЧЬ! ПРОЧЬ! ПРОЧЬ ОТСЮДА! — впрочем, магии хватило и такого скудного недоприказа.

В карете, везущей меня из Салона в Небесный дворец, шторки были приспущены. Кучер просто довёз нас до нужного места, чуть замедлил ход — кожа ненадолго покрылась мурашками — а секундой спустя уже открывал дверь; такое вот перемещение. Мне и в голову тогда не пришло,

что это заслуга магии — переместить нас в мгновение ока сквозь полмили тверди.

А теперь подобное случилось снова. Крошечный альков, тускневший по мере того, как Владыка Ночи приближался, вдруг как бы вытянулся, расползся; вход его удивительным образом сместился прочь, в то время, как я оставалась на месте. Напряжённый всасывающий полувдох, полувибрация, и меня швырнуло вперёд, словно выпалив из пращи. Стены, казалось, летели прямо в лицо; я заорала, зажмурившись и прикрывшись руками, но каменная толща свободно проносилась сквозь плоть. А потом всё закончилось.

Медленно, я опустила руки. Но не успей я собраться с мыслями (настолько, чтобы задаться вопросом — в *нужную* ли нишу я провалилась?), как в проёме замаячила детская головёнка, повертелась туда-сюда и наткнулась взглядом на меня.

— Давай же, — услышала я голос. — Поторопись. Он уже ищет тебя — и найдёт нас. Совсем скоро.

* * *

Огромное, безликое пространство открылось моему взгляду — так вот куда перенесла меня магия Арамери, пронизав плоть Небес? Мы торопливо спешили, и сколь бы я, лишившись дара речи от изумления, не оглядывалась, кругом было лишь холодное безлюдье.

— Арена, — ответил на мой немой вопрос мальчик, шедший впереди. — Кое-кто из Высокой Крови считает себя воителем. А это — их забавы. Сюда.

Я оглянулась в сторону покинутой ниши: интересно, нет ли способа перекрыть, подпереть её, что ли, да так, чтобы Владыке Ночи не было хода за нами.

— Нет, не сработает, — сказал мальчик, проследя мой взгляд (и намерения). — Но сам дворец ограничивает его власть над ночью, навроде этой. Сейчас он может охотиться, полагаясь лишь на собственные чувства. — *(Сейчас? С чем же в сравнении это «сейчас»? — подивилась я.)* — Явись ночь безлунной, опасность была бы поистине нешуточной, но сегодня он — лишь человек.

— *Человек*, значит? — резко выдохнула я, чувствуя как дрожит (дребезжит) слабеющий голос.

— Будь это не так, сейчас бы ты не бежала рядом что есть мочи, пытаясь спасти свою шкуру. — Что ж, видимо, бежала я не вполне быстро: мальчик оглянулся, ухватывая меня за руку и заставляя прибавить скорости. Мельком я разглядела его лицо — заострённое к подбородку, узкое и скуластое (из тех, что с возрастом обретают красоту).

— Куда ты тащишь меня? — Способность шевелить мозгами потихоньку возвращалась ко мне, медленно, но верно. — К Вирейну?

Он лишь насмешливо фыркнул. Арена закончилась, перейдя в запутанный лабиринт белоснежных коридоров.

— Не глупи. Нам надо затаиться.

— Но тот… человек… — *Ньяхдох*. Теперь я вспомнила, *где* слышала это имя. *И помните, детёныши, тёмной-тёмной ночью не вздумайте шептать это имя,* — сама собой пришла на ум присказка. — *Коль не хотите, чтоб вам ответили.*

— А, значит, всё же — человек, да? Всё хорошо, пока он позади. — Мальчишка ловко свернул за угол (проворный, зараза, я оступилась, догоняя и стараясь не отстать). Он бегло обшарил глазами коридор, словно ища что-то. — Да не волнуйся ты так. Я всё время удачно удираю от него.

Не самое мудрое заявление, тем паче — слышимое из уст младенца.

— Я… я х-хочу к В-вирейну. — Постаралась было добавить в голос власти, но всё впустую — мне бы хоть дух перевести, да и страх сидел ещё глубоко в подкорках.

Мальчишка остановился, но не из-за меня.

— Здесь! — уверенно заявил он, прижимая ладонь к одной из преламутровых стен. — *Atad?ie!*

И стена отверзлась.

Словно рябь пробежалась по воде. Руку паренька окутало жеумчужно-белое сияние, разошлось в стороны мерной зыбью, преображаясь в брешь — проход — дверь. А за стеной простирался странной формы проход, не столько комната, сколько *простенок*, навроде узкого лаза. Как только щель обрела размеры, довольные для нас обоих, мальчик потянул меня за собой, затаскивая внутрь.

— Что это? — ошеломлённо пролепетала я.

— Омертвевшие Небеса. Знаешь, все эти изогнутые коридоры, закруглённые комнаты… а меж ними — *иная* половина дворца. Та, которой никто не пользуется… кроме меня. — Он обернулся ко мне, блестя глазами и кривя губы в усмешке. Недоброй усмешке из разряда «ничего-хорошего-тебе-не-светит-дорогуша». — Здесь мы

и отдохнём. Но недолго.

Я попробовала для начала отдышаться и тут же ощутила подкатившую к горлу слабость (сказывалось недавнее лихорадочное возбуждение от пережитого страха). Стена в последний раз замерцала, покрывшись рябью, и сомкнулась за моей спиной, обретая прежний монолит. Я облегчённо съехала спиной по соседней (благодарность пересилила недоверие). И лишь потом позволила себе рассмотреть моего спасителя.

На вид лет девяти, но ростом лишь чуть-чуть уступая мне, тонкокостный и вытянутый (подобно стремительно растущему юному побегу). Не Амн, по цвету кожи, — но и с моей (тёмной) ничего общего; разрез глаз — как у людей с земель Тэма, резко изогнутый к вискам. Зелёные глаза эти, усталые и печальные, один в один напоминали мне собственные (да и матушкины). Никак его отцом был очередной неприкаяный бродяга-Арамери.

А он, тем временем, изучающе мерил меня взглядом. Чуть погодя расплылся в широкой ухмылке:

— Си?ех.

Два коротких слога.

— Сиех… Арамери?

— *Просто* Сиех. — Он беспечно, по-детски, потянулся, вытягивая руки над головой с почти бескостным изяществом. — Да и ты-то смотришься не очень… *большой* особой.

На полноценную обиду сил определённо не хватало.

— Иногда это весьма… полезно, — ответила устало, — когда тебя… недооценивают.

— Да, что и говорить, выигрышная стратегия. — Он выпрямился с молниеносной быстротой. Лицо приняло сосредоточенное выражение. — Станем рассиживаться на месте, и нас догонят. *En!*

Я подскочила, напуганная возгласом. Но глаза Сиеха были направлены вверх, на потолок. Секунда, и в руки ему упал жёлтый детский мячик.

Озадаченная, я перевела взгляд. Мёртвоё межнебесье расходилось на несколько ярусов вверх, ровным трёхгранным штреком. Пусто. Никаких дыр. Никаких парящих в воздухе любителей побросать игруушки.

Меня словно ожгло пугающим подозрением, я зыркнула на паренька.

При виде моей озадаченной физиономии мальчишка зашёлся смешком, бросил мяч на пол и уселся сверху, скрестив ноги. Поёрзал, устраиваясь поудобнее, — секунду мяч не двигался с места,

а затем неожиданно взмыл в воздух, зависнув в нескольких футах от каменного настила.

И тогда дитя, не бывшее ребёнком, протянуло мне руку.

— Не бойся, я пришёл не со злом, — сказало оно. — Разве я не помогаю тебе?

С недоверием озирая его руку, я вжималась спиной в стену как можно глубже.

— Знаешь, я ведь вполне мог бы водить тебя по кругу. И, в конце концов, вернуть ему.

Ещё бы. Но, помедлив, я доверилась протянутой ладони. Эта сильная хватка не могла принадлежать ребёнку.

— Нам чуток наверх, — пояснил он.

И вместе с шаром взмыл вверх, по стволу шахты. Я болталась на буксире, словно пойманный в ловушку кролик.

* * *

Есть кое-что, память моего детства. Песня. Ну же… Как оно там?.. Ах, да. *Трикстер, трикстер, хитрый лис, / Цап за солнце — и свались. / Скатишься ли посолонь? / Скроешься ли от погонь? / По излучине и вниз…*

Заметьте, разве речь шла о *нашем* солнце?

* * *

Сиех вскрыл ещё два потолка и целую стену, прежде чем доставить нас в конечном счётё на место (очередную мёртвую межнебесную клеть, по размерам — серьёзную соперницу для приёмной дедушки Декарты). Впрочем, рот от удивления я распахнула вовсе не по этой причине.

Множество сфер, схожих с нашей, свободно плавали по зале. Разномастные — всех форм, размеров и цветов, — они дрейфовали в воздухе, медленно кружась. На первый взгляд, не более чем детские игрушки, но если приглядеться — крошечные вихри танцевали на их поверхности.

Сиех маячил рядом, покуда я бродила меж его игрушек (что-то среднее между гордостью и тревогой витало на его лице). Наш жёлтый шарик завис неподалёку от центра комнаты, а все остальные завращались вкруг него.

— Хорошенькие, не правда ли? — справился у меня Сиех, пока я таращилась на крошечный красный шарик. Множество вихрей (буря?) жадно пожирали ближнюю часть полушария. Я оторвалась от зрелища и обернулась к Сиеху. Вытянувшись, он аж покачивался на носках от нетерпения. — У меня неплохая коллекция.

Трикстер, трикстер, хитрый лис, цап за солнце… Как же не украсть, такое… *хорошенькое*. До того, как рассориться, Троица породила несметное число потомства. Сиех, невероятно древнее божество, невероятно опасное оружие Арамери… и всё же я не могла заставить себя отбросить… растоптать робкую надежду, расцветающую в его глазах.

— Они все прекрасны, — согласилась я. И то была чистая правда.

Он радостно просиял и снова ухватился за мою руку — уже не с целью куда-то затащить, а как друга.

— Думаю, ты понравишься и остальным, — отозвался маленький бог. — Даже Нахье, когда он утихомирится. Много воды утекло с тех пор, как мы заполучали себе смертного, чтобы просто поболтать.

Что я слышу? Какой-то бессмысленный, дикий бред. *Другие? Нахья? СпокойныЙ?*

Сиех снова издал смешок.

— Мне так нравится разглядывать твоё лицо. Хорошая выдержка. Ты почти не даёшь волю эмоциям — это работа Дарре или твоей матери? — но зато, когда забываешь держать их под контролём, читай любой тебя как раскрытую книгу.

О том же, давным-давно, меня предупреждала и матушка.

— Сиех…

Добрая тысяча вопросов терзала меня сейчас, и я терялась, с какого же из них начать. Мимо нас прокатился, вращаясь раз за разом, один из мячей, простого зелёного цвета, лишь с яркими белыми полосками в районе полюсов. Вроде, ничего особенного, но, увидев его, Сиех безжизненно застыл. Вот тогда запоздало сработали и мои инстинкты.

Я обернулась. Лишь для того, чтобы обнаружить Ньяхдоха, стоящего позади.

Я окаменела: и тело и разум отказывались повиноваться; вот она добыча — бери и хватай! Какая-то там пара шагов. Но он молчал, недвижимый; мы лишь сверлили друг друга взглядами. Тонкий абрис странно колеблющегося лица. Блеклого, как молодая луна. Единственное, за что могла ухватиться память, — удивительная красота падшего (всё остальное словно расплывалось в тумане, теряясь в памяти, хотя я и могла разглядеть его вплоть до мельчайших деталей). Длинные волосы свободно стлались по плечам, вились будто бы по собственной воле, водопадом падали к ногам, тёмной пеленой окутывали призрачную

фигуру. Плащ — или всё же волосы? — клубился, развеваемый порывами невидимого ветра. А я всё никак не могла вспомнить, был ли он в нём на балконе. В *ту* нашу встречу.

В чертах его лица таилось прежнее безумие; нет, иное, — более безмятежное и тихое, а не та бешеная, звериная жестокость. И слабые проблески чего-то другого — но могла ли я назвать это «человечностью»?

Сиех шагнул вперёд, не так чтобы загораживая меня, но стараясь не делать резких движений.

— Ты всё ещё с нами, Нахья?

Ньяхдох молчал, не похоже было, что он вообще различает перед собой сородича. Той частью меня, что не поддалась пока оцепенению, я видела, как разлетались в стороны те из игрушек Сиеха, что крутились поблизости от обезумевшего бога. Медленное, грацизное вращение сменилось то бешеным, как у волчка, кручением, то мёртвой неподвижностью. На моих глазах один из шаров рассыпался осколками, расколовшись посередине. Бог шагнул вперёд, и ещё больше сфер утратили контроль.

Но этого единственого шага хватило, чтобы вывести меня из паралича. Я слепо оступилась, готовая сорваться в спасительное бегство, и пода-

вилась криком. Я бы заорала что есть мочи, знай, что стены расступятся по одному моему крику.

— Не смей бежать! — Голос Сиеха обрушился на меня раскалённым хлыстом. Я заледенела.

Ньяхдох придвинулся ещё ближе, настолько, что я могла различить, как его тело сотрясают, одна за другой, волны дрожи. Следующий поток заставил его болезненно изогнуться, скрючив руки. Секунду он стоял с приоткрытым ртом, борясь с самим собой.

— К-как п-предсказуемо, Сиех. — Глубокий, но вполне человеческий голос. Даже удивительно. Я, по меньшей мере, ждала звериного рычания.

Хмурый Сиех ссутулился, снова напомнив ребёнка.

— Не думал, что тебе удастся так быстро нагнать нас. — Он склонил голову набок, пристально изучая Ньяхдоха, проговаривая растянуто и медленно каждое слово, словно имея дело с недалёким дурачком. — Та же здесь, да?

— Я могу *видеть* это, — прошептал Владыка Ночи. Глаза его были прикованы к моему лицу.

К моему удивлению, Сиех утвердительно кивнул, будто бы зная, что таится за этой бредовой бессмыслицей.

— Я не смел и надеяться на иное, — сказал он

тихо. — Может, теперь ты вспомнишь, в чём наша нужда? Понимаешь? Помнишь?

Сиех шагнул навстречу безумцу, намереваясь дотронуться до его руки.

Занятая лицом Ньяхдоха, я даже не различила движений. Вспышка слепой, убийственной ярости — и горло мальчика сжала безжалостная хватка. У того не было даже шанса вырваться: рывком вздёрнутый в воздух, он задыхался, бессильно дёргая конечностями.

Потрясённая, обескураженная, я не успела даже вздохнуть, не то что — вмешаться.

А потом на меня накатила злость. Дикая злость.

Я *пылала*, охваченная гневом — и безумием (и это суть единственное разумное объяснение учинённому мною). Обнажив нож, я крикнула:

— Не сметь! Оставь его!

Кролик, угрожающий волку, вот кем я была. Но Владыка оборотился ко мне. Не иначе, мир перевернулся вверх тормашками. Он не отпустил Сиеха, но прищурился, заморгав. Казалось, безумие спешно оставило его, сменившись проблесками сомнения, более того, — удивления. То был взгляд человка, только что обнаружившего жемчужину в куче объедков и мусора. Но он

по-прежнему душил Сиеха, по капле выдавливая жизнь из мальчика.

— Пусти его! — Я пригнулась, перетекая в боевую стойку, как учила меня моя даррийская бабка. Руки тряслись — не от страха, а в бешеном, безумном, *праведном* гневе.

СИЕХ. БЫЛ. **РЕБЁНКОМ**.

— Уймись, кому я сказала!

Ньяхдох улыбнулся.

Выпад ножа последовал почти мгновенно. Лезвие вошло прямиком в грудь, пробив плоть до самой кости, — с неожиданной силой, отчего рукоять буквально выбило из рук. Бог качнулся, обрушившись на меня; мгновение, — и я попыталась его оттолкнуть. Бесполезно.

Странно, несмотря на силу, перемалывающую безумца, тело его было тёплым и твёрдым, из плоти и крови. Ещё удивительнее, — рука, что вцепилась в моё запястье железной хваткой. Мёртвой хваткой.

С ножом в сердце — и такая скорость? Он же запросто мог раздавить мне все кости!

Но Владыка просто удерживал меня на месте. Его кровь, стекавщая по моей коже, пылала ярче, чем гнев, бушевавший в моих же венах. Я вздёрнула голову, и они встретились. Наши глаза.

Мои — горящие злостью. Его — нежные, тёплые, безнадёжно усталые. *Человеческие.*

— Я так долго ждал тебя, — выдохнул бог, с окрашенным кровью хрипом. Впился мне в губы поцелуем.

И рухнул замертво.

4. Заклинатель

Свалившийся как подкошенный Владыка выпустил наконец Сиеха, но едва-едва не утянал за собой меня. Понятия не имею, почему осталась жива. Легенды, что поют о силе и мощи орудий Арамери подробно перечисляют целые армии, павшие в ужасе перед ними. Но как-то умалчивают о полоумных маленьких дикарках, давших им отпор.

Сиех, к громадному моему облегчению, тут же приподнялся на локтях. Он казался в порядке, хотя глаза его знатно округлились при виде неподвижно лежащего Ньяхдоха.

— Посмотри, что ты натворила!

— Я… — Меня трясло, да так, что и слово-то вымолвить не могла. — Я не хотела… Он бы убил тебя. Я не могла… — сглотнула ставший в горле комок — …позволить ему.

— Ньяхдох не убил бы Сиеха, — послышалось сзади.

Что? Это была последняя капля — довольно с меня незнакомцев! Я вскочила, схватившись за нож, ещё не убранный в ножны. Женщина раз-

рушила безмолвный дрейф сиеховых игрушек. В глаза, первым делом, бросался её рост, — сравнимый разве что с громадными кораблями Кена. Да и сложена она была под стать им: широкий, мощный — и меж тем на удивление изящный — костяк, без капли лишнего жира. Я бы ни за что не угадала её расы, ибо память моя не хранила сведений ни об одной, могущей породить столь адскую громадину.

Она опустилась на колени, собираясь помочь Сиеху. Того тоже трясло, но от волнения.

— Ты видела?.. видела, что она наделала? — возбуждённо затараторил он, указывая на Ньяхдоха (с лица того ещё не сошла улыбка).

— Видела, разумеется.

Поддержав пошатывающегося Сиеха, новоприбывшая обернулась в мою сторону, сощурившись. Даже на коленях, она была на голову выше, чем выпрямившийся во весь рост мальчик. Одежда простолюдинки — серая блуза, серые штаны; серый платок, прикрывающий волосы. Может, я и преувеличивала долю *«серости»* в её облике, но, после безжалостной черноты Владыки, было в её облике что-то определённо умиротворяющее.

— Нет воителя свирепей, нежели мать, защищающая своё дитя, — сказала она. — Но Сиех не

столь хрупок, как вы сами, леди Йин.

Я медленно кивнула, пытаясь загнать подальше мысль — *какая ж ты дурёха, Йин!* Да уж, логики в моих поступках было маловато.

Сиех подошёл и бережно взял меня за руку.

— В любом случае, спасибо тебе, — заметил застенчиво. Багровый синяк, в виде уродливого отпечатка ладони по горлу, блек на глазах, выцветая жёлтым.

Мы все разом взглянули на Ньяхдоха. Он осел на колени, в той же позе, что и сник (голова склонена на грудь, нож по рукоять вошёл в сердце). Испустив тихий вздох, серая госпожа подошла к падшему и выдернула нож. (Тот вышел легко, словно по маслу; странно, ведь мне показалось, что клинок застрял в кости.) Осмотрела его, покачивая головой, и протянула мне — рукоятью вперёд.

Я заставила себя забрать его (мои руки и так уже изрядно были замараны божественной кровью). Пальцы сотрясала дрожь; я подумала было, не слишком ли сильно она сжимает моё оружие. Но как только ладонь поудобнее легла на рукоять, великанша выпустила лезвие. И когда нож вернулся ко мне, я поняла: дело было не только в обильи крови; очистившись, верный

мой спутник сменил форму, став иным — более изогнутым. И более отточенным.

— Таким он подойдёт тебе лучше. — Серая госпожа торжественно склонила перед мной голову, в ответ на мой недоумённый взгляд. Бездумным жестом я вложила нож обратно в ножны на талии, совсем упустив из виду, что те не подогнаны под новую форму. (Странное дело, но тот вошёл идеально: впрочем, глянула… так и есть, те тоже *изменились*.)

— Знаешь, Закха, а вы похожи. Ну как, нравится? — Сиех прильнул ко мне, обвив руки вкруг талии и положив голову на грудь. Бессмертный он там или нет, но этот жест был настолько по-детски невинным, что у меня не нашлось сил (и желания) его оттолкнуть. Не задумываясь, я обняла его в ответ, — на что он только вздохнул, глубоко и довольно.

— Так и есть, — без тени сомнения ответила женщина. Наклонилась, всматриваясь в лицо Ньяхдоха. Позвала вопросительно:

— Отец?

Я не вздёрнулась лишь потому, что на мне повис Сиех; но моё напряжение не укрылось от него.

— Шшш… — Он успокаивающим жестом по-

гладил меня по спине. Совсем не детское вышло прикосновение, если подумать, однако беспокойство несколько поулеглось. А мгновением спустя Владыка шевельнулся.

— С возвращением, — сказал Сиех, выпрямившись и просияв яркой улыбкой. Воспользовавшись моментом, я отодвинулась подальше от падшего. Но Сиех споро поймал меня за руку, возразив горячо: — Всё в порядке, Йин. Он уже не тот. Ты в полной безопасности.

— Она не верит тебе, — сказал Ньяхдох. Он говорил, как человек, очнувшийся от глубокого сна. — Она не доверится нам сейчас.

— Это не твоя вина. — Голос Сиеха стал несчастным. — Нам надо лишь всё объяснить, уверен, она поймёт.

Взгляд, что отпустил падший, снова заставил меня вздрогнуть, хотя, казалось, что безумие действительно из него ушло. Но исчезло и то чувство — когда он держал своей рукой мою, залитую кровью, тёкшей из его сердца, и тихо шептал полным тоски голосом те слова… А ещё этот поцелуй… ну уж нет, хватит. У меня просто разыгралось воображение. Ясно как божий день, вот он, реальный Владыка, сидящий передо мной сейчас, — бесстрастный, гордый и высокомерный

ублюдок, ухитряющийся даже стоя на коленях в унизительной позе иметь поистине царский вид. Он до боли напоминал Декарту, кольнуло под грудью.

— Поймёшь?.. — спросил он.

Я не могла ответить ничем другим, кроме как ещё раз попятиться назад. Ньяхдох лишь покачал головой и поднялся, отпустив приветственный кивок женщине, которую Сиех назвал именем Закха. Пусть та и возвышалась над ним, как гора, без лишних вопросов можно было догадаться, кто в этой парочке отдаёт приказы, а кто им подчиняется.

— У нас нет времени на бесполезные игры, — сказал Владыка. — Вирейн будет искать и придёт за ней, рано или поздно. Просто пометь её, и покончим с этим.

Закха согласно кивнула и направилась ко мне. Я отступила в третий раз, душа ушла в пятки, уж больно серьзными намечались намерения, промелькнувшие в её глазах.

Сиех отпустил меня и встал меж нами, словно блоха пред собакой. Головой он едва доставал Закхе до талии.

— Это не выход. Ты ничего так не добьшься. Мы же договорились, что попытаемся склонить её на

нашу сторону добровольно.

— Сейчас это невозможно, — ответил Ньяхдох.

— Тогда что помешает ей рассказать всё Вирейну? — упёр руки в бока Сиех.

Великанша остановилась, терпеливо ожидая, когда спорщики порешат дело.

Кажется, обо мне-то и забыли… не такая уж я, выходит, и великая персона — ну, учитывая, что стою здесь и сейчас в компании аж целой троицы богов. Назвать их — *бывшими богами* — язык не поворачивался.

Лицо падшего исказилось чем-то, лишь отдалённо смахивающим на усмешку. Я снова попала в поле его зрения.

— Доложишь Вирейну, и мы убьём тебя. — И уже к Сиеху: — *Теперь* доволен?

Угроза не возымела должного действия. Должно быть, за вечер я наслушалась столько этих угроз, — одной меньше? одной больше? Я так устала, что растеряла окончательно всякий страх.

Сиех нахмурился, покачал головой, но убрался-таки с дороги.

— Мы планировали не это, — сказал он раздражённо.

— Планы меняются, — заметила Закха, в один шаг оказавшись у меня перед носом.

— Что ты хочешь сделать со мной? — спросила я. Так или иначе, но со всеми своими размерами она пугала меня меньше, чем стоящий рядом Ньяхдох.

— Я помечу ваш лоб сигилом, — ответила она. — Невидимым чужому глазу. Он помешает сработать той печати, которую намеревается поставить вам Вирейн. Вы будете выглядеть как одна из них, но на деле — останетесь свободной.

— Все они… — Меченые сигилом Арамери? Их она имела в виду? — …не свободны?

— Не более, чем мы, хотя и думают иначе, — ответил Ньяхдох. Лишь в эту секунду мне показалось, что его голос чуть смягчился, напомнив тот, ранешний. Он отвернулся. — Поторопись.

Закха согласно кивнула и коснулась моего лба кончиком пальца. Её кулаки были размером с тарелку; меня словно горящей головёшкой ожгло от одного прикосновения. Я закричала, попыталась было вырваться, но она убрала руку раньше. Дело было сделано.

Сиех, перестав кукситься, уставился на пятно и наконец кивнул умудрённо:

— Да, сойдёт и так.

— Бери её и отведи к Вирейну, — сказала Закха. Он попрощалась со мной, вежливо склонив

голову, потом отвернулась, присоединившись к Ньяхдоху.

Сиех взял меня за руку. Потрясённая, вся в замешательстве, я покорно позволила отвести себя к ближайшему мёртвому простенку. Лишь раз я мельком глянула через плечо. Лишь раз. Исключительно полюбоваться, как Владыка Ночи уберётся прочь.

* * *

Матушка моя была первейшей красавицей. Говорю это не по праву *видевшей* (стройная, и изящная, и высокая, с волосами, что солнце, затенённое облаком), не по праву её дочери. Говорю это, познав её силу. Может, во мне говорит даррийское наследие, но первейшим знаком красоты я всегда ценила силу.

Мой народ не был добр к матушке. Нет, никто не осмелился бы высказаться отцу в лицо; но, странствуя иногда дорогами Эрребейи, слышать доводилось всякое. *Амнийская шлюха. Белокостная сука.* Ей плевали вслед, когда та шла по улицам; смыть позор, отвращая путь от арамерийской скверны. Но матушка ни разу не утеряла своего достоинства, не опустилась до бесчестия своих хулителей. Она была выше этого (и лучше),

утверждал мой отец (и я бережно храню это драгоценное воспоминание, — из тех немногих, ясно отпечатавшихся в памяти).

Не знаю, почему мои мысли вернулись к этому, но уверена — у всякого действия есть умысел.

* * *

Я еле переводила дух, когда мы наконец добрались до лаборатории Вирейна (Сиех заставил меня здорово поработать ногами, когда мы выбирались из Мертвелых Небес).

Вирейн открыл дверь, раздражённо сверля нас глазами, лишь после аж третьего по счёту нетерпеливого стука Сиеха. Тот самый беловолосый тип из приёмной Декарты, вынесший мне вердикт: «не безнадёжна».

— Сиех? Какого демона… а-а. — Он посмотрел на меня, приподняв бровь. — Ясно. Меня посещала мысль, где это подзастрял Т'иврел. Солнце уже почти час как зашло за горизонт.

— Скаймина натравила на неё Нахью, — пояснил Сиех, бросив на меня предупреждающий взгляд. — Но с играми будет покончено, как только кое-кто всё уладит, верно? Здесь ты в безопасности.

Очередь за мной, не так ли?

— Там было то, о чём предупреждал Т'иврел. — Я торопливо оглянулась, буравя коридор якобы полными страха глазами. Не так уж и трудно было притвориться испуганной.

— Скаймина дала бы ему конкретные параметры, — сказал Вирейн. Полагаю, так он пытался меня подбодрить. — Она знает, на что он способен в подобном состоянии. Его излюбленную тактику. Проходите, леди Йин.

Он отошёл в сторону, пропуская меня внутрь. Я замерла на пороге, но не оттого, что все мои кости зверски ныли: я никогда не видела ничего подобного. Длинная, овальной формы комната. По бокам — окна во всю длину стен, от пола до потолка. И двойные ряды рабочих столов, схожих, как близнецы; на каждом — книги, склянки, и прочие, доселе неизвестные мне, непонятные, вроде инструментов, штуковины. Вдоль дальней стены несколько клеток с кроликами и птицами. А прямо по центру, на невысоком постаменте, — огромная белая сфера. Полностью непрозрачная и размерами аж в мой рост.

— Сюда, — приказал Вирейн, направляясь к одному из столов. Он выбрал левый из пары стульев, стоящих рядом и приглашающе похлопал по сиденью соседнего. Я было двинулась к нему,

но потом раздумала:

— Боюсь, что вы первый, мессир. По праву преимущества: вы знаете меня, я же вас — нет.

Он удивлённо приподнял бровь, потом улыбнулся и отвесил (не без насмешки) шутливый полупоклон:

— Ах да, ну как же, совсем забыл о манерах. Извольте представиться, Вирейн, местный бумагомаратель, заведую дворцовой канцелярией. Ну, и в некотором роде ваш родич. Дальний. Боюсь, что вы порядком запутаетесь в родословной, ища моё имя. Впрочем, лорд Декарта счёл возможным оказать мне радушный приём, введя в Старшую линию Семьи. — Он постучал костяшкой указательного пальца по чёрной метке на лбу.

Бумагомаратель? Нет, *скриптор*. Значит, он один из тех амнийских учёных мужей, избравших делом своей жизни изучение божественных письмен. Но Вирейн совсем не похож на хладнокровных подвижников-аскетов, порождённых моим воображением. Моложе, много моложе, чем следовало бы (даже на пару-тройку лет младше моей матушки). Но определённо не на столько, чтобы заиметь столь белоснежную седину. Может, он, как и мы с Т'иврелом, Амн-полукровка? И кто-нибудь из его родителей смешал кровь с

чужеземцем?

— Рада приветствовать, — соблюла я вежливость. — Но не могу не задаться вопросом, какой прок дворцу в скрипторе? Чего бы ему изучать боговы свитки силы, когда живые боги носятся по здешним коридорам?

Кажется, ему доставил удовольствия мой вопрос: немногих, вестимо, заботили его труды.

— Ну, во-первых, боги не всемогущи и не вездесущи. Каждый день сотни людей в Небесах пользуются малой, бытовой, магией. Вызывай они каждый раз Энэф*а*дех, дела бы с мёртвой точки не сдвинулись. К примеру, лифт, переместивший вас на мой ярус. Или воздух… — заметили расстояние от земли до Небес? — на такой высоте он чересчур разрежен, холоден и непригоден для людей. Магия сдерживает дворец в удобстве.

Осторожно я присела на табурет, поглядывая вскользь по сторонам. На столешнице были аккуратно разложены: несколько маленьких кисточек, чернильница, скол полированного камня, испещрёный странным переплетением завитушек и ломаных линий. Порождённые их было столь неприятным, чуждым — *чужим!* — глазу, что я резко отвернулась, не вынеся диковинного зрелища. Желание это диктовалось самой сутью

вещи: то был язык богов — *сигил*.

Вирейн присел напротив, а Сиех, недолго думая, устроился и вовсе поперёк скамьи, опершись подбородком о скрещённые руки.

— С другой стороны, — продолжил Вирейн, — есть некие виды магии, где Энэф*а*дех и вовсе бесполезны. Боги есть существа, необычайно могущественные — в своей области, — но, так сказать, ею же и ограниченные. Ньяхдох бессилен днём. Сиех… — Мужчина насмешливо кивнул в сторону: юный бог одарил нас невинной улыбкой. — …натура увлекающаяся, им движет исключительно любопытство — дорвётся до интереса, покоя от него не жди. Во многих отношениях, мы, смертные, сравни нас с богами, более… кхм, скажем, за неимением лучшего… универсальны, что ли. Более *цельны*. Так, ни один их них не в силах продлить — а тем более, создать — жизнь. Простейший акт делания детишек — доступный любой невезучей харчевной подавальщице или беспечному служаке, — власть, уже тысячелетия, как утерянная богами.

Краем глаза я видела, как выцветает, бледнея, улыбка Сиеха.

— Продление… *жизни?* — Мне были ведомы толки о том, *что* на деле творят некоторые

скрипторы своим даром. *Нехорошие*, что там, — откровенно *пугающие* слухи. И внезапно меня озарило: а ведь мой дед стар. *Очень, очень стар.*

Вирейн кивнул, сверкнув глазами, словно учуяв нотку неодобрения в моём тоне.

— Это Великий Поиск наших изысканий. Когда-нибудь мы могли б достичь и бессмертия. — Он прочитал неподдельный ужас, столь явно охвативший меня, и улыбнулся примирительно: — Хотя цель эта небесспорна.

Бабушка всегда упреждающе говаривала: Амны — богомерзкие чудовища. Я отвела глаза.

— Т'иврел пояснил, вы пометите меня сигилом.

Он уже не скрывал ухмылки, откровенно забавляясь. Над маленькой, чопорной *дикаркой*. То бишь, мной.

— Уммм…хмм…

— Какая в нём сила?

— Ну, кроме всего, сдержать Энэф*а*дех от попытки убить вас. Вы же видели их возможности.

Я нервно облизнула губы. Повела рукой в смутном жесте:

— Ну… да. Я… не знаю. Они были… такие… — Как бы высказаться, да не оскорбить Сиеха?

— Распустившиеся непотребно без привязи? —

вклинился живо помянутый бог, зло сверкнув глазами. Он явно наслаждался моим замешательством.

Я вздрогнула, поморщившись:

— Да.

— Смертное тело — их узилище, — проигнорировал выходку Сиеха Вирейн. — Каждая живая душа в Небесах — их тюремщик. Волей Пресветлого Итемпаса они связаны клятвой служить потомкам Шахар Арамери. Величайшей из первосвященниц Его. Но к дню сему наследников её крови и тысячами не исчислишь… — Он пожал плечами, небрежно махнув рукой в сторону окна. Будто бы весь мир слыл уже единым родом. А возможно, скриптор просто имел в виду Небеса: они одни кольцевали ему целый мир. — Предки нашли выход, разграничив контроль. Клеймо скрепляет власть над Энэфадех — и связывает кровь вашу с родом. А кроме того, явствует ранг в семейных линиях. Я подразумеваю, что оттого слабее или сильнее ваша кровь, зависит и сила права повелевать богам.

Вирейн взял кисть, но в чернила не окунул. Взамен его свободная рука легла мне на лоб, отводя с лица пряди волос. Сердце сжалась, бешено стуча, покуда скриптор внимательно осматривал

меня. Такому доке в своёи деле да и не разглядеть метки, оставленной Закхой? На мгновение блеснула мысль, что он догадался: на полвздоха мужчина задержал взгляд (и меня словно хлыстом огрело). Но, очевидно, боги были мастерами не хуже: убрав руку, скриптор уверенно занялся смешиванием краски.

— Т'иврел пояснил, что знак несмываем, — сказала я, в основном, чтобы успокоить нервы. Чёрная жидкость по виду напоминала обычные чернила, что повсеместно используют для письма; хотя, вряд ли для сигила годился простой чернильный камень.

— Если Декарта не прикажет его удалить, то — да. Представьте, что это — татуировка, но безболезненная. Вы свыкнетесь с нею.

Увы, но перспектива заполучить себе клеймо (особенно, несводимое) не вызывала во мне должного восторга, но протестовать было чревато. Чтобы хоть как-то отвлечь себя, я спросила:

— *Э*нэф*а*дех. Почему вы зовёте богов таким именем?

Мимолётная тень хорошо знакомого мне чувства пробежалась по лицу Вирейна. *Расчёт.* Похоже, я только что частично расписалась в своём поразительном невежестве, и он, без раз-

думий, использует это при случае.

Не отвлекаясь, вскользь, Вирейн ткнул пальцем в Сиеха (тот исподтишка разглядывал вещицы, разложенные на столешнице):

— Спроси его собственноручно, если хочешь. Они сами так нарекли себя. А мы не стали менять, счёв удобным.

— А почему..?

— Мы не зовём их богами. — Вирейн слегка улыбнулся. — Иначе это было бы святотатство — против единственного истинного Бога, Отца Небесного, и тех детей его, что не предавали веры. Но не именовать же падших рабами, верно? В конце концов, кто, как не мы, объявили рабство вне закона много веков назад.

Вот за это люди и ненавидят Арамери — ненавидят по-настоящему, а не просто возмущаются главенством их власти (и готовностью с лёгкостью её использовать). Арамери — чересчур искусные лгуны (в особенности, насчёт себя и собственных грязных делишек). Более того, они упиваются страданиями своих жертв.

— Тогда почему бы вам попросту не звать их как есть? — спросила я со злостью. — Оружием.

Сиех смотрел на меня. Нарочито безучастным взглядом. Недетским взглядом.

Вирейн болезненно поморщился:

— Рассуждает, как истинный варвар, — сухо произнёс. И улыбка, коей он сопроводил слова, вряд ли могла смягчить неприкрытое оскорбление. — Вы должны понять, леди Йин, что, подобно нашей далёкой прародительнице Шахар, мы, Арамери, — прежде всего, первейшие и вернейшие слуги Итемпаса, Небесного нашего Отца. Это его Именем несём мы Свет в этот мир. Мир, порядок и просветление. — Он развёл руками. — Слугам Итемпаса нет пользы — нет нужды — в оружии. *Орудия*, разве что…

Довольно. Я слышала достаточно. Понятия не имею, каков его ранг, какой мой, — а заодно и прочие тонкости наших семейных сношений. Не знаю — и знать не хочу. Я устала, сбита с толку и порядком далеко от дома. И раз *«варварские манеры»* облегчат мне понимание, то быть посему.

— Итак, *«**Э**нэф**а**дех»* значит *«орудие»*, верно? — спросила требовательно. — А может, иным делом, попросту — *«раб»*?

— Иными словами, это значит — *«мы, те, кто помнят Энэфу»*, — подал голос Сиех. Он всё ещё сидел, подпирая подбородок кулаком. Вещицы Вирейна не изменились — зрительно, — но я была абсолютна уверена, что скрипторы ждут

милые сюрпризы. — Она была одной из убитых давным-давно Итемпасом. Дабы отомстить за неё, мы и вступили в войну с Ним.

Энэфа. Священники никогда не называли её имени.

— Предатель, — пробормотала я вслух, не подумав.

— Она никого не предала! — сорвался на крик Сиех.

Я не смогла счесть, что подразумевал Вирейн, одарив бога тяжёлым взглядом из-под низко-опущенных век.

— И то верно. Трудно назвать предательством продажу себя как шлюхи, не так ли?

Сиех зашипел, ощерившись. На миг что-то нечеловеческое — звериное и жестокое — глянуло на меня; но минутой спустя, соскользнув с места, он снова казался обычным парнишкой, правда, сотрясаемым крупной дрожью, — от бессильной, рвущейся наружу, злой ярости. Подсознательно я даже испугалась, что сейчас он выкажет Вирейну язык, но в глазах у него плескалась застарелая ненависть.

— Я посмеюсь, когда ты сдохнешь, — тихо сказал он.

Кожа покрылась пупырышками, волоски стали

дыбом от страха.

Этот зло звучащий теперь тенор был голосом не ребёнка, но мужчины. Взрослого мужчины.

— Я заберу твоё сердце к своим игрушкам, а потом заброшу его, пнув ногой, так далеко, что не найти и вовеки. А когда я наконец обрету свободу, клянусь, что открою охоту на всех твоих потомков и сотворю с ними то же, что проделали со мной.

С этими словами Сиех и исчез. Я заморгала в удивлении. Вирейн вздохнул:

— Вот поэтому, леди Йин, мы и используем кровные печати. Имейте в виду, что всё, сказанное им, пустые угрозы. Сигил не позволит ему ничего такого, однако даже у подобной защиты есть пределы. Приказ высокопоставленного Арамери (или ваша собственная глупость) может подствить вас под удар.

Я нахмурилась, вспоминая, как Т'иврел заклинал меня найти Вирейна. *Лишь чистокровные могут приказывать ему сейчас.* А сам сенешаль — как там он звал себя? — полукровка.

— Моя собственная глупость? — спросила я.

Вирейн уставился на меня жёстким взглядом.

— Их долг — незамедлительно выполнить *любое* ваше повеление, леди. А теперь подумайте

внимательно, сколько наших фраз, брошенных небрежно или иносказательно, можно толковать как приказ? При некоторой толике воображения. — Когда я нахмурилась в раздумье, он закатил глаза. — Полно! Возьмём, к примеру, любимую присказку простолюдин: «Да чтоб мне в ад провалиться!». Что, никогда не приходила на язык, в гневе? — Я медленно кивнула, он наклонился поближе. — Говорим так мы, конечно, от злости или возмущения, не имея в виду ничего особенного. А теперь повторите по слогам: «Я. Хочу. Отправиться. В. Ад.» — читай — «Отправь. Меня. Туда.».

Скриптор сделал паузу, ожидая, пока до меня дойдёт сказанное им.

Хоть я и *дикарка*, но не самая глупая.

Видя дрожь, охватившую меня, он удовлетворённо кивнул и откинулся на спинку стула.

— Просто разговаривайте с ними исключительно по делу, — сказал он. — Ну, а теперь мы… — Он потянулся к чернильнице и звучно выругался, когда та опрокинулась от одного лишь прикосновения (Сиех ухитрился подложить под дно кисть). Чернила забрызгали всю столешницу, подобно…

…*подобно…*

…а потом Вирейн коснулся моей руки:

— Леди Йин?! Вы в порядке?!

* * *

Да, так-то всё и случилось. Впервые.

* * *

Я моргнула:

— Что?

Он снисходительно улыбнулся, вернув внезапно прежнее благодушие.

— У вас был трудный день, не так ли? Не бойтесь, это займёт всего пару секунд. — Он вытер разлившиеся чернила; оставшихся в сосуде, по-видимому, должно было хватить для дела. — Не соблаговолите сделать мне маленькое одолжение и придержать немного волосы?..

Я не двигалась.

— Почему дедушка Декарта приказал мне явиться сюда? Что у него на уме? Ответьте мне, скриптор Вирейн.

Он приподнял брови, будто бы в удивлении, что я, мол, вообще задаюсь подобной-то безделицей.

— Понятия не имею. Он же не докладывает мне о каждом своём решении.

— Он что, совсем одряхлел?

Он застонал.

— Нет, ну вы и вправду настоящая *дикарка*. Он не так уж и стар.

— Тогда — почему?

— Я же только что сказал вам…

— Возжелай он меня убить, я была бы давно мертва. Просто приказал бы казнить и дело с концом. Придумать отговорку — плёвое дело. А можно ещё проще. Навроде, как проделал с моей матерью. Убийца в ночи — и яд во сне.

Кажется, я наконец смогла его удивить. Он встретился со мной глазами, а потом медлённо отвёл их в сторону. Тихим, очень спокойным, почти ледяным голосом произнёс:

— Будь я на вашем месте, не искал бы лишних ссор с Декартой и не кидался бы подобными заявлениями, не имея на то доказательств.

Ну, хоть не посмел отрицать, и на том спасибо.

— Какие ещё доказательства? Здоровая, *молодая* — в её-то сорок! — женщина не может умереть *просто так* во сне. Мы с лекарем осмотрели её тело. Небольшая метка, маленький прокол на лбу. По… — На мгновение я умолкла, отчётливо сознавая вдруг нечто, о чём никогда прежде не смела задумываться. — Похоже, по шраму, что был у неё, прямо здесь. — И коснулась

собственного лба, в месте, где в кожу должен был впечататься сигил Арамери.

Убийственно спокойный, внезапно посерьёзневший, Вирейн смотрел на меня:

— Если убийца Арамери оставил метку, видимую глазу, — и вы *ожидали* увидеть её, — леди Йин, то понимаете намерения Декарты гораздо лучше любого из нас. Почему, как вы думаете, он призвал вас сюда?

Медля, я покачала головой. Смутные подозрения терзали меня всю дорогу до Небес. Декарта был зол на матушку, ненавидел отца. Для приглашения не было никаких видимых причин. В глубине души я ожидала, что меня захватят ещё на ступенях Салона (и хорошо, если просто казнят, а не подвергнут предварительно пыткам). Бабушка боялась за меня. Будь малейшая надежда на спасение, думаю, она первой бы постаралась убедить меня сбежать, затаиться. Но от Арамери не спрячешься. Никому. Никто. И нигде.

А женщины племени Дарре не избегают мести.

— Этот знак… — сказала я наконец. — Он поможет мне выжить здесь?

— Да. *Энэфадех* не смогут навредить вам, если вы сами, по глупости, не допустите ошибки. Касаемо же Скаймины, Релада и прочей угро-

зы… — Вирейн пожал плечами. — Ну, магия не всесильна. Но способна на многое.

Я закрыла глаза, и лицо матери само собой всплыло из памяти. В десяти-? ста-? — тысячный?….ад его знает, какой раз. Она умерла, плача; и солёные дорожки её слез оставили сухие следы на щеках. Возможно, она знала, с *чем* я встречусь.

— Что ж, тогда приступим, — сказала я.

5. Хаос

В ту ночь он являлся ко мне в грёзах. Приходил в мой сон.

* * *

Пугающе душная ночь. Неестественно спёртый воздух. Небо, стянутое тёмным маревом грозовых туч.

Чуть выше линии облаков — первые проблески расцветающего рдяным рассвета. Ниже — поле боя, залитое огнями сражения. Сотни горящих факелов — меж сотни тысяч воинов. Чего-чего, а света в избыке. Подобным же, но мягким сиянием окутывает и столицу, виднеющуюся неподалёку.

(Знаю, то были не Небеса. Этот город раскинулся в пойме реки, а не на холме; и дворец врезался в сердце его, а не парил высоко над головой. И я не была собой.)

— А войск-то нагнали прилично, — слышу голос Закхи, стоящей рядом. Я знаю и её. Закхарн, богиня кровопролитных войн и бойни. Вместо привычного убруса — шлем, столь же тесно облегающий голову. А в пару к нему — блистающие

серебром доспехи с выгравированными сигилами венцом и другими, неясными глазу, знаками, полыхающими алым, как если бы их снедал тайный жар. Они что-то значат, эти слова, начертаные божественными письменами. Но их значение улетучивается. Мена терзают, словно поддразнивая, воспоминания. Воспоминания, коими я не должна обладать. Но я, в конце концов, терплю неудачу, подведённая ими.

— Вижу, — говорю я (мужским, но высоким, в нос, голосом). Я знаю, я — Арамери. Я чувствую в себе силу. Я — глава семьи. — Я расценил бы за оскорбление, приведи они хотя бы одним солдатом меньше.

— Как бы силён ни был ваш гнев, не стоит ли прежде вступить в переговоры, — спрашивает стоящая по другую руку женщина. Она прекрасна суровой красотой: волосы цвета бронзы, пара огромных крыльев, сложенных на спине (оперённые золотом, серебром и платиной, они потрясают). Кирью, также прозванная Мудрой.

Но другой «я» по-прежнему высокомерен:

— Переговоры, говоришь? Они того не стоят. Пустая трата времени. — (Не думаю, что этот «другой» нравится мне хоть на йоту.) — И что тогда?

Оглядываюсь назад, на тех, кто расположился за моей спиной. Сиех, скрестив ноги, сидит на своём излюбленном жёлтом шаре, парящем в воздухе. Поза (подперев рукой подбородок) выдаёт скуку. А за Сиехом, скрытый в дыму и тумане, ещё кто-то, еле сдерживая присутствие. Я не успеваю заметить его появление. Шаг — и уже здесь. Он смотрит на меня, и в глазах его таится смерть. Моя смерть.

Я заставляю себя улыбнуться, не желая показывать, как он выводит меня из себя.

— Ну, Ньяхдох, давно хорошенько не веселился?

Он удивлён моими словами. И это приносит мне радостное удовлетворение. Живое свидетельство моих возможностей. По лицу падшего прокатывается волна разномастных эмоций. Какое рвение. (Пугающее зрелище.) Он дрожит от предвкушения. Но приказ ещё не отдан, и он нетерпеливо ждёт.

В удивлении (но менее приятном) и другие. Сиех выпрямляется, пристально глядя на меня:

— Ты сошёл с ума?

Кирью более тактична.

— В этом нет необходимости, лорд Хейкр. Закхарн, даже меня, хватит, чтобы позаботиться о всей этой армии.

— Или меня, — вставляет уязвлённо Сиех.

Я задумчиво смотрю на Ньхдоха; и в мыслях мелькает, какие пойдут слухи, стоит только распространиться молве, что я спустил на осмелившееся бросить мне вызов отребье самого Владыку Ночи. Сильнейшее моё оружие, но я ни разу ещё допредь не видел его в деле. В стоящем деле. Любопытно.

— Ньяхдох, — говорю я. Его недвижимое спокойствие — и моя власть над каждым его вздохом — завораживают, но я знаю, что должен держать себя в руках. Я слышал передаваемое из уст в уста предыдущими главами семьи. Главное — отдать ***верный*** *приказ. Не оставляющий лазеек.*

— Ступай на поле боя и займись врагами. Не позволяй им прорваться к нам или к Небесам. Не дай сбежать выжившим. — Чуть не забыв, быстро добавляю: — И смотри, не убей меня, увлёкшись.

— И это всё? — спрашивает он.

— Да.

Он улыбается:

— Как пожелаете.

— Дурак ты, — говорит Кирью, плюнув на вежливость. «Другой я» игнорирует её.

— Позаботьтесь о нём, — говорит своим детям Ньяхдох. Он всё ещё улыбается, появляясь

на поле битвы.

Врагов так много, что я не вижу и конца им. Ньяхдох продвигается к линии фронта. Такой крошечный. Беззащитный. Человек. Смертный. Я слышу смех солдат, эхом вторящий по плоским просторам равнины. Их командиры, по центру линии, молчат. Они знают, ***что*** *он есть на самом деле.*

Ньяхдох разводит руки — в каждой вырастает по громадному изогнутому клинку. Те словно порхают в диковинном танце; мгновение, и чернеющая вдали полоса фронта разваливается, будто пронзённая стрелой. Расколотые щиты. Рассаженные доспехи. Сломленные мечи. Изломанные тела. Всё мешается в адской вакханалии. Враг мрёт десятками. Я счастливо смеюсь, радостно прихлопывая в ладони.

— Чудесно! Какое удивительное зрелище!

Вкруг меня смыкаются оставшиеся Энэфадех, в тягостном, напряжённом ожидании. Запах страха пропитывает воздух.

Ньяхдох, сея смерть и разрушение, как по маслу, проходит сквозь весь вражеский фронт, вплоть до офицерской ставки. Противостоять ему на равных — бесполезное дело. Наконец, останавливается (смертоносный круг стали очерчивается

телами неуспевших сбежать). Обзор почти закрыт; но чёрное марево ауры, кажется, вспыхивает только сильнее.

— Солнце восходит, — говорит Закхарн.

— Нет, ещё рано, — отвечает Кирью.

Сердце вражеской армии пронзает странный гул. Нет, не гул, вибрация. Навроде биения пульса, но она сотрясает всю землю вокруг.

И тогда, средь разверстых полков, вспыхивает чёрная звезда. Словами не описать, можно лишь прочувствовать. Сгусток тьмы, скольцевавшись светящейся сферой, столь мощной, что сама земля стонет и проседает под ней, покрываясь глубокими трещинами. И враг рушится ***туда****. Мне не слышны крики лишь потому, что чёрная звезда вбирает любой звук. Она вбирает тела. Она* ***всё*** *вбирает.*

Землю трясёт так яростно, что я не удерживаю равновесие и падаю на четвереньки. Вкруг меня одна только ревущая пустота, ***вбирающая*** *всё и вся. Смотрю вверх, видя, как всё вокруг, и близь, и рядом (даже воздух, осязаемый, как живая плоть) засасывает в воронку (в хищное голодное, ужасающее* ***нечто****, коим обернулся Ньяхдох). Кирью и другие, заслоняющие меня, шепчут по-своему, пытаясь совладать с ветрами*

и иными стихиями, выпущенными их отцом. И потому, на этом пятачке безмолвия, мы пока в безопасности… надолго ли? Облака над нами влекутся вниз, затягиваемые чёрной звездой. Врагов более нет, они исчезли. А всё, что осталось, земля под нашими ногами, клочок тверди вокруг и опорой воздвигшийся ниже.

Я, наконец, осознаю свою ошибку: пока дети его защищают меня, Ньяхдох свободен в желании поглотить всё. Кроме меня.

Усилием воли преодолев страх удушья, кричу:

— Д-довольно, остановись! ***ПРЕКРАТИ это, Ньяхдох!*** *— Слова теряются в завываниях ветра. Он связан магией, повелевающей — ему, и подчиняющейся — мне. Магией, более могущественной, нежели он сам. При условии, что* ***слышит*** *меня. Но мой голос слишком слаб, чтобы достичь его. Возможно, падший собрался пустить меня ко дну — или собственное могущество просто помутило ему рассудок, и теперь он наслаждается хаосом, истинной Его сутью.*

Пропасть вспыхивает, как если бы излившись расплавленной породой. Струи огненной лавы поднимаются, спиралью кружась вкруг этой адской черноты; наконец, тоже пожираются ею. И чёрная звезда растёт, всё больше и больше, сердце

Владыки, меж смерчем над и вылканом внизу, в ужасном водовороте.

И, будь я проклят, это самое прекрасное зрелище, подвластное когда-либо взору.

В конце концов, милость Отца нашего Небесного сходит на нас, спасительным даром. Клочья облаков расходятся, пропуская голубеющее небо, исполосованное блеклыми лучами света; и в ту секунду, когда камни подо мной, дрожа, готовы сорваться в пропасть, солнце краем восходит над горизонтом.

Чёрная звезда гаснет.

Что-то — обугленное, слишком жалкое, слишкое ***не-до-человеческое****, чтобы быть обозванным* ***телом,*** *— мгновение парит на месте звезды. И падает в лаву.*

Сиех, сыпля проклятиями, проносится мимо на своём жёлтом шарике, разрывая защитную плёнку. Но в той уже нет нужды. Воздух столь разряжен и горяч, что трудно дышать. Но я уже вижу, как невдалеке сгущаются грозовые тучи, готовые заполонить образовавшиеся пустоты.

Столица неподалеку… оооо… Отче, нет…

Я вижу зияющие разбитой скорлупой провалы зданий. Их так мало, что можно пересчитать по пальцам. Остальное — пожрано. Земля ушла

в провал, полный кипящей алой лавы. В месте, где стоит дворец. Нет, в том самом месте, где ***стоял*** *дворец.*

Моя жена. Мой сын.

Закхарн смотрит на меня. Она — воин; ей не к лицу выказывать презрение, бушующдее, знаю, сейчас в ней. Кирью помогает встать мне на ноги; наталкиваюсь на неё взглядом — такое же непроницаемое, стылое, пустое лицо. Но глаза говорят, это ***ВАШИХ РУК ДЕЛО****.*

И мысль эта снова и снова будет терзать меня в моём горе.

— Сиех вернёт его, — говорит Закхарн. — Хотя, на то чтобы оправиться, уйдут годы.

— У него не было права призывать такую мощь, — огрызается Кирью. — Не в человеческой плоти.

— Какая теперь разница, — говорю я, и хоть в одном-то я прав.

Земля, меж тем, всё ещё подрагивает.

Ньяхдох разрушил что-то глубинное, потаённое. Когда-то это была прекрасная страна, идеальное место для столицы всемирной империи. Лежащей теперь в руинах.

— Заберите меня отсюда, — тихо шепчу.

— Куда? — спрашивает Закхарн. Не домой же.

Дома больше нет.

Сказать бы, куда глаза глядят, но не конченый же я тупица. Эти… существа не столь изменчивы как Ньяхдох. Не столь полны ненависти. Не столь ненавистны. Но они и не друзья мне. Одной грандиозной глупости (одного безумия, одного бездумия) за день вполне достаточно.

— В Сенм, — говорю я. — Родину Амн. Там мы восстановимся. Возродимся.

И они увлекают меня. А позади ещё долго будет рушиться, проседая в море, целый материк.

6. Узы альянсов

Йин. Матушка, убитая из ревности, хватает меня за руку. Кинжал, за чью рукоять цепляются пальцы, всажен мне самой в грудь. Кровь, горячее ярости, заливает руки; матушка наклоняется ко мне, целуя в губы. *Ты мертва.*

Лжёшь, амнийская шлюха, белокостная сука. Я ещё увижу, как весь твой лживый род канет в бездну. Темнейшую из моих пучин.

* * *

Новый созыв Консорциума был намечен на следующее утро. Похоже, я угодила в самый разгар делового сезона: встречи… совещания… — день за днём, неделя за неделей — обсуждение за обсуждением торговых операций и сделок, — прежде чем уйти на длительный перерыв, до самой зимы. Т'иврел по такому случаю прибыл пораньше, с самого утра, чтобы разбудить меня. (Безусловно, дело требовало от меня изрядных усилий.) Я встала. Ноги тупо ныли, все в синяках, — от нашей с Ньяхдохом вчерашней ночной *прогулки*. Измученная духом и телом, я так и забылась, чуть

ли не вечным сном.

— Милорд Декарта присутствует, если позволяет его здоровье, почти на всех сессиях, — объяснял Т'иврел, покуда я спешно одевалась в соседней комнате. Портной усердно поработал ночью: мне доставили целую охапку одежды, приличествующей леди моего статуса. И как поработал, почти чудо сотворил! Не просто подогнал по длине в амнийском стиле, а предложил на выбор платья и юбки, скрывающие мой невысокий рост. Конечно, менее практичные, чем я привыкла, и более декоративные (не говоря уже о том, что слегка жало в самых непривычных местах). *Нелепо* — вот первое чувство. Ну, что поделаешь, не след наследнику Арамери выглядеть как *дикарка* — даже наедине с самой собой; так что я попросила Т'иврела передать портному благодарность за потраченные усилия.

В чужеземных одеяниях, с резко выделяющейся на лбу чёрной меткой, я едва узнала незнакомку в зеркале.

— В число обязанностей Релада и Скаймины заседания не входят, и увидеть их там — настоящая редкость, — продолжал вводить меня в курс дела Т'иврел. Он вошел придирчиво оценить мой наряд — я ещё вертелась перед зеркалом;

его довольный кивок, замеченный мной, означал, видимо, одобрение. — Но их знает каждый, в то время как вы — тёмная лошадка. Милорд просит вас присутствовать, в частности, ещё и поэтому: дабы все могли лицезреть его нового наследника.

Проще говоря, особого выбора мне не оставили.

Вздохнув, я безрадостно кивнула.

— Сомневаюсь, что своим видом порадую большинство дворян, — сказала насмешливо. — Адски незначительная персона, чтобы стоить чьего-то внимания. Тем паче — такой кутерьмы. Уже воображаю себе всё, что обо мне скажут. Приятного, полагаю, будет мало.

— Вероятно, вы правы, — согласился Т'иврел. Нарочито беззаботным голосом. Он пересёк комнату, якобы любуясь видом из окна; я, чертыхаясь, возилась с непослушными волосами. Обычное раздражение, если честно: те ни разу ещё не выглядели более прилично.

— Милорд Декарта не тратит впустую время, возясь с политиками, — продолжал сенешаль. — Он считает: Старшая линия выше подобного. Естественно, что по любому делу нобили спешат заручиться поддержкой Релада или Скаймины. А

теперь — и вашей.

Прекрасно. Я вздохнула, обращаясь к нему:

— Каковы шансы, что от меня отцепятся, поучаствуй я в паре-тройке скандальчиков? Может, сошлют куда-нибудь в глушь, вроде северных болот, а?

— Скорее, вероятен исход, приключившийся с моим отцом, — сказал он, пожимая плечами. — Обычная практика, коей семья справляется с… *затруднениями*.

— Ох. — На мгновение я почувствовала себя неловко — за напоминание ему о трагедии, но быстро поняла, что последнее не сильно его заботит.

— В любом случае, ваше присутствие — дело решённое. Полагаю, если ваши раздумья затянутся, во избежание лишних проблем, вас просто-напросто обездвижат и со всем почётом доставят на церемонию правопреемства. В надлежащее время, разумеется. Впрочем, насколько мне известно, именно так она обычно и проходит.

Это удивило меня.

— *Насколько вам известно?..*

— О церемонии? — Т'иврел покачал головой. — Лишь Старшая линия может присутствовать. Ни одного постороннего свидетеля уже лет сорок как,

во всяком случае, — не со времени возвышения милорда Декарта.

— Понятно. — Я решила, что обдумаю полученные сведения попозже. — Ладно, проехали. В Салоне есть кто-нибудь из дворян, кого я должна остерегаться?

Сенешаль бросил на меня кривой взгляд, и я поправилась:

— Кто-нибудь *особенный*?

— Вы узнаете это раньше меня, — сказал он. — Могу лишь предполагать, что и союзники, и враги ваши не будут терять времени и споро объявят себя. В общем-то, подозреваю, *всё* пройдёт быстро и незамедлительно. *Скорее, чем ожидалось.* Итак, вы готовы?

Ага, ну конечно. Последняя фраза требовала серьёзного разговора. *Быстрее, чем следовало бы?* О *чём* это он?

Но вопросы придётся отложить на потом.

— Готова.

Т'иврел вывел меня из комнат, и мы двинулись белыми коридорами. Комнаты мои, как и у большинства чистокровных, располагались на самом верхнем ярусе жилой части Небес; насколько мне известно, кто-то обитал и выше, в самом шпиле. На этом же уровне были ещё одни, Малые Отвес-

ные Врата (пользоваться ими — исключительная прерогатива родичей чистой крови). В отличие от Врат, ведущих во внешний двор Небес, пояснил сенешаль, эти имели гораздо больше точек перемещения; ведущих, очевидно, в ряд контор в нижнем городе. Таким образом, чистокровная знать могла вести семейный бизнес, не опасаясь причуд погоды — или не обнаруживая своего присутствия в общественных местах против желания.

Попутчиков у нас не было.

— Дедушка уже внизу? — спросила я, остановившись в преддверии Врат. Подобно Главным Вратам и дворцовым подъёмникам, пол был выложен чёрной плиткой — в мозаичном порядке, сигилом, божественными письменами. Адски схоже с громадной трещиной, затканной паутиной. Столь тревожное подобие, что я резко отвернулась.

— Возможно, — ответил Т'иврел. — Он любит быть первым. А теперь, леди Йин, помните: главное, ни слова. Храните молчание в Консорциуме. Арамери нобилям лишь советчики; единственный, кто имеет право вето — милорд Декарта. Но он не делает это слишком часто. И последнее, покуда вы там, не говорите ни с кем, даже с ним.

Просто наблюдайте и будьте *наблюдаемы*, вот и всё.

— А… представление?

— Официальное? Нет, оно будет позже. Но не беспокойтесь, вас *заметят*. Милорду и слова молвить не понадобится.

С этими словами он кивнул, и я осторожно ступила на мозаику.

Мир вкруг потерял чёткость, расплываясь в глазах, мгновение — и кошмар перехода остался позади; я обнаружила себя в очаровательной, отделанной мрамором комнате, стоящей поверх уже другой мозаики, — инскрустированной чёрным деревом. Троица служащих — на этот раз не таких удивлённых, не таких юных и явно не самого младшего звена — стояла в ожидании, дабы поприветствовать и сопроводить меня в зал. Я последовала за ними через затенённый коридор и выше — по устланному коврами подъёму, — чтобы в конце концов обнаружить себя в персональной ложе Арамери.

Декарта сидел на своём обычном месте, он даже не повернул головы, когда я вошла. По правую руку от него — оглянувшаяся и бросившая мне мимолётную усмешку Скаймина. Сцепив зубы, я принудила себя не останавливаться, не отводить

взгляд, пускай это и дорогого стоило. Я была достаточно осведомлена о сборище местных нобилей: они как раз усердно протаптывали пол, кружа по Салону и ожидая распорядителя с объявлением о начале заседания. Они *наблюдали*. Бросая на нашу ложу *совершенно случайные* пристальные взгляды. Числом поболе — *значительно* поболе — одного.

Так что я склонила перед Скайминой голову в вежливом приветствии, но вернуть ответную улыбку было выше моих сил.

Слева от Декарты столо два незанятых кресла. Логично предположив, что ближнее предназначено кузену Реладу — наши дорожки ещё не пересекались, — я двинулась было к другому. Но меня остановил жест деда — не глядя, он поманил меня рукой к себе. Ничего другого, как поменяться местами мне оставалось, — и как раз вовремя: распорядитель должным порядком уже открывал сессию.

Сегодня я куда больше, чем в прошлый раз, уделяла внимания происходящему. Говорящие чередовались по странам, начиная с населённых народами Сенм. От каждой — свой представитель (Консорциум предписывал дворянам говорить за себя и близлежащие земли). Что-то было не чисто

в подобном распорядке, но, заставь меня метать монету — орёл или решка? — я ни за что не отгадала бы ставки. Хитрость ускользала от меня. К примеру, у Небес (города) был собственный делегат, а на весь Крайний Север набиралось от силы два. Последнее, впрочем, меня не удивляло — нас и так ни в грош не ценили, — странен был сам принцип: другие города отдельным правом голоса не владели. Неужели Небеса *настолько* важны?

Тем временем, заседание продолжалось, и до меня дошло, что я попала пальцем в Небо. Стоило лишь прокрутить в голове подробности принимаемых эдиктов, кои выдвигал и поддерживал делегат Небес, и всё становилось на свои места. *И город, и дворец* — он говорил от имени обоих. Какая издевательская ирония; Декарта и так, считай, неписаный владыка мира. Консорциум — лишь прикрытие, коему свесили на шею всю паршивую, грязную работёнку, покуда Арамери могут отдыхать от подобных праздных трудов. Разве кто-то не в курсе истинного положения дел? Что толку пропихивать в этот марионеточный балаган побольше делегатов?

А может, просто ещё один способ утвердиться: мало власти, как известно, не бывает.

Меня куда больше интересовали представители моего родного Крайнего Севера. Ни с одним ни разу прежде я не встречалась, хотя, припоминаю, касаемо кого-то и поступали жалобы из Воинского Совета Дарре. Первая, Уохай Амб (думаю, последнее из имён — вроде титула или фамильной приставки), родом из крупнейшей страны на всём материке, полусонных аграрных земель, называемых Руэ, — а до союза моих родителей ещё и самых сильных союзников Дарре. С тех пор все наши послания в Руэ возвращались нераспечатаными; ну, конечно, *не ей* говорить от лица моего народа. Я заметила, как она то и дело косится в мою сторону с самого начала заседания (учитывая, что местоположение посла для подобных «гляделок» было крайне неудобным). Будь я более мелочной (и мелкой) особой, сочла бы её беспокойство забавным.

Другая северянка, Рас Анчи, дама почтенного возраста, говорила за восточные земли и ближние острова. Впрочем, говорила она не так уж много, будучи в тех летах, что недалеки от могилы (а по слухам, слегка и не в себе), — но она, одна из немногих дворян, что толпились внизу, смотрела на меня прямым взглядом почти всё заседание. Наши люди были в родстве и

блюли схожие обычаи, потому, в знак уважения, я ответила пристальным взглядом (кажется, ей понравилось). Она слабо кивнула, точнёхонько стоило Декарте отвернуться. С такой толпой зримых наблюдателей, пристально следящих за каждым моим шагом, я не смела вернуть кивок, но этот едва уловимый жест возбудил интерес.

Сессия завершилась со звонком распорядителя, прикрывшего на сегодня обсуждения. Я постаралась не выдать себя вздохом облегчения (четыре часа немого сидения были, по мне, перебором). Я уже начинала беспокойно ёрзать: мне срочно требовалось нанести пару визитов (в столовую и дамскую комнату). Тем не менее, пришлось последовать примеру Декарты и Скаймины — и встать лишь тогда, когда они сами соизволили подняться. Короче говоря, неспешный шаг, вежливое раскланивание по сторонам (и целая когорта прислужников, вьющаяся вокруг в подобии экскорта).

— Дядюшка, — сказала Скаймина, пока мы шли в направлении знакомой комнаты с мозаикой на полу, — возможно, кузина Йин предпочтёт осмотреться в Салоне? Прежде ей не приходилось сталкиваться ни с чем подобным.

Как же, уже бегу. После такого-то покровитель-

ственного тона?

— Нет, спасибо, — отказалась я, едва выдавливая улыбку. — Но я не отказалась бы поближе познакомиться со здешней дамской комнатой?

— Ох… прямо сюда, леди Йин, — тут же всполошился кто-то из служащих, шагнув в сторону и жестом предложив проследовать вперёд.

Я задержалась, замолкнув, — Декарта всё так же спокойно шёл впереди, будто наши с кузиной переговоры его ни в малейшей степени ни касались. Ну, что ж, пускай и так. Я отвесила поклон остановившейся вместе со мной Скаймине:

— Нет нужды меня дожидаться.

— Как пожелаешь, — пожала она плечами и, грациозно развернувшись, поторопилась нагнать деда.

Слуга провёл меня вниз, в город, длинным — и долгим — коридором (а может, мне лишь показалось, что долгим, — мочевой пузырь настойчиво требовал опорожниться). Наконец мы добрались до конца — двери с надписью на сенмитском *«Приватно»,* читай, «для самых больших шишек во всём Салоне». Последнее, на что меня хватило, хлопнуть дверью (желательно — не с недостойной Арамери скоростью), вваливаясь в комнату (и кабинку).

Утряся с делами, я занялась адски сложным процессом. А проще, мучилась, пытаясь утянуть в прежнем виде свои новые амнийские одеяния. Меня потревожил звук открывающейся внешней двери. *Скаймина*, подумала я мрачно, безжалостно давя в зародыше прихлынувшее раздражение и лёгкую тень тревоги.

Каково же было удивление, когда, выйдя из кабинки, я обнаружила рядом с рукомойником Рас Анчи. Очевидно, поджидающую меня.

На мгновение мне пришло в голову разыграть смущение, но я отбросила эту идею. Глубокий поклон и простое приветствие на *нирва* — северном диалекте, коим пользовались задолго до появления Арамери (и насаждённого ими сенмитского наречия):

— Доброго дня вам, *тётушка*.

Она улыбнулась, выказав почти беззубый рот. Но голос её не ослабел ни на йоту.

— И вам того же, — сказала она тем же наречием, — пусть я и не ваша тётушка. Вы — Арамери, я же — ничто.

Я вздрогнула прежде, чем успела взять себя в руки. *Кому только осмелиться высказать такое? Сказать Арамери? Знать не хочу.* Дабы сгладить неловкость, я прошла мимо к умываль-

нику, открывая воду.

Её наблюдающий взгляд отразился в зеркале.

— У вас не материнские глаза.

Я нахмурилась. О чём это она?

— Мне уже говорили.

— Нам было запрещено общаться с ней или вашими людьми, — тихо сказала она. — Мне и Уохай, и её предшественнице. Предостережение пришло из Консорциума, от Распорядителя, но истинный благожелатель?... — Она улыбнулась. — Кто знает? Я просто подумала, что вы хотели бы это знать.

Такое чувство, что разговор плавно перетёк в другое русло. Вымыв руки, я взяла полотенце и обернулась к ней.

— У вас есть, что сказать, почтенная родственница?

Рас уклончиво пожала плечами и, развернувшись, направилась к двери. В повороте ожерелье её сверкнуло в солнечных бликах. Что-то вроде непарной подвески: наподобие крошечного золотого ореха или вишнёвой косточки. Прежде она ускользала от взгляда, наполовину скрытая на цепочке, спускающейся к груди. Одно из звеньев, зацепившись за одежду, и утянуло вверх, за собой, кулон. Так, что я смогла его разглядеть.

И мой пристальный взгляд больше притягивала эта вещица, чем её носительница.

— Мне нечего сказать вам кроме того, что вы и так знаете, — чётко проговорила она, собираясь выйти. — Если ты — Арамери, разумеется.

Я нахмуридась.

— А если нет?

Посол остановилась у самой двери и, развернувшись, одарила меня взглядом. Очень проницательным взглядом. Бездумным жестом я резко выпрямилась. Не изменит ли она мнение? Отчего-то её присутствие обязывало меня выглядеть… соответствующе.

— Если же ты не Арамери, — сказала она, с минуту помолчав, — тогда наш разговор ещё не окончен. — И вышла.

Обратно я возвращалась в одиночестве, чувствуя себя как никогда ни к месту. Здесь, в Небесах.

* * *

Я получила в своё распоряжение три удела, тем же полуднем объявил Т'иврел, поспешив наверстать пробелы в моих знаниях о жизнеустройстве Арамери.

И каждый из них размерами поболе моего

родного Дарра. В паре, разумеется, со сведущими правителями, прекрасно знающими своё дело. Читай — мне со своим носом и соваться туда не след. Да и зачем? Регулярные сборы за привилегию иметь надзор в моём лице (сомнительно, что сугубо доброй волей), бесспорно, пополняли с сего дня карман на кругленькую сумму. Я и меньших-то денег в руках отродясь не держала.

Не обошлось и без магии: также мне был дарован серебряный шар; один приказ — и мне являлось чьё-угодно лицо, только пожелай. Особенный стук — и уже собеседник зрёл бы моё парящее в воздухе лицо (словно я не я, а какой-то безглавый дух). Прежде мне уже доводилось получать сообщения таким манером — к примеру, тот же дедушкин приказ явиться в Небеса, — и они адски раздражали.

Что ж, это хотя бы позволит сообщаться с управителями моих новых земель при случае.

— Я бы хотела как можно скорее договориться о встрече с кузеном моим, лордом Реладом, — заявила я после того, как сенешаль покончил с демонстрацией возможностей моей новой заботы. — Не знаю, будет ли он дружелюбнее сестрицы… неплохо уже и то, что он пока ещё не пытался отправить меня на тот свет.

Мысль эта в самом деле успокаивала нервы.

— Ждите, — пробормотал Т'иврел, ничего не обещая напрямую.

Да, звучит маловероятно. Однако кое-какое подобие стратегии вертелось в голове, и мне не терпелось прибегнуть к нему. Проблема в том, что я не знала правил игры в этой гонке за наследием Арамери. Как может кто-то «победить», если Декарта самоустранился от выбора? Ответ знал Релад. Вопрос — поделится ли он им со мной? Особенно, если мне нечего предложить взамен?

— Так или иначе, пошлите, будьте добры, ему приглашение, — решилась я окончательно. — Тем временем, полагаю, было бы разумно пообщаться и с другими, влятельными персонами во дворце. Есть ли подходящие кандидатуры?

Т'иврел задумался, а потом развёл руками:

— Вы уже встретились со всеми, кроме Релада.

Я, раскрыв рот, с удивлением уставилась на сенешаля:

— Да быть того не может!

Он грустно усмехнулся:

— Небеса, леди Йин, при всех своих размерых, не столь велики, как кажутся. Есть, конечно, и иные чистокровные, но большинство попусту тратит время на всяческие праздные капризы. —

Лицо его закаменело — холодной, отстранённой маской; я, замерев, вспомнила серебряные цепь и ошейник, на котором держала Ньяходоха Скаймина. Меня не удивила её порочность — меж этих стен о ней ходили куда более жуткие слухи. Поражало то, с какой смелостью кузина вздумала вести подобные игры с этим… чудовищем.

— Некоторые чистокровные, полукровки и квартероны, — продолжил сенешаль, — ведают интересами семьи за пределами дворца. У большинства из них нет и малейшей надежды заслужить *особую* благосклонность милорда Декарты; он давно уже всё прояснил, твёрдо назвав наследниками детей своего брата. К чему бесполезные хлопоты? Здешние же придворные, по большей части, — педанты и подхалимы, с внушительно звучащими должностями и прискорбно малой реальной властью. Мидорд откровенно презирает их, так что вам лучше поберечься от лишних встреч с ними. Ну, в остальном… слуги. Одни слуги.

Я взглянула на него.

— Некоторая прислуга полезнее хозяев.

Губы Т'иврела расплылись в ясной улыбке:

— Как я уже говорил, леди Йин, вы знакомы со *всеми значительными* людьми. Но я буду рад

организовать для вас встречу с кем угодно.

Я потянулась (мышцы ныли, жёстко стянутые одеждой, после часов недвижного сидения в Салоне). И тут же заработала приступ острой боли; синяки напомнили, что для беспокойства хватает и вполне земных причин.

— Благодарю, что спасли меня, — сказала я.

С тенью иронии Т'иврел усмехнулся (но выглядел польщённым):

— Ну, вы же сами подсказали… полезно иногда иметь влияние в… определённых кругах.

Я склонила голову, безмолвно признавая долг.

— В любом случае, если то будет зависеть от меня, можете просить помощи в чём угодно. Не стесняйтесь.

— Как вам будет угодно, леди Йин.

— Йин.

Сенешаль колебался.

— Кузина, — наконец решился он на подмену и послал улыбку через плечо, покидая комнаты.

И в самом деле, прирождённый дипломат. Полагаю, в его положении — это единственное, что остаётся.

Я двинулась было из гостиной в спальню, но замерла на пороге.

— Думал, он уже никогда не уберётся, — заявил

Сиех, с ухмылкой восседая прямо посередине постели.

Медленно дыша, я сделала глубокий вдох.

— Доброго дня, лорд Сиех.

Надувшись, он плюхнулся на живот и состроил обиженное лицо, уместив скрещённые руки под голову.

— Ты не рада меня видеть.

— Мне крайне интересно, что такого особенного я сотворила, дабы заслужить божественное внимание. Тем более того, кто отвечает за игры и проделки.

— Я не бог, помнишь? — Он нахмурился. — Обычное *орудие*. Более подходящее определение, чем ты думаешь, Йин, — и адски болезненное для Арамери. Они от ярости так и пашут, едва заслышав это. Неудивительно, что тебя называют дикаркой.

Я присела на рабочий стул рядом с кроватью.

— Матушка частенько поговаривала, что я изрядно туповата, — сказала вполголоса. — Так зачем вы здесь?

— А нужна причина? Может, мне просто нравится обретаться от тебя неподалёку.

— Сочла бы за честь, будь это правдой, — сказала я.

Он рассмеялся, высоко и беззаботно.

— Это правда, Йин, хоть верь, хоть нет. — Он вскочил и запрыгал по простыням.

Хмм, а пробовал ли кто-нибудь его отшлёпать? Хотя бы изредка.

— Но..? — В существовании *«но»* я была уверена. Абсолютно.

После третьего прыжка он остановился и оглянулся, изогнув губы в лукавой улыбке:

— Но это не единственная причина моего визита. *Другие* прислали меня.

— Для чего?

Он спрыгнул с кровати и, подойдя к стулу, упёрся руками мне в колени, заставляя наклониться. Он всё ещё улыбался; но было в этой улыбке что-то трудноопределимое… вовсе не детское. *Совсем не детское.*

— Релад тебе не подмога.

Живот свело в тревоге. А не подслушивал ли Сиех всё это время наши с Т'иврелом беседы? Или все мои тщетные потуги выжить столь очевидны? Болезненно очевидны.

— Вы уверены?

Он пожал плечами.

— А почему нет? Ты же бесполезна для него. Просто Релад по уши погряз в играх со Скайминой,

ему не с руки отвлекаться. Час — правопреемства, имею в виду, — на носу.

О том я и подозревала. Можно подумать, была иная причина притащить меня сюда. Оттого, вероятно, семья и держала под рукой скриптора (ведавшего и нотариатом), кабы Декарта не помер невзначай, спутав планы. Вполне себе весомая причина и для другого — отправить на тот свет заодно и матушку, после двадцати-то лет свободы. У деда не так уж много времени связать концы с концами.

Внезапно Сиех взобрался в кресло, ко мне на колени, крепко обхватив те своими. От неожиданности я вздрогнула — и потом ещё раз, когда он, обрушившись всем весом, прижался ближе (и теснее), опустив голову на моё плечо.

— Какого ты?!..

— Пожалуйста, Йин, — прошептал бог.

Я чувствовала, с какой силой сжимают ткань рубахи обнимающие меня руки. Подобно тому, как отчаявшееся дитя ищет простого тепла. Ну, что тут поделаешь? Я и не заметила, как гнев подевался сам собой. Сиех вздохнул и прижался сильнее, словно наслаждаясь моим молчаливым присутствием. Приветствием.

— Просто позволь мне немного побыть так.

Словом, так я и сидела, не зная, то ли дивиться, то ли сомневаться.

Думала, уже заснул, когда он наконец пробормотал:

— Кирью — сестрица Кирью, наш лидер, за неимением другого, — приглашает тебя.

— Зачем?

— Ты ищешь союзников.

Я подпихнула его в бок, и он, отлипнув, уселся мне на колени.

— О чём это ты? Никак себя предлагаете?

— Может быть. — И зыркнул хитро туда-сюда. — Узнаешь, когда встретишься.

Я сузила глаза в самом грозном — ну, я надеялась, — из своих взглядов.

— Зачем? Та же сам утверждал, что я бесполезна. Что вы надеетесь получить от союза со мной?

— В… у тебя есть кое-что важное. — сказал Сиех, посерьёзнев. — Кое-что, что мы могли взять силой, — но для нас это не выход. Мы не Арамери. Ты выказала себя достойной уважения, и поэтому мы *просим*, надеясь на твою добрую волю.

Я не спрашивала, *чего* они хотят. То был их козырь, тщательно приберегаемый до встречи со мной наедине. Меня снедало бешеное любопытство — и возбуждение, ибо он был прав. При

всех прочих *Энэфа*дех — на редкость могучие (и хорошо осведомлённые) союзники. Пускай и спутаные по рукам и ногам. Но я покуда не решалась высказаться со всем рвением и пылом. Сиех далеко не наивный ребёнок, каковым успешно прикидывается. И тем паче не так нарочито безучастен, как делает вид.

— Я рассмотрю вашу просьбу, — сказала я самым величественным тоном, что смогла из себя выдавить. — Пожалуйста, передайте леди Кирью, что дам ответ не позже, чем в три дня.

Сиех рассмеялся и, спрыгнув с меня, вернулся на кровать. Свернувшись клубком, он улыбнулся:

— Кирью готова была *презират*ь тебя. Думала, ты тут же уцепишься за выпавший шанс, а теперь ей самой придётся побеситься в ожидании!

— Альянс, заключённый в страхе или спешке, недолговечен, — твёрдо сказала я. — Мне нужно время всё обдумать, прежде чем рисковать. В моём положении у меня нет права оступиться, сделав неверный шаг. Не *вам* ли, *Энэфа*дех, не знать этого?

— Понимаю, — согласился Сиех, — но Кирью благоразумна, в отличие от меня. Она делает то, что считает мудрым. Я же — то, что весело. — Он

пожал плечами, потом зевнул. — Могу я иногда спать здесь, с тобой?

Я открыла было рот, но вовремя спохватилась. Паршивец столь хорошо играл в невинного ребёнка, что я едва не ответила безотчётным согласием.

— Не уверена, что это будет правильным… *приличным,* — сказала наконец. — Вы много старше меня, однако, определённо, несовершеннолетни. В любом случае, подобное грозит скандалом.

Его брови взлетели к самому лбу. Затем он расхохотался, перекатившись на спину и замотав головой. Смеялся он долго. Настолько, что стало слегка раздражать. Я встала и вышла к входной двери, вызвать слугу и заказать обед. Две порции. Из вежливости, хоть я и не знала, что едят боги (или кто там он ещё) — и едят ли вообще.

Когда я вернулась, Сиех уже успокоился. Сидя на краю кровати, он задумчиво рассматривал меня.

— Я мог бы быть старше, — предложил еле слышно. — Если ты так хочешь, конечно. Мне не обязательно быть ребёнком.

Потрясённая, я молча смотрела на него, не зная, какое чувство возьмёт верх. Жалость или тошнота. Или оба сразу.

— Я хочу, чтобы ты был собой, — выдавила с трудом.

На лице его стыла мрачная уверенность.

— Невозможно. Пока я здесь, в этих оковах. — Бог коснулся груди.

— Се… — Нет, не хочу звать их *семьёй*. — Остальные… кто-нибудь просил тебя… *быть старше?*

Он ухмыльнулся. Страшно и невесело. *Далеко не по-детски.*

— Как правило, наоборот, — *моложе*.

Тошнота взяла верх. Я прикрыла рот и, резко отвернувшись, согнулась, борясь с приступом рвоты.

Не бери в голову, что там болтала Рас Анчи. Никогда не стану Арамери. Никогда не назову себя Арамери. *Никогда.*

Сиех вздохнул и, подойдя ближе, успокаивающе обнял со спины, ткнувшись головой в плечо.

Не понимаю этой привычки постоянно дотрагиваться до меня. В общем-то, ничего такого, но хотела бы я знать, к *кому* он прижимается, когда меня нет поблизости. И какова цена этой… *ласки*.

— Я был древним, когда твой род — первый среди многих — познал речь и возжёг огонь, Йин. В сравнении с этим всё, что бы ни пришло им в

голову, — пустячные мелочи.

— Это не относится к делу, — отрезала я. — Ты всё ещё… — Я мучительно пыталась подобрать подходящее слово. *Человек* мог бы счесть это и осокорблением.

Он покачал головой.

— Лишь смерть Энэфы причиняет мне боль; ни одному смертному такое не под силу.

И тут весь дворец вздрогнул от прокатившегося глубокого, гулкого, глубинного звука, отозвавшегося во мне дрожью. Кожу закололо, в ванне что-то загремело. А потом всё стихло.

— Закат, — пояснил Сиех счастливым голосом. Он выпрямился и подошёл к одному из окон. Небо на западе, затянутое слоистыми облаками, полыхало всеми оттенками алого.

— Отец возвращается.

А он уходил? И куда? — поневоле задалась я вопросом. Хотя, в первую очередь, думать надо было о другом.

Чудовище из моих кошмаров. Зверь, охотившийся на меня меж стен. *Отец* Сиеха.

— Он пытался убить тебя вчера, — сказала я медленно.

Сиех пренебрежительно качнул головой и хлопнул в ладоши, заставив меня подпрыгнуть.

— *En. Naiasouwamehikach.*

Монотонная тарабарщина, нараспев, ритмично прочитанная, — и в ту же секунду, пока гас последний звук, мои чувства преломились. Я узнавала каждый слог из слабых отголосков, разлетающихся меж стен комнаты. Разлетающихся. Налагающихся. Перекрывающих друг друга. Звук скользил в воздухе (я чувствовала это кожей). Через пол — и в стены. Сквозь опорную колонну, подпирающую Небеса. А по ней — вниз, в землю.

Звук влёк, будто земля переворачивалась, словно сонный ребёнок. Будто мы мчались вкруг солнца — годовым циклом. И тут круговорот звёзд, охватывающих нас сияющим полукружьем, стремительно завершил оборот.

Я удивлённо заморгала, обнаружив, что комната никуда не исчезала. Потом пришло понимание.

В годы зарождения скрипторики как искусства (и науки) первые из мастеров её загадочно гибли, один за другим. Покуда речь на сигиле не оказалась под запретом. Дозволялось лишь письмо. Удивительно, как они вообще пытались *говорить* на нём.

Язык, смысл коего кроется не только в строе фраз, произношении и тональностях. Более того

— от сопряжения времени и места во вселенной, в ту или иную секунду. Как скрипторы представляют себе его изучение? Как они *помыслить* могли его освоение? Сие не подвластно смертным душам.

Сиехов жёлтый шарик возник из ниоткуда и прянул тому прямо в руки.

— Ступай и следи, найдёшь меня позже, — приказал бог, подбросив мяч. Тот отскочил от ближайшей стены и снова будто бы испарился.

— Я передам сказанное тобой Кирью, — сказал Сиех, направляясь к стене за кроватью. — Подумай над нашим предложением, Йин, но не мешкай, ладно? Время бежит быстро для твоего рода. Декарта, знаешь, долго не протянет, ты и глазом моргнуть не успеешь.

Он обратился к стене, и та разверзлась ответно, явив узкий проход в подмертвье. Мгновение, и твердь сомкнулась за его спиной. Последнее, что я видела, — лёгкая улыбка, промелькнувшая на губах юного *Э*нэф*а*дех.

7. Любовь

Как странно. Только сейчас я понимаю, вся история эта — ни что иное, как семейная грызня. Не более, чем стравление одних с другими.

* * *

Из моего окна в Небесах, кажется, можно разглядеть все Сто тысяч Королевств. Заблуждение, что ни говори; я, конечно, знаю, скрипторы давно доказали, земля — круглая. Но всё же так легко это представить. Слишком много огней перемигивается друг с другом, подобно звёздам.

Некогда народ мой славен был и знаменит бесстрашными своими зодчими. Мы высекали города наши по склонам горных террас и воздвигали храмы так, дабы чертить карты звёздных путей и месяцесловы… Но никогда, никогда ни под силу было бы нам сотворить нечто, подобное Небесам. Да и Амн не справились бы, не будь власти у них над пленёнными богами. Но не в том их высочайшая провинность — глазами Дарре. Не в том их грех — и беда.

Богохульство — корень всех зол.

Святотатственно разорвать узы с землёю и взирать на ту сверху вниз, равно божество. Кощунственно. И более того — погибельно.

Нам не быть богами. Никогда, доныне и впредь. Но проще простого — стать чем-то меньшим, чем человек, чем люди. Недочеловеком. Нечеловеком. Нелюдью.

Отвратительная в своей простоте перспектива.

Тем не менее… Я не могла ни впитывать в себя этот вид. Не ценить красоту — выше моих сил. Даже если она — суть зло.

Я устала. Очень устала. Пребытие в Небесах — пусть и менее дня — полностью перевернуло мою жизнь с ног на голову. По сути, я мертва для Дарра. Для Дарре. Ни наследия, ни наследников. Совет, очевидно, выждав время, изберёт другого вождя, другого *эн'ну*. Иную деву, иного рода. Какое разочарование для бабушки! — впрочем, ни более того, чего она опасалась с самого начала.

Я не мертва, но я — Арамери. А это почти равнозначно. Одинаково паскудно.

Будучи Арамери, у меня даже права нет быть более благосклонной к земле моих предков и покровительствовать всем равной мерой. Конечно, я ещё и не начинала… *службы*. Как только Т'иврел и Сиех отбыли, я немедленно связалась

с каждым из новых своих протекторатов и *предложила* — прекрасно сознавая, что пожелание наследника Арамери не есть просто пожелание — рассмотреть вопрос о возобновлении торговли с Дарром.

Что вы, разумеется, никакого торгового эмбарго — официального, по крайней мере; просто *обычные* неурожаи да голод — год за годом, со дня бегства матушки от Арамери.

Конечно, мы могли попытаться обжаловать запрет Консорциума (или втихую обойти его). Но, вместо того, каждый из народов, надеясь снискать благосклонность правителей, просто вычеркнул существование Дарра из памяти. В одночасье все контракты сказались разорванными, денежные обязательства — отметёными, судебные иски — отклонёными, даже контрабандисты — и те, словно по мановению руки, забыли к нам дорогу. Изгои. Отверженные. Парии. Вот кем мы стали.

Итак, самое малое, что я могу сделать со своим *приобретением*, со всей свалившейся мне на голову властью Арамери, мало-помалу расправиться хотя бы с частью замыслов.

Что до остального… ну, что ж. Стены Небес — полы, коридоры — путаный лабиринт. Пол-

ным-полно мест, дабы надёжно скрыть тайны матушкиной гибели.

И я разыщу их все. Одно за другим.

* * *

Я хорошо спала — первой ночью в Небесах. Измотанная свалившимися на меня потрясениями, набегавшись на всю жизнь вперёд, я даже не помнила, как забылась тяжёлым сном.

На вторую же дрёма упрямо не шла. Я ворочалась с боку на бок. Чересчур мягкая постель. Чересчур большая (я заняла от силы четверть кровати). Оставалось лишь бессонными глазами поглядывать на мягко светящиеся стены и потолок (отчего в комнате было почти так же светло, как и днём). Что ж, Небеса — живое воплощение Пресветлого, никакой тьме здесь быть не дозволено — замыслом Арамери. Но, ад меня побери, как же засыпают другие мои достопамятные родственнички?

Наконец, вдоволь наворочавшись с боку на бок (часы, как мне показалось), я чудом впала в полуабытьё; но вот беда — взбудораженные мысли униматься не желали. В наступившей тишине я могла свободно обдумать всё, приключившееся со мной за последние дни; задаться вопросом

— как там семья и друзья в Дарре? — и всласть потревожить себя надеждой, а выживу ли я вообще в здешнем-то Маальстреме?

Впрочем, насладиться одиночеством я не успела. Возникло смутное предчувствие, что за мной следят.

Благодарение бабушкиной выучке, я проснулась окончательно. Но прежде чем меня посетило желание открыть глаза — иди среагировать иным (должным) образом, — звучный, глубокий голос произнёс как если бы над ухом:

— Вы не спите.

Итак, протерев глаза, я села (кое-как подавив позыв иного рода — при виде стоящего не более чем в десяти шагах от меня Владыки Ночи).

Сбежать было бы невежливо (и, говоря начистоту, бесполезно). Мне не оставалось ничего другого, как поприветствовать его:

— Доброй вам ночи, лорд Ньяхдох.

Голос почти не дрожал — вот вам и лишний повод для гордости.

Склонив голову, он просто стоял, высматривая что-то у меня в ногах зловещим взглядом (не сулящим мне ничего хорошего, судя по затаённому жару). Догадываясь, что ощущение времени у бога, мгм, *слегка* отличается от чувств простых

смертных, я подсказала:

— Чем обязана честью вас лицезреть?

— Я хотел видеть вас, — сказал он.

— Зачем?

Молчание в ответ. Наконец он двинулся, плавно переместившись к окнам (и спиной ко мне). Его было сложно разглядеть там, на фоне ночного города. Плащ? волосы? — ореол тьмы, постоянно колеблющийся вдоль изломанной фигуры, — сливались с чернотой звёздного неба.

Ни алчущий насилия монстр, не так давно охотившийся за мной. Ни леденящее высшее существо, спокойно угрожающее убить меня после. Я не могла прочесть его: но в облике его снова таилась та самая мягкость, виденная мной однажды. В то мгновение, когда он держал меня за руку, обагряя своей кровью, — и удостоил поцелуя.

Я хотела было спросить его об этом, но слишком много всего, таящегося в памяти, беспокоило меня. Взамен я осведомилась:

— Почему вы пытались убить меня вчера?

— Не убил бы. Приказ Скаймины гласил — оставить вас в живых.

А вот это уже любопытно — и, главное, сулит беспокойство.

— Зачем?

— Допускаю, она не хотела вашей смерти.

Я была крайне — опасно! — недалека от растущего во мне раздражения.

— Так что же вы собирались сделать, если не убить?

— Причинить боль.

На сей раз я даже была рада, что его скрывает тьма. Сглотнув, продолжила допрос:

— Наподобие той, что утворили с Сиехом?

В повисшей паузе он развернулся ко мне лицом. Полумесяц наполовину полной луны просвечивал сквозь окно над ним. Лицо Владыки заливал слабый, бледный свет. Он молчал, но внезапно я поняла — он *не помнит*. Не помнит страданий, доставленных Сиеху.

— Так вы и в самом деле… *другой,* — сказала я медленно, покрепче обхватив себя саму за плечи. Меня бросило в дрожь. В комнате будто бы резко похолодало; а на мне — одни лишь короткие пантолоны и тонкая рубаха для сна. — Сиех (и Т'иврел до него) говорили что-то о подобном… *эффекте*. Как там… *«Покуда небеса ещё озарены светом…»*

— Днём я — человек, — перебил меня Владыка. — А ночью… нечто более близкое к моей истинной сути. — Он развёл руками. — Закат и

рассвет знаменуют собой время… перерождения.

— И вы становитесь *этим*, — докончила я, внимательно следя за языком. Как бы не сболтнуть: *чудовищем*.

— Смертный разум, исполненый божественной силы и знаний (даже на несколько мгновений), — не самое лучшее… *сочетание*. Не всегда реагирует… достойно.

— Однако Скаймина может приказывать вам, несмотря на ваше… безумие.

Он кивнул:

— Воля Итемпаса превыше всего. — Ещё одна пауза, а потом его глаза внезапно прояснились. И я разглядела их полностью, от и до. Холодные. Твёрдые. Тёмные, как небо за окном. — Если вы не хотите видеть меня здесь, прикажите — и я уйду.

* * *

Дано к рассмотрению: колоссальное могущество + существо, в коем оно сосредоточено + власть над ним. *Ваша* власть. Любая прихоть по мановению руки.

Вопрос: непреодолимый соблазн силы. Как не поддаться желанию унизить того, перед кем некогда преклонялся? Подавить. Сломать. Растоптать.

Почти невозможно. Исключено, право слово.

Думаю, ни одному смертному подобное не под силу.

* * *

— В первую очередь я предпочла бы знать, зачем вы вообще заявились ко мне, — сказала я. — Но мне не хочется выбивать из вас объяснения силой.

— Почему нет? — Что-то в тоне его голоса меня насторожило.

Злость? С чего бы это? Из-за моей над ним власти — и отказа применить её? Или, наоборот, взволнован тем, что я бы могла…

Сам ответ пришёл мне на ум почти мгновенно: *несправедливо.* Вот как это бы было. Однако я не решалась высказать всё ему в лицо. Даже *не неправильно* — это он незваным вошёл в мою комнату (как ни крути, по обычаям любых земель — умышленное их попрание). Я бы, не колеблясь, *приказала* ему уйти, будь он человеком.

Нет, даже не столько человеком. *Свободным*, вот что главное.

Но свободным Владыка не был. Вирейн подробно объяснил мне это накануне вечером, покуда метил меня сигилом. Любой команде *Энэфа-*

дех должно быть предельно простой и чёткой. Тщательно избегайте метафор и просторечия. И всегда наперёд хорошенько *обдумывайте* каждое своё слово, дабы не попасть впросак и не призвать неприятностей себе на голову. Скажи я что-то навроде: «Убирайся, Ньяхдох!» — и он со спокойной душой может ретироваться восвояси не только из этой комнаты, но, заодно, и вообще из дворца. А потом один Небесный Отче знает, какие ещё фокусы он выкинет. И лишь самому Декарте под силу справиться с обратным призывом падшего. Ну, или прикажи по-другому: «Ньяхдох, замолкни», — и он скажется немым, пока я или другой чистокровный из Арамери не отменит веления.

Наконец, окажись я столь беспечной, чтобы, не задумываясь, бросить: «Да делай что хочешь, Ньяхдох», — и он запросто прибьёт меня. Ибо смерть каждого Арамери в радость ему. Так уже бывало, прежде, много-много раз на протяжении тысячелетий, согласно изложенному Вирейном. (*Услужение*, как он назвал это, Арамери не нуждалось в излишней чистке: глупцы сами подписывали себе смертный приговор, прежде чем прослыть будоражащими семью смутьянами или оставить потомство.)

— Я не собираюсь повелевать тебе, ибо раздумываю над союзом, предложенным вашей леди Кирью, — наконец определилась я. — И этот альянс должен основаться на уважении. Взаимном уважении.

— Это не имеет значения, — сказал он. — Я ваш раб.

При словах этих я не могла ни поморщиться.

— Да я и сама здесь на правах пленницы.

— Пленницы, чьим приказам мой долг — безусловно подчиняться. Прощу прощения, что не ощущаю в себе ни капли сочувствия.

Я почувствовала себя виноватой — и чувство это совсем мне не нравилось. Возможно оттого, что мой далеко не скромный нрав выказал себя прежде, чем я успела опомниться.

— Ты — бог! — рявкнула я со злостью. — Смертельно опасная зверюга на тоненьком поводке. Однажды уже сорвавшаяся — прямиком на меня лично. Может, у меня и есть власть над тобой; но я бы была полной дурой, считая, что последнее сбережёт меня при случае. Куда как разумнее любезно предложить другому *поинтересоваться* его желанием на сей счёт — в надежде на ответное согласие.

— *Спроси*ть. И озвучить затем приказ.

— Спросить, и услышав чёткое «нет», принять его как должное. Это, знаете ли, тоже зовётся *уважением*.

Он замолк. И надолго. В наступившей тишине я спешно прокручивала в мыслях сказанное только что, молясь беззвучно, не оставила ли лишней лазейки в рассуждениях?

— Вы не можете заснуть, — наконец подал он голос.

Я смущённо моргнула, секундой позже до меня дошло, что это — вопрос.

— Ну да. Постель… чересчур много света.

Ньяхдох кивнул. Внезапно начало смеркаться, свет словно тускнел, комнату неспешно окутывали тени, — покуда не осталось лишь мерцание звёздного неба с его светилом да огни ночного города. На месте Владыки подрагивала лишь слабая тёмная тень, словно вытравленная на фоне окна. Лицо, отмеченное бледным пятном света, подалось в мою сторону.

— Вы предложили мне любезность, — произнёс он. — Я — ответную помощь.

Ошарашенная, я сглотнула, ни к месту припомнив давешнее видение с чёрной звездой. Если оно было правдивым — а я *чувствовала* это, но кто мог сказать «*правда*» о сне? — то Ньяхдоха хватит

не только на разрушение мира, даже в таком, скованном состоянии. Но, слава богу, он всего лишь притушил свет. (Однако и этого простого жеста хватило, чтобы я затрепетала — от страха или благоговения?) Для уставшей меня это значило куда больше, чеи какой-то там мир.

— Спасибо, — в конце концов выдавила я из себя. — А…

Как бы потоньше выразиться — «А теперь не будете ли вы добры убраться с глаз моих? Ну, пожа-а-алуйста!»?

— Не будете ли добры теперь оставить меня одну?

От него оставался лишь блеклый силуэт.

— Всё, что происходит во тьме, ведомо мне, — прошелестело над ухом. — Каждый шёпот, каждый вздох доносятся до меня. Даже покинув это место, какая-то часть меня останется здесь. С этим ничего не поделать.

Лишь много позже эти слова всерьёз обеспокоили меня. Пока же я была просто благодарна.

— Сойдёт и так, — ответила я. — Спасибо.

Склонив голову, он исчез — не пропал мгновенно, как Сиех, а словно затухая в воздухе вздох за вздохом. Даже невидимого — я всё ещё ощущала чуждое присутствие, наконец, ушло и оно. Оди-

ночество охватило меня (не знаю уж, здорово это было или как?).

Закутавшись в одеяла, я заснула. Почти мгновенно.

* * *

Священники дозволяют сказывать одно из деяний Ньяхдоха.

Давным-давно, задолго до брани меж богов, Ньяхдох сошёл на землю, ища развлечений. Мимоходом глаз его пал на одну госпожу, запертую в потаённой башне, — жену некоего правителя, годами прозябающую в тоске и одиночестве. Ему, разумеется, не составило труда соблазнить её. И та понесла. Явившееся на свет дитя по прошествии срока было не от крови мужа. Да и вообще не смертного рода. Первый среди круга великих демонов. Скоро также народились и другие, сутью подобные ему. И боги поняли, что сотворили. Ошибку. Ужасающую ошибку. И начали они тогда охоту на своих чад, поразив каждого, вплоть до самого малого младенца.

А женщина, та, чьё дитя также было отобрано, одинокая, брошенная собственным мужем, замёрзла насмерть в заснеженном зимнем лесу.

Бабушка, помню, сказывала и иную сказку.

Когда всех демонёнков выследили охотники, Ньяхдох снова явился к матери, выносившей его ребёнка, и попросил прощения за утворённое. Во искуплении вины он воздвиг ей другую башню и одарил богатством, дабы она могла жить, ничем не заботясь, до конца дней своих. И навещал её вновь и вновь, радея о ней. Но прощения так и не вымолил. В конечном счёте она просто покончила с собой, увяв от горя.

Урок первый, проповедуемый священством. *Остерегайтесь Владыки Ночи. Ему в удовольствие — гибель смертных.*

Урок второй, заповеданный бабушкой. *Остерегайся любви. Особенно с кем не попадя.*

8. Кузен

Следующей утро началось со служанки, явившейся ко мне дабы помочь одеться и почистить пёрышки. Смех сквозь слёзы. Впрочем, разве не в моих интересах хотя бы попытаться вести себя… соответствующе. Под стать Арамери. Так что я спешно прикусила язык, покуда та возилась со мной. Девица скрупулёзно колдовала над пуговками и застежками, подгоняя одежду под меня (или меня под одежду — будто бы, случись чудо, и я обернусь изысканной леди). Потом причесала коротко стриженые пряди волос и помогла наложить макияж. В действительности, я нуждалась разве что в последнем: женщины народа Дарре не пользуются косметикой. Я даже слегка оцепенела от неожиданности, когда служанка развернула зеркало, показав моё лицо под слоем краски. Не то чтобы вышло плохо… Скорее… странно. Необычно.

Должно быть, я слишком долго хмурила брови — на лице девушки отразилась тревога, и она начала торопливо рыться в большой сумке, принесённой с собой.

— У меня есть ещё одна вещь, — пояснила, вынимая какой-то предмет. Поначалу я приняла его за карнавальную маску. Уж больно угадывалось сходство — проволочный каркас, крепящийся к обёрнутому атласом стержню. Но у этой «полумаски» была особенность: казалось, она состоит из одного ярко-голубого оперения, — по форме напоминающего пару «глаз» на павлиньем хвсоте.

А потом «глаза», моргнув, закрылись. Вздрогув, я пригляделась получше: *никакие это были не перья.*

— Все дамы чистой крови пользуются ими, — охотно пояснила служанка. — Они сейчас в моде. *Очи.*

Она поднесла рамку к лицу, так чтобы «голубые глаза» наложились на её собственные, серые и довольно миленькие. Прищурилась, мигнув, и опустила маску — на меня смотрели ярко-голубые, обрамлённые длинными, необычайно густыми чёрными ресницами, глаза. Отшатнувшись, я заметила, что *глаза* внутри *«очей»* сменили цвет, бессмысленно глядя на меня серыми зрачками, окаймлёнными уже обычными ресницами (точь-в-точь как у самой служанки минутой назад). Пока я, удивлённая, молчала, тем же жестом девушка снова навела на себя маску,

вернув прежний облик.

— Видите? — Она протянула жезл мне. По всей его длине (теперь я отчётливо видела это) шла цепочка едва заметных, крошечных чёрных сигилов, словно втравленных в дерево. — Голубые будут чудно смотреться с вашим новым платьем.

Я резко отпрянула, мне понадобилось ещё несколько секунд, чтобы перебороть отвращение и заговорить.

— Ч-чьи глаза это были?

Последовало удивлённое:

— А?

— Эти ваши *очи*. Гляделки, бельма. *Глаза. Откуда* они взялись?

Служанка смотрела на меня так, будто я только что спросила: а откуда, деточка, луна на небе?

— Не знаю, миледи, — сказала, после долгой паузы, взволнованным голосом. — Но я могу узнать, если вы того желаете.

— Нет, не надо, — прошептала я очень тихо. — Спасибо, в том нет необходимости.

Оставалось поблагодарить её за помощь, похвалить за мастерство — и дать знать, помягче, что в услугах камеристки я боле не нуждаюсь. С сего дня и до тех пор, пока не уберусь из Небес.

* * *

Вскоре после того прибыл другой слуга — передать вести от Т'иврела: как и ожидалось, Релад отвёл просьбу о встрече. Поскольку день был выходной, совещаний Консорциума не предвиделось, я заказала себе завтрак и копию последних финансовых сводок насчёт стран, полагающихся мне по протекторату.

Покуда я изучала документы — в компании сырой рыбы и варёных фруктов (терпеть не могу амнийскую кухню: кажется, они до сих пор никак не сообразят, что годится в готовку, а что лучше не трогать) — заявился Вирейн. Как выразился, поглядеть, чем это тут я занимаюсь (но из памяти пока что не выветрилось прежнее чувство относительно его истинных намерений). Я ощущала это как никогда сильно, пока скриптор взад-вперёд слонялся по комнате.

— Любопытно видеть подобное рвение и деловой подход, — заметил он вскользь, в то время как я перекладывала бумаги. — Большинство Арамери не знакомы даже с элементарными основами экономики.

— Я правлю — *правила* — довольно бедной страной, — отрезала, прикрывая тканью остатки

недоеденного завтрака. — Мне не позволительна подобная роскошь.

— Ах, да. Но вы ведь собираетесь вытащить её из нищеты, не так ли? Я слышал сегодня утром, как о том высказывался Декарта. Первым же указом вы повелели порученным вам королевствам возобновить торговлю с Дарром.

Я застыла, не допив чай.

— Он наблюдает за мной?

— Он следит за всеми своими наследниками, леди Йин. Что ему ещё остаётся в последние дни, кроме подобных маленьких развлечений?

Я подумала о подаренном мне магическом шаре, посредством которого вчера и связывалась с протекторатами. Должно быть, это и в самом деле трудно — создать шар, не оповещающий хозяина о ведущейся за тем слежке.

— А у вас уже объявились секреты, надобные скрывать? — приподнял в удивлении брови Вирейн, заметив моё ошеломлённое молчание. — И какие же? Ночные посетители? Тайные свидания? Потаённые сговоры?

К сожалению (глубокому), врождённый талант лгать без зазрения в лицо обошёл меня стороной. По счастью, матушка, распознав это, обучила меня иным… тактикам. Уловкам, иначе говоря.

— А мне казалось, здесь подобное в порядке вещей, — сказала уклончиво. — Разве что я не пыталась пока никого убить. Я не могу променять будущее своего народа на какие-то глупые забавы.

— Если вас тревожат такие мелочи, леди, долго вы здесь не продержитесь, — заметил Вирейн. Он тем временем присел в кресло напротив и сложил пальцы домиком. — Хотите бесплатный совет? От того, кто уже испытал предстоящее вам на собственной шкуре?

— Радушно приму любой ваш совет, скриптор Вирейн.

— Не связывайтесь с *Э*нэф*а*дех.

Я взвесила варианты: ответить пристальным взглядом или симулировать невежество и переспросить, что он имел в виду? Победила дерзость, то бишь взгляд.

— Сиех, кажется, испытывает к вам симпатию, — продолжил он. — Иногда он чересчур уподобляется ребёнку. И тогда как несмышлёное дитя, то ластится и льстит, то развлекается и раздражается. Его очень легко… полюбить. Не вздумайте.

— Я и так сознаю, что он — далеко не младенец.

— А знаете ли вы, скольких он убил за все эти годы. Убил, подобно Ньяхдоху?

Меня передёрнуло. Вирейн ухмыльнулся.

— Он ребёнок, — заметьте, дело не в годах, в сути. Он… импульсивен. По-детски одарён… и по-детски же жесток. И он — плоть от плоти, кровь от крови, — дух от духа самого Ньяхдоха. Только представьте себе, леди. Владыка Ночи, живое воплощение всего, что мы, верные слуги Пресветлого, презираем, ненавидим и боимся. А Сиех — его первенец.

Можно подумать, это не приходило мне в голову. Но, как ни странно, первым делом на ум шло иное — умиротворённая рожица ребёнка, нежившегося в моих объятиях позапрошлой ночью. Возможно, в тот самый момент (как до меня дошло позже), я уже и влюбилась в него. Часть меня допускала правоту Вирейна: проникнуться чувствами к подобному существу, как минимум, глупо. Как максимум — *самоубийственно* глупо. Но так уж вышло.

Вирейн видел, как я дрожу. Наклонившись ближе, он заботливым (преисполненным безупречной безукоризненности) жестом дотронулся до моего плеча.

— Покуда вы не полностью окружены врага-

ми, — сказал мягко. Пребывая в замешательстве, я едва было не повелась на протянутую в утешении руку помощи. — Т'иврел, сдаётся, тоже симпатизирует вам — что, впрочем, неудивительно, учитывая его историю. И у вас есть я, Йин. Прежде я был другом вашей матери, пока она не покинула нас — и Небеса. Могу быть и вашим.

И я бы действительно сочла его другом — промолчи он напоследок.

— Благодарю, скриптор Вирейн, — дала церемонный ответ. На этот раз, слава богам, моя даррийская кровь не проявила себя во всей красе. Я постаралась добавить искренности в голос. И не выказать зародившихся подозрений и неприязни.

Хмм, судя по довольному блеску в глазах, не сплошала.

Он удалился восвояси, а я ещё долго молча раздумывала над его словами.

* * *

Вскоре после этого всё и случится. Вирейн предупредил меня лишь о Сиехе. Но не о Ньяхдохе.

* * *

Нужно больше узнать о матушке.

Вирейн сказал, что был ей другом. Ложь. И не более. Уж на это-то моих знаний предостаточно. В Вирейне странным образом мешались заботливость с беззаботностью. Бездушная помощь и лживое утешение. Нет, матушке всегда по нраву были люди честные и открытые. Прямолинейные. Вообразить не могу, что она могла подпустить к себе (да ещё так близко, как следовало из намёка) подобного скриптору.

Но с чего бы мне начать поиски?

Первым делом на ум напрашивался сам Декарта; но вот беда — у меня ни малейшего желания не было выспрашивать интимные подробности матушкиного прошлого перед всем честным народом. То бишь Салоном. Может, личная встреча?.. да. Идеально подошло бы.

Но нет. Не время. Не раньше, чем я пойму — зачём он притащил меня в Небеса.

Значит, на очереди другие члены старшей линии: кое-кто, думаю, как раз в тех летах, чтобы помнить времена, когда матушка ещё носила титул наследника. Но предостережение Т'иврела… настораживало. Все они (допустим, и вправду

будучи ей друзьями) повязаны с семьёй обязательсвами, разобщены и берегут каждый свою шкуру, — а потому, на всякий-провсякий, держатся подальше от гадюшника, называемого Небесами. А те, кто остался… Честности от них ждать не приходится. Ни один не наберётся смелости развязать язык в разговоре со мной. Хорош выбор: либо люди Декарты — либо Скаймины. Либо Релада.

Ах, ну конечно, Релад. Дельная мысль.

Он отказался со мной встретиться. Повторить просьбу права я не имела — так гласил протокол. Но он, в конце концов, всего лишь *вносил пожелание*, а не диктовал истину в последней инстанции. В кругу семьи… насколько Арамери зависят от правил этикета? И как расценивается шаг в сторону? Может, человек, привыкший иметь дело с людьми вроде Скаймины, лучше оценит мои шансы выступить «с открытым забралом»?

Я направилась на поиски Т'иврела.

Он нашёлся в просторной, тщательной обставленной конторе на одном из нижних уровней. Хотя на улице стоял солнечный день, стены ровно мерцали (оттого, что каждый последующий ярус как бы нарастал на предыдущий, как резуль-

тат, — последние укутывала бессменная тень). Невозможно было не заметить, что здесь деловито сновали одни лишь служащие, большинство которых носило кровные сигилы в виде простой чёрной полоски на лбу. Дальние родичи, как мне теперь было известно, благодаря разъяснениям Вирейна. Родичи, в шести коленах (и более) от старшей линии.

Т'иврел раздавал указания подчиненным. Я остановилась как раз за открытой дверью, не пытаясь вмешаться или заявить о своём присутствии. Сенешаль как раз распекал какую-то девчонку.

— Нет. Никаких последних предупреждений. Стоит сигналу поступить, и у тебя лишь одна возможность. Останешься по-прежнему возле ствола шахты, когда дело дойдёт…

Он замолк.

Мрачная тишина, упавшая после его слов, — вот что таки и привлекло моё внимание. Этот разнос мало походил на обычную инструкцию по уборке помещений или доставке блюд. Я подошла поближе к двери, чтобы лучше различить, о чём они говорят. Тут-то меня и обнаружили. Должно быть, служка жестом указал на то сенешалю, ибо Т'иврел сразу же прикипел ко мне глазами.

Несколько секунд он, казалось, почти не дышал, потом коротко бросил:

— Спасибо, все свободны.

Я держалась в стороне, пока прислуга споро просачивалась из кабинета (молча и деловито, что, впрочем, и неудивительно). Признаться, Т'иврел сразил напрочь своей манерой вести дела, ставя всех по струнке, такого от него я не ждала. Поклонившись, сенешаль пропустил меня внутрь и закрыл за нами дверь в знак уважения к моему рангу.

— Чем обязан, кузина? — спросил он.

Я хотела было спросить его о «шахте» и «сигнале», что бы это ни значило, — и о его подчинённых, выглядевших так, будто бы им только что пригрозили эшафотом. Однако сдержала язык за зубами — отпугнули нервное выражение лица и более чем скованные движения. Т'иврел поманил меня к свободному месту перед письменным столом и предложил налить вина. Дрожащей рукой он наполнил бокал, а заметив мой внимательный взгляд, резко отставил графин в сторону.

Он спас мне жизнь, так что я — его должница.

Поэтому задала другой вопрос:

— Где, вы думаете, может быть сейчас лорд Релад?

Он открыл было рот, чтобы ответить, но замер, нахмурившись. Я почти ощущала его мысли: как бы отговорить меня от опасной затеи; но чувство долга победило. Закрыв рот, он доложил:

— Скорее всего, на террасе солариума. Это его привычное место отдыха от дел.

Где это, сенешаль показал ещё накануне, во время экскурсии по дворцу. Больше всего платформ и воздушных шпилей скапливали самые верхние ярусы Небес. Те, что изобиловали личными апартаментами чистокровных и их же забавами. Вот одной-то из последних и был солариум: огромный застеклённый потолок, под коим — зала, полная тропических растений, искусно сооружённых скамеек и гротов, плавательных бассейнов и… много ещё чего, одним словом. Так далеко мы с Т'иврелом, конечно, не забирались, но во время нашей прогулки я уловила шорох меж папоротников — а потом до меня долетели пылкие стоны. Разумеется, природа их не нуждалась в подробном толковании. Тогда я не ставила давить на спутника — задержаться и разглядеть всё вглуби в подробностях. Но теперь, боюсь, другого выбора у меня нет.

— Спасибо, — поблагодарила, встав.

— Подождите, — остановил он меня, зайдя

за стол. Мгновение порывшись в ящиках, выпрямился, держа в руках небольшую, красиво разрисованную керамическую опоку. Её он передал мне.

— Если что, воспользуйтесь этим, — посоветовал сенешаль. — Мог бы покупать себе его вёдрами, но уж больно любит получать вот так… *благодарностью*.

Я убрала фляжку в карман и сделала заметку на будущее. И всё же, наш новый, кхм, *обмен*, заставил меня задаться в очередной раз вопросом:

— Т'иврел, зачем вы помогаете мне?

— Сам бы хотел знать, — устало отрезал он. — Ничем хорошим мне это не грозит точно — одна та фляга стоит моего месячного жалования. У меня привычка припасать её, на тот случай, если без помощи Релада не обойтись.

Чего-чего, а денег у меня теперь хватало. Я мысленно отметила — заказать три таких опоки и отправить сенешалю в счёт долга.

— И всё-таки… почему?

Долгий, очень долгий взгляд. Возможно, он и сам для себя не мог полностью определиться. Наконец, решившись, он вздохнул:

— Потому что мне не нравится участь, на которую вас обрекают. Потому что вы напоминаете

меня. Честно, я просто не знаю толком.

Напоминаю его? Чужака, или стороннего наблюдателя? Т'иврел воспитывался здесь, точно так же, как и я, неразрывно связан со старшей линией крови… Но в глазах Декарты никогда не будет истинным Арамери. Или он имел в виду, что я единственная честная и чистая душа на все Небеса целиком взятые? Ха, да будь это правдой…

— Вы знали матушку? — прямо спросила я.

На лице его проскользнуло удивление.

— Леди Киннет? Я был ребёнком, когда она… ушла, чтобы быть с вашим отцом. Не могу сказать, что хорошо её помню.

— А что вы помните?

Он прислонился к краю стола, скрестив руки и глубоко (по виду) задумавшись. В свете, испускаемом Небесами, его хитро переплетёная лентой коса отливала алой медью (совсем недавно я сочла бы такой цвет ненормальным, по меньшей мере, — необычным). Но я теперь я жила среди Арамери и якшалась с богами. Нормы и порядки сменились, что ни говори.

— Я помню её красивой, — сказал он. — Ну, конечно, уродин среди старшей крови не сыскать, а то, чего не додала природа, с лёгкостью заменит

магия. Но в помощи её ваша мать нуждалась меньше всего: ей было щедро отмерено. — Он нахмурился, словно рассердясь сам на себя. — Но она всегда казалась мне немного… грустной, что ли. Какой-то печальной. Да, улыбка. Я ни разу не видел, чтобы она улыбалась.

Улыбку матери я помнила. И ту, частую, покуда был жив отец, и другую, редкую, отпущенную для меня одной. Я сглотнула против воли ставший в горле комок — и закашлялась, чтобы скрыть волнение.

— Думаю, она была добра к вам. Она всегда любила детей.

— Нет, — отрезвил меня Т'иврел, наверняка заметивший мою минутную слабость. По счастью, он сказался черсчур хорошим дипломатом, чтобы завести об этом речь. — Конечно, она была учтива со мной; но я был всего лишь полукровкой. Воспитываемый прислугой. Было бы весьма странно, выкажи она доброту, тем более, интерес, любому из нас.

Я нахмурилась прежде, чем сумела сообразить. В Дарре матушка следила затем, чтобы все дети наших вассалов получали подарки к дню рождения и церемонии Освящения. Горячим, засушливым даррийским летом она позволяла

слугам отдыхать в нашем саду, где веяло прохладой. Наш сенешаль был для неё таким же членом семьи, как и кровные родичи.

— Я был ребёнком, — снова напомнил Т'иврел. — Если хотите чего-то большего, поговорите с теми из слуг, кто старше меня.

— Можете посоветовать кого-нибудь?

— Любой из них не откажется говорить с вами. Но, что касается памяти о вашей матери, мне трудно сказать, кто… — беспомощно развёл он плечами.

Что ж, надежды оправдались. Частично. Определённо было над чем поразмыслить.

— Ещё раз спасибо, Т'иврел, — сказала я. Меня ждали поиски Релада.

* * *

В глазах ребёнка мать — богиня. Не суть важно: прекрасная или ужасающая, доброжелательная или исполненная гнева. Внушающая любовь, как бы то ни было.

И я убеждена — это величайшая из сил во вселенной.

Матушка…

Нет. Пока ещё нет.

* * *

В солариуме царил тёплый, влажный воздух, дурманящий запахами цветущих деревьев. А над деревьями высился остроконечный шпиль — вход в центральную (и одну из самых высоких) из башен Небес терялся, должно быть, где-то среди путаницы извилистых тропинок. В отличие от других шпилей, разбросанных по всему дворцу, этот резко сужался кверх и был слишком узок (толщиной не более нескольких футов в диаметре), чтобы вместить чьи-нибудь апартаменты или хотя бы пару комнат (пусть даже и совсем крошечных). Не больше, чем украшение, красивое украшение.

Держи я глаза полуприкрытыми, не ровен час так и бы прошла мимо, а закрой — сочла за мой родной Дарр. Но деревья вокруг были *неправильными*. Слишком высокие и тонкие, слишком далеко разбросаны друг от друга. В моих же землях — стволы в два обхвата, леса — влажные, сумрачные, полные сплетённых лоз. Что только не скрыто в их тёмных глубинах и какие только мелкие твари там не водятся.

Кажется, здесь моя тоска по родине чуть поубавилась, успокоённая схожими запахами и

звуками. Я бы так и стояла на месте, наслаждаясь красотами. Очнуться от сладких грёз помогли раздавшиеся внезапно голоса.

Помогли — и заставили резво *навострить уши*. Обладателем одного из них была Скаймина.

Слов расслышать я не могла, но разговаривали определённо неподалёку. Очень близко. Где-то в потайном алькове, скрывающемся за рощицей и зарослями кустарника. Дорожка, выстланная белой галькой, бежала под ногами как раз в ту сторону, разветвляясь пополам, и, как ни крути, подобраться незамеченной не удастся.

Адовы хляби! Непоколебимо-ясное решение пришло само собой. Я доверилась телу: привычно-чёткие, быстрые движения.

При жизни слава великого охотника шла впереди отца. Он научил меня бесшумно передвигаться по лесу, мягко переступая с пятки на носок, не тревожа палых листьев. Я пригнулась как можно ниже (обычный человек примечает лишь доступное на высоте глаз, оставляя без внимания остальное, неважно, выше ли, ниже ли). Будь мы в даррийском лесу, без раздумий залезла бы на ближайшее дерево, но по здешним тощим, оголённым орясинам… и думать нечего. Единственный выход — наклониться как можно

ниже, почти припасть к земле.

Осторожно подкравшись — так, чтобы обострившимся слухом разбирать слова, но не быть замеченной, — я присела на корточки у ствола дерева. И вслушалась.

— Ну же, братец, разве это — много? — Голос Скаймины сладко растекался, льстя и уговаривая. Я не сдержала невольной дрожи (воспоминания нахлынули на меня, а вместе с ними — страх и гнев; и не знаю, чего из них во мне было больше). Она натравила на меня *бога*, спустила, как охотничью псину на дичь. Всё ради собственного развлечения. Много воды утекло с тех пор, как я кого-нибудь ненавидела с такой, еле сдерживаемой яростью.

— А на меньшее ты никогда не разменива-ешься. Тебе всего и всегда мало, — усмехнулся собеседник. Мужчина. Злой, едва сдерживающий раздражение тенор. Релад? — Ступай прочь и дай мне поразмыслить.

— Брат, ты же знаешь этих темнокожих выродков. Ни терпения, ни мозгов. Сколько вою, а всё из-за той ерунды, поколения назад… — Последнее я не разобрала. До меня доносились редкие шаги — она то и дело мерила шагами беседку, то приближаясь, то отдаляясь. А на отдалении

голос почти затихал. — Просто пускай твои люди подпишут соглашение о поставках. Прибыль, и ничего больше. Хорошая прибыль. Для твоих людей — и тебя лично.

— А вот это уже, моя милая сестрица, ложь. Ложь чистейшей воды. Тебе и в голову не придет такой альтруизм: расщедриться, позабыв о своих интересах. — Усталый вздох, суть бормотания я не уловила. А потом: — Уходи, *прочь*, я сказал. У меня голова разболелась.

— Что и неудивительно, с твоим-то потаканием каждому капризу. — Голос Скаймины изменился. Нотки почтительной вежливости и тёплого радушия исчезли как по мановению руки, стоило Реладу однозначно ясно отказать ей. Меня восхитило до жути: столь незаметная перемена интонаций — и голос зазвучал абсолютно в иной тональности. — Хорошо, я вернусь, когда ты почувствуешь себя лучше. Кстати, уже встречался с нашей новой сестричкой?

Я затаила дыхание.

— Иди сюда, — сказал Релад. Понятно было, что говорил он это кому-то ещё, возможно, слуге; ну, не Скаймине же приказывал таким властным тоном. — Нет. Зато слышал, что ты уже пыталась её убить. Разве это разумно?

— Я только играла. Не могла устоять: у этой крошки был такой серьёзный вид. Знаешь, она искренне верит, что в силах претендовать на место дяди?

Я напряглась. Ралад, похоже, ответил уклончиво, потому что Скаймина добавила:

— Ах. Ты можешь себе представить?

— Ты не знаешь наверняка. Старик любил Киннет. А девчонка — ничто против нас.

— Ты действительно должен больше времени уделять семейной истории, братец. Образчик…

И они отошли подальше. Это выводило из себя. Но подползти ближе я не смела: от них меня отделял лишь тонкий слой веток и листьев. Это конец, услышь они моё дыхание, вслушайся хорошенько. Весь расчёт строился на их полной поглощённости разговором.

Несколько брошенных друг другу фраз (большинство я пропустила). Затем Скаймина вздохнула:

— Что ж, делай, что считаешь нужным, брат, а я, как всегда, останусь при своём.

— Удачи. — Было ли это тихое пожелание искренним — или едкой усмешкой? Скорее, последним, догадалась я, но было что-то в этих словах неподдельное, заставляющее сомневаться.

Не видя лиц, я не могла сказать с уверенностью.

— И тебе, брат. — Цокот каблучков по камешкам насыпи быстро затерялся вдали.

Я уселась там же, где и стояла, рядом с деревом, решив обождать, пока сердце перестанет лихорадочно биться, — и только потом решить, как выбираться отсюда. А заодно успокоить и мысли. Времени на это ушло немало: ум хаотично пытался переварить услышанное — и следствия из него.

Она искренне верит, что соперница мне. Значит, я сама — нет? Релад же, видимо, наоборот; но даже он задавался вопросом — тем же, что и я. На кой Декарта притащил меня в Небеса.

Позже. Обдумаю всё позже. Первым же делом, как только окажусь подальше отсюда.

Привстав, я осторожно поползла назад, через колючие заросли кустарника, — но далеко уйти не успела. Ветви неожиданно разошлись, и я наткнулась на стоящего футах в пяти от меня мужчину. Он как-то неуверенно делал что-то руками. Блондин, высокий, хорошо одетый. И с меткой чистокровного посередь лба. Релад. Я застыла, но поздно — не заметить меня мог только слепой: вылетела перед самым его носом, попав как заяц в силок.

Но, к величайшему изумлению, творящегося он не видел в упор. Подойдя к дереву, мужчина расстегнул штаны и, громко вздыхая, дал волю мочевому пузырю.

Я уставилась на него во все глаза; не знаю, что противнее: мочиться в полном людей месте, где запах не выветрится ещё пару дней, его полная самозабвенность или моя собственная неосторожность.

Однакож меня до сих пор не уличили. Я могла бы нырнуть вниз, за дерево, и, скорее всего, остаться незамеченной. С другой стороны, пожалуй, мне выпала неплохая возможность предствиться лично. Безусловно, братец Скаймины оценит дерзость нового соперника.

Так что я подождала, пока он не покончит с делом и не разберётся с одеждой. Повернувшись, он собрался было уйти, вероятно, так и не заметив бы меня; но я, привлекая внимание, громко кашлянула.

Релад дёрнулся от неожиданности и развернулся, моргая и всматриваясь потусклым взглядом. Целых три полных вздоха, пока я не заговорила первой.

— Кузен, — сказала я наконец.

Он испустил долгий вздох, слишком тяжкий,

чтобы разобраться в его значении. Сердится? Или смирился? Может, и то и другое сразу?

— Вижу. Значит, вы подслушивали?

— Да.

— Так этому вас там учат? В этих ваших… дебрях?

— Среди прочего. Думаю, мне лучше придерживаться того, что знаю лучше всего, кузен. Ибо никто пока не счёл нужным подсказать, как делают это истинные Арамери. И я понадеялась было на вашу помощь в этом деле.

— Помочь вам… — Он засмеялся, потом покачал головой. — Ну что ж, ладно. Может, вы и дикарка, но я-то — цивилизованный человек и хотел бы присесть для начала.

Звучало многообещающе. Кажется, этот Релад разумнее своей сестрички, хотя последнее не столь и сложно. С облегчением я последовала за ним кустами, выйдя на просвет. Мне открылось прелесть как хорошенькое местечко, с тщательно сооружённым пейзажом (столь естественным за вычетом невозможного для реальности совершенства). С одной стороны царствовал здоровенный валун, мастерски обтёсанный в виде удобного каменного кресла. Релад, не слишком твёрдо держащийся на ногах, рухнул

туда с тяжёлым вздохом.

Напротив поместилась купальня, невеликих размеров, её едва-едва хватило бы на пару человек, желай они удобства. Там сидела молодая женщина: красивая, обнажённая, с чёрной полоской на лбу. Служанка, значит. Она встретилась было со мной глазами — пустыми и невыразительными, но быстро, изящным жестом, отвела их назад. Другая девушка — в полупрозрачном платье, мало что скрывавшем, — присела рядом с Реладом, держа на подносе чашу и оплетённую бутыль.

Вот теперь меня не удивляет, что ему так срочно приспичило в кусты: очередная опока была приличных размером и почти пустая. Поразительно, что его не начало качать раньше.

Сесть мне было некуда, так что я, сложив руки за спиной, стояла в вежливом молчании.

— Ну что ж, хорошо, — сказал Релад. Взяв пустой стакан, он посмотрел на него, словно проверяя на чистоту. Этот, очевидно, ею не страдал, будучи пользован. — Во имя каждого безвестного демона, чего ты хочешь?

— Как я уже и говорила, кузен, — помощи.

— И почему я должен тебе её оказать?

— Возможно, мы могли бы помочь друг дру-

гу, — сказала я осторожно. — Не в моих интересах становиться дедушкиным наследником. Но я более чем готова поддержать иную кандидатуру… при соответствующих обстоятельствах.

Релад взял бутыль, наполнить стакан, но руки у него дрожали настолько, что он пролил не меньше трети. Такое расточительство. Я боролась с желанием забрать опоку и отмерить точно.

— Ты мне без надобности, — сказал он наконец. — Либо станешь поперёк дороги — либо, того хуже, подставишь меня под *её* удар.

Никто из нас не нуждался в разъяснениях по поводу «таинственной» личности *«её».*

— Она пришла встретиться с вами по другой причине, — сказала я. — Думаете, совпадение, что в процессе помянула и меня? Кажется, эта женщина не из тех, что обсуждает одного соперника с другим, — если не надеется, что они вцепятся друг другу в глотки. Возможно ли, что за угрозу она держит нас обоих?

— Угрозу? Нас обоих? — Рассмеявшись, кузен бросил стакан обратно. Со-всем-чем-бы-то-ни-было. Не мог же он так споро опробовать его? — Боги, вы столь же тупы, как и уродливы. И старик серьёзно думает, что ты ей не помеха? Бред.

Гнев было запылал во мне, но я его сдержала.

Невпервой. Я слыхала кое-что и похуже в жизни.

— У меня нет желания сражаться с ней. — Вышло более резко, чем хотелось, но сомневаюсь, что это его озаботило. — Всё, чего я хочу, — выбраться, ради всех богов, из этого места. Желательно, живой.

Мне стало плохо от взгляда, которым меня одарили. Ни циничный, ни даже насмешливый, — просто ужасающе скучающий. *Ты никогда отсюда не выйдешь*, говорил он, говорили эти безжизненные глаза и уставшая улыбка. *Смирись, у тебя нет ни шанса.*

Но вместо того, чтобы облечь это словами, Релад проговорил совсем другое. Проговорил удивительно мягко (и эта почти-что-нежность нервировала куда больше предшествовавшего презрения):

— Я не могу помочь вам, кузина. Но я могу поделиться советом, если вы готовы слушать.

— Приму радушно, кузен.

— Любимое оружие моей сестры — любовь. Если любите — что, кого, неважно, — берегитесь. Вот острие её атаки.

В замешательстве я нахмурилась. В Дарре у меня не оставалось ни существенных поклонников, ни существующих детей. Родители давно мерт-

вы. Конечно, я любила бабушку, дядей, кузенов, нескольких друзей, но не могу понять, как…

Ах, ясно как божий день, стоит задуматься. *Дарр.* Конечно, он не принадлежал Скаймине, но она — истинная Арамери, и руки у неё развязаны, не говоря уже о возможностях. Мой народ нуждался в защите. Не важно, в какой и как, — но, клянусь, я найду её.

Релад покачал головой, словно прочитав мои мысли.

— Вы никогда не сможете защитить любимое, кузина, — защитить навсегда. Защитить полностью. Единственная доступная защита — не любить вообще. Никого и ничего.

Я недоумённо свела брови.

— Это же невозможно.

Да как же тогда жить? Существовать так никому не под силу.

Его улыбка отдалась во мне дрожью.

— Пусть так. Тогда, удачи вам.

Он подозвал женщин. Обе, поднявшись, перебрались к нему, замерев в ожидании очередной команды. Тогда я и заметила: высокие, аристократично красивые — неестественно амнийской красотой. И обе с длинными соболиными кудрями, похожие друг на друга, а отчасти — на

Скаймину. Да, сходство было неоспоримо.

Релад смотрел на них с такой горечью, что на мгновение я почувствовала острую жалость. Кого же любил он — и потерял? Вопрос возник сам собою. А с ним и другой. Даже не вопрос, сразу ответ. Релад оказался бесполезен для меня, а я — для него. Лучше бороться в одиночку, чем положиться на эту пустую оболочку, мало напоминающую человека.

— Благодарствую, кузен, — попрощалась я, вежливо склоня голову. И предоставила его собственным фантазиям.

На обратном пути к себе в комнату, я заглянула к Т'иврелу и вернула керамическую флягу. Т'иврел спрятал её обратно без лишних слов.

9. Воспоминания

Мертвящую немочь, прокатившуюся по свету, прозвали в народе Гулящей Старухой. Зачином — с невинной дрожи, позже — страшной лихорадки, потери сознания, а в конце — своего толка сумашествием. Жертву будто бы силой подымает с постели и мотает туда-сюда — по комнате и дальше. Шатает, лютоводит, а жар нарастает и нарастает, покуда кожу не испещряют трещины и кровотоки — и не гибнет мозг. И даже после мёртвое тело не сразу может унять ломаный шаг.

Веками Гулящая Старуха косила народ, вспыхивая то там, то здесь. На первом её приходе в могилу сошли тысячи, ибо никто не мог понять, как разносится смерть. *Гулящая*, сами понимаете. Заражёные могли свободно добираться до здоровых. Ядовитой кровью, гниющими телами они передавали порчу дальше.

Теперь мы более благоразумны. Мы воздвигаем стену вкруг любого места, коего коснулась Старуха и крепим железом наши сердца, слыша крики загнанных в ловушку. Если неделями спустя они ещё живы, мы выпускаем их. Выжившие — не

просто слухи. Мы не жестоки. И не безжалостны.

Это спасение тем незаметнее, что Старуха поражает лишь крестьян да служек. Но не знать. Священство, дворяне, книжники, богатое купечество… у тех в достатке и охраны и денег, дабы вовремя обезопасить себя, заперевшись в изоляции крепостей и храмов. Хотя, мало кто помнит, но в первые годы, как Старуха стала бродить по свету, знать избежала мора. Без всякой на то блокады. Даже сейчас не бог весть когда вознёсшиеся из простонародья… богатство и могущественность неприкосновенны.

Разумеется, в этой чуме нет ни капли самородного. Естественного.

Старуха пришла в Дарр немногим прежде моего рождения; никто не ждал, что в её сети попадётся мой отец. Мы были мелкопоместными нобилями, но всё-таки — дворянством. Лишь дед по отцу был из простолюдин, считаем мы, Дарре, — красавцем-охотником, попавшим — и попавшимся — на глаза бабушке. Видимо, немочи было довольно и этого.

Однакож… отец выжил.

Я вспомню об этом нескоро. Но по великой нужде.

* * *

Той ночью, готовясь ко сну, я вышла из ванной — и обнаружила Сиеха, уплетающего мой ужин и читающего одну из книг, привезённых мною из Дарра. Против ужина я не возражала. Иное дело — книга.

— А неплохо, — сказал Сиех, небрежно поприветствовав меня смутным подобием жеста. И не подумав отнять глаз от страниц. — Никогда не читал прежде даррийской поэзии. Странно — из разговора с тобой я подумал было, что все Дарре, хмм, слегка *непосредственны*. Но тут, глянь: каждая строка так и норовит запутать. Тот, кто писал это, думал… циклично, по кругу.

Я села на кровать, убрать волосы.

— Вообще-то, перед тем, как вломиться в чью-то личную жизнь, принято вежливо просить разрешения.

Книгу он из рук так и не выпустил, но захлопнул.

— Я оскорбил тебя. — На лице его отразилась задумчивость. — Почему?

— Этим поэтом был мой отец.

Задумчивость перешла в изумление, а изумление — в расчёт.

— И хорошим поэтом. Почему тебе не нравится чужой интерес к его стихам?

— Потому что они — *мои*.

Десять лет. Десять дет как он мёртв — несчастный случай на охоте, мужчинам в привычку *так* умирать, — и всё ещё больно даже думать о нём. Я опустила щётку для волос, глядя на тёмные завитки, зацепившиеся за щетинки. Амнийские кудри. Амнийские глаза. Иногда я задавалась вопросом: считал ли отец меня уродливой? Многие Дарре — да. А если и так, то из-за моих амнийских черт? Или оттого, что я уродилась *не столь* похожей на Амн? *В отличие от матушки.*

Сиех одарил меня долгим взглядом.

— Я не хотел тебя обидеть. — И встал, возвращая книгу на место. Небольшую полочку, приютившуюся в углу.

Что-то во мне ослабдо, хоть я и не выказала этого, снова занявшись волосами.

— Удивлена, что это тебя заботит, — сказала я. — Смертные всё время умирают. Ты уже должен был устать ходить на цыпочках вкруг нашей скорби.

Сиех улыбнулся.

— Моя мать тоже умерла.

Предатель, который никого не предавал. Я ни-

когда не думала о ней, как о чьей-то матери.

— Кроме того, ты пыталась убить Ньяхдоха ради меня. Пусть это даст тебе немного пищи для размышлений. — Он перебрался на туалетный столик, заодно столкнув пятой точкой всё лежащее там; видимо, так далеко его благие намерения — и щедрость — не заходили. — Так чего же ты хочешь?

Я раскрыла было рот. Он рассмеялся.

— Ты же была не против, пока не увидела, *что* я читаю.

— Ох.

— Ну и?..

— Меня интересует… — Внезапно я почувствовала себя глупо. Мне что, мало других проблем? Почему я так одержима смертью — и мертвецами?

Сиех подтянул под себя ноги и состроил выжидающую физиономию. Я вздохнула.

— Мне показалось, что ты мог бы рассказать мне, что знаешь… о матушке.

— Не про Декарту? Скаймину? Или Релада? Даже не о моём, хм, своеобразном семействе? — Он склонил голову набок (зрачки потемнели, замерцав, по-кошачьи мерно сужаясь и расширяясь, в тон дыханью). На мгновение это отвлекло от

мыслей. — Как интересно. С чего бы это?

— Я видела сегодня Релада. — Я подыскивала слова, чтобы объяснить поточнее.

— Занятная парочка, правда? Он и Скаймина. Я мог бы много чего рассказать о их маленькой междоусобной войне…

— Мне ни к чему эти знания, — резко и чересчур быстро отреагировала я, едва не вспылив. Не хотелось бы, чтоб он дознался, насколько меня смутила эта встреча с кузеном. Я ожидала ещё одну Скаймину, правда, в мужском варианте, — но злая реальность выкинула куда более худший финт, подсунув мне горького пьяницу. Как знать, не уподоблюсь ли я ему сама, если не успею вовремя сбежать с Небес?

Сиех затих, вероятно, увлёкшись чтением моих мыслей, упрямо вырисовывающихся в открытую на лице. Неудивительно, что вскоре он лениво ухмыльнулся (в глазах мелькнула тень расчёта, не грозящего ничем хорошим):

— Я поведаю, что смогу, — сказал он. — Но что получу взамен?

— Чего ты хочешь?

Улыбка исчезла. Озорное выражение почти мгновенно сменилось полной серьёзностью.

— Я уже говорил и раньше. Позволь мне спать

с тобой.

Я возмущённо уставилась на него. Он быстро качнул головой.

— Не так, как мужчина с женщиной. — Похоже, юный бог и в самом деле был возмущён, что я подумала о нём *так*. — Я — ребёнок, помнишь?

Ещё бы.

— Ты — *не* ребёнок.

— По меркам других богов, нет. Ньяхдох родился прежде начала всех времён; в сравнении с ним, и я, и мои собратья, и сосёстры — сущие дети. — Он снова сменил позу, прижав колени к груди и обняв их руками. Этот жест ужасно добавил ему юности и хрупкой уязвимости. Однакож, дурой я не была.

— Почему?

Долгий мягкий вздох.

— Я просто *люблю* тебя, Йин. Тому должна быть особая причина?

— В случае с тобой — первое, что приходит в голову.

Сиех нахмурился.

— Ну, это совсем не так. Я же говорил, что делаю то, что нравится и доставляет удовольствие, подобно детям. Нет никакой логики. Прими это за данность, или нет, как пожелаешь.

Он подпёр коленом подбородок и отвёл глаза, состроив надутую мину. Честно, ещё не встречала настолько искусного хитреца.

Вздохнув, я задумалась, согласиться или нет; и если «да», то не поведусь ли я на поводу очередной хитрости *Э*нэф*а*дех, не попадусь ли в сети интриг Арамери? В конце концов ответ пришёл сам собою: а какая разница? Сейчас или позже?

— Полагаю, это предложение должно польстить, — сказала наконец со вздохом.

Сиех мгновенно оживился и одним скоком перепрыгнул ко мне на кровать, стянул покрывала и хлопнул по моей стороне матраса.

— Можно, я расчешу тебе волосы?

Я не смогла сдержать смех.

— Ты просто поразителен.

— Бессмертие — ну очень скучная штука. Ты бы удивилась, знай, сколь увлекательны обычные человеческие привычки, особенно, после нескольких прожитых тысячелетий.

Я присела на кровать, предложив ему щётку. Он почти замурлыкал от удовольствия, цепко ухватившись за ручку, но я не спешила отпускать.

Он весело осклабился.

— Кажется, ты не готова выпустить дело из рук? Хочешь отказаться от сделки?

— Нет. Но считаю мудрым, ведя переговоры с обманщиком, потребовать свою часть уговора вперёд.

Он рассмеялся, расжав пальцы, — и получил выпущенной щёткой по ноге.

— Ты такая забавная. Ты мне нравишься больше всех прочих Арамери скопом.

Мне же не пришлось по душе, бытиь сочтёной за Арамери. Но…

— Больше, чем матушка? — спросила я.

Легкомыслие разом слетело с него, он поудобнее устроился напротив, оперевшись о мою спину.

— *Мне* она нравилась. Вполне. Не любила командовать нами. Только когда того требовал долг; а потом оставляла нас в покое. Впрочем, кто поумнее, так и делал. Ну, за исключениями навроде Скаймины. Бессмысленно находиться с оружием на короткой ноге или разводить шашни.

В любом случае такое легкомысленное объяснение матушкиных мотиваций я приняла, скрепя сердце.

— Возможно, он действовала из принципа. Многие Арамери злоупотребляют своей властью над вами. У них нет подобного права.

На секунду он удивлённо поднял голову с моего

плеча. Потом снова улёгся, успокоившись.

— Я лишь строю предположения.

— Но ты так не думаешь.

— Хочешь правды, Йин? Или утешающей лжи? Нет, не думаю, что она *из принципа* не стремилась водиться с нами. Просто на уме у неё было совсем другое. И ты знаешь, чем сияли её глаза. Энергией. Силой. Жаждой действовать.

Я нахмурилась, вспоминая. Верно, её взгляд и в самом деле… пылал, более того, жёг. Обжигал. Бежалостной, непреклонной решимостью. Но, незаметное, покуда не приглядеться, мерцало в нёи и иное. Алчность. Раскаяние.

Порой я представляла себе её мысли, когда она обращала свой взор на меня. *Я сделаю тебя своим орудием, я выкую из тебя свой клинок и нанесу ответный удар;* хотя, должно быть, она и сознавала — лучше меня — призрачную хрупкость шансов на победу. А может… *В конце концов, это и есть мой шанс сотворить мир. Даже если это и значит — изменить судьбу одного рёбёнка.* Теперь, когда я видела всё подобие Небес и Арамери, новая вариация осенила меня. *Я верну тебе разум. Я взращу в тебе здравомыслие.*

Но даже зрей это в ней все её дни в Небесах, задолго до моего рождения, со мной оно не имело

ничего общего.

— В её случае тоже было какое-то соревнование? — спросила я. — Разве она была не единственной наследницей?

— Нет. Никаких игр. Не было ни малейшего сомнения, что именно Киннет однажды станет следующим главой клана. До того самого дня, пока она не объявила об отречении. — Сиех пожал плечами. — Но даже после Декарта долго ещё считал, что она образумится и передумает. Но что-то изменилось, перемены завитали в воздухе. Это ощущалось на вкус. Тем летним днём стояла жара, но ярость Декарты стыла льдом на металле.

— Тем днём?

Минуту Сиех молчал. Внезапно я осознала: все инстинкты — коим я доверяла без тени сомнения, — обострившись, в один голос твердили одно. *Он собирался солгать.* Или, по крайней мере, скрыть часть правды.

Ну что ж, прекрасно. Все точки стали по местам. Бог и обманщик — с одной стороны; а с другой — я, член семьи, веками державшей его в неволе. Глупостью было бы ждать полного доверия. Надо брать, что дают — и что можно взять.

— В тот день она пришла во дворец, — сказал Сиех. Говорил он медленнее обычного, ощутимо

взвешивая каждое слово. — А годом, или около того, позже вышла замуж за твоего отца. Декарта приказывал опустошать залы, когда она приезжала. Дабы она могла сохранить лицо, как видишь, даже тогда он приглядывал за ней. По той же причине они встречались наедине, так что никому не известно, что было сказано между ними. Но все мы знали, *чего* он ожидал.

— Что она вернётся. — К счастью, этого так и не случилось. Иначе я не была бы сейчас здесь, просто не появившись на свет.

Но тогда зачем она объявлялась на Небесах?

Я намеревалась это выяснить, и скоро.

Я предложила Сиеху щётку. Взяв её и встав на колени, он, очень осторожно, взялся за мои волосы.

* * *

Сиех спал вразвалку, отхватив себе большую часть кровати. Очень большой кровати, если что. Я ожидала, что он подлезет поближе, прижавшись, но, похоже, что жадность простиралась не столь далеко, — на этот раз он удовольствовался, закинув на меня (а точнее, мои живот и ногу) пару своих конечностей. Я не возражала ни против его захватнических планов, ни против слабого

сопения. Меня по-прежнему заботили залитые дневным светом стены.

Однако, чудесным образом, но я задремала. Должно быть, попросту от усталости. Немногим позже, сонная как муха, я приоткрыла глаза, чтобы увидеть, как комната попала под власть теней и свет потускнел. Тёмная комната + ночь — я сочла это вполне здравым, дабы снова спокойно задремать.

Поутру я хотела было воскресить тот… как там его назвал Сиех?.. «вкус воздуха». Это был привкус был… Я не слишком сведуща в таких вещах, но *знала* (узнавала), подобно тому, как младенец знает любовь, а зверь — страх. Ревность, даже между отцом и сыном, — в природе вещей.

Тем утром я перевернулась на бок и обнаружила Сиеха бодрствующим. Его зелёные глаза потемнели, глядя с сожелением. Он молча встал, улыбнулся мне и исчез. Я знала: никогда больше он не заснёт рядом со мной.

10. Семья

После того, как Сиех ушёл, я встала. Было ещё довольно рано, но я решила найти Т'иврела прежде, чем начнётся дневное заседание Салона. Меня смущали его речи, что я уже, мол, знакома со всеми здешними шишками, могущими помочь с иоим нежданным наследством. Матушка, вот кто сейчас занимал мысли. Я надеялась, что найдётся кто-нибудь, кому известна правда о ночи её отречения.

И ошиблась. Повернув на нужном повороте не в ту сторону (влево, а не наоборот), я перепутала ярусы (следовало углубиться ещё дальше, вниз); и как результат, вместо конторы сенешаля, очутилась во внешнем дворе, перед самым входом во дворец.

Здесь всё и началось.

Колесо сделало оборот. Худшая из страниц моей жизни предстала передо мной.

Впереди меня ждал Декарта.

* * *

Первые знания о мире почерпнула я от настав-

ников-итемпанцов. И было мне о ту пору пять или шесть лет отроду.

— Вселенной управляют боги, — поведали мне. — И первый среди высших — Пресветлый Итемпас. Миром же правит Консорциум Нобилей, под рукой Дома Арамери. И первый среди дворян старшей крови — лорд Декарта.

Позже я сказала матушке, должно быть, этот лорд Арамери ну очень великий муж.

— Так и есть, — отвечала она, и более мы не возвращались к тому разговору.

И запали слова её в душу мне. Вернее, не сами слова, но то, *как* их произносили.

* * *

Внешний двор Небес — первое, что бросается взору посетителей, потому и расчитан производить впечатление. Кроме Отвесных Врат и входа во дворец — пещерообразного туннеля из концентрированных дуг, вкруг которого взвивается ввысь весь пугающий массив собственно Небес — есть здесь ещё Сад Ста Тысяч и Пирс. Разумеется, никаких доков нет и в помине. Просто выступ каплевидной формы, длиной в полмили. Края огибают изящные, хрупкие перильца, высотой по пояс человеку. Такое ограждение вряд ли

послужит помехой возможному самоубийце, задумай он кинуться вниз, но, полагаю, обережёт от падения праздных гуляк и прочих сторонних визитёров.

Декарта в компании с Вирейном и групкой приближённых стоял у самого подножия Пирса. Слегка в отдалении, оттого и не успели пока меня заметить. Я было сразу повернула назад, в сторону дворца, не узнай в одной из фигур, рядом с дедом и скриптором, — Закхарн, богиню-воительницу.

Это заставило призадуматься. Некоторых титулованных прихлебателей я смутно припоминала. Старые, можно сказать, знакомцы. Ещё с первого дня пребывания в Небесах. Какой-то мужчина, не могущий похвалиться столь же роскошным одеянием, как и другие, стоял чуть дальше, всего в паре шагов от ограждения, будто бы наслаждаясь видами, — но по телу его перекатывалась крупная дрожь. Даже отсюда я ощущала витавший рядом с ним страх.

Декарта что-то сказал, и Закхарн воздела руку — блеснула серебром призванная из ниоткуда заклятием пика. Указывая прямиком на человека, богиня переместилась тремя шагами вперёд. Наконечник пики завис на ветру, недвижимый, словно из камня, в нескольких от дюймах от

спины придворного.

Человек шагнул вперёд, оглянулся. Ветер хлестал, развевая пряди его волос; мужчина выглядел аном, или выходцем из какого-то близкого амнийцам народа. Мне была знакома эта гордая манера, этот дикий нрав, эти вызывающие глаза. Еретик, презирающий Пресветлого. Когда-то были целые армии подобных ему; сейчас лишь беглые одиночки скрывались на окраинах замкнутыми общинами, тайно поклоняясь падшим богам. Должно быть, этот, сплошав, выдал себя.

— Вам не под силу держать их скованными вечно, — дерзко сказал он. Ветёр дул в мою сторону и дальше, донося его слова и дразня лух. Покров защитной магии, подогревающей и усмиряющей воздушные потоки в Небесах, на Пирс, видимо, не распространялся. — Даже Небесный Отец не непогрешим и способен на ошибки!

Декарта не ответил ему, но склонился и прошептал что-то Закхарн. Человек на пирсе застыл, напрягаясь.

— Нет! Вы не можете! Не можете! — Он развернулся и попытался было прошмыгнуть мимо богини и её выставленной вперёд пики; глаза его ни на миг не отрывались от Декарты.

Воительница просто чуть двинула пикой, и

мужчина нанизал сам себя на блестящее острие.

Я закричала, прижав руки ко рту. Своды дворцового входа множили звук; оба они, Декарта и Вирейн, одновременно оглянулись. Но звук, грянувший следом, перекрыл мой возглас, а после завопил и еретик.

Волна прошла сквозь меня, — как пика Закхарн, пронзая человеческую плоть. Выгнувшись на острие, тело мужчины, ухватившегося в конвульсиях за древко, задрожало ещё сильнее, сотрясаемое предсмертными судорогами. С опозданием я поняла, что некая иная сила воротила его, кроме крика; грудь мужчины осветилась алым, вкруг раскалившегося кончика пики. Дым окутал рукава и воротник одеяний, рот и нос, и само лицо. Живыми оставались лишь глаза, полные безнадёжной боли. Он осознавал происходящее, страдая от боли, и муки отчания тоже были частью наказания. *Казни.*

Я бежала. Помоги мне Небесный Отче, но не в моих силах было вынести подобное, и я, бросившись во дворец, нырнула в отчаянии за угол. Бесполезно. Я всё ещё нутром слышала его крик. Вопль. *Ор.* В то время, как он заживо горел изнутри, пожираемый пламенем, член за членом, я, ухватившись за голову, боялась сойти с ума и

потерять слух до конца моей бренной жизни.

Благодарение всем богам, даже Ньяхдоху, наконец этой пытке пришёл конец.

Не знаю, сколько я просидела, зажав уши. Но спустя время пришло осознание, что кто-то рядом, и я подняла голову. Декарта, тяжело опершись на трость тёмного полированного дерева, добываемого в лесах Дарра, стоял прямо за мной. А рядом с ним — Вирейн. Другие придворные рассеялись вдоль коридора. Закхарн нигде не было видно.

— Ну, — сказал Декарта, голос его источал ядовитую насмешку, — теперь мы зреем истинную правду. В её крови куда сильнее течёт трусость отца, но никак не мужество Арамери.

От ярости потемнело в глазах. Гнев затмил разум — а заодно и понесённое потрясение. Я резко вскочила.

— Некогда Дарре рождали знаменитых воителей, — сказал Вирейн, прежде чем я смогла открыть рот и проклясть себя за страх. В отличие от Декарты, на лице его стыло неприступное выражение. — Но века, проведённые под властью Небесного Отца, века мира и порядка, усмирили нрав даже самых диких народов, господин мой. Мы не можем винить её за это. Сомневаюсь, что

она когда-либо прежде видела смерть собственными глазами.

— Членам *этой* семьи *должно* быть сильными, — отрезала Декарта. — Это цена, кою мы платим за власть. Мы не можем уподобиться тёмным племенам, отрёкшимся от своих богов, дабы уберечь шкуры. Нам *должно* брать пример с того мертвеца, как бы он ни заблуждался в своей вере. — Он жестом указал туда, к пирсу, или где там ещё валялся труп отступника. — Стать как Шахар. Мы должны быть готовы умереть — и убивать за нашего господина Итемпаса. — Зубы его ощерились в улыбке; по коже моей проползли мурашки. — Возможно, я предоставлю тебе возможность разобраться со следующим еретиком, внучка.

Я была слишком взволнованна и слишком зла, чтобы сдержать эмоции, выступившие на лице. Вернее, одно лишь чувство. Ненависть.

— Какая, к демонам, ещё сила? Убить безоружного? Или *нанять убийцу*? Подобно тому, как… — Я затрясла головой. В ушах всё ещё звучал крик. — Это была безжалостная жестокость! Не правосудие.

— Было это?.. — К моему удивлению, Декарта действительно задумался. — Этот мир принад-

лежит Небесному Отцу. Бесспорно. Тот человек был пойман за распространение запрещённых книг, книг, отрицающих эту реальность. И каждый из прочёвших их — каждый сознательный гражданин, зревший богохульство и не осудивший, — теперь примкнул к его заблуждению. Все они — преступники средь нас, в намерении украсть не золото, даже не жизнь. Но *сердца*. Умы. Разум и покой. — Декарта испустил вздох. — Истинным правосудием было бы уничтожить их всех, от первого до последнего; прижечь язву ереси, прежде чем она распространится. Вместо того я просто приказал предать смерти каждого из его клики, заодно с супругами и детьми. Лишь тех, кого не наставить уже на путь истинный, кто погиб окончательно душой, — а теперь и телом. Без надежды на искупление.

Я уставилась на Декарта, приходя в цепенеющий ужас от его слов. Теперь я знала, *почему* мужчина сам кинулся на лезвие. И знала, *куда* ушла Закхарн.

— Лорд Декарта милостиво предоставил ему выбор, — добавил Вирейн. — Он мог избрать прыжок. Смерть тогда была бы более лёгкой. Обычно ветра кружат тела в опорной колонне дворца, — на землю просто нечему падать. Это…

быстро. Почти.

— Вы… — Хотела бы я вновь лишиться слуха. Замкнуть уши. — И вы ещё зовёте себя слугами Итемпаса? Хуже бешеных зверей! Чудовища!

Декарта покачал головой.

— Я дурак, что продолжал искать хоть что-то от *неё* в тебе. — Отвернувшись, он медленно двинулся по коридору, тяжело опираясь на трость. Вирейн пристроился вслед, готовый тут жу броситься на помощь, стоит его господину споткнуться. Скриптор лишь раз обернулся на меня. Декарта не сделал и того.

Я принудила себя оторваться от стены.

— Матушка блюла заветы Пресветлого куда как истиннее вас всех вместе взятых!

Декарта остановился; сердце моё забилось в страхе. Я поняла, что зашла слишком далеко. Но он так и не обернулся.

— Что правда, то правда, — сказал Декарта преувеличено мягким голосом. — Твоя мать не допустила бы и мысли так опуститься и выказать хоть каплю сострадания.

Молча, он двинулся дальше. Откинувшись, я привалилась к стене — и долго ещё боролась с охватившей тело холодной дрожью.

* * *

В тот день я пропустила Салон. Я не могла сидеть рядом с Декартой, напустив на себя равнодушие, в то время как в голове всё ещё звенели крики еретика.

Я не Арамери и никогда не стану Арамери, так когда же я успела уподобиться им?

К тому же, мне и так хватало дел иного толка.

Войдя в кабинет Т'иврела, я застала его заполняющим документы. Прежде чем он поднялся поприветствовать меня, я опёрлась рукой о стол.

— Матушкины вещи. Где они?

Он закрыл рот, открыл его снова, выдав короткое:

— Её комнаты в Седьмом Шпиле.

Настала моя очередь держать паузу.

— Они… нетронуты?

— Декарта приказал сохранить всё таким же, как оно было в день её ухода. Лишь после стало ясно, что она не вернётся… — Сенешаль сожалеюще развёл руками. — Мой предшественник чрезвычайно высоко ценил собственную жизнь, чтобы позволить — или даже задаться одной только мыслью — их опустошить. Собственно, я тоже.

Добавил секунду спустя, с истино дипломатическим тактом (впрочем, как и всегда).

— Я пошлю кого-нибудь сопроводить и показать вам дорогу.

* * *

Матушкино убежище.

Не дожидаясь озвученного приказа, слуга оставил меня одну. После хлопка закрывающейся двери наступила тишина. Пятна солнечного света расцвечивали пол. Тяжёлые шторы даже не шолохнулись, когда я вошла. Люди Т'иврела блюли здесь чистоту — в воздухе не танцевало ни единой пылинки. Затаи я сейчас дыхание, и комната представилась бы портретом искусной работы, а не живой реальностью.

Я шагнула вперёд. Приёмная, значит. Бюро, диван, столик (чайный или рабочий). Пара личных штрихов тут и там — картины на стенах, фигурки на полочках. Красивый резной алтарь в сенмитском стиле. Всё очень… изящно.

И ничего из этого не ощущалось матушкиным.

Я прошла дальше. Слева — ванная комната. Купальня больше моей, но матушна всегда любила плескаться в воде. Я вспомнила, как мы сидели в пузырящейся пене; хихикая, она ерошила волосы

на макушке и строила глупые рожицы…

Нет. Только не раскисать.

Ничего стоящего. Скорее, попросту — бесполезное.

Спальня. Огромная овальная кровать в два раза больше моей, глубокая, пышная, белая. Усеянная подушками. Комоды, туалетный столик, камин с каминной полкой — декоративные, ибо огонь в Небесах был ни к чему. Другой столик. Здесь тоже были разбросаны кой-какие личные намёки: аккуратно расставленные флаконы и бутылочки, любимые — впереди. Несколько огромных растений в горшках, всё ещё зелёных, даже спустя столько лет. Портреты на стенах.

На них я и задержала глаза. Чтобы лучше разглядеть, пришлось подойти аж к камину: на самом большом — заключённая в рамку красивая блондинка. Амнийка по виду. Богато одетая, с прямой осанкой — последнее говорило о воспитании куда более утончённом, чем моё собственное. Но многажды интереснее было выражение её лица. Бледная улыбка на едва изогнутых губах; взгляд вроде бы в упор на зрителя, но какой-то рассеянный, туманный, словно не от мира сего. Мечтательный? или со скрытой тревогой? Подметить такое мог лишь бесспорный мастер.

Ошеломляло и другое. Поразительное сходство дамы на портрете с матушкой. Видимо, то была моя бабка, трагически погибшая жена Декарты. Неудивительно, что она выглядела обеспокоенной, заключая брак. С этой-то семьёй.

Я развернулась, дабы обозреть комнату целиком.

— Как вам жилось здесь, матушка? — прошептала вслух. Звук голоса почти не нарушал тишины. Здесь, в закрытой ото всех комнате, где, казалось, само время застыло, я была всего лишь сторонним наблюдателем. — Были ли вы той, кого я помню, или… Арамери?

Ничто тут не поведает о её смерти. Но вполне — об ином. Том, что я обязана знать.

Я начала обыскивать комнаты. Поиски двигались медленно — я не могла позволить себе разворошить здесь всё. Мало того, что подобным поступком я оскорбила бы долгий труд прислуги, — это было бы и неуважением к матушке. Я знала это. Ей всегда нравилась аккуратность.

Солнце почти зашло, когда я наконец обнаружила небольшой ларец, спрятанный за передней стенкой шкафчика в спальне. Чистая случайность. Не устань я, не облокотись о край дверцы, не почувствуй скрытого шва — ничего бы не вы-

шло. Тайник? Под крышкой обнаружились кипы сложенных бумаг и свитков. Я было потянулась вытащить ларец, как заметила на одном из свитков отцовский почерк.

Руки дрожали, пока я осторожно доставала ящичек. На его месте остался квадратик чистого пространства среди толстого слоя пыли; по-видимому, изнутри шкаф никто не чистил. А возможно, слуги, как и я поначалу, так и не дознались, как тот открывается. Сдув пыль с верхнего слоя бумаг, я взяла первый сложенный лист.

Любовное письмо. От отца к матушке.

Я вытащила их все, рассмотрев и разложив в порядке дат. Одни любовные послания, от него к ней, и изредка — всего пара штук — от ней к нему. Год (или около того) жизни моих родителей.

Сглотнув тяжесть в горле и укрепив сердце, я начала читать.

Часом спустя я прервалась, легла на кровать и задремала, оплакивая себя.

Очнулась я в полной темноте.

* * *

И я не испытывала боле страха. Дурной знак.

* * *

— Вы не должны блуждать по дворцу в одиночку, — сказал Ньяхдох.

Я привстала. Он сидел рядом со мной на кровати, глядя в окно. Высоко стоявшая луна ярко светила сквозь смазанное пятно облаков; должно быть, я забылась сном около часа. Потерев лицо, я сказала, смело и ничто же сумняшеся:

— А я было уже потешила себя мыслью, что мы достигли взаимопонимания, лорд Ньяхдох.

Наградой стала улыбка, хотя оборачиваться он не спешил.

— Уважение. Да. Но в Небесах вас подстерегают напасти поболее меня.

— Кто не рискует — не пьёт вина. А мне есть ради чего рисковать. — Я кинула взгляд на постель. Там лежал целый ворох бумаг наряду с другими мелочами, извлечёнными из ларца. Саше из засушенных цветов. Локон прямых чёрных волос, должно быть, моего отца. Завиток бумаги с несколькими перечёркнутыми строчками стихов. Рука матушкина. Крошечный серебряный кулон необычной формы на тонком кожаном шнурке. Сокровища влюблённой женщины. Я подобрала подвеску, снова попытавшись опре-

делить, что бы она значила. По виду — плоский шероховатый комочек, продолговатый, с заострёнными краями. Странно знакомый.

— Костянка, — сказал Ньяхдох, искоса глядя на меня.

Да, кулон напоминал фруктовую косточку — абрикоса, а может, гинкго. И я знала, где видела похожий, но золотой: на шее Рас Анчи.

— Почему?..

— Плод умирает, но ложно: тайно храня в себе искру новой жизни. Энэфа имела власть над жизнью и смертью.

Я нахмурилась в замешательстве. Возможно, серебряная костяшка была символом Энэфы, подобно тому как белое нефритовое кольцо — знаком Итемпаса. Но откуда (и у чему?) он взялся у матушки? А вернее — *отчего* мой отец дал его ей?

— Она была сильнейшей из нас, — пробормотал Ньяхдох. Его вновь поглотило пристальное созерцание ночного неба; но мыслями он витал далеко не здесь. Яснее некуда. — Не прибегни Итемпас к яду… открыто умертвить её Ему было не под силу. Но она доверяла Ему. Любила Его.

Он опустил глаза, с нежной, печальной улыбкой. Нездешней улыбкой. И сказал, обращаясь

в пустоту:

— Впрочем, как и я сам.

Оторопев, я едва не выронила кулон.

* * *

Тако вразумляли меня священники:

И было некогда трое богов. И суждено единому из них, Пресветлому Итемпасу, Владыке Дня, было правити всем. Волей судьбы ли, Маальстрема или иным непостижимым умыслом. И было то суть хорошо. Поколе не явилась сестра Его, выскочка Энэфа, и не возгласила, буде она сама господствовать заместо Пресветлого брата. И улестила брата их кровного, Ньяхдоха, пособничать ей, а такоже неких божков, чад их смесных. И замыслили они здодеянное. Но всевластный Итемпас — буде могущественней сестры и брата, обоих парой, — победил их умело и крепко. И поразил он Энэфу, и низверг, и изничтожил; и покарал он Ньяхдоха и бунтарей ея; и учредил великий мир, более прежнего, — ибо без упокоенных родичей Его, тёмного брата и дикой сестры, был Он свободен отныне, дабы нести свет истинный и порядок твёрдый всему живому и творимому.

Однако ж…

* * *

— Я-яду?

Ньяхдох вздохнул. Волосы его беспокойно зашевелились, подобно тому, как ночной ветерок развевает занавеси.

— Заигрывая со смертными, мы сами создали оружие, хотя в опромётчивости своей и не скоро поняли этой истины.

И Ньяхдох сошёл на землю, ища развлечений.

— Демонов… — прошептала я.

— Так прозвали их люди. Прекрасные, совершенные существа… как и наши божественные дети, но — смертные. Кровь их, попадая в наши тела, влекла за собой погибель. Единственный из ядов, могущий убить нас.

Но любовница Владыки так и не простила ему…

— Вы открыли охоту на них.

— Мы боялись, что они, смешавщись со смертными, передадут порочную заразу и дальше, своим потомкам. Пока весь род человеческий не станет смертельно опасен нам. Но Итемпас сохранил жизнь одному из демонов, дав сбежать.

Дабы тот послужил орудием убийства детей его…

Я содрогнулась. Итак, священники не лгали, сказание было истинным. И всё же, я чувствовала это кожей, где-то глубоко в Ньяхдохе тлел стыд, веками длящаяся боль сжигала его. А значит, доля правды была и в бабушкином толковании сказки.

— И этим… ядом Владыка Итемпас поверг напавшую на него Энэфу?

— Она не бросалась на него.

Тошнота подступила к горлу. Мир, закачавшись, готов был обрушиться.

— Тогда… зачем?..

Он опустил глаза. Волосы спали вперёд, скрывая лицо. Память отверзлась часом нашей первой встречи, тремя ночами назад. Улыбка, злым изгибом кривившая губы, не отдавала тем страшным безумием, но разила равной по силе горечью.

— Они повздорили, — произнёс он нехотя. — Из-за меня.

* * *

За полвздоха какая-то перемена произошла во мне. Я смотрела на Ньяхдоха и не видела в нём могущественного, непредсказуемого, смертельно опасного чудовища, коим он был.

Я хотела его. Обольстить. Подчинить. Контроли-

ровать. Мысленно я видела себя — обнажённую, в зелени трав, обнимающую его, восседающую на нём; его невольную дрожь, его беспомощные глаза. Его плоть, пронзившую меня. И взгляд, горящий наслаждением. *Моё.* Ласкать его полночно-тёмные волосы. Сплетаться взглядами — и телами. Видеть притягательную улыбку, полную томительного наслаждения.

Я спешно отринула это видение, эти чувства, едва они успели прийти мне на ум. Но то был ещё один упреждающий знак.

* * *

— Маальстрем, породивший нас, не был тороплив, — сказал Ньяхдох. Если он и засёк моё внезапное смущение, то вида не подал. — Я был первым, за мной — Итемпас. Несчётную вечность мы — Он и Я — были одни во всей вселенной; вначале — враги, потом — возлюбленные. Ему нравилось это.

Я старалась не думать о священниках и их летописях. Не сомневаться, а не лжёт ли Ньяхдох, — столь правдиво звучали его слова, отзываясь во мне на почти инстинктивном уровне. Трое сами по себе были неизмеримо больше, чем просто братья и сестра, — силы природы,

противоборствующие, но неразрывно связанные. Мне — единственному дитя, смертному по сути, — не знавшей любви, не имевшей никогда возлюбленного, не понять уз, связывающих их. Но придётся хотя бы попробовывать. Ибо иного выбора нет тоже.

— Когда явилась Энэфа… Владыка Итемпас счёл её… нарушительницей?

— Да. Хотя мы и прежде чувствовали нашу неполноту. Мы созданы были быть Треми, не парой. Итемпаса возмущало и это.

Ньяхдох искоса глянул на меня. На мгновение я затаила дыхание: в тенях, отбрасываемых мною, его лицо неуловимо изменилось, — совершенство черт… поражало. Ослепляло. Никогда прежде не видела я ничего столь прекрасного.

Теперь ясно, отчего Итемпас убил Энэфу. За одно лишь право заполучить эту красоту.

— Вас не забавляет услышанное? Что мы можем быть столь же эгоистичны и горделивы, как простое человечество? — Голос Ньяхдоха охрип, словно грозясь сорваться. Эта перемена почти не затронула меня. Я так и не могла отвести от него глаз. — Знаю, мы сотворили вас по образу и подобию нашему. И мы виной всем людским порокам и изъянам.

— Нет, — сказала я наконец. — Ч-что меня на самом деле удивляет… так это ложь за ложью, которую мне упорно вешают на уши.

— Я ожидал от Дарре большего. Они бы могли и лучше озаботиться охранить истину. — Он наклонился ближе. С медленной, вкрадчивой грацией. Что-то хищное мелькнуло в его глазах — из меня, зачарованной, вышла лёгкая добыча. — Не все народы, в конце концов, поклоняются Итемпасу по доброй воле. *Эн'ну* могли бы и знать, на худой конец, старые обычаи.

Я думала также. Голова закружилась, стоило мне сжать серебряную подвеску. Знаю, когда-то и мой народ был еретиками. Оттого амн и прозывают нас (и нам подобных) — *тёмными*: мы приняли учение Пресветлого лишь в испуге за наши жизни, когда Арамери пригрозили Дарре уничтожением.

Но что подразумевает Ньяхдох? Что кто-то из моего народа с самого начала знал истинную причину Битвы Богов — *и скрывал от меня*? Нет. Я не могла… не хотела верить… в это… *Предательство.*

Обо мне всегда шептали разное. Сомневались. Тревожились. Амнийские волосы. Амнийские глаза. Амнийская масть. Амнийская мать. Не

Арамери ли воспитала она? Я сражалась. Долго и трудно; лишь бы завоёвывать уважение моего народа. *Думала*, что смогла завоевать.

— Нет… — прошептала едва слышно. — Бабушка сказала бы мне…

И в правду сказала бы?

— Так много тайн окружают вас. — Шёпот раздался у самого уха. — Так много лжи тенетами сплетается вкруг. Следует ли мне разорвать их для вас? — Ладонь легла на бедро. У меня не было сил отшатнуться. Щека коснулась моей, горячее дыхание рядом заставило нервно облизнуть губы. — Вы хотите меня.

Я бы задрожала, но дрожь и так уже охватывала трепещущее тело с головы до ног.

— Н-нет.

— Так много лжи. — На последнем слове чужой язык ласкающе скользнул по моим пересохшим губам. Я дрожала всем телом, ровно вытянутая и готовая вот-вот оборваться струна; беспомощный всхлип — вот что мне оставалось. Я снова видела себя на зелёной траве, подчинившуюся, придавленную сильным мужским телом. И на кровати — той самой, где сейчас сидела. Сломленную, он брал и брал меня раз за разом — в матушкиной постели. Жестоко. Безжалостно. Силой. И я не вла-

дела им и не властвовала его. Как… как я вообще осмелилась даже представить, что у меня хватит на то сил? Он пользовал мою беззащитную плоть, а я рыдала от страха и желания. Я была его, и он пожирал меня. Куда делось моё благоразумие? Пало, разодранным в сочащиеся ужасом ошмётки, — и Владыка наслаждался, поглощая их один за другим. Один за другим.

А вместе с тем — накрыло ясное озарение — паду, уничтоженная, раздавленная, и я сама. И более того — буду наслаждаться каждой секундой своего падения.

— О, боги… — Вся ирония клятвы улетучилась от меня. Потянувшись, я утопила руки в тёмном ореоле, обволакивающем падшего. Прохладный ночной воздух овевал разгорячённую кожу; я ожидала, что пальцы просто пройдут сквозь пустоту, ничего не ощутив. Но неожиданно натолкнулась на твёрдую плоть, тёплое человеческое тело, ткань одежды. За последнюю, как слабый отголосок реальности — опасной реальности, — я и уцепилась со всей остававшейся у меня силой. Так трудно было сдержаться и не прильнуть к нему. — Пожалуйста, не надо… Пожалуйста, о боги, не надо… не надо… пожалуйста…

Он по-прежнему маячил передо мной. Дыхание

щекотало кожу. *Он улыбался.*

— Разве это приказ?

Я задрожала ещё сильней: от страха, желания — и борьбы с ними.

Последнее, наконец, принесло плоды, — мне удалось отвернуться. Прохладное дыхание прошлось вдоль горла; я ослабла, тело жаждало всех, даже самых интимных ласок. Никогда ещё в своей жизни я не хотела — *так* не хотела — стоящего предо мной мужчины, как сейчас. И никогда ещё так не страшилась.

— Пожалуйста… — взмолилась я снова.

Он едва-едва коснулся в поцелуе жилки под горлом. Как ни старалась я не сдержать стона, то было превыше. Тело *жаждало* его поцелуев. *Бредило им.*

Вздохнув, он неожиданно отстранился, встал и отошёл к окну. Ещё минуту нити его силы обвивали меня; я почти забылась в этой непроглядной тьме. Но потом — нехотя, с ленцой — дали мне волю, вернувшись к хозяину (аура того вернулась в привычное беспокойное колебание).

Рухнув на колени, я сжала себя за плечи. Единственное, чего я жаждала, — остановить наконец эту проклятую дрожь.

— Твоя мать была истинной Арамери. — Спо-

койный голос прервал мои усилия.

Подобно внезапной пощёчине, признание потрясло меня настолько, что я пришла наконец в себя. Желания тела боле не властвовали надо мной.

— Она являлась всем, чего только хотел Декарта, и даже больше, — продолжил Владыка. — Пусть цели их и рознились, но в остальном, Киннет, как никто другой, была под стать своему отцу. Он любит её до сих пор.

Я сглотнула и поднялась, пошатываясь. Ноги держали плохо, но я заставила себя выпрямиться — толчком, через силу. На одних бессознательных интинктах — и чувстве воли.

— Тогда *почему* он убил её?

— Думаешь… *он*?

Я было открыла рот — потребовать объяснений. Но Ньяхдох опередил меня, обернувшись. Свет, просачивающий из окна, окутывал весь силуэт падшего. Кроме глаз. Я ясно узрела их. Чёрные как оникс. Мерцающие неземным знанием. Сверкающие расчётом… и затаённой злобой.

— Нет, моя милая, маленькая пешка, — отчётливо произнёс Владыка Ночи. — Моё дорогое ничтожное орудие. Больше никаких тайн, выложенных бесплатно. Только заключив союз. Для

твоей же безопасности — и нашей тоже. Мне поведать условия? — Я знала, как-то, но знала, что улыбка вновь корёжит его губы. — Да, думаю, ты не против их услышать. Мы *хотим* твою жизнь, моя милая, сладкая Йин. Вручи её нам — и получишь все ответы, какие пожелаешь, а заодно и шанс на месть. Ведь *этого,* только этого ты жаждешь по-настоящему, не так ли? — Мягкий, жестокий смешок. — Ты *куда больше* Арамери, чем кажется Декарте.

Меня снова затрясло. Но на сей раз — уже не из страха.

Как и прежде, он исчез — вначале видимо, и лишь многим позже — окончательно выветрившись ореолом ауры. Когда чувства подсказали, что его боле нет в комнате, я отложила матушкины вещи и тщательно прибралась, чтобы скрыть здешнее своё посещение. Я хотела было оставить себе, сохранив, серебряный кулон; но зашла в тупик, где бы найти безопасное место для тайника. В голову не приходило ничего лучше шкафчика, где тот и прежде пролежал десятилетиями, ненайденный. Нетронутый. Так что туда я его вернула. А вместе с ним — и письма.

После же, я наконец вернулась обратно, в свои апартаменты. И лишь стиснутая в кулак воля не

позволила мне перейти по дороге с размеренного шага на трусливый бег.

11. Матушка

Т'иврел говорил мне: порой Небеса пожирают людей. Что и сказать, подлинное творение Энэфадех. Глупо не опасаться, живя в домах, возведённых ярящимися богами. В тёмнозвёздной ночи, когда чернеющая луна прячет свой взор в тенях, угасает и сияние каменных стен. Этой порою бессилен и сам Пресветлый Итемпас. Тьма не задерживается надолго — пара часов, не более, — но пока она царствует на Небесах, большинство Арамери прячутся за запорами своих покоев, осторожничая и стихая. А если им выпадает участь пройтись небесными коридорами, быстро и незаметно стелятся меж стен, пристально следя за шагом. Ибо у здешних ярусов, знаете ли, есть невинная привычка отверзаться невзначай под ногами и заглатывать неосторожных прохожих. Совершенно случайно, разумеется. Дознаватели, конечно, углублялись в пределы мёртвого межнебесья, но тел незадачливых бедолаг так и не находили.

Теперь же, я знаю: слухи правдивы. Но куда более важно…

Знаю, где сгинули эти затерявшиеся.

* * *

— Пожалуйста, расскажите о матушке, — попросила я Вирейна.

Он оторвался от работы над хитроумной шкутовиной. Странное паутинчатое переплетение металла и кожаных ремней (понятие не имею, на что оно бы сгодилось).

— Т'иврел докладывал, что вчера отправлял вас в её покои, — заметил он вкрадчиво, поворачиваясь на стуле лицом ко мне. Брови были задумчиво сдвинуты. — Что вы искали там?

Стоило пометить на будущее: Т'иврел плохо держит язык за зубами. Впрочем, что удивительного? И ему приходится сражаться за собственную шкуру.

— Истину.

— Не доверяете Декарте?

— А вы бы?

Он усмехнулся:

— Оснований верить мне у вас нет тоже.

— Будучи запертой в четырёх стенах, в вонючем амнийском гадюшнике нельзя быть уверенной ни в ком. И коль уж единственный шанс с ним распрощаться — поневоле измазавшись в дерьме,

я пойду и на это.

— Подумать только! Говорите совсем, как она. — Удивительно, но моя нарочитая грубость, походе, порадовала его. Он даже заулыбался, с тенью высокомерной снисходительности во взгляде. — Однако… слегка сыровато. На редкость прямолинейно. Киннет предпочитала более тонкие и изящные оскорбления. Попавшиеся ей на язычок лишь много позже уразумевали, что их утончённо извазили в грязи.

— Матушка никогда бы не опустилась до прилюдных издёвок, не будь у неё на то особенных причин. Вы спровоцировали её. Чем?

Он замер. На одно лишь биение сердца. Но я довольно отметила, как резво сбежагает с лица Вирейна кривая ухмылка.

— Что вы хотите знать? — спросил наконец скриптор.

— Почему Декарта хотел видеть мою мать мёртвой?

— Единственный, кто может вам ответить, — он сам. Не собираетесь ли переговорить с ним?

Вообще-то, да. Но отчего бы нам двоим не поиграть ещё, отвечая вопросом на вопрос?

— Почему она приходила сюда? Той давней ночью? Ночью, когда до Деркаты наконец дошло:

боле дочь его не вернётся?

Я ожидала удивления или что-то вроде того. Но никак не вспышки холодной ярости, вгоняющей душу в пятки.

— С кем вы *говорили*? Прислугой? Сиехом? *Кто* разболтал вам?

Порою правда выводит противников из себя.

— Ньяхдох.

Вздрогнув, Вирейн сузил глаза.

— Ясно. Он убьёт вас, так и знайте. Предварительно поиграв. Любимое занятие Ньяхдоха, ежели находится Арамери, столь тупой, чтобы попытаться укротить его.

— Скаймина…

— …не горит желанием взнуздать чудовище. Звериная жажда крови, полыхающая в нём, куда сильнее греет ей сердце. Последнего идиота, что предавался с ним любви, я слышал, развеяло по всему большому двору.

Я вспомнила скользящие вдоль шеи губы Ньяхдоха. Меня передёрнуло, и я кое-как совладала с дрожью, пусть и не до конца. Не то чтобы это удивляло… но возможность отправиться прямиком на тот свет, возлежав с богом в одной постели, как то не приходила мне на ум. У смертных тел свой предел. Истощённый организм засыпает.

Каким бы великолепным любовником падший не был, о его мастерстве стоило судить вслепую: каждая отправляющая на небеса ласка могла обойтись в десяток отрезвляющих. Швыряющих прямиком на бренную землю.

Ньяхдоху по силам было вознести меня в это туманное марево… и не отпустить обратно. Он мог бы утянуть меня и дальше, в холодную, безвоздушную (бездушную) тьму, — его истиннные владения. Задохнись я там… взорвись от натуги моя плоть… лишись я последних крох разума… что ж. Вирейн прав: всему виной была бы лишь моя прискорбная самоуверенность.

Я одарила скриптора печальной улыбкой, выказав во взгляде страх, чертовски сильно обуявший меня страх.

— Да, Ньяхдох непременно покончит со мной — если, конечно, его не опередите вы… Арамери. И раз уж моя возможная смерть настолько вас тревожит, не откажитесь ли помочь, дав мне требуемые ответы?

Вирейн безмолствовал, натянув на лицо непроницаемую, словно каменную, маску. Молчание тянулось невыносимо долго. Наконец он снова поразил меня, встав с рабочего места и подойдя к одному из огромных окон. Отсюда свободно

проглядывались и весь город полностью, и горы, маячащие вдали.

— Не могу сказать, что хорошо помню ту ночь, — медленно произнёс он. — Двадцать лет тому назад. Я лишь осваивался здесь, в Небесах, направленный сюда после обучения в коллегии Скрипторов.

— Будьте так добры, расскажите мне всё, что только сможете припомнить, — попросила я.

* * *

Прежде языка богов скрипторы, подобно детям, выучивают языки смертные. Понимают, сколь гибки те — и разум, потребный для них; сколь много понятий, даже близко непередаваемых словами, с одного диалекта на иной. Уразумевают первоотличие сигила от человечьей речи: возможность облечь звуком несказанное. Невыразимое.

И посему зарекитесь навеки доверяться лучшим из них, скрипторов.

* * *

— Той ночью шёл дождь. Отлеглось в памяти, ибо дожди не столь частые гости в Небесах, тя-

желые облака обычно спускаются гораздо ниже дворца. Но Киннет промокла насквозь, добежав от кареты до входа. Мокрые следы стелились по полу, каким бы коридором она ни шла.

Он *видел*, как она шла, дошло до меня. Либо скрываясь в боковой галерее, либо следуя за ней по пятам, раз пятна ещё не успели сойти. Разве Сиех не говорил, что приказом Декарты все коридоры той ночью опустели? Должно быть, Вирейн ослушался дедова веления.

— Все догадывались, *почему* она явилась, или думали, что догадываются. Никто не ждал, что её брак станет долгим. Казалось непостижимым, что столь сильная женщина, женщина, рождённая править, всё променяет — и ради чего? — В отражении на стекле я уловила взгляд, брошенный на меня Вирейном. — Не сочтите за оскорбление.

Своего рода вежливость по-арамерийски. *Почти* вежливость.

— Не берите в голову.

Он тонко улыбнулся.

— Но вот в чём закавыка. Это было *ради него*. Её неожиданное (нежданое) появление тем вечером. *Ради мужа* — вашего отца; не вернуть своё положение, но молить Декарту о спасении. О лекарстве от Гулящей Старухи.

Меня словно ударило поддых. Во все глаза я уставилась на Вирейна.

— Более того, она привезла мужа с собой. Одному из слуг случилось заглянуть к кучеру, и он разглядел того там, в горячке и холодном поту (третья стадия, по всей вероятности). Долгое путешествие в одиночку, должно быть, окончательно подкосило его физически, ускорив ход заболевания. Она рисковала всем, поставив на помощь Декарты.

Я сглотнула. Некогда отец был близок к смерти, заразившись от Старухи. Матушка бежала с Небес в зените славы и власти, изгнанная за любовный мезальянс. Два этих знания, два события горели в моей крови. Но связь между ними…

— Как погляжу, она была права, добившись успеха.

— Нет. Выйдя из комнат, возвращаясь обратно в Дарр, она полыхала от злости и гнева. Никогда ещё не видял я милорда Декарту в такой ярости; думал, дело дойдёт до смертоубийства. Но он просто приказал вычеркнуть Киннет из генеалогических списков. Не только, как наследницу, — то было проделано ранее, — но и как Арамери. Вымарать начисто. И приказал мне выжечь её кровный сигил (расстояние тому не

служило помехой). Дошло даже до публичного заявления. Шумиха стояла на весь высший свет — как же, первый чистокровный за века, от которого отреклись, и отреклись — *так*.

Я покачала головой:

— А что мой отец?

— Насколько могу судить, когда ваша мать ушла, он всё ещё пребывал между жизнью и смертью.

Но отец *пережил* Гулящую Старуху. Выжившие были редкостью; чудесные исцеления случались, да, но почти никогда с теми, кто достиг третьей стадии.

Может Декарта передумал? Прикажи он, и дворцовый лекарь тут же выехал бы вслед за матушкиной каретой, догнал и вернул их обратно. Наконец, он мог повелеть Энэфадех…

Стоп.

Постойте.

— Вот почему она приходила, — сказал Вирейн, отвернувшись от окна. Его пристальный взгляд подействовал отрезвляюще. — *Ради него.* Никакой тайны, никакого грандиозного сговора — любой слуга, проработавший здесь достаточно долго, мог рассказать то же. С чего такое беспокойство? Почему вы обратились именно ко *мне*?

— Я думала, вам известно больше простой прислуги, — ответила я ровным голосом, пытаясь не выказать вспыхнувших подозрений. — Вам нужна другая причина?

— И лишь поэтому вы припёрли меня к стенке? — Испустив долгий вздох, он покачал головой. — Что ж, неплохо. Как погляжу, вы унаследовали *кое-что* от Арамери.

— Надеюсь, это «кое-что» не мкажется здесь бесполезным грузом.

Скриптор отвесил мне сардонический полупоклон.

— Что-нибудь ещё?

Я умирала от желания узнать побольше. Но не от него. Не всё сразу, не стоит торопиться.

— Вы согласны с Декартой? — спросила я, просто чтобы продолжить разговор. — Что матушка жестоко боролась с еретиками?

— О, да. — Я сморгнула от удивления, и он улыбнулся. — Киннет, подобно Декарте, была одной из немногих Арамери, серьёзно относящихся к долгу избранничества Итемпасом. Что есть, погибель для неуверовавших в него. Погибель любой угрозе для мира — или её власти. — Вирейн покачал головой, погружённый в ностальгические воспоминания. — Думаете, Скаймина — зло? В ней нет

ни капли проницательности. Силой и волей во плоти была ваша мать. Стрелой, направленной прямо в цель.

Самодовольный, он читал меня так же легко, как свои сигилы. Волнение и тревогу, отразившиеся на моём лице. Возможно, я слишком мала и до сих пор смотрю на неё глазами ребёнка, возводя в ранг богини; но всё, что я слышала о матушке с начала моего пребывания в Небесах, попросту не укладывалось в голове. Этот образ яро противоречил тому, что хранила моя память. Той нежной, добросердечной женщине, полной насмешливого смеха. Ну да, она могла быть безжалостной — как и подобает жене любого правителя. Особенно в Дарре, особенно сейчас. Но слышать похвальбы Декарты и противопоставление со Скайминой (выгодное!)… нет, ничего общего со женщиной, взрастившей меня. То была *другая*. Незнакомка с именем и обличьем — и безраздельно чуждой душой.

Специализация Вирейна — магия душ. Изменение душ. *Что ты сотворил с матушкой?* Хотела бы я так спросить. Слишком простое, слишком лёгкое объяснение, чтобы быть правдой.

— Знаете, вы напрасно тратите время, — устало и тихо сказал Вирейн. Улыбка сползала с его лица

по мере моего молчания. — Ваша мать мертва. Но что до вас — нет. Отправиться за ней куда как легче, чем постараться выжить.

И это то, чего я добивалась?

— Доброго дня, скриптор Вирейн, — попрощалась перед тем, как уйти.

* * *

Я затерялась. В переносном и прямом смысле.

В Небесах трудновато заблудиться. Это правда, что коридоры схожи как близнецы. Порою путаются подъёмники, вывозя пассажиров не туда, куда те *намеревались* пребыть, а туда, где бы им быть *хотелось*. (Поговаривают, больше всего проблем с этим у влюблённых курьеров.) Не говоря уже о том, что залы обычно полны прислуги, готовой по первому зову услужить любому с меткой высшей крови.

Я не просила о помощи. Знаю, глупо, но какая-то часть сознания упорно не хотела действовать по чужой указке. Слова Вирейна въедались в душу; сколь не броди я тревожно сплетениями коридоров, — проклятые мысли ранили всё глубже и глубже.

Я и вправду напрочь забыла о борьбе за дедово наследие, поглощённая желанием узнать как

можно больше о матушке. Вскрывшаяся истина не вернёт к жизни мёртвых, но вполне способна привести к гибели меня. Возможно, Вирейн прав, и я в самом деле играю со смертью. Со дня матушкин похорон прошло менее одной смены сезонов. В Дарре у меня было бы полным-полно времени, да и семья помогла бы пережить потерю, отскорбев как подобает; но дедово приглашение урезало срок траура до неприличия. Здесь, в Небесах, я скрывала горе — но сами-то чувства никуда не девались.

Отягощённая подобными раздумиями, я остановилась, внезапно обнаружив себя в дворцовой библиотеке.

Т'иврел показал мне её ещё первым днём моего пребывания в Небесах. При обычных обстоятельствах я замерла бы в благоговении; библиотека одна занимала больше места, чем Сар-эн'на-нем, священное место моего народа. Книг, свитков, вощёных дощечек и кристаллических сфер здесь было многажды, чем я видела за всю мою жизнь. Но увы, даже все знания, накопленные Ста тысячью Королевств разом, не помогли бы мне теперь. Уж больно *своеобразны* были запросы, жаждущие ответов.

Тем менее… что-то потянуло меня сюда вновь.

Я одиноко бродила взад-вперёд по вестибюлю, и единственное, что нарушало тишину, были звуки моих же шагов. Мощные округлые колонны, высотой в три человеческих роста, подпирали перекрытия, меж них терялись лабиринты высоченных, от пола до потолка, книжных шкафов. И те и другие усеивали бесчисленные полки с полчищами книг и свитков, — до некоторых можно было добраться лишь с помощью специальных лестниц (что таились по углам). То там, то тут обретались столы и стулья (прям бери и праздно отдыхай или читай часами).

Тем удивительней казалось никого не видеть вокруг. Неужто Арамери столь свыклись с роскошью, что даже эту сокровищницу принимают как должное? Я было остановилась рассмотреть нагромождение томов толщиной с мою голову, но вдруг сообразила, что не смогу прочесть ни одной. Сенмит — язык амнов — стал всеобщим ещё со времён возвышения Арамери, но в большинстве стран по-прежнему дозволялись родные наречия наравне с амнийским койнэ. Эти, похоже, на тиманском. Я проверила следующий ряд: так и есть, кенти. Где-то здесь, полагаю, должна была быть и даррийская полка; но с чего бы мне начать поиски?

— Потеряли…сь?

Вскочив, я обернулась: в нескольких футах от меня стояла, пристально всматриваясь в ближайший из изогнутых пиларов, невысокая полноватая пожилая амнийка. И как я ухитрилась её не заметить прежде? Судя по кислому выражению лица, она, похоже, тоже считала себя единственной здешней обитательницей.

— Н… — Как назло, ни одно подходящее слово не лезло на язык. Да и забрела-то я сюда без особой на то цели. Для проформы обошлась вопросом: — Нет ли здесь, на полках, даррийцев? Или, на худой конец, книг на сенмитском?

Старуха молча вытянула палец, указав мне за спину. Обернувшись, я наткнулась на три туго набитых полки. Дарре.

— На сенмитском смотрите за углом.

Чувствуя себя в высшей степени глупо, с благодарностью я кивнула и увлечённо засмотрелась на тома. Несколько долгих минут ушло на пустое разглядывание переплётов, покуда я не сообразила, что добрая половина из них — даррийская поэзия, остальное же — сборники сказок, коих я и без того наслушалась за всю жизнь. Бессмысленная трата времени.

— Ищете что-то конкретное? — Теперь она

стояла почти рядом со мной. От неожиданности я слегка вздрогнула: слух не засёк её передвижений.

Вопрос же пришёлся кстати. Меня озарило, *что* я могу тут выяснить.

— Война… — ответила я. — Сведения о Войне Богов.

— Религиозные тексты ищите в молельне, а не здесь.

Мина на лице, кажется, стала ещё более раздражительно-тоскливой. Похоже, я наткнулась на местного смотрителя и исхитрилась оскорбить ту в лучших чувствах. И так ясно, что особого движения в библиотеке не наблюдалось, так что не грех было принять её за другое место.

— Мне требуются не религиозные тексты, — быстро добавила я, в надежде успокоить женщину. — Нет, скорее… исторические архивы. Метрические книги с записями смертей. Журналы, письма, учёные изыскания… любые документы, датированные той эпохой.

Сощурившись, женщина пристально рассматривала меня минуту или около того. Единственная персона на все Небеса, ниже меня ростом (имею в виду — из взрослых). Слабое утешение, учитывая направленный на меня взгляд, пол-

ный открытой враждебности. И с чего бы ей так взъяриться? Простое белое (форменное) одеяние выдавало в ней обычную прислугу. Из тех, коим дабы склониться в учтиво-льстивом поклоне, довольно было моей высшей крови, меткой горевшей на лбу.

— Есть кое-что, но немного, — наконец ответила она. — Все военные анналы(*завершённые*, а не разрозненными записями) сильно цензурированы священничеством. Несколько нетронутых хранятся в частных коллекциях — говорят, самые ценные в апартаментах самого лорда Декарты.

Могла бы и сама догадаться.

— Могу я видеть здешние архивы? — Ньяхдох разжёг во мне любопытство. О Войне Богов я слыхала лишь со слов свящнников. Возможно, разберись я подробней в истории, смогла бы и отсеять правду от лжи.

Старуха задумчиво поджала губы, затём скупым жестом потребовала следовать за ней.

— Сюда.

Пробираясь извилистыми проходами, я всё больше впадала в благоговейный трепет, с удивлением осознавая воистину громадные размеры хранилища.

— Здесь, должно быть, накоплены все знания

мира.

Моя суровая спутница только фыркнула в ответ.

— Не более, чем крупицы. Тысячелетние безделицы из закромов человечества. исковерканные и выдранные наобоум. Отсортированные по ранжиру, лишь бы потрафить вкусам власть имущих.

— Доля правды дойдёт и в осквернённых листах, если читать меж строк.

— Лишь при условии, что знания изначально не были отравой. — Свернув за угол, старуха остановилась. Мы словно достигли сердца лабиринта. Нескольких составленных друг к дружке книжных шкафов, наподобие колоссальных размеров шестигранной колонны. Каждый — добрых пяти футов в обхвате; мощные, они уходили под самый потолок, двадцатью футами выше; и все вместе могли бы дать фору кряжистому стволу какого-нибудь векового дуба. — Здесь то, что вы ищете.

Я осторожно приблизилась, но вдруг замерла, охваченная сомнениями. Обернувшись, заметила пристальный, но с тенью замешательства взгляд. Вперенные в меня глаза были блекло-серебристые, с желтизной, цвета дешёвого посудного олова.

— Простите, — сказала я, повинуясь какому-то, внезапно пробудившемуся чутью. — Здесь пропасть работы. Не подскажете, с чего бы начать?

Нахмурившись и выдав:

— Мне-то откуда знать? — старуха развернулась и исчезла среди книжных развалов (ошарашенная, я и опомниться не успела от столь вопиющей грубости).

Но меня заботили проблемы поважней одной сумасбродной библиотекарши, так что я вновь вернулась к громадине, торчащей перед носом. Дотянувшись до выбранной наугад полки, скользнула пальцами по корешкам. Отчего бы не вести охоту с наиболее привлекательных заглавий?

И помрачнеть от раздражения двумя часами позже — сместившись в процессе поисков на пол, будучи обложенной с ног до головы горой свитков и книг. На них-то, тут же расползшихся под моим весом, я и запрокинулась, с тяжёлым стоном. К вящему возмущению смотрительницы, разумеется, увидь она сию неподобающую позу. Ядовитые намёки было уверили — ничего стоящего о Войне Богов не найти. Как бы не так. Подробные свидетельства очевидцев. Сводные подборки счётов и отчётов. Обстоятельный разбор последних. Короче говоря, бездонная пропасть, прорва сведений;

начни я читать всё подряд, без промедлений и без остановок, и дело затянется на долгие месяцы.

Старайся — не старайся, а до правды не докопаться, как ни крути. Все источники оглашали одну и ту же версию событий: истощённый мир, где всё живое (допредь пышущее здоровьем, силой и юностью) внезапно пало, объятое погибельным недугом. Трёхдневная буря. Расколотое вдребезги — и тут же по новой воспрявшее из осколков — солнце. Стихшие третьим днём небеса, и сошедший с них Итемпас, провозвестник нового миропорядка.

И ничего — молчок! — о причинах самой войны. Нелёгкая, видно, выдалась работка у посвящённых: ни малейшего намёка о счётах меж богов, о предыстории жестокого смертоубийства. Ни строчки об обычаях и верованиях времён Троицы. А те немногие, рискнувшие помянуть дело, тексты в один голос приводили речь Пресветлого Итемпаса пред первым средь Арамери: злодеянная зачинщица Энэфа; послушный приспешник Ньяхдох; страдалец и герой, преданый, но восторжествовавший засим победу, Сиятельный Владыка Итемпас.

Словом, пустая трата времени.

Потирая усталые глаза, я спорила сама с собой,

попытать счастья завтра или вконец забросить дело. Но стоило собраться с силами и решиться встать, как что-то отвлекло внимание. Потолок. Возлежа на спине, теперь я ясно видела *это*. Там, в месте, где два шкафа, соприкасаясь, сливались в своеобразный капитель. Но стыка не было, наоборот, меж ними зиял разрыв, около шести дюймов в ширину. Озадаченная, я села, скрестив ноги, и вгляделась получше в эту, кхм, «колонну». Казалось, они стоят так веками: огромные, тяжёло гружёные книгами шкафы. Стоят тесно, без зазоров, прилегая торец к торцу, в грубоватом подобии круга.

Ещё один секрет Небес? Я поднялась на ноги.

А ларчик просто открывался… Банальный обман зрения, вот оно что. Громоздкий корпус из тёмного дерева (непроницаемого чёрного цвета, разумеется); вероятно, даррийская работа — блеснула запоздалая догадка; бесследно канули те времена, когда мы славились на весь мир своими мастерами. Сквозь щели виднелись спинки его собратьев, той же природы (породы). Чёрные торцы, чёрные рёбра, чёрные спинки. Тёмная расцветка надёжно скрадывала просветы; разве что уткнувшись в них носом, можно было разгадать хитрость. Но к чему подобные ухищрения?..

Я заглянула в ближайшую щель: от края от края, выложенная белым полость, вольера, огороженная полками. Кто и зачем пытался её скрыть? Бессмыслица какая-то; финт настолько прост, что никому не составило бы труда (и таких, полагаю, было немало) найти и раньше эту каверну. Возможно, целью было не скрыть, но *отвратить* — отвадить случайных прохожих и прочих несведующих подальше, лишь бы те не озадачились поиском спрятанного (что бы то ни было) внутри. Лишь посвящённые (или не поскупившиеся потратить время) распознали бы секрет.

В памяти всплыла издёвка, отпущенная старухой-смотрительницей. *При условии, что знания изначально не были отравой…* Подделкой. Ну конечно. Лишь зная заранее, *что* и *как* искать, можно добиться успеха.

Щель оказалась узковатой. На этот раз я была почти благодарна, что уродилась похожей на мальчишку, — только одно то и позволило мне изящно скользнуть меж стыков. Уже будучи внутри я оступилась, едва не упав. Потрясённая тем, что так таилось от чужого глаза.

* * *

И слышала я голос, не бывший голосом, и спросил он:

— Любишь ли ты меня?

И я ответила:

— Приди ко мне и увидишь сам, — и разверзла объятия.

И явился он и привлёк меня с силой к себе, и не видела я ножа в руках его. Нет-нет… да и не было того вовсе, ибо меж нами не было в том нужды. Нет, не было ножа и позже, только горела на губах кровь, ярко мерцая, и полнила странно рот; и подняла я глаза, и видела взгляд его, внушающий ужас… убийственно-прекрасный взгляд…

Но что с того, что он возлюбил меня первым?

* * *

Уткнувшись спиной в противоположную стену, глотая побелевшим ртом воздух… сжигаемая безграничным ужасом, полная безотчётного отвращения… борясь с подступающей к горлу тошнотой, разрываемая на части желанием схватиться за голову и разразиться воплем… я…

* * *

Последнее предупреждение, как же. Обычно я не столь глупа, но подумайте сами… Побудьте на моём месте и попробуйте разобраться. Со всем сразу. Чересчур много для меня одной.

* * *

— Вам помочь?

Разум уцепился за голос старухи-смотрительницы, подобно утопающему, жаждя спасения. Должно быть, я странно смотрелась, с обращённым в её сторону слепым взглядом, — вдобавок, как сомнабула, слабо покачиваясь на дрожащих ногах, с беззвучно открытым ртом, с вытянутыми вперёд руками — и пальцами, согнутыми наподобие когтей.

Силуэт вырисовывался в проёме меж шкафов. Меня бесстрастно осмотрели с ног до головы.

С усилием закрыв рот и опустив руки, я выпрямилась из странной, полуприсядом, позы (сколько же простояла так застывшим столбом?). Внутри меня всё ещё трясло, но слабое подобие достоинства вроде бы возвращалось ко мне.

— Я… Н-нет, — удалось выдать немного погодя

спешное отрицание. — Нет. Я… всё в порядке.

Ничего не говоря, она просто разглядывала меня. Я хотела было приказать ей уйти, но глаза, против воли, сами собой тянулись к так потрясшей меня вещи.

С той стороны шкафа на меня глядел как живой Пресветлый Владыка Мира и Порядка. Нет, разумеется, то был простой барельеф, в амнийском стиле, — слой сусального золота поверх отчеканенной в белой мраморной плите фигуры. Поражало другое: рука мастера схватывала малейшие черты, малейшее изменение — Итемпас высился в натуральную величину, в напряжённой воинской стойке. Мощное мускулистое тело; руки, тяжело опущенные на эфес огромного прямого меча; совершенные черты лица, стянутые маской торжества. Глаза, ровно два светоча, казалось, тяжко вдавливали меня в пол. Никогда прежде не встречались мне лики, подобные этому. Хрупкий, изящный, по-амнийски тонкокостный, — таким представал Он в священных писаниях. И всегда — с улыбкой, исполненной тепла. Этот же — разил жестоким холодом.

Я неловко схватилась за стену позади себя, мучительно пытаясь привстать, и замерла — под пальцами стыла ещё одна мраморная плита.

Обернулась, не веря своим глазам. Подсознательно я ждала чего-то подобного, но всё же удивление было слишком велико. Инкрустированные обсидианом, изобилующие крошечными звёздчатыми бриллиантами очертания чувственной, гибкой фигуры. Полыхающие тёмным заревом распущенные волосы, аура власти и силы. Потерянно раскинутые руки. Лицо было не разглядеть. Ликующее? скорбящее? — поднятое кверху, оно было скрыто водопадом волос, виднелся лишь скривлённый беззвучным криком рот. Но я и без того знала, *кто* он.

Разве что… Нахмурилась в замешательстве, пытаясь на ощупь ощутить под камнем… клубящиеся одеяния? или выпуклость груди?

— Итемпас навязал ему один-единственный облик, лишив изначальной изменчивости, — сказала, тихо и мягко, старуха. — Свободный, он был *всем*. Прекрасный, внушающий ужас… — Как же она была права, как никто другой попадя в самую точку.

Справа от меня была и третья плита. Я заметила её краем глаза. Если б чуть раньше, поскользнувшись меж полок… Если б вообще сразу сбежав и не видев… Не разумом, но запрятанными в глубине души, в иной непостижимой её половине,

инстинктами, я чувствовала *это*, терзаясь мучительными подозрениями.

Силой я заставила себя развернуться лицом к последнему барельефу (старуха не отрывала от меня взгляда).

В сравнении с братьями Энэфа смотрелась… безыскусно. Сдержанной. Спокойной. Серый мрамор обволакивал сидящую боком, с опущенным лицом, в одной простой рубахе, женскую фигуру. Лишь внимательному взгляду было по силам подметить скрадываемые фоном детали. Руку, удерживающую небольшую сферу — легко узнаваемую для побывавших в «планетарии» Сиеха. (И теперь я, кажется, понимала, отчего он так копил — и дорожил — своими сокровищами.) Позу — не *восседающую*, но *припавшую, тугую*, как готовая сорваться струна. Глаза, хоть и опущенные долу, но искоса вглядывающиеся в зрителя. Странные, таящие что-то за зримой безмятежностью… не соблазн, нет. Слишком явное, слишком откровенное чувство. Не опасение. Но… *проницание*. Да. Её испытующий взор выискивал меня, проникал в самую суть, с одной лишь целью — разъять, взвесить и исчислить.

Подойдя ближе, дрожащими руками я дотронулась до её лица. Округлее моего, — несомненно,

красивее, но те же черты я видела… видала каждый раз, встречаясь лицом с зеркалом. Волосы явно длиннее, кудри пышней. Радужка глаз выложена бледно-зелёным нефритом. Будь кожа загорело-коричневой, а не мраморно… Сглотнув, я обхватила себя руками: тело сотрясала крупная дрожь.

— Мы пока не собирались говорить тебе, — сказала старуха, стоящая теперь прямо за спиной. Странно, человеку с её-то весом и пробраться сюда… А *человек* ли она? — Твоё сегодняшнее появление здесь — чистая случайность. Но даже будь способ спутать дорогу… — Спиной я ощутила, как она пожимает плечами. — …рано или поздно всё и так бы открылось.

Бессильно опустившись на пол, я прижалась лбом к Итемпасу, будто бы Он мог защитить меня. Холод, казалось, проникал в каждую клеточку тела; забитая сумбурно кищащими мыслями голова гудела. Что-то во мне сломалось. Что-то важное. Оборвалось. Как нити от ваги, одна за другой, одна за другой. Нет, меня *сломали. Создали, чтобы сломать.*

Это и называется безумием, мелькнула в голове последняя связная мысль.

— Убьёшь меня? — прошептала едва слышно.

На лбу старухи не было печати. Моя промашка. Мне, привыкшей к иному, всё ещё в новинку были меченые сигилом. Вот и проглядела, упустила из виду, — и как не приметила сразу, не распознала — *кто* она есть? Иного обличья во сне, старуха ныне. Кирью, прозванная Мудрой, лидер Энэфадех.

— К чему бы, да и зачем? Слишком многим пришлось пожертвовать, дабы ты появилась на свет. — Рука легла на плечо. Меня передёрнуло. — Но безумной ты бесполезна.

Разом сошедшая тьма подступила ближе, готовая принять меня в свои объятия. Без капли удивления, расслабившись и возблагодарив её за приход, я позволила себе забыться.

12. Разум(ность)

Однажды…
Однажды, давным-давно…
Однажды, давным-давно, жили-были…
Нет, довольно! Как… унизительно.

* * *

Жила-была маленькая девочка, и было у неё двое сиблингов. Старший, дикий и тёмный, чудесный, хоть и несколько… странный. Другой же сиял ярче всех солнц, вместе взятых, но был суров, строг и справедлив. Оба много старше её и неимоверно близки между собой, пусть в прошлом и сражались яростно друг с другом.

— Мы были слишком юны и черсчур глупы, — говорил Второй всякий раз, как девочка спрашивала его об этом.

— Переспать оказалось забавнее, — добавлял Первый.

Эти слова всегда злили Второго, впрочем, на то и был весь расчёт. Так-то маленькая девочка познала и полюбила их обоих.

* * *

То лишь присказка, не сказка. Смертным душам сложенная сказка. Ибо разуму человеческому одни лишь упрощения и доступны.

* * *

Так и протекало детство малышки. Родителей у них отродясь не водилось, их всего-то трое и было, и девочка росла сама собой. Мучимая жаждой, она пила блекло светящуюся жидкость, усталая, опускалась подремать на мягкие лежбища. Проголодавшись, шла к Первому — и тот наставлял её, как нужно питаться потребными для поддержания жизни энергиями; скучая, — ко Второму, обучавшему её всему, что когда-либо рождалось на свет. И так она узнавала имена. Место, где они жили, звалось — БЫТИЕ, в отличие от того, откуда они явились, безбрежного, бурлящего небытия, рекомого МААЛЬСТРЕМом. Игрушки и лакомства, порождаемые воображением и заклинаемые словом, именовались — ВЕРОЯТНОСТЬЮ (и как же восхительна была эта суть!). С её помощью можно было творить всё необходимое, даже менять природу БЫТИЯ — хотя девочка быстро научилась

прежде просить разрешения на последнее, после того как Второй сильно расстроился, увидев, что стало с его тщательно выстроенными законами и процессами. Первому было всё равно.

Со временем сложилось так, что девочка проводила куда больше времени с Первым, нежели со Вторым, ибо тот, казалось, был менее дружелюбен с нею.

— Ему тяжко приходится, — говорил Первый, когда девочка жаловалась. — Мы слишком долго были одни, только он и я, вдвоём. А теперь есть ты, и это всё меняет. Он не любит перемен.

Последнее маленькая девочка уже и сама успела понять. Как и то, отчего сиблинги так часто враждовали друг с другом. Перемены любил Первый. Размеренность БЫТИЯ часто наскучивала ему, и он переделывал его, или выворачивал наизнанку, просто любопытства ради. Случись так, Второй всякий раз впадал в ярость, обрушиваясь на Первого, а тот лишь посмеивался над гневом собрата; и прежде чем девочка успевала моргнуть, перед ней неистовал клубок сплетённых, судорожно дышаших тел, искрящих в сумасшедшем исступлении; и всякий раз девочка терпеливо дожидалась, пока они покончат с этим и наконец смогут с ней поиграть.

Со временем девочка стала женщиной. Она научилась жить с обоими сиблингами, приняв каждого по своему — в бешеном танце с Первым и как поборник строгого порядка вместе с Вторым. Она творила и свой собственный путь, вне их особиц. Она вторгалась в бои между сиблингами, вставая между ними, сражаясь с ними, дабы познать пределы своей силы — и их любви, когда схватка оборачивалась удовольствием. Порой она сбегала (тайно от всех) творить своё, отдельное БЫТИЕ, где можно было бы притвориться, будто она одна-одинёшенька, без собратьев-сиблингов. Самое то, чтобы управлять ВОЗМОЖНОСТЬЮ, как пожелаешь, приращая новые, невероятные формы и смыслы (такие, что не под силу и братьям, крепла мысленная уверенность). Ни одному из них, кроме её. Наконец, пришёл час, когда она, убедившись в своём мастерстве и удовлетворившись творениями, привнесла их и в царство собратьев. Поначалу осторожно, незаметно и изящно вплетая в упорядоченные пределы Второго, так чтобы ничем не потревожить их стройного порядка.

Первый, как всегда в восторге от всего нового, убеждал её не останавливаться, не сдерживаться. Но юная женщина меж тем обнаружила, что

пристрастилась к кое-каким порядкам Второго. Она прислушивалась к советам Первого, но исподволь, опоследовательно, наблюдая, как минута за минутой одни изменения вызывают цепочку других, иногда развиваясь и выдавая самые неожиданные и удивительные детища. А иногда изменения разрушали всё до основания, и приходилось начинать сначала. Она оплакивала каждую потерю, каждую игрушку, — каждое драгоценное сокровище; но упорно продолжала и продолжала творить. Подобно тьме Первого и свету Второго, у неё был особый дар, в коем одна лишь она могла добиться мастерства. Желание… жажда эта была столь же естественна, как дыхание, столь же неотъемлема, как сама душа.

Второй, отправившись от досады за её проделки, спросил юную сестру, что есть эти творения.

— Имя им — ЖИЗНЬ, — ответила она, наслаждаясь созвучиями слова.

Он улыбнулся, довольный, ибо Имя — прочило порядок и цель; к тому же, озарило понимание, то было сделано из уважения к нему.

Но в самых честолюбивых замыслах она взывала к помощи Первого. Как и ожидалось, тот пылал ответным желанием, а кроме того, к удивлению сестры, мыслил неожиданно трезво, сразу

предупредив:

— Если это сработает, всё изменится. Ты же понимаешь, правда? Ничто не пойдёт по прежнему. — Пауза, полная ожидания, пока та поймёт, и резкое откровение, озаряющее её глаза. *Второй не любит перемен.*

— Ничто не может оставаться вечно неизменным, — таким был ответ. — И нам не быть прежними. Даже он должен понимать это.

Первый лишь тяжело вздохнул и более не возражал.

Эксперимент удался. Новая жизнь, хнычущая, дрожащая, бьющаяся в яростных криках протеста, была прекрасна в своей незавершённости; и Она знала — положенное начинание суть верно и удачно. Она нарекла создание — Сиех, ибо так звучало дуновение ветра. И указала время его бытия как «дитя», что значило: зерно, могущее прорасти в нечто, подобное им самим, а также и то, что им под силу создать и других.

И в ту самую минуту, как оно всегда и бывает в жизни, посеявшие ветер пожнали бурю. Одни перемены повлекли за собой другие. И несть было тем уже числа. А среди прочих, темнее и путаннее всех (а более того — неожиданней): узы, сплотившие их в семью. Узы, на время принес-

шие счастье им всем, — даже Второму.

Но не всяких уз (и семей) хватает надолго.

* * *

Что ж, то была любовь. Была. Когда-то. Любовь.

Даже больше, чем просто — любовь. А ныне — сильнее, чем просто ненависть. Это чувство не описать смертным языком. Да и *божественным* тоже, если на то пошло.

Но разве подобной любви исчезнуть *так просто*, верно? Как ни страшна, ни свирепа ненависть, любовь отыщет себе потаённое местечко, схоронившись в глуби.

Да уж. В том-то и весь ужас, правда?

* * *

Когда израненная плоть страдает от боли, нередко ответом тому — лихорадка, охватывающая тело. Потрясённый насилием разум являет тот же позыв. Три дня, изнеможённая и почти без чувств, я пролежала, сотрясаемая дрожью и жаром. Лишь изредка слабое подобие сознания посещало меня.

Лишь редкие проблески всполохами тревожат память. Словно отпечатки картин, то расве-

ченных, то призрачно-серых. Одинокая фигура, неотступно маячащая близь окна спальни. Громадный страж, исполненный нечеловеческой бдительности. Закхарн. Вспышка света, и изображение сворачивается чёрно-белой гравюрой: та же фигура, обрамлённая светящимися белыми стенами и квадратом ночной тьмы за окном. Вспышка, и уже другой образ: старуха из библиотеки, склонившаяся прямо надо мной, пристально всматривается в глаза. Рядом, на заднем плане, — Закхарн, неподвижно замершим сторонним наблюдателем.

Нить разговора, оторванная от всякого зримого образа.

— Если она умрёт…

— Просто начнём всё сначала. Что значит ещё пара десятилетий?

— Ньяхдох будет… недоволен.

Злой, печальный смешок.

— У тебя, сестра, великолепный дар — говорить обтекаемо и недомолвками.

— И Сиех тоже.

— И что с того? Пускай научится отвечать за собственные ошибки. Предупреждала ведь глупыша: не привязывайся сильно.

Мгновение тишины. Безвучное осуждение.

— Нет ничего глупого в надежде.

Вновь ответное молчание, на этот раз, впрочем, кажется, с долей стыда.

Одно из видений отличается от других. Снова темень, но стены тоже полнятся тьмой, странное *чувство* угрожающе нависает, тяжеля грудь, сдавливает, вжимает, будто бы чья-то скопившаяся ярость готова вот-вот взорваться. Силуэт Закхарн на сей раз виднеется вдали от окна, у самой стены.

Клонит голову в знак уважения. На переднем плане — Ньяхдох, взирающий на меня в полном молчании. И вновь лицо его преображается, и теперь мне ясно — почему. Итемпас. Его волей подчинён падший. Непрерывное изменение — в природе Владыки Ночи; нет, он и есть суть Изменение. Он мог явить мне свою ярость, заставив отяготеть самый воздух, отчего по коже бегут мурашки страха. Вместо этого он неподвижен. Недвижим. Безжизненен. Кожа его теплеет, меняется, темнеет. Зрачки глаз чередуют оттенки чёрного. Губы терзают жаждой, ровно мягкие, спелые фрукты. Великолепная маска, дабы соблазнить даррийскую девчушку, мучимую одиночеством; одна промашка — слишком скупы они на тепло, эти прекрасные глаза.

Молчащие, безгласные, насколько могу судить из видений. Когда лихорадка наконец сходит и я просыпаюсь, его уже нет — а с ним и его всепоглощающей ярости, — хотя той никогда не бывает скончанья. И это Пресветлому Итемпасу не подвластно тоже.

* * *

Рассвет.

Привстав, я села. Голова казалась чугунной и ныла. Закхарн, всё ещё маячившая у окна, обернулась ко мне через плечо.

— Ты очнулась. — Я обернулась. Сиех ёжился клубком в кресле рядом с кроватью. Вывернувшись, одним бескостным изящным движением, он придвинулся ко мне, касаясь лбом руки. — Лихорадка сошла. Как себя чувствуешь?

Лишь одна связная мысль будоражила ум.

— *Кто* я?

Он опустил глаза.

— По идее, я… не должен тебе говорить.

Сбросив с себя одеяло, я вскочила. На мгновение всё перед глазами закружилось, будто бы кровь бросилась в голову, я покачнулась, но потом всё прошло; спотыкаясь, заковыляла к двери умывальни.

— Когда вернусь, чтоб вас обоих здесь не было, — бросила через плечо.

Никто из них не ответил. Несколько болезненных минут я провела над раковиной, в потугах на рвоту, в конце концов вердикт вынес пустой желудок. Я ополоснулась, обсохла и зачерпнула воды прямо из-под крана. Всё это время руки непрерывно сотрясала мелкая дрожь. Выйдя из ванны нагишом, я не выказала удивления, обнаружив, что Энэфадех и не подумали убраться из комнаты. Сиех, подтянув к себе колени, сидел на краю кровати. Казалось, он сбросил ещё пару лет, всей своей позой выглядя встревоженно и по-детски беззащитно. Закхарн так и не сдвинулась от окна.

— Слова приказа должны иметь вид команды, — уведомила она, — если вы *действительно* хотите, чтобы мы удалились.

— Меня не волнуют ваши дальнейшие действия. — Поискав нижнее бельё, я натянула его. В стенном шкафу прихватила первую попавшуюся под руку одежду (шикарное амнийское платье-футляр, призванное замаскировать мои невеликие формы) и сапоги (не в пару, но это волновало меня меньше всего). Втиснувшись в платье, присела, натягивая обувь на ноги.

— Куда ты собралась? — Сиех с тревогой дотронулся до меня. Я брезгливо тряхнула рукой, будто пытаясь избавиться от назойливых насекомых; и он отступил. — Куда глаза глядят, верно? Йин…

— Назад, в библиотеку, — бросила в ответ первое, что пришло в голову. Он был прав, мне было всё равно, куда податься, лишь бы подальше. *Прочь отсюда!*

— Йин, знаю, ты не в себе…

— *Кто. Я. Такая?!!* — Вскочив, как и была, в одном сапоге, я обрушилась на падшего, шипя вопрос ему прямо в лицо. Вздрогнув, словно от боли, он отступил. — *Кто?!! Кто!!! Что я такое, прах побери всех богов?! Что…*

— У вас тело человека, — прервала мой крик Закхарн. Моя очередь вздрогнуть. Она стояла возле кровати, взирая с всегдашней невозмутимостью. Возвышаясь сразу за спиной Сиеха, и было в этой её позе что-то неуловимо… покровительствующее. Защищающее. — У вас разум человека. Душа — лишь она подверглась изменению.

— В каком смысле?

— В том, что ты — тот же человек, каким и была всегда. — Сиех смотрел подавленно и мрачно. — Обычная смертная женщина.

— Я — её живая копия.

Закхарн кивнула. Таким тоном обычно сообщают о чём-то незначительном, вроде погоды.

— Воздействие души Энэфы, заключённой в вашем теле, не могло пройти даром.

Я вздрогнула. Обморок снова подкатил к горлу. *Что-то внутри меня, но не я.* Я судорожно сжала руки, противясь желанию пустить в ход ногти.

— Вы в силах её… изъять?

Закхарн недоумённо заморгала. Кажется, мне впервые удалось ввести её в ступор.

— Да. Но ваше тело привыкло к ним. К ним *обоим*. Без другой ему было бы не выжить.

Две души. Звучит не так уж плохо, могло быть и хуже. По крайней мере, я — не пустышка, не кукла, одушевлённая чужеродной силой. Хоть что-то во мне истинно *моё*.

— А как насчёт попробовать?

— Йин… — Сиех было потянулся к моей руке, но одумался, стоило мне оступить на шаг назад. — Даже нам неведомо, что случится, изыми мы душу. Поначалу расчёт был на то, что она поглотит твою собственную, но, как видишь, мы ошибались.

Должно быть, я застыла в замешательстве. *Помешанной.*

— Вы всё ещё в здравом уме, — добавила Зак-

харн.

Что-то во мне. Что-то, *пожирающее меня*. Я беспомощно привалилась к вровати, сотрясаемая рвотными позывами. Приступ прошёл через несколько минут, и я заставила себя встать и принялась мерять комнату прихрамывающими шагами (второй сапог надеть так и не удосужилась). *Только не останавливаться, не останавливаться…* Я упёрлась запястьями в виски, потом впилась пальцами в волосы… И насколько, интересно, хватит моего *здравого ума*, терзай я себя подобными мыслями?

— Ты всё ещё ты, — подтвердил Сиех, вынужденный мотаться за мной, покуда я металась туда-сюда. — Ты дочь Киннет. Её дитя, которому суждено было появиться на свет. У тебя нет воспоминаний или личности Энэфы. Ты даже не думаешь, как она. И в том *твоя* сила, Йин. *Твоя*, не её.

Я разразилась диким смеком. Или воплем рыдания.

— Как ты можешь это знать *наверняка*?!

Он остановился, в глазах его стыла мягкая печаль.

— Будь ты ею, — медленно ответил он, — ты бы любила меня.

Я замерла, тяжело дыша.

— И меня, — добавила Закхарн. — И Кирью. Энэфа любила всех своих детей, даже тех, кто в конце концов предал её.

Во мне нет любви ни к одному из них. Затаённое дыхание высвободилось шумным вздохом.

Но дрожь никуда не делась, хотя то мог ныть и проголодавшийся желудок. До меня неуверенно дотронулись. Сиех. На сей раз я не стала вырываться, со вздохом он потянул меня обратно, к кровати, заставляя сесть.

— Ты могла бы прожить всю жизнь в неведении, — успокаивающе уверил меня Сиех, поглаживая и перебирая мои волосы. — Состариться, полюбив кого-нибудь смертного, может, даже родить парочку смертных детей, любя и их всем сердцем, и тихо умереть во сне беззубой столетней старухой. *Этого* мы хотели для тебя, Йин. Так бы и случилось, не призови тебя сюда Декарта. Нам пришлось действовать безотлагательно.

Я повернулась к нему. Так близко… Я не смогла совладать с собой и воспротивиться позыву желания. Склонившись и обхватив рукой подбородок падшего, я коснулась его лба поцелуем. Вздрогнув от неожиданности, он смущённо засиял, кожа под ладонью запылала. Я ласково улыбнулась

в ответ. Вирейн был недалёк от истины: его и в самом деле так *легко* полюбить.

— А теперь *расскажи* мне всё, — прошептала еле слышно, едва касаясь губами.

Сиех вздрогнул, словно от удара. Боюсь, то сказывалась магия связующих уз, магия повиновения Арамери, и сказывалась вполне ощутимо. Болезненно ощутимо. Впрочем, в его глазах светилась боль и иного рода. Я *отдала приказ* в здравом уме и трезвой памяти, и он осознал это.

Но я не уточнила, — *что*. Он мог поведать мне что угодно — историю Вселенной с момента её зарождения, число цветов в радуге, слова, распыляющие смертную плоть в прах. Слишком много свободы ему было оставлено.

Однакож, вместо того, он рассказал мне правду.

13. Выкуп

Стоп. Что-то произошло прежде, до… Простите, что говорю так путано, это не в моей власти, просто… так тяжело всё… *осмыслить*. Тем утром, после того, как я обнаружила серебряную абрикосовую костяшку, за три дня до… Или нет? Да, перед тем, как я ходила к Вирейну. Встав поутру, я готовилась к Салону и обнаружила, что…

* * *

…слуга ждал меня под дверью.

— Для вас сообщение, госпожа, — сообщил он с невероятным облегчением, будто у него гора с плеч рухнула. Понятия не имею, сколько часов он там отстоял. Слуги в Небесах стучат только по сверхсрочным делам.

— Слушаю?

— Милорд Декарта не очень хорошо себя чувствует. Он не сможет присоединиться к вам на сегодняшнем заседании Консорциума, если, конечно, вы решите в нём участвовать.

Т'иврел намекал, что здоровье Декарты сказывается на его работе в Салоне; но я была порядком

удивлена: казалось, накануне он был в прекрасной форме, без малейших признаков болезни. И тем страньше звучало то, что глава семьи удосужился удостоить меня посланником. Но я не спустила мимо ушей тонкого намёка; тонкий выговор за пропуск сессии днём раньше читался меж слов.

Справившись с раздражением, я ответила:

— Благодарю за предупреждение. Прошу передать милорду мои пожелания скорейшего выздоровления.

— Конечно, госпожа. — Поклонившись, слуга вышел.

В Салон меня перенесло Отвесными Вратами, как и надлежало высшей крови. Хвала ожиданиям — Релад отсутствовал; горе опасениям — а вот Скаймина, увы, нет. Меня вновь одарили улыбкой, я привычно ответила кивком; и следующие два часа мы провели в оглушительном молчании, сидя друг подле друга.

Заседание тем днём было короче обычного: на повестке стоял лишь один вопрос — аннексия крошечного островного государства Ирт королевством Атр, куда более грозных размеров. Протест подавал Арчерейн, низложенный правитель Ирта, — коренастый, рыжеволосый мужчина,

смутно напоминающий Т'иврела. Эта прямая угроза власти, по-видимому, мало беспокоила атрийского правителя: от имени говорил доверитель, совсём ещё ребёнок, по виду немногим старше Сиеха, и тоже — ярко алого окраса. Люди обоих государств происходили от одного народа, что, впрочем, никак не сказывалось на «добрых» отношениях меж ними.

Суть требований Арчерейна крылась в том, что атрийцы не подали в Консорциум ходатайства о начале военных действий. Пресветлому Итемпасу ненавистны безумие и хаос войн, оттого Арамери строго присматривают за этим. Отсутствие прошения сковывало иртийцам руки. Ни предупреждения об агрессивных намерениях соседей, ни времени вооружиться, ни даже права защищать себя с помощью оружия — и до смерти врага. Более того, любая смерть вражеского солдата (без дозволения на ведение войны) считалась бы убийством и преследовалась как таковая Орденом Итемпаса согласно закона о сдерживании военных противостояний. Разумеется, в свою очередь, убивать не могли и атрийцы, — да им и не пришлось. Они просто вошли в столицу с подавляющим числом войск, буквально заставив защитников города стать на колени и вышвыр-

нув Арчерейна на улицу.

Сердцем я болела за Итр, но было яснее ясного — ни малейшей надежды на успех им не светит. Атрийский мальчишка, выступая в защиту неприкрытой агрессии своей страны, объяснил всё просто:

— Они слишком слабы, чтобы удержать свои земли. И мы забрали их. Лучше иметь у власти сильного правителя, чем слабого, разве не так?

К этому всё и свелось. Прав не тот, на чьей стороне *правда*, а тот, у кого — сила и… *порядок*. Да, Атр доказал, что ему по силам обеспечивать *порядок* лучше законного правителя, попросту тем, что взял вражескую столицу, не пролив ни единой капли крови. Главенствующая точка зрения, — принадлежащая Арамери, разумеется, и Ордену, так что уж говорить о нобилях? Консорциум не мог ни согласиться.

И кого удивляет, что просьбы итрийцев были отклонены? Никто даже не предложил обложить Атр соответствующими санкциями. Они сохранят всё, что украли, ибо заставить их вернуть награбленное — слишком грязное и неблагодарное дело.

Я не могла ни поморщиться, когда зачитывали результаты итогового голосования. Скаймина,

глянув на меня, весело фыркнула, моментально напомнив, *где* нахожусь, и я, сдержавшись, снова нацепила на лицо скучающе-отстранённую мину.

По окончании заседания мы спустились по ступеням, всё это время я смотрела исключительно перед собой, лишь бы не оглядываться на сестрицу; а потом развернулась в сторону умывальни (чего-чего, а возвращаться на Небеса в компании Скаймины в планы не входило). Но от нежного «Ку-узина» было не скрыться, мне не оставалось ничего другого, кроме как остановиться и осмотреться, какого безымянного демона ей от меня сдалось.

— У вас ведь уже было время обжиться в дворцовых закулисах? Отчего бы вам не отобедать со мной? — улыбнулась она. — Мы могли бы узнать друг дружку получше.

— Если не возражаете, — осторожно ответила я, — то нет.

Она издала изящный смешок.

— Теперь я понимаю, *что* имел ввиду Вирейн, говоря о вас! Ну что ж, не хотите из вежливости, так может из любопытства? У меня есть любопытные вести с вашей родины, которые, *кузина*, думаю, будут вам весьма интересны. — Развер-

нувшись, она направилась к вратам. — Увидимся в час.

— Какие вести? — крикнула я вослед, но она и не подумала развернуться или остановиться.

Сжав кулаки, я добралась до умывальни, чуть не сорвавшись при виде уютно сидящей там, в одном из обитых плюшем кресел, Рас Анчи. Я остановилась, рука сама собой потянулась к ножу, но того не было на привычном месте. Я предпочла спрятать его под пышными юбками, привязав под коленом, к голени, ибо Арамери не приличествовало ходить вооружённым по общественным местам.

— И как, узнали уже всё, что должно знать Арамери? — спросила она прежде, чем я успела прийти в себя.

Молча я толкнула дверь умывальни, плотно прикрывая.

— Ещё нет, тётушка, — ответила наконец. — И вряд ли узнаю вообще, ибо я — не истинная Арамери. Может, вы наконец прекратите говорить загадками и ответите сами?

Она улыбнулась.

— Значит, настоящая Дарре, нетерпеливая и острая на язык. Отец гордился бы вами.

Растерянная, я покраснела, больно подозри-

тельно слова эти смахивали на комплимент. Это что, способ дать мне понять: что она на моей стороне? Посол носит символ Энэфы на шее.

— Вряд ли, — произнесла медленно. — Отец был хладнокровным и невозмутимым человеком. Нрав достался мне от матери.

— Ах. Что ж, должно быть, он будет вам хорошей подмогой в вашем новом обиталище.

— *Мой* характер не помешает *мне* нигде. А теперь, *прошу вас*, скажите же наконец, о чём речь?

Она вздохнула, сгоняя с лица улыбку.

— Ну, конечно. Время не ждёт. Прощу прощения, миледи. — С усилием (я почти слышала хруст разгибающихся костей, сочувственно вздрогнув) она привстала. Сколько же она так просидела? Она что, ожидала меня здесь после каждого заседания? Я снова пожалела, что пропустила день.

— Вам интересно, почему атрийцы не подали прошение о начале войны? — спросила она.

— Могу предположить, оно им было ни к чему, — сказала я. При чём здесь это? — вот *что* интересовало меня куда больше. — Получить одобрение почти невозможно. Уже более ста лет Арамери не дозволяют вести никаких войн. Значит, Атр сделал ставку на бескровную победу,

и, на его счастье, ему повезло.

— Именно, — Рас поморщилась. — И это ещё не конец. Посмотрим, сколько этих… *аннексий* ещё предстоит: судите сами, сегодня Атр показал всему миру, *как* обделываются такого рода дела. *Мир — прежде всего;* вот он — путь, избранный Пресветлым.

Я поразилась горечи, коей сочился голос. Услышь её священник, и обвинение в ереси вкупе с арестом обеспечены. Услышь любой другой Арамери… я содрогнулась, перед глазами как живая пронеслась картина: тощая фигура посланницы, бредущая к краю Пирса, и копьё Закхарн, направленное той в спину.

— Поберегитесь, тётушка, — произнесла тихо. — Вам не дожить до почтенной старости, говори вы и дальше подобное вслух.

Рас тихо рассмеялась.

— Вы правы. Постараюсь быть более осторожной. — Она остыла, продолжив уже спокойно: — Но вот ещё что, поразмыслите об этом хорошенько, леди Не-Арамери: а может Атр не снижошёл до просьб, оттого что им было известно о иной, *уже утверждённой* петиции? Той, что тихо провели, незаметно подбросив, среди прочих указов Консорциума за последние месяцы.

Я застыла, нахмурившись.

— *Иное* ходатайство?

Она кивнула.

— Как вы сказали, за целый век ни одна подобная петиция не прошла одобрения, и уж тем более никогда не утвердят подряд целых две, причём, идущие друг за другом. Возможно, атрийцы даже знали об этой *иной* петиции, и о том, что у неё куда больше шансов пройти, чем у их собственной, ибо она служит целям человека, облечённого большой властью. Что ни говори, но некоторые поля битвы бесполезны, не удобри их смертью.

Я уставилась на неё во все глаза, отбросив всякую осторожность, не пытаясь даже и скрыть замешательство и потрясение. Да поданное на утверждение военное прошение в тот же миг стало бы предметом разговоров всей знати! Минимум неделю ушла бы у Консорциума на одно только обсуждение, не говоря уже об одобрении. Как этот *некто* ухитрился его заполучить, не пустив при том сплетен на полмира?

— Кто? — спросила я. Но подозрения в душе уже крепли.

— Никому доподлинно неизвестно, миледи, о истинной личности поручителя, равно как и то, чьи земли проходят — оккупантом или целью.

Но Атр с востока граничит с Тэма. Атр невелик (теперь, правда, больше), но их правящая семья и тэманский Триумвират уже много поколений как связаны узами брака и дружественным союзом.

А кроме того, Тэма, как дошло до меня, ввергая в холодный озноб, одно из государств, *обязанных* Скаймине.

И та вполне могла быть загадочным поручителем военной петиции. А заодно провести её утверждение как можно тише и не вызывая подозрений. Настоящий шедевр политического мастерства. Возможно, помощь атрийцам по завоеванию Ирта тоже была частью плана. Оставалось лишь два ключевых вопроса: зачем ей всё это? И *какое* королевство падёт следующей жертвой?

О чём там предупреждал Релад? *Если любите — что, кого, неважно, — берегитесь.*

Во рту пересохло, по рукам пробежал упреждающий холодок. Мне и в самом деле нужно было, до зарезу нужно встретиться со Скайминой. Особенно теперь.

— Спасибо за рассказ, — поблагодарила Рас. Голос звучал выше обычного, мыслями я была уже не здесь, торопясь уйти. — Обещаю, я использую информацию как следует.

Кивнув, она заковыляла к выходу, мимоходом похлопав меня по руке. Чересчур погружённая в собственные размышления, я едва не забыла попрощаться, но вовремя опомнилась и развернулась как раз тогда, когда та открыла дверь, собираясь выйти.

— Так что же должно знать, будучи Арамери, тётушка? — спросила торопливо. Именно этим вопросом я задавалась с нашей первой встречи.

Остановившись, она пристально глянула на меня.

— Как истребить из себя всякую жалость, — последовал очень тихо ответ. — Как тратить жизнь подобно разменной монете. Как овладеть самою смертью и обратить её своим оружием. — Она опустила глаза. — Когда-то я услышала это от вашей матери. И тех давних слов мне боле не забыть. Никогда не забыть.

Не в силах пошевелить пересохшими губами, я молча таращилась на неё.

Рас Анчи склонилась передо мной в уважительном поклоне.

— Я буду молиться, — прошептала она напоследок, — чтобы вы никогда не познали этой истины на себе.

* * *

Назад, в Небеса.

На поиски апартаментов Скаймины я отправлялась в более-менее спокойном расположении духа. Комнаты кузины располагались недалеко от моих, впрочем, как и личные покои прочих чистокровных (им отводился весь верхний уровень дворца). Но кузине того было мало, и она не успокоилась, не вытребовав себе в личное владение целую башню, одну из самых громадных. Применительно ко мне это значило: подъёмники в деле — не подмога. Кабы не слуга, проходящий мимо, и днём с огнём не сыскать мне ведущей вверх лестницы, скрытой ковром. Не то чтобы последняя была столь велика — этажа три на глаз; но мышцы ног ощутимо ныли, когда я наконец добралась до лестничной площадки. Меня мучил вопрос, с чего бы возжелать жить в таком месте? Ладно бы ещё слуги — у тех невелик выбор, или прочие чистокровные — те поднимутся сюда без особых проблем… А ну как то кто-нибудь немощный вроде Декарты? Я плохо себе представляла деда, забирающегося на этакую верхотуру. Впрочем, не в том ли и была вся задумка?

На вопрошающий стук дверь распахнулась.

Войдя внутрь, я обнаружила себя в сводчатом коридоре, по обе стороны коего тянулись окна, вазоны с какими-то цветущими растениями и стройные ряды изваяний. Безвестные каменные образчики глазели на меня: сплошь обнажёные прекрасные тела юношей и девушек, в разных хитроумных позах. Конец коридора плавно перетекал в округлую залу, с выложенным подушками полом и низкими столиками — без единого стула. Хорош же выбор доставался кузининым гостям: либо усесться на пол, либо стоять столбом.

В центре на возвышении виднелось кресло. Интересно, случайность то или расчёт со стороны Скаймины, что подобная планировка точь в точь повторяла собой тронный зал?

Самой кузины не было, но прямо за подием виднелся ещё один коридор, по видимости, ведущий в личный покои хозяйки. Похоже, меня специально терзают ожиданием, вздохнула я про себя и настроилась ждать, заодно оглядывая всё по сторонам. Тогда мои глаза и наткнулись на него.

Он сидел, опершись спиной на широкий оконный переплёт (один из многих, тянувшихся вдоль стен), в позе не столь небрежной, как надменной, подтянув под себя одно из колен, и с ленцою склонив голову набок. Мне потребовалась пара

минут, чтобы с удивлением осознать: незнакомец был полностью наг; то что я поначалу приняла за одежду, был шлейф очень длинных волос, свисающих с плеч плащом и почти полностью прикрывающих тело. Не сразу, но я догадалась, *кто* он (по коже скользнул холодный озноб). Ньяхдох.

Или, во всяком случае, очень похож на него. Привычно красивое лицо сейчас смотрелось както… странно; и я скоро поняла почему: впервые оно было успокоенным, *неизменным* — одно (единственное!) лицо, одни (чёткие!) черты лица, а не то бесконечное, хаотичное изменение, что я привыкла видеть. Тёмно-карие глаза, а не зияющие провалы тьмы, упрямо встающие в памяти; бледная кожа, но то была присущая людям белизна, наподобие амнийской, а не мерцающая лунным или звёздным светом. Он уставился на меня ленивым взглядом, недвижимый (двигались, смаргивая, одни лишь ресницы), слабая улыбка расползлась по бледным губам, чересчур тонким на мой вкус.

— Привет, — произнёс он. — Давненько не виделись.

Разве мы не виделись накануне?

— Доброго вам утра, лорд Ньяхдох, — попри-

ветствовала в ответ, скрывая за вежливостью подкатившее к горлу беспокойство. — Вы… как себя чувствуете?

Падший шевельнулся — как раз настолько, чтобы я заметила тонкий обруч серебряного ошейника, обхватывающего шею — и цепь, свисающую по груди. И тут меня озарило. *Днём я — человек,* он сам говорил об этом. Ночью властью Пресветлого Итемпаса его сдерживает цепь, но днём он слабеет. И… сменяет облик. Сколь я не искала, безуспешно: в дневном обличье не таилось того безумия, с коим я столкнулась в первую ночь в Небесах. На месте его светился один холодный расчёт.

— Прекрасно. — Он медленно облизнул кончиком языка губы, подобно тому как змея, высовывает жало, чуя добычу. — Проводить день со Скайминой, как правило… приятно. Хотя и быстро наскучивает. — Секундное молчание, просто чтобы перевести дыхание. — Впрочем, меня спасает разнообразие.

Я не сомневалась, *что* он имел ввиду: глаза так и шарили по мне, мысленно раздевая. Похоже он решил меня вывести из себя, но, как ни странно, добился ровно противоположного — мысли внезапно обрели чёткость и ясность.

— Отчего жы вы на цепи? — поинтересовалась я. — Живое напоминание о слабости?

Брови приподнялись в фальшивом удивлении, а что вернее, — мгновенно почуяв интерес, пробуждённый словами.

— Так вот что волнует вас?

— Нет, — бросила я в ответ. Но хищно прищуренные глаза вперились в меня, уличая во лжи.

Он подался вперёд, цепь тихо забренчала, словно прокатившийся вдали звон колокольцев. Его глаза, человеческие глаза, голодные глаза, снова безжалостно сдирали с меня одежду. Но в этом взгляде не было ни капли желания.

— Ты не влюблена в него, — сказал он задумчиво. — Ты не настолько глупа. Но ты хочешь его.

Нет; но в последнем я уж точно не собиралась сознаваться. Особенно — ему. Было что-то пугающее в *этом* Ньяхдохе; верх глупости — давать перед ним слабину.

Покуда я молча обдумывала ответ, он широко ухмыльнулся.

— Ты можешь иметь меня.

Заманчивое предложение, что и говорить. На одно короткое мгновение меня взбудоражила одна только мысль, что я *могу* согласиться. Но зря волновалась, единственным чувством, бурля-

щим внутри, было отвращение.

— Благодарю покорно, нет.

Он быстро отвёл глаза, в слабой имитации вежливого смущения.

— Понимаю. Перед вами просто человеская оболочка, а вам требуется нечто большее. Я не виню вас. Но… — Его взгляд метнулся ко мне из-под ресниц. Пугающее, значит? Как же! Если что и скрывалось за этой маской, то *зло*. Чистое, беспримесное зло. Садистское ликование, упивавшееся ужасом *тех самых* моих воспоминаний; и тем страшнее было то, что сейчас он казался абсолютно нормальным. И эта личина Ньяхдоха вполне могла быть той, что давала пищу предостерегающим церковным легендам и оборачивала злой реальностью детские страхи перед темнотой.

И мне совсем не нравится находиться с ним в комнате один на один. Ни секунды больше.

— Ты же сама понимаешь, — протянул он. — Тебе никогда не заполучить его. Ни за что. Никак. Твоё слабое человеческое тело, твой разум рассыпятся в труху, как яичная скорлупа, под натиском *его* силы. Тебе не спастись, просто вернувшись домой, в Дарр.

Скрестив руки на груди, я многозначительно

уставилась в сторону коридора за «троном» Скаймины. Если она так и собирается держать меня в ожидании, то пора уходить.

— Меня, пусть… Внезапно, вскочив на ноги, он бросился через всю комнату прямо ко мне.

Поражённая, я утеряла всё своё безразличие и, оступившись, подалась назад, пытаясь избежать встречи с лицом к лицу. Слишком медленно. Он успел поймать меня за руки. Я и представить не могла, что он *настолько* велик, выше более чем на голову, с хорошо развитой мускулатурой. Видя падшего в ночном обличье, было как то не до того, теперь стоило пожалеть о своей неосведомлённости, воочию лицезрея (и ощущая), насколько он опасен. Даже такой.

Что он и продемонстрировал собственноручно. Крутанув спиной к себе и снова жёстко стиснув. Сколь ни выдирайся, крепкая хватка сдавливала запястья с такой силой, что глаза заслезились от боли, и я закричала. Бороться было бесполезно, и я сдалась, лишь тогда он ослабил давление.

— Ты можешь вкусить его, с моей помощью, — шёпот раздался у самого уха. Жаркое дыхание опалило шею; кожу, нет, всё тело объяла дрожь. — Я мог бы объезжать тебя весь день…

— Отпусти меня. Немедленно! — Я процедила

приказ сквозь зубы и взмолилась, чтобы он сработал как надо.

Чужие руки расжались, но отпускать не торопились. Это сделала я, вырвавшись и развернувшись к нему лицом, возненавидев себя, стоило увидеть расползающуюся по его лицу ухмылку. Холодную, злую ухмылку, от одного вида которой становилось ещё хуже. Было ясно как день — *он хотел меня.* И не только моё тело. Его влёк мой страх, моё отвращение, вроде того, мгновением ранее. Он наслаждался болью, что причинял мне, безжалостно сдавливая руки.

А что хуже всего: он смаковал ту секунду, когда меня обожгло пониманием — не лгал, ни единым словом Ньяхдох не лгал мне. Моя вина, я совсем забыла: ночь — время не просто совратителей, но насильников, не просто страсти, но насилия. И это существо *было* им. И моей возможностью изведать любви Владыки Ночи. Пресветлый Итемпас, помоги мне, если когда-нибудь я обезумею настолько, чтобы возжелать большего.

— Нахья. — Голос Скаймины заставил меня, отпрыгнув, резко развернуться. Улыбающаяся кузина стояла возле кресла, положив одну из рук на бедро. И как долго она так меня… рассматривает? — Ты грубишь моей гостье. Сожалею, кузина;

мне следовало укоротить ему поводок.

Мне было не до любезностей.

— Мне порядком надоели эти игры, Скаймина, — отрезала со злостью и, что уж скрывать, страхом. Я была чересчур испугана, чтобы блюсти правила вежливости. — Изложите своё дело и давайте уже покончим с этим.

Скаймина приподняла бровь, словно её забавляла моя грубость. Она улыбнулась Ньяхдоху — нет, *Нахье*, пришла уверенность. Этому созданию не приличествовало носить божественное имя. Он продолжал стоять рядом с ней, спиной ко мне. Она дотронулась кончиками пальцев к ближайшей из рук падшего и улыбнулась.

— Разве он не заставляет ваше сердце биться чуточку сильнее? Вид нашего Нахьи сильно влияет на неискушённые души. К слову, можете одалживать его, когда заблагорассудится. Как видишь, он крайне возбуждающ.

Слова я проигнорировала, — в отличие от взгляда, какой бросил на Скаминй Нахья, не опасаясь, что та его увидит. Она была полной дурой, раз пускала *это* в кровать.

Как и я сама, раз остаюсь стоять здесь.

— Доброго дня, Скаймина.

— А я-то думала, вы заинтересованы в услы-

шанных мною вестях, — сказала Скаймина мне в спину. — Речь идёт о вашей родине.

Я остановилась. Предупреждение Рас Анчи звоном отдалось в голове.

— Ваше… выдвижение не сыграло вам на руку, кузина. Земли Дарра лишь заимели новых врагов. Кое-кто из тамошних соседей считает вас угрозой, и куда более опасной, чем даже мы с Реладом. Полагаю, по вполне понятным причинам — мы родились с этим в крови, а не с отжившими своё варварскими традициями и привязанностями.

Медленно, но я повернулась обратно.

— Вы — амн.

— Но весь свет уже давно смирился с амнийским превосходством, так что удивительного, что мы привычны им. Что до вас, кузина, как ни приодень нашими стараниями, вы были, есть и останетесь лишь дикаркой, кровь от крови своего варварского народа.

Я не могла впрямую задать вопроса о военном прошении. Но, отчего бы…

— Да что вы говорите? Кто захочет напасть на Дарр, лишь потому что я заявила свои права как Арамери?

— Нет. Я говорю, что кто-то *может* на него напасть, потому что вы до сих *мыслите* как Дар-

ре, когда перед вами открыта вся власть дома Арамери.

Указы, что я отослала подотчётным мне странам, вот оно что. Вот тот предлог, что она намеревается использовать. Я принудила тех возобновить торговлю с Дарром. Что это, как не *особая* благосклонность с моей стороны? — и, разумеется, именно ею и были мои действия. А разве я могла поступить по-другому, с моими новообретёнными властью и богатством, и не помочь моим же людям? Кем бы я была, думая лишь о себе?

Женщиной рода Арамери, донёсся из глубин сознания крошечный пакостный шепоток.

Нахья перетёк поближе к Скаймине, ласково приобнимая её сзади и всем своим видом являя из себя влюблённого по уши любовника. Скаймина рассеянно погладила его руки, в то время как он сверлил убийственным взглядом её затылок.

— Ну, не всё так плохо, кузина, — Скаймина продолжила говорить. — В конце концов, на самом деле неважно, что вы не сделай, всегда нашлись бы люди, ненавидящие вас просто потому, что вы не соответствуете их ожиданиям в качестве правителя. Жаль, что вы ничего не взяли от Киннет, кроме этих глаз.

Прикрыв свои, она прислонилась спиной к Нахья, не скрывая удовольствия.

— А с вашей *даррийской* кровью одна морока. Вы ведь прошли этот их обряд воинской инициации, да? И раз уж ваша мать была не из Дарров, кто же был вашим поручителем?

— Бабушка, — ответила я тихо. Меня вовсе не удивляло, что Скаймина осведомлена о наших обычаях. Любой желающий, знакомый с чтением, мог узнать то же.

Испустив вздох, Скаймина оглянулась через плечо на Нахью. Странно, но то убийственное выражение так и не сошло с лица дневной подделки; но куда более диковинной была удыбка, с коей на него смотрела кузина. Навстречу пылающей в ответ ненависти, чистой, безграничной ненависти.

— Знаешь, как Дарре проводят эту церемонию, — непринуждённо бросила она ему. — Некогда они были воинственным многочисленным народом. Матриархатом. Многие из соседей пали к их ногам, завоёванные. Это *мы* вынудили их прекратить набеги и покончили с привычкой обращаться с захваченными пленниками как с рабами. Но, подобно большинству тёмных народов, они до сих пор втайне цепляются за свои

жалкие традиции.

— Я знаю, что они утворяли, — сказал Нахья. — Захватывали юношей из враждебных племён, свершали над ним обряд обрезания, затем лекарь излечивал их, и они пользовали пленников в своё удовольствие.

Я застыла, удерживая на лице безжизненную, окаменелую маску. Скаймина со смехом зарылась в тёмные пряди волос падшего, целуя и перебирая их в пальцах. Потом, подняв голову, посмотрела на меня.

— Всё меняется, — сказала она. — Нынче Дарре не позволяется красть и калечить чужих мальчишек. Избранная девушка просто должна выживать, одна, в огромном лесу, целый месяц. Чтобы потом, вернувшись домой, быть лишённой девственности кем-то, кого изберёт её поручитель. Всё такие же дикари, как и прежде, что ни говори. Разумеется, случись нам узнать о том, мы прерываем эту… церемонию. Но нам не под силу покончить со всеми случаями. Поговаривают, они особенно часты среди женщин высокопоставленного круга. Та часть ритуала, что якобы, как они думают, скрыта от нас, заключена в следующем: девушка либо должна победить выбранного в прилюдном бою и, следо-

вательно, господствовать в соитии, либо принять поражение и узнать на собственном опыте, как это — быть поверженной врагом.

— Я бы не отказался испробовать, — прошептал Нахья. Скаймина, снова засмеявшись, игриво шлёпнула его по руке.

— Как предсказуемо. А теперь — замолкни. — Краем глаза она скользнула по мне. — Ритуал, кажется, в принципе, тот же, верно? Изменилось другое. Многое изменилось. Даррийским мужчинам более не по нраву бояться женщин — или уважать их.

То было утверждение, не вопрос; ответ мне был прекрасно знаком.

— Вообще-то, если хорошенько поразмыслить, прежний ритуал был более… цивилизованным. Тогдашний вариант учил юного воина не только выживать, но и уважать противника, своего рода воспитывал. Многие девушки позже брали пленников себе в мужья, разве не так? Как видите, они учились даже большему — любить. Нынешний же… ну, и *чему* он вас учит теперь? Не могу сдержать любопытства.

* * *

Он научил меня, что цель оправдывает средства, ты, грязная, злобная сука.

А ради желаемого стоит идти до конца, не щадя сил.

* * *

Я не ответила, и через мгновение Скаймина разразилась вздохом.

— Что ж, — сказала она, — на границах с Дарром заключаются новые союзы, воспринимая его новой силой — и угрозой, готовясь противостоять ей. Учитывая, что на деле это *далеко не так*… положение в регионе грозит стать весьма шатким. Трудно сказать, чем всё обернётся при данных обстоятельствах.

У меня чесались руки запустить в неё чем-нибудь приличным. Навроде камня для пращи.

— Это угроза?

— Помилуйте, кузина… Я всего лишь делюсь важной информацией. Мы, Арамери, должны заботиться друг о друге.

— Ценю ваше беспокойство. — Я развернулась, намереваясь уйти прежде, чем дам норову вы-

рваться из рук. Но на этот раз меня остановил голос Нахьи.

— Вы победили? — спросил он. — На этой вашей воинской инициации? Возобладали над противником или это он изнасиловал вас на глазах у целой толпы зевак?

Я знала ответ. Правда, знала. И — адски хорошо. Но всё же ответила.

— Я выиграла, — сказала наконец. — В своём роде.

— Да?

Закрой я глаза, и воспоминания тотчас пришли бы сами собой. Шесть лет, шесть долгих лет прошло с той ночи, но запах чадящего костра, истрёпанных мехов и запекшейся крови, запах собственного пота и грязи, после месяца одичалых скитаний, по-прежнему свежо оживают в памяти.

— Большинство поручителей выбирают вояк похуже. — Мой голос был отстранённо мягок. — Чтобы девочке-подростку, едва распрощавшейся с детством, как можно легче было одержать победу. Но мне предназначено было стать *эн'ну,* и были сомнения, из-за половины амнийской крови, тёкшей в моих жилах. Крови Арамери. У бабушки не было иного выбора, как избрать

сильнейшего из наших воителей-мужчин.

Я не расчитывала на победу. Дабы быть помеченной как воин, довольно было выказать одну выносливость; догадки Скаймины были верны — *многое* изменилось. Но чтобы стать *эн'ну*, одной стойкости было маловато. Никто не последовал бы за мной, выкажи я слабину и позволь кому-то отыметь себя перед всеми, — весть об этом тотчас разнеслась вороньим граем по всему городу. Мне *должно* было победить.

— Он одолел вас, — жадно выдохнул Нахья, упиваясь моей невысказанной болью.

Он сощурил глаза под брошенным мною взглядом. Интересно, *что* он разглядел в моих глазах, в ту самую секунду.

— Из меня вышло хорошее зрелище, — медленно пояснила я. — По крайней мере, порядком, чтобы соблюсти требования ритуала. А потом я ударила его. В голову. Каменным ножом, припрятанным в рукаве.

Это слегка расстроило Совет, особенно, когда стало ясно, что я не понесла. Мало того, что я убила человека, с ним были утеряны его семя и сила, могущие в будущем дать Дарре новых дочерей. Раз уж я сама не была на то способна. Победа лишь ухудшила моё положение. *Она не истинная дочь*

Дарре, полнились и множились слухи. *Слишком много смертей ходит у неё за плечом.*

Я не хотела его убивать, правда, не хотела. Но, в конце концов, мы были воинами, и тех, кто оценил мою арамерийскую смертносность, была не в пример больше пугливых недоброжелателей. Двумя годами позже меня избрали *эн'ну*.

На лице Скаймины задумчиво стыло оценивающее выражение. Меж тем, Нахья пришёл в себя, в его глазах клубились столь тёмные чувства, что е находилось слов, дабы описать их. Разве что… злость? или… напротив, горечь? Но и, вправду, что тут удивительного? Как оказалось, сбывались самые дурные предчувствия: во мне было куда больше от Арамери, чем от Дарре. Вот он — предмет моей истовой ненависти к самой себе.

— Он начал носить для вас одну лишь личину, так ведь? — спросил Нахья. Я сразу поняла, какого загадочного «его» тот имеет ввиду. — Так оно и начинается. Голос всё выразительнкй м глубже, губы — полней, глаза — изменчивей. А вскоре — сладкая грёза, верное словцо на языке, пальцы там где надо. — Падший зарылся лицом в волосы Скаймины, будто бы ища поддержки или успокоения. — Ну, а остальное — лишь вопрос времени.

Я ушла, подгоняемая виной и страхом, и более

того — ползучим, ненавистным чувством, что независимо, насколько я есть Арамери, — по любому, в том маловато проку, чтобы выжить в этом чудовищном месте. Нет, чтобы жить здесь, определённо, мало было быть одной Арамери. Обуреваемая спутанными чувствами, я и зашла к Вирейну, что и привело меня, в конечном счёте, в библиотеку, — постигнуть тайну своего двоедушья. И наконец, в довершени пути, сюда.

Погибнув.

14. Гулящая Старуха

— Мы излечили твоего отца, — сказал Сиех. — Уплатив цену, выставленную твоей матерью. В обмен она позволила нам использовать её будущее дитя как сосуд для души Энэфы.

Я молча прикрыла глаза.

Его тяжелый вздох раздался над ухом.

— Наши души ничем не отличны от ваших. Ожидалось, что после смерти Энэфа отправится в потустороннее странствие обычным порядком. Но когда Итемпас… Когда он убил её, то… удержал что-то в этом мире. Какую-то её частицу. — Трудно было уловить, о чём он говорит, торопливо и неразборчиво бросаясь словами. Я сочла, что расстояние между нами успокоит его. — Не оставь он её, вся жизнь во вселенной неминуемо погибла бы. Всё, созданное Энэфой, — всё, кроме сотворённого Ньяхдохом и Итемпасом. Это последнее наследие её силы. Смертные называют это Камнем Земли.

Перед смежёнными веками всплыла картинка. Крошечный, уродливый ошмёток тёмной от кровоподтёков плоти. Абрикосовая костяшка.

Серебряная матушкина подвеска.

— Покуда Камень пребывает в этом мире, душа Энэфы заключена в ловушку. Без тела, потерянную, её бессмысленно шатало по эфиру; ужас случившегося мы обнаружили лишь несколько веков спустя. Наконец мы нашли её — полуразрушенную, разъеденную, *разъединённую*, подобно парусу на мачте, изорванному в бурю. Единственным способом возродить её обратно было вновь облечь плотью. — Он вздохнул. — Признаю, мысль о воспитании души Энэфы в теле ребёнка из рода Арамери сказалась привлекательной… по многим соображениям.

Я кивнула. Вполне понимаю, *почему*.

— Если нам удастся вернуть её душу к жизни, — сказал Сиех, — есть шанс, что с её помощью мы вернём себе свободу. То, что подчиняет в этом мире, сковывая плотью и связывая с Арамери, и есть Камень. Итемпас создал его не охранить жизнь, но дабы обратить силы Энэфы против Ньяхдоха — двое из Троицы супротив одного. Но он не мог впустить её в себя, слишком отличны они, Трое, друг от друга. Лишь дитя Энэфы может прибегнуть к её силам. Готлинг вроде меня, или смертный. В ходе войны случалось и то и другое — моими собратьями, и священницей Итемпаса.

— Шахар Арамери, — произнесла я.

С его кивком кровать слегка подалась в сторону. Закхарн наблюдала, её тихое присутствие едва ощущалось. Я вспоминала лицо воительницы, ища черты сходства с виденным в библиотеке изваянием. Схожая лепка высоких скул, такой же заострённый, чуть выдающийся вперёд подбородок. Черты, общие меж всеми тремя, догадалась я, хотя они и не обладали схожестью сиблингов, их даже с трудом можно было причислить к одному и тому же роду. *Но каждому из детей Энэфы что-то да досталось от своей прародительницы. Какая-то дань её обличью светилась в них всех.* Кирью — прямой, пристальный… препарирующий взгляд. Сиеху — глаза цвета нефрита.

И мне.

— Шахар Арамери, — вздохнул Сиех. — Будучи смертной, она могла прибегнуть лишь к малой толике истинной силы Камня. Тем не менее, она была той, кто нанёс решающий удар. Не будь её, тем днём Энэфа была бы отомщена. Ньяхдохом.

— Он говорил, вам нужна моя жизнь.

— Он тебе *так* сказал? — Нечто вроде раздражения послышалось в голосе Закхарн, неожиданно вмешавшейся в разговор.

Её перебил Сиех, не менее зло.

— Он довольно долго способен игнорировать собственную природу.

— Это правда? — спросила я.

Сиех молчал так долго, что я наконец распахнула глаза. Выражение моего лица заставило его поморщиться; и что с того?… плевать. Я была по горло сыта этими увёртками и головоломками. Я — не Энэфа. И *причин* любить его у меня не было.

Закхарн разжала скрещённые руки, и в этом жесте таилась скрытая угроза.

— Вы не согласились на союз с нами. Вы можете передать услышанное Декарте.

С тем же выражением лица, что отпугнуло Сиеха, я обернулась к ней.

— С чего бы, — начала, тщательно выговаривая каждое слово, — мне выдавать вас *ему*?

Она хлестнула взглядом Сиеха. Он улыбался, безрадостно и устало.

— Я говорил ей, что ты скажешь именно это. Чтобы ты ни думала, Йин, среди нас у тебя есть заступник. Хочешь верь, хочешь не верь.

Я промолчала. Закхарн по-прежнему сверлила меня взглядом; мне следовало быть осторожней и не отворачиваться, не закрывать глаза на очевидное. Бессмысленная для обоих сторон схватка — прикажи я, и у неё не останется выбора, кроме

как *сказать* мне, а одними словами мне никогда не заслужить её доверия. Но весь мой уютный мирок был только что разбит вдребезги, и не было иного пути заполучить то, что должно было знать.

— Матушка продала меня вам, — сказала я, обращаясь, в основном, к Закхарн. — Она пребывала в отчаянии, возможно, будь я на её месте, в её положении, то сделала бы то же, но этот выбор — *её* личное дело, и нынче я не чувствую за собой особого расположения к кому-либо из Арамери. Ты и весь твой род — боги; что удивительного в том, что вы играете смертными, как костяшками *никкима*. Но я ждала большего от тех, кто людьми не является.

— Вы создавались по нашему образу и подобию, — последовал холодный ответ.

Отвратная проницательность. Впрочем, ссответствующая истине.

Что ж, всему своё время. Время молчать, и время говорить. Время бороться, и время вовремя отступить. Открытие в себе души Энэфы в корне всё изменило. Открытие это делало из меня прирождённого врага всех Арамери, ибо таковым для Итемпаса была Энэфа, а они были верными прислужниками его. Впрочем, как не делало и

Энэфадех моими союзниками. В конце концов, я не была истинным воплощением Энэфы.

Молчание нарушил очередной вздох Сиеха.

— Тебе надо поесть, — сказал он, вставая. Он вышел из спальни; до меня донёсся двойной хлопок внешних дверей.

Я пробыла меж сном и явью более трёх суток подряд. Рассерженное заявление уйти куда глаза глядят было не более чем блефом; руки дрожали, и я не настолько доверяла ногам в нынешнём их состоянии. Боюсь, даже возжелай я этого на самом деле, моя прогулка бы быстро окончилась.

Любуясь трясущейся рукой, я кисло размышляла, раз уж Энэфадех отравили моё тело, подсадив в него душу богини, то чего им стоило подсуетиться и наградить меня более сильным телом.

— Сиех любит вас, — сказала вдруг Закхарн.

Я опустила руку, уперев в кровать, с надеждой, что дрожь перестанет (или, на худой конец, не станет такой заметной).

— А то я не знаю.

— Нет, не знаете. — Резкость в голосе воительницы заставило поднять голову. Она всё ещё была раздражена, и, похоже, вовсе не из-за несложившегося так называемого «союза». Злость вызвало моё обхождение с Сиехом.

— А как поступили бы вы, выпади вам моя доля? — поинтересовалась я. — Быть по горло обложенной загадками, одна страшнее другой. Радоваться жизни, впрямую зависящей от правильных ответов?

— Я бы сделала то же, что и вы. — Ответ удивил меня. — Я бы использовала всё что можно и что нельзя, лишь бы добиться необоходимой цели. И не стала бы искать оправданий. Но *я* — не мать Сиеху. Не та, кого он так давно не видел.

С недавних пор мне становится не по себе каждый раз, как меня начинают сравнивать с богиней.

— Но и не я тоже, — зло огрызнулась в ответ.

— И Сиех это знает. Но всё равно продолжает любить тебя, — вздохнула Закхарн. — Не забывайте, он — ребёнок.

— Разве он не старше тебя, нет?

— Мы не зависим от числа пронёсшихся лет. Мы верны лишь собственной природе. Сиех — абсолютное воплощение детства. Это… нелегкий путь.

Даже возжелай я вообразить себе такое, особого сочувствия это не вызывало. Похоже, душа Энэфы не привнесла в меня ни толики понимания (и сострадания) невзгодам божественности.

— Так чего же ты хочешь от меня, а? — спросила я устало (пустой желудок тоже не приносил особого довольства). — Может, мне прижать его к груди, когда он вернётся, сказать ему, что всё образуется? А может, мне ещё и вас обнять?

— Просто не причиняйте ему боли снова, — сказала она. И растворилась в воздухе.

Я беспомощно глазела на место, где она простояла так долго. Глаза всё ещё были уставлены в одну точку, когда вернувшийся Сиех воздвиг тарелки у меня под носом.

— Здешние слуги не задают лишних вопросов, — сказал он. — Ради пущей сохранности. Так что Т'иврел был не в курсе твоего… нездоровья, пока не явился я и не разоблачил это, испросив еды. Прямо сейчас наш сенешаль рвёт и мечет, перемалывая в труху прислугу, коей было поручено присматривать за тобой.

Праздник живота. Так одним словом можно было описать груды даррийской еды, возвышающейся на блюде. Лапша *maash* и рыба, завёрнутая в листья *callena*, обложенная поджаренными до золотистого цвета перцами. Ряды свёрнутых лодочками закусок и хрустящие тоненькие кусочки мяса, свёрнутые полосками. В моих землях его бы приготовили из сердца особой породы зве-

рей-ленивцев; здесь, похоже, это была говядина. И подлинное сокровище: зажареный целиком огромный банан. Мой любимый десерт, не знаю уж, откуда о том известно Т'иврелу.

Я подцепила скрученный лист; рука всё ещё дрожала, и не думаю, что от одного только голода.

— Декарта не рассчитывает, что ты выиграешь, — тихо шепнул Сиех. — Не для того он призвал тебя сюда. *Тебе* предназначено сделать выбор. Релад или Скаймина.

Я пристально смотрела на него. Эти слова напомнили о подслушанном в солариуме разворе меж двоими. Не *это* ли Скаймина имела ввиду?

— *Выбор* между ними?

— Ритуал наследования Арамери. Чтобы стать следующим главой семьи, один из наследников должен переместить сигил Владыки — знак, что носит Декарта прямо меж бровей, — себе на кожу. Кто-то один. Или одна. Изначальный сигил важнее прочих, отмеченный им имеет абсолютную власть. Над нами, прочими членами семьи и всем миром.

— Членами семьи? Прочими? — Я нахмурилась. Они и раньше намекали, ещё когда изменяли *мою* кровную печать. — Так вот оно… И что эти

кровавые штуки творят на самом деле? Позволяют Декарте прочесть мысли? Выжгут нам мозги, если откажемся подчиниться?

— Нет, ничего чересчур ужасного, всё куда проще. Конечно, есть кое-какие защитные заклинания, встроенные в личные сигилы высокой крови, для защиты от убийц и тому подобного; но что касается членов семьи изначальный сигил просто заставляет их блюсти верность по отношению к главе рода. Каждый носящий печать не способен действовать супротив его интересов. Исключи подобную предосторожность, и Скаймина давно бы уже нашла способ подорвать доверие или уничтожить Декарту.

Аппетитная скрутка перед носом пахла восхитительно. Я откусила кусочек, заставляя себя жевать помедленнее, в то время как голова отстранённо размышляла над словами Сиеха. Рыба была странной на вкус — видимо, один из местных сортов, слегка похожий на привычного мне пятнистого *ui*. Но всё же хороша. Я была так голодна, что сожрала бы сейчас целого быка, но после нескольких дней вынужденной голодовки заглатывать пищу, не разжёвывая, было бы не лучшей идеей.

— Камень Земли весьма важен для ритуала

воспреемствования. Кто-то должен овладеть его силой, дабы передать сигил Владыки. И этот кто-то, как гласит недвусмысленный приказ самого Итемпаса, непременно должен быть из рода Арамери.

— Арамери, значит. — Ещё одна часть мозаики скользнула на место. — И кто с Небес способен на это? Разве не любой, вплоть до самого смиренного служки?

Сиех медленно кивнул, его глаза были странно расширены. Я приметила, что он не моргает, полный решимости что-то сделать. Незначительная такая промашка.

— Любой Арамери, неважно, насколько он близок к Старшей Ветви. На считанные секунды избранный уподобляется одноиу из Троицы.

Куда уж яснее, в такой-то формулировке. Один человек. На одну секунду.

Всё равно, что чиркнуть спичкой, представилось перед глазами, имея столь огромную власть в хрупкой человеческой оболочке. Яркая вспышка, пара секунд ровного пламени… А потом…

— Смерть. Избранный гибнет, — облекла словами недосказанную мысль.

Сиех улыбнулся. С детской наивностью во взгляде.

— Да.

Моя хитроумная, глубокомудрая арамерийская прабабка… У меня не было слов. Вынужденные пожизненно служить здесь, все они, её родичи и потомки, от мала до велика, по сути были толпой, пригодной на заклание, дабы овладеть Камнем. Пускай пользы от каждого было на считанные секунды, силы богини, по самым скромным подсчётам, хватит Арамери — а высшая кровь, разумеется, взойдёт на алтарь последней, — ещё надолго.

— Итак, вот значит какую участь приготовил мне Декарта, — утвердительно сказала я. — И *почему*, позволь спросить?

— Глава клана должен иметь довольно сил, чтобы отважиться убить *любого*. Даже самого близкого — *любимого* — человека, — пожал плечами Сиех. — Одно дело отправить на смерть какого-нибудь там слугу. Легко и просто, одним мановением пальца. А что, если приговорённым будет друг? Или супруг?

— Релад и Скаймина едва ли слыхали о моём существовании до того решения Декарты. *Почему* он избрал меня?

— Лишь он сам знает истинную причину.

Злость снова обуяла меня, но злость уже иного

толка — разочарование. Бессмысленное ощущение собственного бессилия. Я рассчитывала, что Энэфадех дадут мне все ответы, в коих я нуждалась. Ну, конечно, разве дело могло решиться так просто?

— Во имя Маальстрема, какого… вам пришло в голову воспользоваться именно *мной?* — спросила я с холодным бешенством в голосе. — Разве не глупо было вкладывать душу Энэфы в тело той, кто связана родственными узами с её врагами? Людьми, которые отдали бы всё, лишь бы уничто жить Предателя снова, узнай они о подмене?

Сиех смущённо потёр переносицу, резко сменив выражение лица на извиняющееся.

— Э… ну… в общем, это целиком и полностью была моя задумка. Всегда проще спрятать что-то важное под носом у заинтересованного лица, улавливаешь? О любви Декарты к Киннет не видел только слепой; мы расчитывали, ты будешь в полной безопасности. Никто не ожидал, что он убьёт её — особенно, спустя столько — двадцать! — лет. Её смерть застигла всех нас врасплох.

Я заставила себя откусить ещё кусочек (лист зелени, конечно, был неплох, но нужно было пожевать что-нибудь более стоящее). Значит, никто

не ожидал матушкиной смерти. И всё же часть меня — обливающаяся кровью, скорбящая, озлобленная — считала, что они могли не знать, так догадываться. Предполагать. Могли предостеречь её, предупредить. Их долгом было предотвратить её убийство.

— Послушай же. — Сиех наклонился поближе. — Камень — единственное, что осталось от тела Энэфы. Раз ты овладела душой Энэфы, то способна управлять всей его силой, как никто другой. В твоих руках — власть, сравнимая с властью самой Энэфы. Если *ты* завладеешь и самим Камнем, Йин, то сможешь менять порядок универсума. И сможешь освободить нас одним мановением руки. — Он прищёлкнул пальцами.

— И испустить дух после.

Сиех опустил глаза, мгновенно утеряв всё своё воодушевление.

— Изначально не задумывалось ничего такого, — тихо сказал он, — но ты права.

Я доела ролл и без всякой радости уставилась на остальные тарелки. Аппетит пропал. Его место занял гнев — неистовый, медленно вскипающий в жилах, — сравнимый по пылу с тем, что бушевал в крови после убийства матушки.

— Но и *вы* отвели мне участь проигравшего, —

сказала я нарочито мягким голосом.

— Ну… да.

— И что же можете мне предложить? Если я соглашусь на этот… союз?

Его голос стал отстранённо-холодным.

— Защиту вашим землям и народу на время войны, неизбежно последующей за освобождением. И вечное покровительство после нашей победы. Мы хорошо держим клятвы, поверь мне, Йин.

Я верила ему. И вечное благословение четырёх богов, действительно, было мощным соблазном. Оно гарантировало бы безопасность и процветание Дарру, пройди мы через это испытание. Энэфадех хорошо изучили меня, мои потаённые желания, и знали на что надавить.

Так пусть самоуверенность эта выйдет им боком.

— Ваши обещания хороши, но слишком малая плата, чтоб продаваться, — заявила я. — Я выполню всё, что вы пожелаете, Сиех, даже если это будет стоить мне жизни. А вам обойдётся ценою в месть убийце моей матери. Я возьму Камень, высвобожу его силу, освобожу вас и умру. Но не в роли покорной, побеждённой жертвы. — Я посмотрела на него с вызов в глазах. — Это состя-

зание я хочу выиграть.

Его прекрасные изумрудные глаза расширились.

— Йин, — неуверенно начал он, — это невозможно. Декарта, и Релад, и Скаймина… все они против тебя. Нет ни шанса…

— Разве не ты зачинщик всей этой игры, нет? Ты же здесь главный плут и мастер по проказам, вот и придумай способ.

— *Проказам*, но не политике!

— Ты пойдёшь и объявишь другим мои условия.

Я заставила себя подобрать вилку и занялась едой. Некое потаённое удовольствие крылось в этом простейшем из занятий.

Сиех пристально уставился на меня, потом зашёлся шатким смехом.

— Не могу поверить. Ты куда безумнее Нахьи. — Поднявшись на ноги, он взъерошил рукой волосы. — Ты и… б-боги… — Кажется, вся ирония проклятья прошла мимо него. — Я переговорю с ними.

Я склонила голову в формальном поклоне.

— Буду с нетерпением ждать вашего ответа.

Бормоча что-то неразборчивое на своём странном наречии, Сиех призвал жёлтую шарообраз-

ную штуковину и ушёл, просочившись прямо сквозь стены спальни.

Разумеется, у них не будет иного выхода, кроме как согласиться. Независимо от того, за кем будет победа, боги получат свою столь желанную свободу — если, конечно, я решу вернуть её им. Иначе говоря, они пойдут на что угодно, даже заластить меня по уши, лишь бы не утерять моего доброго к ним расположения.

Подтянув к себе ещё один ролл, я полностью сосредоточилась на осторожном пережёвывании рыбы. Главное двигать челюстями как можно медленнее, а то как бы давно не кормленный желудок не взбунтовался на радостях. Следовало поберечься и побыстрее привести себя в норму. В ближайшем будущем мне понадобятся все мои силы.

15. Ненависть

Земли моего народа проплывают прямо подо мной. Ощущение, будто я лечу. Сеть высоких горных хребтов. Переплетения скрытых туманом долин. Редкие пятна полей. Ещё реже — следы городов. Зелёные просторы моего Дарра. Много земель прошло перед моими глазами в странствиях по Крайнему Северу и Сенму на пути к Небесам. Но никто из них не был и вполовину так прекрасен, так зелен, как мой Дарр, мой любимый Дарр. И теперь я знаю причину.

* * *

Я вновь заснула. А проснувшись, увидела, что Сиех ещё не вернулся. Стояла глубокая ночь. Разумеется, я не рассчитывала на ответ так скоро. Должно быть, их порядком раздосадовал мой отказ покорно тащиться на смерть. Будь на их месте, заставила бы себя порядком обождать, помучив ожиданием.

Стоило мне пробудиться, и почти сразу в дверь раздался нерешительный стук. Выйдя проверить кто это, я застала за дверью костлявого сухопаро-

го мальчика-служку. Выпрямившись и замерев, словно по струнке, он церемонно (и тягостно болезненно) доложил:

— Леди Йин. Я имею вручить вам послание.

Потирая слипшиеся ото сна глаза, согласным кивком я разрешила ему продолжить, и он добавил:

— Мой сир и почтенный родитель вашей матушки желают вашего немедленного присутствия.

Мне же возжелалось немедля проснуться.

* * *

Палата Аудиенций на сей раз зияла девственной чистотой. Лишь я и Декарта. Один на один. Преклонив колени (точь в точь как в день нашей первой встречи), я вынула нож, опуская рядом с собой, на пол, согласно обычая. Удивительно, но я даже не помышляла использовать оружие по назначению и отправить старика к прародительнице. Ненависть к нему обжигала жилы, но, сколь сильно она не полыхала, не его кровь я стремилась пролить.

— Ну, что ж, — голос раздавался с вершины возвышения, на слух, более мягкой тональности, чем прежде (возможно, обман чувств, не более

того), — насладилась за истёкшую неделю всеми преимуществами сана Арамери, внучка?

Как, всего *неделя*?..

— Нет, дедушка, — ответила коротко. — Никак нет.

Он издал неприятный смешок.

— Но, надеюсь, теперь хотя бы лучше нас понимаешь? А? Что думаешь?

Не этого вопроса ждала я. Стоя в той же позе, на коленях, я смотрела на него: что он, прах побери, задумал?

— Думаю, — начала медленно, чётко выговаривая каждое слово, — то же, что и раньше, до приезда в Небеса: Арамери есть зло. Если что и изменилось, так одно — я убедилась, что, ко всему прочему, большинство из вас ещё и безумно.

Он широко улыбнулся (я не досчитала нескольких зубов).

— Однажды то же самое мне мне бросила Киннет. Не смотря на то, кем была сама.

Я боролась с раздиравшим меня желанием разразиться воплем отрицания. Нет! Не может быть!

— Может, потому она и ушла. Может, останься я здесь подольше, тоже уподоблюсь вам, обезумев от зла, сокрытого в крови.

— Может и так. — Странная мягкость в голосе насторожила меня. Мне не по силам было прочесть его. Ни тогда, ни сейчас. Никогда. Слишком много морщин. Слишком много возможностей.

Меж нами непроницаемой стеной воздвигнулось молчание. Вдох за вдохом, удар за ударом. Молчание ставило в тупик… сбивало с толку… обескураживало.

— Скажи, зачем ты убил матушку, — сказала я наконец.

Улыбка испарилась.

— Ты забываешься, внучка. Я не Энэфадех; ты не вправе требовать с меня ответы.

Волна гневного жара прошла чрез меня. За ней — окатило леденящим холодом. Медленно, я поднялась на ноги.

— Ты же *любил* её. Я бы смогла понять, будь оно по-другому. Ненависть… страх… неважно. Но ты *любил* её.

Кивком он подтвердил.

— Я и в самом деле любил её.

— Умирая, она рыдала. Нам пришлось смочить ей веки, чтобы открыть глаза…

— Ни слова больше, — рявкнул он. Эхо гулко разнеслось по пустой зале. По мне словно прошлись тупым ножом, выпуская наружу весь еле

сдерживаемый гнев.

— И *до сих пор* любишь, ты, проклятый старый ублюдок. — Я шагнула вперёд, оставляя нож одиноко лежать на полу. Я более не могла положиться на саму себя. И свою выдержку. Ближе и ближе, к самому высокоспинчатому не-трону; дед выпрямился, то ли от гнева, то ли… от страха. — Любишь и оплакиваешь, зная свою вину перед ней, и всё равно *оплакиваешь*, надеясь вернуть обратно. Разве не так? И если Итемпас в самом деле прислушивается к гласу смертных, заботясь о всеобщем порядке, справедливости, праведности… или чему там ещё, о чём болтают священники?.. я готова молить его, прямо сейчас, чтобы эта любовь никогда не исчезла. Никогда. Чтобы ты прочувствовал всю боль её потери, как я сама. Ощущал эту мертвящую агонию до самой смерти, и я молюсь, чтобы она пришла к тебе ещё нескоро! Очень нескоро!

Нагнувшись, я нависала над Декартой, вцепившись что есть силы в подлокотники кресла. На сей раз достаточно близко к нему, чтобы разглядеть его глаза: голубые, столь бледные, что казались почти белесыми. Бесцветными. Маленький, тщедушный человек, таким он казался сейчас, и плевать, каким он был в полном

расцвете сил. Казалось, дунь я сильней, и сломаю ему кости.

Но я не тронула его. Декарта заслужил не просто физической боли, и уж тем более — не лёгкой смерти.

— Столько ненависти, — прошептал он. Но что потрясло меня больше — это улыбка, промелькнувшая на бледных губах. Нет, не улыбка, гримаса. Почти что *предсмертная* гримаса. — Очевидно, ты куда больше похожа на неё, чем мне думалось.

Выпрямившись, я дала себе слово, что не отступлю.

— Прекрасно, — сказал Декарта, будто мы только что просто обменялись ничем не значащими приятными репликами. Навроде светской беседы. — Пора приступить к делу, внучка. Через семь дней, в ночь на четырнадцатое, на Небесах в вашу честь откроют бал. По случаю вашего вовзедения в ранг наследника; к нам соберутся гости со всего мира, самые примечательные и заметные особы. Есть кто-нибудь, кого вы хотели бы пригласить лично, так сказать в частном порядке?

Я глядела на него, читая меж слов совсем иное. *Семь дней спустя толпа высокородных особ соберётся насладиться зрелищем твоей смерти.* Всё

моё чутьё говорило за себя: вот и она, церемония правопреемства.

Вопрос повис в воздухе, в ожидании ответа.

— Нет, — сказала я тихо. — Никого.

Декарта наклонил голову.

— Тогда вы вольны идти, внучка.

Я бросила на него долгий взгляд. Это был единственный шанс поговорить с ним вот так, наедине. Я не узнала причин матушкиной гибели; но и были и другие тайны, кои он мог разгласить. Добровольно. Возможно, ему даже был ведом и путь к моему спасению.

Но в обволакивающей залу тишине ничто не приходило на ум: ни надобный вопрос, ни возможность раскрыть эти самые секреты. В конце концов я просто подобрала свой нож и убралась куда подальше, стараясь не поддаваться досадному чувству стыда, засевшему в мыслях, когда охрана захлопнула позади меня двери.

* * *

Как оказалось после, это было лишь началом. Началом адски скверной ночи.

* * *

Переступив через порог своих комнат, я обнаружила «долгожданных» посетителей.

В кресле обосновалась Кирью, сложив пальцы домиком и сверля меня тяжёлым взглядом. На краю кушетки в гостиной с потупленным взглядом расположился, подтянув к себе колени, Сиех. У окна, с бесстрастным как никогда лицом, застыла молчаливым стражем Закхарн. Ньяхдох…

Мгновение, и я почувствовала его присутствие прямо за спиной, за секунду до того, как чужая рука прошила меня насквозь.

— Скажи мне, — прошептали на ухо, — почему я не могу убить тебя прямо сейчас?

Я перевела глаза на руку, дырявящую мне грудь. Ни крови, ни сколь нибудь видимой раны. Я попыталась нащупать его — бесполезно, словно то была тень, а не живая материя. Пальцы свободно прошли сквозь плоть и теперь просвечивали из-под сжатой в кулак ладони. Вовсе не больно, но такое чувство, что кожа погрузилась в ледяной поток воды. Меж грудей поселилась ноющая, непроходящая боль; тело свёл лютый холод.

Падший с лёгкостью мог убрать руку. И заодно вырвать мне сердце. А мог и не убирать, но

сделать осязаемой; и убить меня так же верно, как ударить кулаком, прошибая кости и пуская кровь.

— Ньяхдох. — Кирью предупреждающе повысила голос.

Вскочив, ко мне поднёсся испуганный Сиех, широко расставив глаза.

— Пожалуйста, только не убивай её! Пожалуйста!

— Она одна из них, — прошипели мне в ухо. Дыхание было столь же холодным, как плоть; по коже мгновенно пробежали тревожные мурашки. — Ещё одна Арамери, уверенная в своём превосходстве. Мы *сотворили* её, Сиех, а она смеет приказывать нам? Она не в праве нести в себе душу моей сестры. — Рука сжалась крючьем, и до меня вдруг дошло — вовсе не *плоть* была его целью.

Ваше тело привыкло нести в себе две души, сказала тогда Закхарн. *Без другой ему не выжить.*

Осознав всё, я неожиданно разразилась громким смехом.

— Валяй, сделай это. — Я едва могла дышать от смеха (впрочем, может, дыхание затрудняла длань Ньяхдоха, торчащая меж ребёр). — Думаешь, мне приятно было её заиметь? Раз так

жаждешь этого, на, забирай!

— Йин! — Сиех схватил меня за руку. — Это же может убить тебя!

— Какая разница, *кто*?! Разве вам не на руку моя смерть? Или Декарты? Тот уже всё спланировал — семь дней, и та-дам! Единственный стоящий выбор — не да и нет, а *как* умереть. И это способ не хуже других, что скажешь, а?

— Так давайте выясним, — прошипел Ньяхдох.

Кирью подалась вперёд.

— Постойте. Что она…

Ньяхдох потянул руку назад. С усилием, медленно; рука еле двигалась, проходя сквозь моё тело, будто вязкую глину. Из меня вышел бы плохой свидетель; мне было не до того — работающие на пределе лёгкие извёргли пронзительный мучительный вопль. Инстиктивно я швырнула тело вперёд, в тщетной попытке избавиться от боли (лишь всё усугубив этим жестом отчания, теперь-то я понимаю это). Но тогда уже не оставалось времени на размышления; разум поглотила слепая агония. Меня будто бы рвало на части — впрочем, так оно и было.

Но потом… произошло что-то ещё.

* * *

А выше — небо застилал кошмар. Не могу сказать, день то был или ночь. Виднелись и оба солнца, и луна, но трудно было определить, что есть что. Огромная, ядовито-жёлтая луна. Перекошенный диск — куда как меньших размеров — кроваво-красное солнце. Одно-единственное облако чернеющим пятном закрывало полнеба — не тёмно-серое, предгрозовое, но медленно перемещающаяся громадная тёмная дыра. Именно что — дыра, дошло до меня в то самое мгновение, когда оттуда выпало что-то, сорвавшись с самого края…

Кто-то.

Крошечные, поглощённые междоусобной схваткой, фигурки. Одна пламенела белыми всполохами, другая — клубилась тьмой; они рушились на землю, и глаз зрел огонь, а ухо доносило жуткие, подобно громовым, раскаты, с треском полыхающие вкруг них. Они всё падали и падали… покуда не врезались в землю неподалёку. Земля содрогнулась, собрав от удара огромное облако пыли и осколков; ни единая человеческая душа не могла выжить после такого падения, однако ж, стыло во мне знание, они не были…

Ноги сами собой пустились бегом. Вокруг были они лишь тела — не мёртвые, пришло понимание с отчётливостью видения, но ***умирающие****. Сухая —* ***иссушённая*** *— трава, треща, осыпалась под босыми ногами. Энэфа мертва. Всё гибнет. Кружась, на землю ссыпались листья, будто бы хлопья снега в сильную метель. Впереди же, прямо меж деревьев…*

— ***Этого ты хочешь? Этого?*** *— Лесными тенями вторило эхо голосу, полнящемуся нечеловеческой яростью. А вслед за ним пришёл крик, исполненный таких мук, что мне никогда не представить в самом страшном сне…*

Пронёсшись меж деревьев, тело замерло на краю воронки, а глаза…

О Богиня, я разгляд…

* * *

— Йин. — Меня слегка похлопали по щекам. — Йин!

Глаза были открыты. И были — сухими. Я часто заморгала. Я стояла на полу, на коленях. Передо мной присел, глядя с участием широко раскрытыми глазами, Сиех. Взгляды Кирью и Закхарн также скрестились на мне: у одной — обеспокоенный, другой — по-прежнему невыразительно

солдафонский.

Я не раздумывала. Покачнувшись, развернулась: Няхдох так и стоял с поднятой, на весу, рукой — той самой, что застряла в моём теле. Он уставился на меня во все глаза, и я поняла: каким-то чудом он знал, знал, *что* я видела.

— Не понимаю. — Кирью поднялась, встав из рабочего кресла. Рука, опущенная на спинку, сжалась. — Двадцать лет прошло. Душа вполне должна была пережить извлечение.

— Никто и никогда прежде не вкладывал божественную душу в смертного, — сказала Закхарн. — Мы знали, *чем* рискуем.

— Но не *этим!* — Кирью указала на меня почти осуждающим жестом. — Откуда нам знать, будет ли душа полезна теперь? загрязнённая этими смертными отбросами?

— Замолкни! — рявкнул Сиех, резко развернувшись и одарив её свирепым взглядом. Его голос снова сменил тональность, став более низким и глубоким; голос не мальчика, но мужчины. — Как ты смеешь?! *Сколько* мне ещё повторять тебе, снова и снова, — смертные такие же творения Энэфы, как и мы сами.

— Ошмётки, — возразила Кирью. — Слабые, трусливые и чересчур тупые, чтобы выйти за

собственные пределы, более, чем на пять минут. Но ты и Нахья всё упираете на свою веру в них, доверяете им.

Сиех закатил глаза.

— О, ну *пожалуйста*. Позволь узнать, Кирью, и какой из твоих высокомерных, только-для-богов, планов обеспечил нам свободу?

Кирью, обиженно замолкнув, отвернулась.

Их перепалка прошло мимо меня. Мы с Ньяхдохом всё ещё не отрывали взглядов друг от друга.

— Йин. — Маленькая ладошка Сиеха тёпло коснулась щеки, словно уговаривая повернуть голову к нему. Его голос опять стал по-детски высоким. — Ты как, в порядке?

— Что случилось? — спросила я хрипло.

— Мы не можем ничего определённого…

Вздохнув, я отстранилась, пытаясь ощутить ноги. Опустошенное, словно набитое ватой, тело вяло отказывалось повиноваться. Поскользнувшись, я снова рухнула на колени и выругалась.

— Йин…

— Если опять собираешься мне солгать, даже не начинай.

Лицо Сиеха передёрнулось; сжав зубы, он оглянулся на собратьев.

— Это правда, Йин. Мы ни в *чём* не уверены.

Но… почему-то… вопреки нашим надеждам душа Энэфы не излечилась достаточно за то время, что провела, будучи вложенной в тебя. Это всё, — и тут он выразительно взглянуд на Кирью. — Достаточно, чтобы послужить цели. Но она очень хрупка — слищком хрупка, чтобы быть извлечённой без риска.

Без риска для *неё*, для души, разумеется, — не для меня, подразумевалось меж слов. Я слабо покачала головой, слишком ослабшая, чтобы ядовито рассмеяться.

— Не говоря о том, сколько ущерба *уже* причинено, — пробормотала Кирью, отвернувшись, и беспокойно заходила из угла в угол, благо что комната не могла похвалиться размерами.

— Омертвлёные члены чахнут, — тихо произнесла Закхарн. — У неё есть её собственная душа, иная ей без толку.

С каким удовольствием я бы высказалась, подумалось кисло, *будь в своё время у меня возможность протестовать.*

Но, заради Маальстрема, что, по мне, всё это значит? Что любые дальнейшие попытки Энэфадех извлечь лишнюю душу из моего тела — бесплодны? Хорошо, если так, у меня не было ни малейшего желания вновь пережить эту боль.

С другой же стороны, выходило: боги сами связали себе руки, собственным умыслом, ибо иного способа заполучить меня им уже не придумать. И *того-что-во-мне* тоже.

Но с чего бы тогда этим странным то ли снам, то ли видениям, нисходить ко мне? Неужели оттого, что душа богини медленно начинает гнить изнутри?

Демоны тьмы. Подобно стрелке компаса, всегда стремящейся к северу, покачнувшись, я развернулась к Ньяхдоху. Он отвратил взгляд.

— Что ты там твердила до этого? — Кирью вдруг требовательно повысила тон. — О Декарте?

То особенное участие, казалось, отстало (осталось) миллионом миль позади. Взяв себя в руки, я попыталась вернуться к нему, здесь и сейчас, в попытке избавиться от мыслей об устрашающе разверзшихся небесах — и виде сияющих рук, сжимающих и скручивающих плоть.

— Декарта устравает бал в мою честь, — ответила я наконец, — через неделю. Отпраздновать мое наречение, как одного из возможных наследников. — Я отрицательно потрясла головой. — Кто знает? Может, это и вправду *обычный* бал.

Энэфадах уставились друг на друга.

— Так скоро, — пробормотал, нахмурившись,

Сиех. — Понятия не имею, отчего такая спешка.

Кирью кивнула в тон собственным мыслям.

— Осмотрительный старый паршивец. Похоже, что он задумал церемонию на последующее утро.

— Может ли это значить, что он обнаружил сотворённое нами? — спросила Закхарн.

— Нет, — сказала Кирью, глядя на меня, — иначе она была бы уже мертва, а её душа — далеко отсюда, в руках Итемпаса.

Я вздрогнула при одной только мысли об этом и наконец, оттолкнувшись как следует, взгромоздилась кое-как на ноги. Более я не возвращалась взглядом к Ньяхдоху.

— Как там с вашей злостью на меня? Мы закончили или нет? — небрежно поинтересовалась, разглаживая мятый подол. — Думаю, у нас осталось ещё одно незавершённое дельце.

16. Сар-эн'на-нем

Порой священники всё-таки обмолвливаются о Войне Богов, правда, лишь остерегая от ереси. Энэфа, твердят они, Энэфа виной всему. Предатель. Из-за неё три дня и три ночи люди и звери валялись вповалку, беспомощные и беззащитные, судорожно хватая воздух раскрытыми ртами; медленно тухли их сердца, бухла утроба, не способная испражняться. Считанными часами никли и вяли травы; огромные плодородные равнины обращались безжиненной серой пустошью. Меж тем, солёные воды, зовущиеся ныне морем Покаяния, бурлили, вскипев от жара; а самые высокие из вершин грохотали, делясь пополам. Со слов облечённых властью Итемпаса, то была работа готлингов, бессмертного потомства Энэфы, избравших каждый свою сторону и сражавшихся по всей земле. И были поддержкой им отцы их, Владыки Небес.

Из-за Энэфы, твердят священники. А не из-за падения ея от рук Итемпаса. О том они молчат.

А с долгожданным концом войны, мёртвой сказалась и большая часть мира. А оставшееся же

в живых навек изменилось. В моих землях охотники сказывают легенды о диковинных зверях, вымерших ныне; равно как затерялись в веках хвалебные запевы в честь сбора богатого урожая. Те, первые, Арамери и в самом деле много сделали для выживших, старательно гласят проповеди. Магией пленённых в войне богов они воскресили океаны, запечатали горы, исцелили земли. Словом, спасли стольких, скольких смогли, хотя оживить мертвецов даже им было не под силу.

За свою цену, разумеется.

И об этом облечённые дланью Итемпаса молчат тоже.

* * *

В общем, обсуждать-то там было и нечего. В свете надвигающейся церемонии Энэфадех нуждались в моём содействии более, чем обычно; так что Кирью — пускай и с ощутимым раздражением — но пошла на мои условия. Все мы прекрасно знали о ничтожности моих шансов стать наследником Декарты. И о том, что Энэфадех попросту потакают моей блажи. Пока что оставалось довольствоваться малым; столь долго, как смогу не задумываться об этом всерьёз.

Наконец, один за другим, мои визитёры по-

пропадали в воздухе, оставив меня наедине с Ньяхдохом. Он был тем единственным, по словам Кирью, кому по силам было переместить меня в Дарр и обратно за те немногие ночные часы, что у нас оставались. В опавшей занавесом после их ухода тишине я развернулась лицом к падшему.

— Как? — спросил он коротко. Речь шла, разумеется, о моём видении. Видении его поражения.

— Не знаю, — сказала я. — Но такое случалось и прежде. Однажды мне довелось видеть во сне прежние Небеса. И их гибель — от ваших рук. — Я сглотнула, по коже пробежал мороз. — Я думала, то был лишь сон, но раз мое последнее видение было реальным… — Воспоминания. Я переживала воспоминания Энэфы. Отче Небесный, Всемилостивейший, даже думать не хочу, ч*то* это значит.

Его глаза сузились. Лицо вновь заледенело маской — той самой, страшащей, пугающей — и притягивающей одновременно. Я перевела взгляд в точку за плечом Владыки и чуть выше, стараясь не отрывать от неё глаза.

— Оно и было *прошлым,* — сказал он медленно. — Но к тому времени Энэфа была уже мертва. Ей было не ведомо, что Он творил со мной.

*Хотела бы я того же — **не видеть**.* Но раньше,

чем я успела подать слово, Ньяхдох шагнул ко мне. Быстрым движением я отступила назад, и он замер.

— Теперь вы боитесь меня?

— Вы пытались вырвать из меня душу.

— И тем не менее, по-прежнему желаете меня.

Я застыла. Конечно, *такое* он не мог ни чувствовать. Я смолчала, не желая признавать слабость.

Ньяхдох прошёл мимо меня к окну. По телу пробежала крупная дрожь — когда выпущенная на мгновение нить клубящейся плащом тьмы обвилась вкруг меня в подобии ласки (тело пронзило холодом). Осознавал или нет он сам это незаметное движение?

— Собственно, чего вы намерены достичь этой вылазкой в Дарр? — спросил он.

Я облегчённо облизнула губы, радуясь смене темы.

— Нужно обсудить кое-что с бабушкой. Я подумывала, в каких областях сподручно использовать печать сигила, но я мало смыслю в подобных вещах. Вроде того, что наши… разговоры с лёгкостью могут подслушать.

— Вполне.

Его подтверждение моей правоты не принесло ни малейшего удовольствия.

— И другое… Вопросы, из тех, что задают в лицо.

— Какие вопросы?

— Правда или нет, сказанное Рас Анчи и Скайминой о наших соседях, готовящихся к войне. Мне важно услышать бабушкину оценку происходящего. И… я надеюсь узнать… — было необъяснимо стыдно сознаваться в этом, — больше о своей матушке. Была ли она и вправду такой же, как и все Арамери.

— Вам мало моего слова? Заверяю — была.

— Простите уж покорно, Владыка Ньяхдох, но *вам* я доверяю менее всего.

Он слегка повернулся: я смогла разглядеть уголок приподнятого в улыбке рта.

— Была, — повторил он, — так же, как и вы.

Невообразимо холодный голос, слова, звучащие… Мне словно отвесили пощёчину.

— Она была такой же, — продолжил он. — В вашем возрасте, может, даже моложе, когда начала задавать вопросы, вопросы… очень много вопросов. А когда не смогла добиться от нас ответов — любезностью, то отдала приказ — как и вы. Такова была сила ненависти, источаемой её сердцем. Подобно вашему.

Я боролась с желанием избавиться от комка,

колом вставшего в горле, уверенная, что мой жест не укроется от внимания.

— Вопросы *какого* рода?

— История Арамери. Война меж моими сиблингами и мной. Много всего.

— Чего она добивалась?

— Понятия не имею.

— Отчего было не спросить её прямо?

— Мне было всё равно.

Сделав глубокий вздох, я заставила вспотевшие ладони расжаться. Это всего лишь уловка, напомнила сама себе. Любые слова о матушке — самый простой способ выбить меня из колеи. Предупреждали же насчёт его. Ньяхдох не любитель убивать в открытую. Он подстрекает, злит, раззадоривает, заманивает — пока жертва не теряет контроль и терпение, напрочь позабыв об опасности, и, открывшись, становится беззащитна. Он так ловко играет событиями, что та сама просит его покончить со всем.

Моё молчание затянулось на несколько вздохов. Ньяхдох сам развернулся ко мне.

— Ночь сократилась уже вполовину. Нам пора, если хотите сегодняж добраться до Дарра.

— А… Да, конечно. — Переведя дыхание, я оглядела комнату, избегая взглядом темнеющий

силуэт возле окна. — И каким же путём будем перемещаться?

В ответ Ньяхдох протянул руку.

Без всякой надобности, но вытерев пальцы о подол юбки, я взялась за протянутую ладонь.

Тьма, свившаяся вкруг падшего, вдруг полыхнула, наподобие взвившихся крыльев, заполонив комнату вплоть до сводчатого потолка. Ахнув, я отшатнулась было назад, но конечность зажало словно в тиски. Мне стало дурно от одного взгляда, брошенного на лицо падшего: его глаза изменились. Вновь. Радужка из абсолютно чёрной стала вдруг выцветшей, воззряясь белесым бельмом. А хуже всего то, что тени, клубящиеся близь его тела, уплотнились, сгустились, потемнев, настолько, что невозможно было рассмотреть иных очертаний, кроме протянутой ладони.

Уставившись в эту чёрную бездну, я не могла заставить себя приблизиться.

— Даже возжелай я сейчас убить вас, — сказал он *иным* — затенённым, отражённым, как эхо, — голосом, — то моя попытка скажется чересчур запоздалой.

Всё так. Что ж, заглянув в эти ужасающие глаза и собрав всё своё мужество, я сказала:

— Будь добр, доставь меня в Эрребейю, в Дарр. К святилищу Сар-эн'на-нем.

Тьма его сути столь быстро подалась в стороны — и схватив меня, что я не успела издать даже крика. Мгновение запредельного холода, — тело сдавило с такой силой, что, казалось, ещё чуть-чуть и меня просто расплющит. Но тут краткосрочная боль в рёбрах прошла, а с ней улетучился почти полностью и холод. Открыть глаза — и ничего не почувствовать. Вытянуть руки (реальные руки!) — и ничего не ощутить. Закричать — и ничего не улышать.

А потом — миг — и уже я стояла на брусчатке, жадно вдыхая знакомые с детства запахи и чувствуя тёплую влагу, капли коей спешно впитывала кожа. За спиной виднелись стены Эребейи и каменные улицы, усыпая своими переплетениями плато, где мы и стояли. Стояла поздняя ночь, куда более *поздняя*, чем была в Небесах; я знала это, ибо улицы были почти пусты. Прямо передо мной выступали каменные ступени, по обе стороны которых высилась ограда, увешанная фонарями, а вершина лестницы венчалась вратами. Вратами Сар-эн'на-нем.

Я обернулась к Ньяхдоху — тот уже вернулся к привычному, почти-что-человеческому облику.

— Д-добро пожаловать в дом моей семьи, — учтиво объявила я, всё ещё дрожа от одного воспоминания о нашем… способе передвижения.

— Мне он известен. — Падший двинулся вверх по летнице. Захваченная врасплох, целых десять долгих шагов я тупо смотрела ему в спину, пока, опомнившись, не пустилась бегом вслед Владыке.

Врата Сар-эн'на-нем — тяжеловесная, безобразная махина, помесь металла с деревом, — более позднее вкрапление в эти древние камни. Механизм, открывающий их, приводится в действие слаженной работой по меньшей мере четырёх женщин. Впрочем, то был громадный шаг вперёд, по сравнению с теми днями, когда врата, о ту пору ещё каменные, требовали не меньше двадцати пар рук, чтобы просто сдвинуться с места. Я вернулась, не предупредив загодя, глубоко заполночь, под самое утро, — что было немалым нарушением всего порядка стражи. Добрые века мы не страдали от набегов, но мои люди, тем не менее, гордились своей предусмотрительной бдительностью.

— Нас могут не пустить внутрь, — пробормотала себе под нос, настигнув наконец Владыку Ночи. Идти нога-в-ногу с ним оказалось труднова-

то — он перепрыгивал аж две ступеньки за раз.

В ответ дождалась одного лишь молчания, но темп он замедлил. Я расслышала гулкий, отдающийся эхом звук — громадный засов сдвинулся вверх, следом распахнулись и врата — сами собой. Я громко застонала, понимая, *кто* тому виной. Следом, разумеется, раздались крики и топот ног; войдя внутрь, мы оказались на поросшем травой клочке земли, он же — здешний передний двор. Из дверей старинной постройки как раз резво выбегали два отряда стражи. Одни — простые привратники, сплошь мужчины, ибо дело, к коему они были приставлены, было весьма скромное и требовало одной только грубой силы.

Другие же — постоянная охрана, состоящая почти целиком из женщин и немногих, заслуживших эту честь, мужчин (их звания выдавали белые шёлковые туники, виднеющиеся из-под брони). Возглавлявший их командир был моей старой знакомицей: Имьян, женщина моей крови, из рода Сомьем. Повинуясь её возгласу, изданному на родном мне языке, воины рассыпались по двору, окружая нас. Почти мгновенно мы очутились в кольце выставленных вперёд копий и стрел, направленных прямо в сердце.

Нет, пришло запоздалое понимание, — их це-

лью было лишь *моё* сердце. И ни единого острия, обращённого против Ньяхдоха.

Двинувшись вперёд, я загородила собой падшего — облегчить им задачу и продемонстрировать дружелюбие. На мгновение меня посетило странное чувство, словно я забыла, что значит — говорить на родном языке.

— Рада видеть вас вновь, командир Имьян.

— Ты мне не знакома, — сказала она сухо. На моих губах едва не расцвела улыбка. Будучи детьми, девочками, мы поклялись противостоять любым злоключениям плечом к плечу, теперь же она куда более привержена своему долгу. Впрочем, как и я сама.

— Ты засмеялась, впервые увидев меня, — сказала я. — Я пыталась тогда отрастить себе волосы, и подлинее, думая, что так стану сильнее походить на матушку. А ты сказала, что я больше смахиваю на дерево, поросшее курчавым мхом.

Глаза Имьян сузились. Ей собственные волосы — длинные, красивые, и по-даррийски абсолютно *прямые* — были расчётливо уложены на затылке сплетёнными шнурками косами, как и подобает воину.

— Если ты Йин-*эн'ну*, то что ты делаешь здесь и сейчас?

— Ты же знаешь, я больше не *эн'ну*, — ответила я. — Уже как неделю итемпанцы голосят о том, изустно и магией. Даже тут, на Крайнем Севере, весть эта не должна была пройти мимо ушей.

Ещй добрую минуту её стрела колебалась, словно в неверии, затем медленно опустилась остриём вниз. Ведомые жестом своего командира, оружие опустили и прочие стражи. Взор Имьян перемещался то на Ньяхдоха, то мне за спину, и в поведении её впервые прорезался намёк на беспокойство.

— А *это*?

— Ты знаешь меня, — сказал Ньяхдох. Не на койнэ, на родном мне наречии.

Никто даже не вздрогнул при звуке его голоса. Для подобного у даррийских воинов слишком хорошая выучка. Но я видела, как кое-кто (и их было немало) переглянулся с плохо скрываемой тревогой. С опозданием заметила, как лицо падшего снова дрогнуло, размываясь, подобно отражению на воде; и покачнулось в унисон с мечущимися тенями факелов. *Много свежих смертных душ для совращения.*

Первой пришла в себя Имьян.

— Лорд Ньяхдох, — сказала она наконец, — с возвращением.

Возвращением? Я оторопело глянула сначала на неё, после — на падшего. Но тут знакомый с детства голос поприветствовал меня; и я испустила неловкий вздох, толком не разобравшись в обуявших разом чувствах.

— Мы и в самом деле рады вам, — проговорила бабушка, спускаясь по небольшой лестнице, ведущей к жилым комнатам. Охрана спешно расступалась перед ней, освобождая дорогу: всё та же пожилая женщина, ростом чуть-ниже-чем-подобало-бы, в небрежно наброшенной ночной тунике (хотя она нашла время нацепить на неё ремень с ножом, бросилось мне в глаза). Всей своей невысокой фигурой — к сожалению, рост я унаследовала именно от неё — она излучала почти осязаемую ауру силы и власти.

Подойдя ближе, она приветствовала меня лёгким кивком.

— Йин, мне не хватало тебя, но не настолько, чтобы захотеть встречи так скоро. — Она оглядела меня, потом Ньяхдоха.

— Входи.

Так-то вот. Она было повернула голову к парадному входу, виднеющемуся меж колонн, а я вознамерилась следовать за ней — если б не слова Ньяхдоха, раздавшиеся над ухом.

— Здесь скоро нагрянет рассвет, в этой половине мира, — произнёс он. — У вас всего час.

Я обернулась, поражённая многажды.

— Вы что, не с нами?

— Нет. — И двинулся прочь со двора. Стража столь спешно убиралась в сторону с его пути, что дело казалось бы даже забавным. При иных обстоятельствах.

Мгновение я наблюдала за ним, а после направилась вслед за бабушкой.

* * *

И здесь на ум приходит ещё одна сказка времён моего детства.

Говорят, Владыка Ночи не в силах пролить ни единой слезинки. Отчего — кто знает, но из всех даров, из всех сил, коими облечил Маальстрем темнейшее из дитей своих, этого у него не нашлось.

Иное дело — Пресветлый Итемпас. Легенды гласят, что порой его слёзы изливаются дождём в то время дня, когда солнце ещё не зашло. (Их я никогда не принимала на веру — уж больно обильно и часто приходилось бы Пресветлому исходить плачем, будь сие правдой.)

Иное дело Энэфа, Владыка Земли. Её слёзы —

жёлтый, обжигающий дождь, падежом прошедший по всему миру после извержения вулкана. Он по-прежнему сыпет крупой, этот дождь, губя урожаи и отравляя воду. Но ныне то не значит уже ничего.

Владыка Ньяхдох был перворождённым, Первым из Трёх. Явленный прежде других, бессчётную вечность провёл он один на один со всем порождённым бытиём. Может, то и есть причина его бессилия. Ибо бесполезные слёзы не скрасят полное одиночество.

* * *

Некогда Сар-эн'на-нем был святилищем. Главный вход — огромный сводчатый зал, поддерживаемый вытесанными из камня колоннами, врастающими в землю, — мой народ возвёл задолго до того, как нам стали известны амнийские штучки вроде скрипторства или заводных причуд, часов и прочего. Тогда у нас были свои… методы. И места поклонения в честь наших богов потрясали взор великолепием.

После Войны Богов предки сделали то, что *должно* было сделать. Замурованные Сумеречный Сар-эн'на-нем и Лунные Просветы, некогда славившиеся своей красотой, исчезлись от глаз

навеки; остался лишь Сар-эн'на-нем Солнечный. Новый храм, освящённый одному лишь Итемпасу и незапятнанный скверной поклонения его сиблингам, был выстроен немногим дальше на юге; дабы стать сердцем города, местом поклонения Пресветлому. Впрочем, уже много лет Сар-эн'на-нем был не более чем залом заседания правящего воинского совета, издающего указы, кои я, бывшая *эн'ну*, претворяла в жизнь. Всякие здешние святость и благочестие давно сошли на нет.

Зала была пуста, как и приличествовало в столь поздние часы. Бабушка подвела меня к возвышению, устланному слоем толстых ковров, где и пребывали днём члены Совета, рассаживаясь по кругу. На одно из пустующих мест она и уселась, я устроилась напротив.

— И как, провалилась? — спросила она.

— Пока ещё нет, — пожала я плечами. — Но это лишь вопрос времени.

— Объяснись, — приказала она, впрочем, другого мне и не оставалось. Признаюсь честно, что слегка подретушировала отчёт, опустив некоторые… моменты. Захлёбывание слезами на матушкиной кровати. Опасные грёзы о Владыке Ночи. И, безусловно, тайну моего двоедушья.

По окончанию рассказа бабушка испустила короткий вздох, единственный признак тщательно маскируемого беспокойства.

— Киннет всегда верила, что любовь к ней Декарты послужит гарантией защиты и тебе. Не могу сказать, что когда-либо любила её, но с годами я стала более прислушиваться и доверять её мнению. Как же она могла так чудовищно ошибиться?

— Не уверена, что она, — сказала я мягко, думая о словах Ньяхдоха насчёт Декарты и матушкиного убийства. *Думаешь, это его рук дело?*

А после был разговор с Декартой. Я видела его глаза, когда он говорил о ней. Способен ли человек вроде него на убийство того, кого так безумно любит?

— Матушка рассказывала об этом, Беба? — спросила я. — Почему оставила Арамери?

Бабушка нахмурилась, озадаченная неожиданной сменой моего тона с формального на личный. Мы никогда не были особенно близки, она и я. Она была слишком стара, чтобы стать *эн'ну*, когда её собственная мать наконец упокоилась с миром, и ни один из её детей не был девочкой. Хотя мой отец и преуспел, изрядно удивив всех, сам став *эн'ну* (одним из трёх мужчин, добившихся

этого титула за всю нашу историю), меня можно было назвать слабым подобием дочери, единственным, что оставалось у бабушки. Впрочем, я давно уже бросила тщетные попытки заслужить её любовь.

— Вещи подобного рода она предпочитала обходить молчанием, — медленно произнесла Беба. — Ограничиваясь словами, что любила моего сына.

— Полагаю, тебе было этого мало, — сказала я тихо.

В её глазах застыла жёсткая твёрдость.

— Твой отец отчётливо дал понять, чтобы я забыла об этом.

Тогда я и поняла: *она никогда не верила матушке.*

— Какие ещё могли быть причины?

— Она была полна злости и ярости, твоя мать. Всё хотела кого-то уничтожить, и случившееся с моим сыном вручило ей нужное оружие.

— Кого-то… в Небесах?

— Не знаю. К чему все эти вопросы, Йин? Отчего тебя так тревожат дела двадцатилетней давности?

— Думаю, что дела эти имеют прямое касательство к нынешним событиям, — сказала я к

собственному удивлению — но то была чистая правда, обрела я наконец полную уверенность. Полагаю, подсознательно это никогда не было для меня тайной. Ободрённая своим открытием, я бросилась в новое наступление. — Ньяхдох бывал здесь и раньше, как погляжу.

Лицо бабушки тут же вернуло привычную суровость; она нахмурила брови.

— *Лорд* Ньяхдох, Йин. Мы здесь не какие-нибудь амнийцы, мы *уважаем* наших создателей.

— Кажется, стражу неплохо проинструктировали насчёт того, *как* с ним обращаться. Обидно, право, что о том забыли оповестить меня; навыки могли бы сгодиться по приезду в Небеса. Так когда же он здесь был, а, Беба?

— Ещё до твоего рождения. Владыка приходил сюда увидеться с Киннет. Йин, это не то…

— Как раз после того, как отец оправился от встречи с Гулящей Старухой, верно? — спросила я тихо, хоть кровь и стучала в висках. Я с трудом, но сдерживалась от желания дожать её, и побыстрее. — Что они сделали той ночью? Что сотворили со мной?

Беба нахмурилась ещё сильнее, мгновенное замешательство переросло в тревогу.

— С-с… *тобой*? О чём это ты? Ты даже ещё не

появилась на свет, твоя мать только-только понесла. Что ты…

И затихла, подавившись словами. Глаза её расширились. Нетрудно было понять ход мыслей, кроющийся за этим пристальным взглядом. Хотела бы прочитать их и те спешные выводы, кои рождались сейчас в бабушкиной голове.

— Матушка пыталась убить меня при рождении. — И теперь я знала *почему*, но это было ещё не всей правдой; что-то важное, очень важное ускользало от меня. Я знала это, как свои пять пальцев. — Её не подпускали ко мне, не оставляли без соглядатаев несколько месяцев. Помнишь, как оно было?

— Да, — откликнулись в ответ еле слышным шёпотом.

— Знаю, она любила меня, — продолжила я. — Но знаю и то, что некоторые женщины сгорают в родовом безумии. Что бы ни было причиной матушкиного страха перед мною… — Я едва не подавилась словами, порождая изощрённую вязь лжи. Да уж, умение мастерски врать никогда не входило в список моих достоинств. — Но он всё же затух… постепенно. Я помню её лишь с хорошей стороны как родительницу. Но разве тебе не приходило в голову задаться этим вопросом,

Беба? *Почему* она так боялась? Тебе или отцу…

Я замолкла, ошеломлённая внезапным пониманием, обрушившимся на меня словно удар молнии. Истина таилась *прямо передо мной*, стоило лишь пошире раскрыть глаза…

— Некому было задавать вопросы.

Вскочив в смятении, я метнулась в сторону. Ньяхдох стоял футах в пятидесяти от входа в Сарэн'на-нем. Лунный свет, льющийся за его спиной, скрадывал детали, оставляя лишь неестественно застывший силуэт, в обрамлении трёхгранной арки дверей. Лишь глаза привычно чернели тьмой.

— Я убил всех, кто видел нас с Киннет той ночью, — сказал он. Мы с бабушкой обе слышали голос столь же ясно, как если бы он стоял рядом с нами. — Её служанку, ребёнка, наливавшего нам вина, мужчину, присматривавшего за вашим отцом, пока тот оправлялся от болезни. Трёх охранников, что пытались нас подслушать, повинуясь приказу этой старухи. — Он небрежно кивнул в сторону неподвижно замершей Бебы. — А после никто не смел даже помыслить задуматься насчёт вас.

Неужто ты наконец решил ***заговорить****?* Это я хотела спросить у него, но бабушка оказалась

быстрее. Движение столь неожиданное, невероятное, настолько глупое, что слова застряли у меня в горле. Вскочив на ноги, она загородила меня, выставив нож.

— Что вы утворили с моей Йин?!! — Ярость, полыхавшая в крике, поражала до глубины души. Никогда ещё прежде не видела я её в таком бешенстве. — Что за мерзость Арамери обязали вас сделать? Она — *моя*! Она принадлежит *нам*! У вас не было никакого права!

А потом Ньяхдох засмеялся. С такой неистовой злобой, что спину словно хлестнуло ледяной плетью ужаса. И я ещё считала его всего-навсего озлобленным рабом? Жалким, несчастным созданием, отягощённым отчаяньем и скорбью? Какой же я была дурой.

— Думаешь, этот храм защищит тебя? — прошипел он. Только позже я поняла, что на деле падший даже не переступал порога. — Неужели забыла уже, что некогда он был местом поклонения твоего народа? Поклонения *мне*?

И шагнул вперёд, вступая в Сар-эн'на-нем.

Ковры под коленями пропали. Дверь, обшитая тяжёлым брусом, распалась, являя мозаику полированной полудрагоценной плитки, выложенной каменным разноцветьем, с вкраплением

золотых квадратов. Я ахнула, видя, как дрогнули колонны, и обрушившиеся кирпичи разом испарились, отправляясь в небытиё; перед глазами внезапно предстали Три Проёма — Солнце, Луна и Сумерки, все они были здесь. Мне и в голову не приходил истинный замысел их создателей — вместе, лишь вместе они были единым целым. *Как многое мы утеряли…* Со всех сторон окружали нас статуи существ столь совершенных, столь чуждых — и столь знакомых, что в груди зародилось страстное желание оплакать всех потерянных братьев и сестёр Сиеха, всех верных чад Энэфы, безжалостно забитых, как бешеных собак, на убой… лишь за попытку мести… мести за убийство собственной матери. *Понимаю. Всех вас понимаю. Проклятье, как же хорошо я понимаю…*

И когда угас свет факелов, и воздух затрещал, уходя, я обернулась, видя теперь, что изменился и сам Ньяхдох. Ночной мрак также полнил всё святилище целиком; но на этом сходство с первой из ночей, проведённых в Небесах, и кончалось. Здесь, подпитываемый древней преданностью, витающей на руинах старой веры, он выказал всего себя, прежнего себя. Первого, первейшего из богов. Сладчайшая грёза и страшнейший

кошмар воплотился в необразимое, прекрасное… чудовище. В иссине-чёрной вспышке безумно кружащегося вихря не(до)света, света-не-бывшего-светом, я видела проблеск снежно-белой, мерцающей как луна, кожи, и глаза, подобные искрам сияющих издали звёзд; а потом, изогнувшись и сплетясь, они извратились в нечто столь неожиданное, что разум на мгновение отказался воспринимать случившееся. Разве не об этом остерегал меня вычеканеный в библиотеке рельеф, правда? Из темноты, в ореоле света, на меня глядело лицо, гордое, сильное, властное; лицо женщины, обличье, столь захватывающее дух, что в непонятной тоске я возжаждала его всем сердцем, возжаждала её всю, будто это и было моим предназначением. Что странного в том, что, не пересилив желания, я потянулась вслед… И тогда оно вновь тронулось, перетекая в нечто, никоим образом не сходное с человеком; нечто, усеянное шупальцами, клыками, столь отвратительное, что я изошла криком. А потом лицо сменило одна лишь полнейшая, абсолютная тьма; — и то было страшнее всего.

Вперёд. Он шагнул вперёд. А с ним пришло и чувство — эти невероятные, незримые пределы сместились, двинувшись вместе с шагом. До меня

донеслось стенание стен Сар-эн'на-нем, слишком хлипких, чтобы сдержать эту силу. Что там, целый мир не сможет претворить ей путь. Небеса над Дарром разверзлись, пронзённые грохотом грома; земля под ногами затрепетала, взволнованная. Белоснежные резцы сверкнули во тьме, острые, ровно волчьи клыки. И пришло понимание: не начни я действовать прямо сейчас, и Владыка Ночи уничтожит Бебу у меня на глазах.

Прямо передо…

* * *

прямо передо мной лежит вповалку она беззащитно раскинув руки нагая и окровавленная

это не плоть единственное что можешь уразуметь

но значит то же самое что и плоть она мертва и осквернена совершенное тело растерзано так что не можно не возможно **(не должно быть)** *и чьих рук это дело? кто мог посметь и суметь*

что же он сотворил со мной своей любовью прежде чем вогнать нож по самую рукоятку?

и после… словно удар — предатель

я знал его гнев но ни разу не мог себе даже представить… ни разу не мог себе помыслить…

я отогнал её страхи я думал я знал его

я соберу её останки себе сберегу всё её творения заставлю её ожить

мы не творили ничего на смерть

но ничто не меняется

ничего не изменится

и был ад давно отстроенный мною и было то место где всё остаётся неизменным навечно ибо ничего более ужасного я не мог себе вообразить и

теперь я здесь

после являются другие наши дети откликаясь с равным ужасом

в глазах всякого дитя мать — божество

но для меня горе их сливается едино я не зрею ничего кроме собственной тьмы, мутящейся туманом

я отпускаю её тело укладывая бережно но кровь её покрывает мне руки её кровь наша кровь сестры возлюбленной любовницы ученицы учителя кровь их вся она вся

и когда я вскидываю голову в пронзительном вопле исполненном ярости что обуревает меня миллионы звёзд чернеют и гибнут

и незримые никому они сыплются вниз — мои слёзы

* * *

Я моргнула.

Сар-эн'на-нем был всё тот же, прежний, безмолвный, таящийся в тенях; блеск и великолепие вновь сокрылось под слоем кирпича, пыльного дерева и старых ковров. Я стояла, загораживая бабушку, не помня даже, когда успела вскочить или переместиться. Ньяхдох вновь вернул себе человеческое обличье; аура окружающей его тьмы сошла на убыль, вернувшись в привычный спокойный дрейф; а сам Владыка в очередной раз пристально мерил меня взглядом.

Я прикрыла глаза рукой.

— Я не могу больше выдерживать это.

— Й-йин? — Бабушка положила руку мне на плечо. Я едва заметила этот жест. Всё равно. *Мне почти всё равно.*

— Оно происходит, да? — Я поискала глазами Ньяхдоха. — То, чего вы так долго ждали. Её душа пожирает мою собственную.

— Нет, — сказал падший. — Я не знаю, что это.

Я смотрела на него и ничего не могла с собой поделать. В груди клокотали все накопленные за последние несколько дней чувства. Страх. Гнев. Ярость. Потрясение. Я разразилась диким смехом.

Я смеялась так громко, что эхо вторило в ответ, отражаясь от уходящего далеко ввысь потолка святилища; хохотала так долго, что Беба с беспокойством начала на меня коситься, без сомнения, интересуясь, не сошла ли я с ума. Вероятно, я и в самом деле была близка к безумию, ибо смех мой внезапно сорвался на крик, а веселье вспыхнуло раскалённой добела яростью.

— Как. Ты. Можешь. Не. Знать!!! — разразилась я пронзительным криком, от отчаяния снова бросая слова на сенмитском. — Ты же бог! *Как* ты можешь не знать!

Его невозмутимое спокойствие подбавило жара моей ярости.

— Я воплотил в этой вселенной вероятности, и каждое живое существо было соткано из них Энэфой. Всегда есть место таинствам, находящимся за пределами даже нашего, божественного, понимания…

Я бросилась на него. Мгновение безумного гнева растянулось бесконечно долгой секундой. Словно в замедленном приближении я видела, с какой быстротой глаза падшего перехватили стремительно приближающийся кулак, расширяя зрачки в каком-то, схожем с изумлением, чувстве. Ему хватило бы времени, даже с запа-

сом, чтобы отклонить или перехватить удар. Меня ввело в ступор полное нежелание падшего защищаться.

Звуку хлёсткой пощёчины гулко вторил испущенный бабушкой вздох.

В наступившей тишине я чувствовала себя… опустошённой. Ярость ушла. А ужас пока что запаздывал. Костяшки жгла острая боль.

Влепленная пощёчина заставила голову падшего неловко дёрнуться. Коснувшись разбитых в кровь губ, он вздохнул.

— Нелегко сдерживать свою сущность поблизости вас, — сказал он. — Вы избрали запоминающийся способ наказания.

Он поднял глаза; откуда-то я знала, что он вспомнил тот раз, когда я ударила его ножом. *Я так долго ждал тебя*, выдохнул тогда падший, перед тем как забыться. Заместо прошлого поцелуя он коснулся моих губ кончиками пальцев. Тёплая влага потекла по уголку рта. Машинально я облизнула её. На языке стыла смесь прохладной кожи и солоноватой, отдающей металлическим привкусом, крови.

Он улыбнулся. Чувство, отражающееся в его глазах, можно было бы назвать нежностью. С некоторой натяжкой.

— Вам нравится вкус?

* * *

Нет, только не твоей крови, только не её.
Пальцев — другое дело.

* * *

— Йин. — Бабушка снова позвала меня, руша стоящую перед глазами иллюзию. Глубокий вздох помог упорядочить мысли; я развернулась к Бебе, не глядя на неё.

— Соседние королевства объединяются? — спросила я. — Ведут приготовления к войне?

Сглотнув, она согласно кивнула.

— Официальная нота пришла на этой неделе; но предвестия были и раньше. Около двух месяцев тому назад наших дипломатов и торговцев выслали из Менчи. Поговаривают, что старик Джемд издал постановление о воинском призыве, дабы увеличить ряды своей армии; да и в остальном ведёт усиленную подготовку. Совет рассчитывает, что до выдвижения войск самое большее — неделя, если не меньше.

Два месяца тому назад. Почти сразу после того, как меня призвали в Небеса. В тот самый момент,

как стало известно о решении Декарты, Скамина предугадала все мои намерения.

Понятно, отчего она начала действовать через Менчи. Крупнейший и могущественнейший сосед Дарра, наш старый добрый враг. С самой Войны Богов мы если и жили в относительном мире с менчийцами, то лишь оттого, что Арамери не больно желали обратного, не торопясь даровать разрешение на ведение воойны ни одним из нас. Но всё изменилось, как погляжу, с того достопамятного предупреждения Рас Анчи.

Разумеется, дело не обошлось без формального прошения. Требования на право пролить кровь. Нашу кровь.

— Надеюсь, за истёкшие месяцы мы озаботились сбором собственных сил. — Лишённая привилегии отдавать здесь приказы, я могла лишь предлагать.

Бабушка тяжело вздохнула.

— Как могли. Казна так истощена, что едва-едва хватает на пропитание, не говоря уже про вооружение и прочее оснащение. Нам неоткуда добыть средств. Мы бросили боевой клич, призывая в ополчение добровольцев: любую женщину, имеющую лошадь и собственное оружие. И любого мужчину, из числа ещё не ставших отцами.

Ужасающий знак, раз Совет прибёг к вербовке мужчин. По традиции те были последней линией нашей обороны; в силу избирательной физической силы им отводилась одна-единственная, но важнейшая из задач — защита наших домов. И наших детей. И раз решением Совета в ход шли и они, исход битвы был предрешён. Победа или смерть. Всё или ничего, иному не бывать.

— Я дам вам всё, что смогу, — сказала я. — Декарта следит за каждым моим шагом, но теперь я сказочно богата и…

— Нет. — Беба вновь коснулась моего плеча. Не могу припомнить, когда в последний раз она вот так дотрагивалась до меня без особой на то причины. И эта отчанная (невероятная!) попытка защитить меня пред лицом опасности… Как же больно будет умирать молодой, никогда так и не узнав её настоящую.

— Думай о себе, — продолжила она. — Дарр более не твоя забота, помни это.

Я сердито нахмурилась.

— Он всегда будет…

— Разве ты сама не понимаешь? Они используют любую возможность погубить тебя. Посмотри, как пошли прахом одни твои усилия восстановить торговые связи.

Я было открыла рот, готовясь возразить, что то был вовремя попавший в руки предлог, изящная отговорка, но Ньяхдох опередил меня, резко поведя голову на восток.

— Близится рассвет, — сказал он.

Из-под входной арки Сар-эн'на-нема виднелось стремительно бледнеющее небо, ночные тени спешно выцветали, готовясь встретить восходящее солнце.

Я пробормотала проклятье себе под нос.

— Сделаю, что смогу, *обещаю*. — Повинуясь невнятному импульсу, я быстро шагнула вперёд, заключая Бебу в крепкое объятие. Никогда прежде я не отваживалась на столь личный жест. На мгновение она замерла, неестественно выпрямившись, потом, с долгим вздохом, ответно приобняла за плечи.

— Сколько же ты взяла от отца… — прошептала с нежностью и, с трудом оторвавшись, легко подтолкнула в плечо.

С той же удивительной нежностью вкруг моей талии обвились руки Ньяхдоха, привлекая к груди. Спиной я чувствовала эту опору, массивную, по-человечески тёплую, меж холодных теней, скрадывающих прочие члены.

А потом исчезла и она, и Сар-эн'на-нем, и всё во-

круг погрузилось в уже знакомые холод и тьму.

Я вернулась обратно, в Небеса, в свою комнату, материализовавшись как раз напротив окон. Небо ещё не успело посветлеть, лишь слабая розовеющая полоска виднелась далеко отсюда, на линии горизонта. Вернулась одна, к своему удивлению, но вместе с ним — и некоторому облегчению. У меня выдался очень долгий и неимоверно трудный день. Я повалилась на кровать не раздеваясь — но сон так и не шёл. Полежала так немного, бездумно наслаждаясь тишиной, давая голове передышку. Но потом сразу две мысли всколыхнули мерно убаюканное сознание, подобно пузырькам, поднявшимся на поверхность стоячей воды.

Матушка раскаивалась, сожалея о своей сделке с Энэфадех. В приступе малодушия она продала меня, но не без сомнений. Было своего рода извращённое утешение в осознании того, что она пыталась убить меня при рождение. Это было так похоже на неё: собственоручно изничтожить собственную плоть и кровь, лишь бы не позволить ей самой развратиться, погрязнув в скверне. Может ли так статься, что она приняла меня, но из *собственных* соображений и условий — позже, отойдя от безрассудного горячки свеже-

испечённого материнства, придавшей остроту переживаниям… Приняла, стоило ей, заглянув в глаза мне-ребёнку, разглядеть за ними ещё одну душу, кроме вживлённой, — мою собственную.

Другое соображение было куда проще, но приятного в нём было мало.

А знал ли обо всём этом отец?

17. Утешение

Теми ночами, теми видениями, что сопутствовали им, тысячи тысяч глаз проходили передо мною. Пекари, кузнецы, книжники, короли — простолюдины и высокородные, каждую ночь я проживала их жизни. Но, как со всяким сном, память хранит лишь самые особенные приметы.

В одном я вижу перед собой тёмную, пустынную комнату. Из мебели — жалкие крохи. Старый, полуразвалившийся стол. В углу — скидана кучей грязная рвань белья и постели. А рядом — жемчужинка. Постойте, нет, не жемчуг; крошечный синеватый шарик; приблизь к лицу и разглядишь усеивающую поверхность мозаику хитросплетений. Пятен. Бурое с белым… Я догадываюсь, *чья* это комната.

— Шшш, — раздаётся внезапно голос, и в комнате вдруг обнаруживаются людские силуэты. Кто-то маленький, теряющийся в груде намотанного на него тряпья, сидит на коленях у другого, много больше размером. Громадного и скрытого во тьме. — Шшш… Давай я расскажу тебе историю?

— Умм, — бурчит тот, что поменьше. Ребёнок. Дитя. — Ага. И побольше красивой лжи, хорошо, папа?

— Ну, как же. Детишкам не полагается быть настолько циничными. Веди себя хорошо, иначе никогда не вырастешь таким же большим и сильным, как и я.

— Мне никогда не стать похожим на тебя, папа. Так же как твоей излюбленной лжи никогда не стать правдой.

Я вижу взлохмаченные каштановые пряди. Те перебирает рука, красивая, изящная, с длинными тонкими пальцами. Рука его… отца?

— Я смотрел, как ты растёшь долгие-долгие века. Десять тысяч лет… сто тысяч…

— И когда я наконец вырасту, мой пресветлый, солнцеликий отец радостно раскроет мне свои объятия, приняв к себе?

Вздох.

— Может и так, наскучь ему вконец его одиночество.

— Не хочу к нему! Ни за что! — Порывисто ребёнок вырывается, пытаясь ускользнуть от взрослой руки и, задрав голову, сверлит другого упрямым взглядом. Глаза его, подобно тем, что присущи некоторым ночным зверям, отражают

свет. — Я никогда не предам тебя, папа! Никогда!

— Шшш. — Отец, нагнувшись, запечатлевает на лбу ребёнка нежный поцелуй. — Я знаю.

И ребёнок с плачем бросается вперёд, утыкаясь лбом в мягкую тьму плеча. Отец осторожно придерживает его, ласково баюкая, и начинает напеть. И в голосе его отзываются дальним отголоском — каждая из матерей, хоть раз утешавших своего младенца длинными ночными часами, и каждый отец, хоть раз шептавший чаяния на ухо своему дитя. Мне не ясна прозреваемая боль, свивающаяся, словно цепи, внахлёст вкруг этих двоих; но я могу сказать, *что* служит им противузащитой. Любовь, пылающая в их сердцах.

Слишком лично это видение; я здесь — незваная гостья. Я ослабляю невидимую хватку, и сон, соскальзывая меж пальцев, исчезает прочь так же легко, как и явился.

* * *

Кое-как проснувшись, вырвавшись из паутины ночных кошмаров, наутро я чувствовала себя отвратительно. Мутная, словно заторможенная, голова наотрез отказывалась соображать. Я сидела на краю кровати, прижав к себе колени и уставясь пустым взглядом сквозь широкие окон-

ные проёмы на светлое, без единого облачка, полдневное небо. В мыслях вертелось лишь одно — *Я собираюсь умереть.*

Я умру.

Через семь — нет, уже шесть, — дней.

Умру.

Стыдно признаться, этот монотонный рефрен уже достаточно долго бился в висках. Прежде я не задумывалась всерьёз о шаткости моего положения; угроза возможной смерти как-то уходила на второй план, затмеваемая надвигавшейся на Дарр напастью и хитросплетениями поднебесных заговоров. Но вот, оставшись в одиночестве, отвлёкшись от выматывающих душу дел, мне ничего не оставалось, кроме как размышлять. Думать. И единственным, что занимало мысли, была смерть. *Моя* смерть. Мне не было ещё и двадцати. Я никогда никого не любила. Я не освоила всех девяти форм клинка. Я никогда… боги. Я никогда не жила по-настоящему — вне наследия, оставленного родителями, *эн'ну* и Арамери. Это было так трудно, почти недосягаемо, — понять собственную обречённость, и всё же — так оно и было.

У меня не было ни малейших иллюзий насчёт их всех. Даже не жди Арамери моей смерти… то

для Энэфадех я была всего-навсего ножнами для меча, коими они надеялись отвоевать свободу у Итемпаса; единственное орудие спасения. Отложи сейчас церемонию правопреемства или стань я каким-то чудом действительным наследником Декарты, то уверена, Энэфадех не преминули было попросту уничтожить меня. В отличие от остальных Арамери, перед падшими я, похоже, была абсолютно беззащитна; без сомнения, то было одно из последствий хитроумных манипуляций с моей кровной печатью. Не говоря уже о том, что моё убийство было бы простейшим способом высвободить, не повредив, душу Энэфы. Если кого и огорчит эта неизбежная смерть, то лишь Сиеха; одно-единственное существо на все Небеса.

И так, сотрясаемая дрожью страха, я лежала, скорчившись в комок, на кровати, оплакивая свою судьбу; возможно, этого занятия хватило бы мне до конца дня — а с ним и одной шестой оставшейся жизни, не постучи как раз кто-то в дверь.

И этот стук сдержал меня от края. Более или менее. Я оглядела себя. Так и несменённая с вчерашнего вечера одежда (спала я, не раздеваясь); беспорядочно взлохмаченные волосы. Припухшее лицо; красные глаза. Ванны я тоже не

принимала. Я приоткрыла дверь на крошечную щель — к великому огорчению, там стоял Т'иврел, вооружённый подносом еды в руке.

— Мои приветствия, кузина… — Не докончв фразы, он одарил меня более пристальным взглядом и нахмурился. — Что, во имя демонов, с вами случилось?

— Н-ничего, — пробормотав оговорку, я попыталась было закрыть дверь. Как бы не так, схватившись свободной рукой за угол двери, он втолкнул плечом меня в комнату и шагнул следом сам. Слова протеста застыли в горле, когда он окинул взглядом мою скукожившуюся фигуру, сверху вниз, с таким выражением лица, что бабушка, видь его сейчас, несомненно изошла бы чёрной завистью.

— Решили собственными руками вручить им победу, да? — спросил он.

Кажется, моя нижняя челюсть в удивлении отвисла. Он вздохнул.

— Сядьте.

Я закрыла рот.

— Да как вы…

— В этих местах мало что скрыто от моих ушей, Йин. И уж точно не предстоящий бал, к примеру, и то, что назначено после. Полукровки обыч-

но помалкивают, крепко держа рты на замке, но у меня свои связи. — Он нежно взял меня за плечи. — Подозреваю, вы тоже докопались до искомой сути, оттого и торчите здесь одна, в четырёх стенах, загибаясь от бессилия.

В другой раз я порадовалась бы, что он наконец назвал меня по имени. Теперь я лишь молча покачала головой и потёрла виски, пульсировавшие от усталости и боли.

— Т'иврел, вы не…

— Да *сядьте* уж, безрассудная глупышка, не то ещё грохнетесь в обморок и мне придётся звать на помощь Вирейна. А этого, кстати, вы совсем не захотите. Его лекарства, хоть и эффективны, но, кхм, далеки от приятного. — Взяв за руку, он мягко подтолкнул меня к столику.

— Я здесь, так как до вашего покорного слуги дошли сведения, что ни завтрака, ни обеда вы не заказывали, а мне бы не хотелось, чтобы вы вновь обрекли себя на голодовку. — Усадив меня и подвинув поднос, он взялся за тарелку с какими-то нарезанными фруктами, нанизал кусоек на вилку и чуть ли не силком сунул мне в рот. Мне не оставалось ничего иного, как покорно проглотить. — Вы казались разумной девочкой, когда заявились сюда впервые. Видят боги, пре-

бывание в наших краях замечательно вышибает всякий разум, делая из людей бесчувственных истуканов, но я никак не ожидал, что вас так легко сломать. Опомнитесь уж, воин вы там или нет? Разве не про вас болтали, что вы, полуголая, с копьём, скачете по деревьям?

Я оскорблённо вскинулась, резкие слова хоть чуточку, но привели в порядок путаницу, царившую в голове.

— Эта самая наиглупейшая вещь, что когда-либо мне говорили.

— Значит, вы пока ещё не на том свете. Ну, и отлично. — Он приподнял мне подбородок, пытливо заглядывая в глаза. — И пока что победа не за ними. Улавливаете?

Я отпрянула назад, судорожно цепляясь за тлеющий в крови гнев. Всё лучше, чем просто отчаяние, если б не столь же бесполезно.

— Вы знаете, о чём говорите. Мои люди… мой народ. Я приехала сюда лишь чтобы помочь им, а вместо этого подвергла их ещё *более* худшей угрозе.

— Слыхал, знаю. Однако вы не отдаёте себе отчёт, что оба они, и Релад, и Скаймина — отъявленные, непревзойдённые лжецы. Исход был предрешён, и вовсе не из-за ваших действий.

Планы Скамины закрутились в движении задолго до того, как вы вообще появились в Небесах. Именно так это семейство и обстряпывает свои делишки. — Кусок сыра заботливо поднесли ко рту, вынуждая меня откусить, пережевать и проглотить кисловатую массу — только тогда руку отвели в сторону.

— Если это… — Сенешаль ультимативно подтолкнул ко мне ещё фруктов. Я ткнула наугад вилкой, та соскользнула, и бедный фрукт улетел куда-то под книжный шкаф. — Если это правда, то вы лучше других должны знать, что я бессильна! Что ничего не могу с этим поделать! Ничего! Враги Дарра готовятся атаковать, а мои земли — слабы. Нам не по силам сражаться даже с одной армией, что уж говорить о всех тех, что собираются у наших границ!

Он спокойно, с отрезвляющим взглядом, кивнул и атаковал очередной порцией фруктов.

— Подобная стратегия в стиле Релада. Скаймина, как правило, действует более… тоньше. Впрочем, говоря по чести, подстрекателем может оказаться любой из них. Декарта предоставил им не так уж много времени для приготовлений; а под давлением они оба частенько действуют несколько… топорно.

Таяюший во рту фрукт отдавал странным привкусом соли.

— Тогда подскажите… — Я попыталась сдержать подступившие к глазам слёзы. — Подскажите мне, Т'иврел, что я *должна сделать*? Вы говорите, что я собственноручно отдаю им победу, но что мне ещё *остаётся*?

Т'иврел оставил тарелку и, сжав мои руки своими, наклонился ближе. Прямо к моему лицу. Я вдруг разглядела его глаза по-настоящему. Зелёные, но куда более тёмного оттенка, чем те, коими смотрела сейчас на него я сама. Никогда прежде не ощущала я с такой отчётливой ясностью кровную связь между нами. Мало кто из Арамери воспринимал меня как человека, не говоря уж о том, чтобы проникнуться родственными чувствами.

— Бороться, — твёрдо сказал он, низким, полным решимости голосом. Запястья заныли от боли, скованные ужесточившейся хваткой. — Бороться любым возможным способом. *Боритесь*, Йин!

Может, виной тому была властная сила, скрывавшаяся в его руках, или настойчивость, слышимая в голосе, но меня пронзила острая вспышка откровения.

— Вы ведь сами хотели бы быть искомым наследником, да, кузен?

Удивлённый, он моргнул, а потом дал соскользнуть с губ печальной улыбке.

— Нет, — произнёс он. — Вовсе нет. Никому не захотелось бы стать наследником при таких обстоятельсвах. Так что я не завидую вам… Но… — Он отвернулся к окну, однакож я видела ч*увство*, горящее в его глазах: жуткое, подавляющее разочарование, должно быть, всю жизнь ровно отрава сжигающее сенешаля. Невысказанное знание, что он был едва ли не столь же умён, как Релад или Скаймина, так же силён, как они, так же заслуживал власти, будучи так же одарён желанием и волей к правлению.

И дай ему кто-нибудь когда-нибудь хоть один шанс, он боролся бы до последнего, чтобы лишь удержать его. Использовать в дело. Он тот, кто будет бороться даже без малейшей надежды на победу, ибо сдаться дла него — значит, признать, что идиотское, по одной только воле случая, присвоение метки чистокровного обосновано логикой и фактами; признать, что амн взаправду превыше всех прочих народов; признать, что единственное, что он заслуживает, быть не более чем прислугой на побегушках.

Равно, как и я, — участь не выше игральной пешки.

Я хмуро сдвинула брови.

— Уже лучше, — удовлетворённо заметил сенешаль. Вручив в руки пресловутую тарелку, он деловито поднялся. — Заканчивайте завтрак и одевайтесь. Мне есть что вам показать.

* * *

Поначалу я не поняла, что вокруг гремел праздник. День Светлого Пламени, если быть точнее; в памяти шевелилось что-то знакомое, краем уха я слыхала о таком амнийском праздненстве, но не придала тогда особого значения. Стоило Т'иврелу вывести меня из моих покоев, как до нас донеслись переливы смеха и звуки сенмитской музыки, волнами прокатывающиеся по коридорам. Мелодии здешнего континента никогда не вызывали во мне особого отклика — чересчур странные, аритмичные, исполненные мистически мрачных минорных тонов; в общем, из того сорта вещей, кои достуцны пониманию исключительно людей утончённых, с изощрёнными вкусами, дозволяющими получать наслаждение от подобных звуков.

Я издала долгий вздох, узрев, что как раз в *их*

направлении мы и двигаемся. Но Т'иврел, мрачно покосившись, отрицательно качнул головой.

— Нет, кузина, полноте, *это* празднование не для вас.

— Почему нет?

— Это прерогатива высшей крови. Безусловно, вас бы пропустили, да и меня, впрочем, тоже, как полукровку; но советую поменьше сталкиваться с нашими полнокровными родичами в столь близком кругу, вам не придутся по вкусу их *развлечения*, уж поверьте. У них… странные представления насчёт веселья. — Хмурое выражение его лица заставило меня вовремя прикусить язык, во избежание дальнейших распросов. — Сюда.

И потянул за собой в прямо противоположную сторону: несколькими уровнями ниже, прямиком к самому сердцу дворца. В коридорах царила суетливая суматоха, хотя по пути нам навстречу попадалась одна лишь прислуга, носившаяся туда-сюда с такой скоростью, что, пробегая мимо, едва успевала склониться в неуклюжем поклоне, приветствуя Т'иврела. И без сомнения, в упор не видя меня, вышагивающую рядом.

— Куда это они все? — заинтересовалась в удивлении.

Во взгляде сенешаля мелькнула насмешка.

— Работать, конечно. Я поделил рабочее расписание на скользящий график работ с короткими пресменками, вот они, видимо, и ждали до последнего, чтобы уйти. Не хотят пропустить самое интересное.

— Самое интересное?

— Кхм-ммм. — Мы обошли по кривой за угол, и перед нами предстал широкий ряд полупрозрачных дверей. — Ну, вот, пожалуйста; центральный двор. А теперь, раз уж вы так дружны с Сиехом, надеюсь, магия сработает как надо, если ничего не выйдет — и я исчезну, просто вернитесь обратно, в холл, и подождите, пока я не вернусь за вами.

— О чём это вы? — Кажется, я уже начала привыкать с каждым разом чувствовать себя всё глупее и глупее.

— Увидите. — Он толкнул двери, и те распахнулись.

Вид, открывавщийся впереди, можно было назвать почти пасторальным — *не знай* я, что нахожусь посредине дворца, парящего в полумиле над землёй. Перед нами, в самом сердце Небес, простирался своего рода громадный атриум: к мощёной булыжниками дороге подступали, гранича с обочиной, ряды невысоких домишек. Что удивляло в особенности, так то, что сооруже-

ны они были не из того мерцающего жемчугом диковинного материала, из коего был сотворён остальной дворец, но из обычного камня, вперемешку с кирпичом и деревом. Да и весь их вид разительно отличался от дворцового (острые углы, прямые линии — не виденные за всё моё тутошнее пребывание); да и меж собой разнились редкостной разнолепицей. Кое-какие я на глазок определяла как чужеземные (Токкен, Мекатиш и иное), в том числе — один, поражавший ярко-золотой плоской крышей — несомненно, иртинской работы. Я взглянула вверх, убеждаясь, что внутренний двор был чем-то вроде сахна, огромная полость, сооруженная по типу каре, но со сглаженными углами; высоко над головой виднелся кружок абсолютно чистого, ярко-голубого неба.

Тем не менее, повсюду здесь царили тишина и покой. Ни единого человека не виднелось ни на улице, ни в домах; полнейшее безлюдие и, кажется, даже безветрие.

Взяв за руку. Т'иврел потянул меня за порог; я беззвучно ахнула, — уши мгновенно заполнила шумная феерия. Мгновение — реальность задрожала, и нас выбросило посредине бурлящей, смеющейся разномастной людской *толпы*,

мгновенно затянувшей и меня с сенешалем в радостную какофонию всеобщего веселья; зрелище, поражающее до глубины души, учитывая, что объявилось оно словно из ниоткуда. Вокруг звенела музыка, куда более приятней сенмитской, но я явно не успела к ней привыкнуть. Звуки доносились откуда-то поблизости, из соседнего скопления домов. Навострив уши, я смогла опознать флейту, барабан — вперемешку с галдежом на разных наречиях (я узнала лишь один — Кензи), прежде чем кто-то, схватив за руку, развернул меня к себе.

— Шаз! Ты пришёл! Я думал… — Амниец, поймавший мою руку, вздрогнул и отшатнулся, стремительно бледнея, стоило ему разглядеть моё лицо. — Ох, демоны…

— Порядок, — сказала я быстро. — Невинная ошибка, и ничего такого.

Из-за своей внешности со спины я спокойно могла сойти за тэма, наршез и ещё добрую половину северян — на что и повёлся незнакомец, приняв за мальчишку. Но явно не последнее послужило причиной ужаса, стывшего в его глазах. Те были прикованы к моему лбу, а вернее, к моей метке в форме диска. Метке полнокровки.

— Всё правда в порядке, Тьер. — Т'иврел, по-

дойдя ближе, ободряюще положил руку мне на плечо. — Это новичок.

Лицо мужчины с облегчением вернуло себе цвет.

— Простите, мисс, — приветственно качнул головой он. — Я просто… ну… — Он смущённо улыбнулся. — Сами понимаете.

Я снова заверила его, что не в обиде, хотя не вполне понимала, о чём это он. После того, как тот затерялся в толпе, предоставив меня с Т'иврелом самим себе — ну, насколько можно остаться *одним* посреди этакой-то оравы. Теперь я могла видеть, что все присутствущие носили грубые метки «низших»; все они были «младшей» кровью, проще говоря, слугами. По меньшей мере около тысячи человек, развлекающихся в обширных просторах срединного двора. Я и понятия не имела, что на Небесах так много прислуги, столь хорошо Т'иврел справлялся с своими обязанностями, делая их присутствие ненавязчивым и почти незаметным; впрочем, будь я чуть догадливее, могла уразуметь и сама, что число тех должно быть определённо поболе самих высокородных.

— Не вините Тьера, — сказал Т'иврел. — Сегодня один из немногих дней, когда мы свободны от рамок, в которые нас вгоняют служебные пред-

рассудки. Он не ожидал увидеть… — И указал кивком на мой лоб.

— Но как, Т'иврел?.. Откуда взялись все эти люди? — спросила я.

— Небольшое одолжение от Энэфадех. — Он махнул в сторону входа, которым мы только что вошли, и чуть выше. Там и по всему двору витало в воздухе, прежде не замеченное мной, слабое, какое-то стекловидное сияние. Мы стояли внутри некоего огромного, прозрачного пузыря. Магия — вот что это было.

— Никто с отметкой выше квартерона ничего не заметит, даже пройди он через барьер, — пояснил Т'иврел. — Исключение сделано лишь для меня и, как видите, мы можем привести и других, по нашему выбору. Здесь мы вольны отмечать наши так называемые «причудливые всенародные обычаи», не опасаясь чистокровных, набежавших поглазеть на нас, словно зверей в клетке.

Теперь всё прояснилось, и я облегчённо улыбнулась. Так оно и есть, одно из тех многих мелких восстаний, что втихоря раздувала низкокровная прислуга против высокорождённых родичей. Побудь я в Небесах подольше, несомненно, обнаружила бы и другие…

Увы, но столь долго на этом свете мне уже не

задержаться.

На меня словно бадью холодной воды вылило; я вмиг забыла и про музыку, и про прочее веселье, шумящее вокруг. Т'иврел просиял короткой улыбкой и отпустил мою руку.

— Ну, теперь вы здесь. Повеселитесь как следует, ммм? — Почти сразу его тут же подхватила за локоть какая-то женщина, потащив куда-то прочь. Я видела, как ярко полыхнули в толпе огненно-рыжие волосы, а потом исчезли и они.

Я осталась одиноко стоять на том же месте, охваченная странным чувством потери. Вокруг развлекались и танцевали, но я не была частью этой радостно галдящей массы. Не получалось расслабиться и слиться с шумно кипящим, пускай и беззаботным, хаосом. Ни один из них не был Дарре. Ни одному из них не грозило смертоубийство. Ни в ком из них не жила, втравленная в тело, чужая душа, заражая гибельной отравой мысли и чувства.

Ну что ж, Т'иврел же притащил меня сюда развлекаться, а не страдать, несправедливо было бы свести все его старания насмарку. Так что я огляделась по сторонам в поисках какого-нибудь спокойного местечка, где могла бы тихо пересидеть в сторонке. В глаза мельком бросилось

знакомое лицо — или показавшееся на секунду знакомым. С крыльца одного из домов за мной наблюдал какой-то юноша, улыбаясь так, как если бы мы уже когда-то встречались. Немногим старше меня, стройный, хорошенький, как девушка, по виду — совершеннейший тэма, за вычетом совсем не тэмийских глаз — цвета выцветшей зелени.

От изумления у меня перехватило дыхание, и я решительно пробилась ближе.

— Сиех?..

Он усмехнулся.

— Я тоже рад тебя видеть.

— Ты… — В удивлении я глазела на него, разинув рот и не сразу сообразив поднять челюсть. Я ведь знала, с самого начала *знала*, что Ньяхдох — не единственный из Энэфадех, кто способен менять форму… — Так это *твоих* рук дело? — Я ткнула пальцем в барьер, что тонкой плёнкой окружал нас наподобие купола.

Он пожал плечами.

— Люди Т'иврела с пользой служили нам весь год — мы отплатили им сторицей; это годный размен. Нам, рабам, стоит держаться вместе.

Прежде никогда я не слыхала в его голосе столь сильной горечи. Странно, но это чувство несло с

собой некое утешение, в пару к моему собственному настрою; я присела рядом, на крыльцо, подле его ног. Вместе мы долго ещё в тишине наблюдали за суматохой праздненства. Спустя некоторое время его рука осторожно опустилась мне на волосы, легко поглаживая; неся с собой ещё больше успокоения. Какую форму он не прими, юный бог всё равно оставался тем же Сиехом.

— Они растут, взрослеют и меняются так быстро, — прошептал он, остановившись глазами на групке танцоров рядом с музыкантами. — Иногда я ненавижу их за это.

Удивлённая, я подняла голову: в самом деле, странно было видеть его в подобном настроении.

— А разве не вы, боги, сделали нас такими?

Он опустил на меня взгляд. На одно короткое, резкое, болезненное мгновение на лице поселилось сумбурное замешательство. *Энэфа*. Он говорил так, будто бы я была Энэфой.

Потом замешательство рассеялось, и он поделился со мной быстро пробежавшей про губам унылой усмешкой.

— Извини, — выдохнул коротко.

Из-за печали, проскальзывающей в его движениях, я не могла ни ощущать столь же едкой

горечи.

— Я кажусь похожей на неё.

— Нет, вовсе нет. — Он вздохнул. — Просто порой такое… ладно, что там, сходит такое чувство, будто бы она умерла только вчера.

Согласно подсчётам большинства книжников, Война Богов отгремела более двух тысяч лет назад. Я отвернулась от Сиеха и тоже разразилась вздохом, словно на яву прозревая глубину бездны, зияющей между нами.

— Ты совсем не похожа на неё, — подтвердил он ещё раз. — Правда, ни капли.

Мне не хотелось слышать рассуждения об Энэфе, но я смолчала. Просто подтянула колени к подбородку, обхватив те покрепче. Сиех снова начал гладить мои волосы, медленными ласкающими движениями ровно приблудную кошку.

— Как и ты, она была скрытной и замкнутой, но на этом сходство меж вами и заканчивается. Она была… холоднее. Медленнее загоралась, несмотря на то, что точно *такого же нрава*, как и ты, но зато поистине великолепна в ореоле гнева. Мы старались не раздражать её лишний раз.

— Ты говоришь так, словно опасался её.

— Конечно. А как же иначе?

Я нахмурилась в замешательстве.

— Она же была вашей матерью.

Сиех колебался, словно не решаясь говорить; и в этой растерянности мне мерещился отзвук той самой пропасти, кою я так недавно воображала.

— Это… трудно объяснить.

И я возненавидела эту пропасть. Мне страх как хотелось её изничтожить, знать бы ещё как и возможно ли это вообще. Так что я предложила:

— Попробуй.

Рука вдруг замерла, а потом он фыркнул от смеха странно потеплевшим голосом.

— Рад, что ты не из числа моих обожателей. С твоими требованиями можно запросто рехнуться.

— И ты возьмёшь на себя труд снизойти к любой молитве, что взбредёт мне в голову? — Я не могла сдержать улыбки при одной только мысли об этом.

— Ох, ну конечно. Но я могу исподтишка пробраться в твою постель саламандрой и свести там счёты.

К своему удивлению, я зашлась приступом смеха. Первый раз за весь день я почувствовала себя человеком. Живым человеком. Смех длился недолго, а когда наконец сошёл на нет, мне стало гораздо лучше. Ведомая внезапным толчком, я

придвинулась поближе к Сиеху, опустив голову ему на колени. Его рука так и не покинула моей головы.

— Новорожденному мне не было нужды в молоке матери. — Сиех говорил медленно, но на сей раз в словах не чувствовалось лжи. Думаю, ему просто трудно было подбирать нужные. — Не было нужды защищать меня от опасностей или петь колыбельные. Я слышал песни, витающие меж звёзд, и скорее сам мог послужить той ещё угрозой посещаемым мной мирам, чем те могли повредить мне. Тем не менее, в сравнении с Тремя, я был слаб. Подобный им во многом, но явно ниже. Нахья был тем, кто убедил её сохранить мне жизнь, дабы увидеть, что из меня выйдет в конечном счёте.

Я остолбенела.

— Она намеревалась… *убить* тебя?

— Да. — Он усмехнулся, видя мою шокированную физиономию. — Смерть была ей в привычку, Йин. Смерть была её сутью, наравне с жизнью; сумерки об руку с рассветом. Пускай все и подзабыли это.

Я обернулась — взглянуть богу в лицо; Сиех спешно отдёрнул руку. В уголке сердца медленно закопошилась злость: что-то таилось за этим

неловким жестом — то ли нерешительность, то ли запоздалое раскаяние, одним словом, чувство, мало приличествующее божеству. Таилось, крылось за каждым его словом. Сколь бы ни было непостижимым родство меж богов, это не меняло того, что Сиех был ребёнком, а Энэфа — его матерью, и он любил её, любил безудержно и импульсивно, как любое дитя любит свою мать. Она же хотела избавиться от него (едва не убив), подобно тому как заводчик выбраковывает неполноценного жеребёнка.

Или как мать душит таящего в себе опасность младенца.

Нет. Я зашла чересчур далеко: то было совсем другое.

— Она нравится мне всё меньше и меньше, эта ваша Энэфа, — сказала я.

Вздрогнув от неожиданности, Сиех уставился на меня (и это мгновение тянулось безумно долго), а потом расхохотался. Ей боги, смех — бессмысленная, но заразная штука; этот питала боль. Я поддержала его ответной улыбкой.

— Спасибо, — профыркал Сиех, всё ещё посмеиваясь. — Ненавижу принимать эту форму; всегда становлюсь в ней чересчур слезливо-сентиментальным.

— Тогда обернись опять ребёнком. — Мальчиком он нравился мне больше.

— Не выйдет. — Он махнул в сторону барьера. — Эта штука отнимает слишком много сил.

— Ох. — Неожиданно я задалась вопросом: какой же он настоящий? Тот непосредственный, проказливый мальчишка, что я помню? Или этот явно уставший от жизни взрослый, проскользнувший из-под маски юноши, стоило ему на мгновение утратить бдительность и расслабиться? Или кто-то ещё, абсолютно иной? Слишком личный, слишком болезненный (вероятно) вопрос, чтобы спрашивать; и я замолкла. Мы ещё долго молчали, наблюдая за тем, как танцуют служащие.

— Что будешь делать? — спросил наконец Сиех.

Ничего не говоря, я вновь оперлась головой на его колено.

Сиех тяжело вздохнул.

— Хотел бы я знать, как помочь тебе. Ты же веришь мне, правда?

Слова согревали мне душу больше, чем я могла себе представить. Я улыбнулась.

— Верю. Я знаю, что ты не лжёшь, хотя и не могу сказать, что понимаю. Я всего лишь простая

смертная, как и все эти люди, Сиех.

— Не такая, как все.

— И что с того? — Я посмотрела на него. — Какой бы *отличной… различной* я не была… — Мне не нравилось говорить об этом вслух. Поблизости не было никого, кто мог бы подслушать нас, но рисковать казалось глупым жестом. — Ты сам же это говорил. Даже доживи я до ста лет, ваше недремлющее око в любом случае преследовало бы меня всю жизнь. Я была бы для вас пустым местом, как и они все. — Я кивнула в сторону веселящейся толпы.

Он тихо засмеялся; в голос вернулась горечь.

— Ох, Йин. Ты действительно *не понимаешь*. Наша жизнь была бы много легче, будь смертные и в самом деле для нас ничем. Равно, как и ты.

Мне не нашлось, что возразить в ответ. Оставалось только промолчать, он тоже больше не подавал ни слова; единственное, что нарушало тишину, настороженно лёгшую меж нами, был шум продолжавшегося рядом праздненства.

* * *

Было около полуночи, когда я наконец засобиралась назад. Пирущка гудела ещё в самом разгаре, когда заявился Т'иврел и сопроводил

меня обратно в комнаты. Он был слегка нетрезв, хотя и не настолько увлёкся выпивкой, как некоторые из тех, кто успел попасться мне на глаза.

— В отличие от них, мне наутро требуется ясная голова, — ответил он, когда я подчеркнула такую вопиющую разницу.

У двери моих комнат мы остановились.

— Спасибо, — сказала я, подразумевая — *спасибо за всё*.

— Вы вовсе не развлекались, — сказал он. — Я видел: не плясали, а весь вечер просидели в углу. Надеюсь, хоть бокал вина пригубили-то?

— Нет, но мне и в самом деле полегчало. — Я судорожно пыталась нащупать нужные слова. — Не буду отрицать, часть меня занималась исключительно раздумиями вроде *«и вот так я бессмысленно растрачиваю одну шестую оставшейся мне жизни»*... — Я улыбнулась. — Но и в приятном ничегонеделании, посреди веселящейся толпы, была своя польза... теперь мне гораздо лучше.

В его глазах стыло безмолвное сочувствие. Я снова задалась вопросом, *почему* он помогает мне. Из простой ли симпатии, или, возможно, я даже нравлюсь ему? Было невыносимо трогательно так думать; возможно, именно поэтому я,

безотчётно потянувшись, дотронулась до щеки кузена. Удивлённый, он моргнул, но не торопился отступать назад. Это мне тоже польстило, и я уступила минутному влечению.

— По вашим меркам я, наверное, не слыву особой красоткой, — отважилась я. Кожа под пальцами была слегка колючей, и я вспонила, что мужчины островных народов, как правило, отращивают бороды. Это откровение неожиданно показалось необычно интригующим и экзотичным.

По меньшей мере добрая дюжина различных мыслей промелькнуло на лице Т'иврела в промежутке меж вдохом и выдохом; потом медленная усмешка сверкнула окончательно принятым решением.

— Ну, лично я по вашим тоже не очень-то хорош, — сказал он. — Видывал я тех призовых жеребцов, что вы, Дарре, называете мужчинами.

Ни с того, ни с сего я нервно хихикнула.

— И мы, конечно, родня друг другу…

— Это же Небеса, кузина. — Поразительно, как это могло всё объяснять.

Толкнув спиной дверь, я взяла его за руку и потянула за собой внутрь.

Он был странно нежен — или, возможно, эта

странность лишь причудилась мне, за почти полным неимением опыта сравнивать было не с кем. Под одеждой крылась кожа бледней, чем казалось вначале (и это удивляло); плечи испещряли еле видимые пятна, но меньше и в произвольном беспорядке. Рядом со мною он, худой и сильный, казался вполне нормальным, и мне действительно нравилась витающая рядом с ним аура. Он пытался как мог доставить удовольствие, но я была слишком напряжена, слишком зажата — одиночеством и страхами, так что мои шансы отдаться во власть бури были ничтожно малы. Я была не против иметь хоть что-то.

Я не привыкла видеть кого-то в своей постели, так что ночка (в смысле собственно сна) выдалась беспокойная. Наконец, предрассветным утром я встала и направилась в умывальню, надеясь, что принятая ванна склонит меня ко сну. Покуда вода, журча, наполняла лохань, я торопливо окунула в раковине лицо и уставилась на собственное отражение в зеркале. Вокруг глаз змеились линии свежих морщинок, добавляя возраста. Я зажала руками рот, в подкатившей к горлу тоске по той девушке, что была мной всего пару месяцев назад. Да, она не была невинной — да и кто из вождей может позволить себе из-

лишнюю наивность, — но она была счастлива, более или менее.

Когда же в последний раз я была по-настоящему счастлива? Не могу даже вспомнить.

Вдруг меня охватило глухое раздражение. Т'иврел. Всё из-за него. По крайней мере, подаренное им удовольствие позволило хоть сколько расслабиться и немного избавило от мрачного настроя последних дней. В то же время беспокоило то бьющееся в душе разочарование, что я внезапно испытала; Т'иврел мне нравился, в самом деле нравился, и если кто в чём и был виноват, то мы оба, поровну.

Но на пятки первой незваной мысли, наступала другая, ещё более тревожная — то, с чем я так долго боролась, разврываемая надвое отвратительно-болезненным, запрещённо волнительным очарованием и суеверным страхом, было…

Теперь я знала, отчего связь с Т'иврелом не принесла желанного удовлетворения.

Никогда не шепчите его имя во тьме

Нет, боги… Какая нелепость… Нет. Нет! Нет!..

если не хотите чтоб вам ответили

Страшное, безумное ослепление поселилось внутри. Ломилось, кружило голову, чудовищной

какафонией — *даже-не-вздумай-думать-нельзя-не-смей!* Я практически вживую видела, как *это* крупными буквами вырисовается на лице; с той стороны отражения на меня уставились мои же глаза, с огромными, расширенными до невозможности зрачками. Я облизнула пересохшие губы, на секунду ощутив их чужими. Они принадлежали другой, другой женщине, той, что была храбрее — и глупее — меня-с-этой-стороны-зеркала.

В ванной не было места тьме — из-за светящихся днём и ночью стен, но у тьмы много обличий. Закрыв глаза, я заговорила с чернотой, кроющейся под крепко смереженными веками.

— Ньяхдох, — произнесла я.

Почти недвижимыми губами. Я исторгла из себя имя едва слышно, на одном лишь дыхании; одно слово, одно имя — и более ничего. В звуке льющейся проточной воды я слышала только стук собственного сердца, но не голос. Но я ждала. Один вдох. Два. Три.

Ничего не происходило.

На мгновение меня обуяло совершенно иррациональное разочарование. За ним стремительно нахлынуло облегчение, а после — ярость на саму себя. Во имя Маальстрема, что за бред на меня

нашёл? Никогда в жизни я не совершала большей глупости, ежели сейчас. Не была столь отчаянно безрассудна. Должно быть, я начинаю сходить с ума.

В ярости я отшатнулась от зеркала — и святящиеся стены передо мной померкли, поглощёные тьмой.

— Какого… — начала было я — и подавилась звуком: чужие губы зажали мне рот.

Даже не прийди на помощь обыденная логика, за себя всё сказал поцелуй. Что он… *кто* он… Нет, никакой нежности, одна лишь влага, и сила, и голод; и проворный язык, гибкой змеёй скользнувший по моему. Губы много холоднее т'ивреловых. Но иного рода тепло развернувшейся спиралью пронзило позвоночник. Отклик, слитый с ответом. Чужие руки в нетерпении пробежались по телу, и то само собой невольно выгнулось им навстречу. Дыхание участилось, стоило терзающему меня рту оставить в покое мои распухшие губы и плавно сместиться к шее.

Я знала, что могла остановить его. Знала, каков его излюбленный способ убивать. Знала, что могу пасть очередной его жертвой. Но стоило невидимым нитям, приподняв с пола, пришпилить меня к стенке; стоило мужским пальцам, скольз-

нувшим меж увлажнившихся бедёр, увлечь тело искусной игрой, последние крохи разума отказали мне вовсе. Эти губы… *его* губы… были везде и повсюду. Нет, не один рот, должно быть, целые десятки жадных ртов. Каждый мой стон, каждый крик он разжигал очередным поцелуем, впиваясь меж распахнутых бедёр, испивая меня словно драгоценное вино. Слабая попытка обуздать взбесившееся тело стоила многого — разгорячённое лицо ткнулось в копну взлохмаченных волос; учащённое дыхание билось близ шеи; лёгкий вздох обжёг ухо. Я пыталась вырваться… нет, привстать, чтоб только обнять его; но руки наткнулись на одну лишь пустоту. И вновь пальцы устремились внутрь меня новым движением, и я зашлась пронзительным криком, воплем что было сил, пока в лёгких не кончился воздух и не сдавило рот очередным поцелуем; и я исчезла, и всё исчезло вместе со мной — ни звука, ни света, ни движения, — он поглотил всё. Он пожрал меня всю. И не осталось ничего, кроме безграничного наслаждения; и длилось то целую вечность, целую бесконечную вечность. Убей он меня, здесь и сейчас убей, и я бы упокоилась навеки счастливой.

А потом всё ушло. Он ушёл. Исчез.

И я распахнула глаза.

И рухнула ничком на пол ванной. Все члены мои слабо дрожали. Стены вокруг вновь подёрнуло мерцающим сиянием. От воды, до краёв заполнявшей прогревшуюся лохань, медленно шёл густой пар; и всё краны были закрыты, завёрнуты. Я вновь осталась в одиночестве.

Встав, я тщательно искупалась, а после вернулась в постель. Т'иврел, смутно бормочущий что-то в глубокой дрёме, сонно закинул на меня руку. Прижавшись к нему как можно теснее, весь остаток ночи я твердила самой себе, что дрожу от одного лишь страха, — и более ничего.

18. Зиндан

Ныне мне ведомо куда более знаний, чем прежде.

Истинно: что явлённый на свет Итемпас Пресветлый обрушился в ярости на Владыку Ночи. Столь противуположной казалась природа их, что было есмь поначалу это противуборство предначертанным и неотвратимым. И бились они бессчисленную вечность, одерживая каждый попеременно верх, но лишь токмо быть самому поверженным. И бились они дотоле, пока не зарождалось в душах их знание, что пусто и бессмысленно сражение их, и в великом ничто есть извечный порочный круг.

Но бесконечное действо это меж тем возжгло всякое множество всея. И породил Ньяхдох бесформенную пустоту, а Итемпас вложил тяготу, движение, деяние и время. А из праха и пепла великих звёзд, что рушились в огне и пламени, схлестнувшихся друг с другом, каждый из богов сотворил нечто небывалое — и стало много больше и звёзд, и планет, больших и малых, и сверкающих разноцветьем облаков, и прочих

чудес и див, соткавшихся спиралью и трепетавших, и пульсирующих. И так меж божественной пары рождалась и ширилась и крепла вселенная. И когда осела пыль их сражений, и рассеялся воинственный пыл, то взглянули боги на дела рук своих и остались довольны тем.

И кто из них был первым на пути к миру? Думаю, началось всё скороспелым, необдуманным, обманным движеньем — разорванные перемирья и тому прочее. Как долго тлела ненависть, прежде чем обернуться снисхожденьем, а после — уважением, и позже — доверием… и чем же ещё в конце? И когда тот настал таки, были ли они также страстны и горячи в любви, как в предшествовавшей затяжной войне?

Прям всамделишный легендарный роман выходит, верно? то ли сказка, то ли преданье, то ли история… А самое обворожительное, самое прекрасное, самое пугающее… самое кошмарное, что *нет ей ещё ни конца и ни края.*

* * *

Т'иврел ушёл (на работу) с рассветом. Несколько коротких слов, и меж нами установилось молчаливое понимание: прошлая ночь была лишь приятным дружеским времяпрепровождением.

Вышло не так уж неловко, как могло бы быть; похоже, ничего другого он и не ожидал. Жизнь в Небесах не поощряет более щедрые ожидания.

После его ухода я задремала вновь, а, проснувшись, долго ещё лежала в постели, не вставая, поглощённая раздумиями.

По словам бабушки, менчийские войска готовы выступать в самое ближайшее время. Так мало времени… меня хватало лишь на пару-тройку стратегий, имевших хоть какой-то призрачный шанс сберечь Дарр. Лучшее, что приходило в голову и было в моих силах, это отсрочить атаку. Но как? Конечно, можно было поискать союзников средь делегатов Консорциума. Рас Анчи говорила от имени доброй половины Крайнего Севера, может, она знает… нет. Я уже видела, как оба моих родителя и весь даррийский совет воинов, в прошлом, долгие годы посвящали себя поиску союзников, бессмысленному поиску; будь у нас и в самом деле некие друзья, они бы уже заявили о себе, рано или поздно. Лучшее, на что приходилось надеяться, кой-какие сочувствующие, навроде Анчи, — спасибо, конечно, и на этом, но толку-то от них…

Должно было быть что-то ещё. Хватило бы малейшей передышки, буквально нескольких

дней; придержи я нападение до церемонии правопреемства, с которой вступит в силу моя сделка с Энэфадех, и Дарре получат защиту аж четырёх божественных покровителей.

В том расчёте, что эту-то битву те не проиграют.

Итак: всё или ничего. Рискованный, но шанс был лучше, чем пресловутое ничего; и я не собиралась выпускать его из рук. Всё или ничего, так? Значит, стоит рискнуть всем. Встав, я отправилась на поиски Вирейна.

В мастерской его не было. Одна молоденькая, тонкая как прут, служаночка, занятая уборкой. «Он в зиндане», — пояснила она мне. Будучи без понятия, что это и где, оставалось довериться девушке, и я направилась согласно её указаниям вниз, на самый низкий из небесных уровней. Что и тревожило мысли (смутным интересом) на пути туда, так отвращение, крупными буквами выписаное на лице служанки под конец разговора.

Подъёмник выплюнул меня на пересечении странно тусклых коридоров. Что-то диковинным образом приглушало привычное мерцание стен — блеклое, оно почти ласкало уставший от сияния взгляд. Ни окон, ни, что любопытнее всего,

дверей. Очевидно, на этакой глубине не живёт даже прислуга. Я двинулась коридором, и шаги мои отзывались впереди гулкии эхом, так что я без удивления вынырнула из узкого пространства туннеля на широкую площадку: перед глазами предстала огромная, продолговатая зала, с слегка наклонным полом, с дырой, забранной необычной формы металлической решёткой нескольких футов в поперечнике. Ещё меньше удивляло наличие с этой решёткой искомого мной Вирейна, сверлящего меня взглядом, похоже, с того самого момента, когда я вошла. Вероятно, от его слуха не укрылось, как спустился тот подъёмник, вместе со мною.

— Леди Йин. — Он отпустил лёгкий поклон, на сей раз без малейших признаков улыбки на лице. — Разве вы не должны быть в Салоне?

Я ни то что не посещала его, я даже забросила все дела с отчётами по находящимся под моим покровительствами странами. В нынешних обстоятельствах мне было просто тяжело заниматься ещё и этими, повисшими на шее обязанностями.

— Сомневаюсь, что мир рухнет из-за моего отсутствия этим днём или последующими пятью.

— Понятно. Так что же вас привело сюда?

— Вы. Я как раз искала вас. — Глаза сами собой притягивались в зияющей в полу решётке. Она напоминала канализационную, поставленную разве что с декоративной целью, и очевидно вела к какой-то камере, скрытой под полом. Оттуда лился свет, более блеклый, чем в комнате, где стояли мы с Вирейном, — странное чувство, витавшее вокруг, усилилось… странность какая-то, ровность, гладкость… *серость*. Свет темнил блеклое лицо Вирейна под резким углом, — но не затенял, даже не заострял черты, не терял в сумраке, наоборот, словно лишал последнего, беспощадно срывая все потаённые покровы.

— Что это за место? — спросила я.

— Мы в прямом смысле *внизу* дворца, а фактически, — его опорной колонны, что возносит нас над городом.

— *Полой* колонны?

— Нет, не вся. Только здесь, наверху. — Он смотрел на меня, словно стараясь оценить что-то, но что? Я не могла вникнуть в хитросплетение его мыслей. — Вас не было на вчерашнем празднике.

Не уверена, известно ли было высококровным о том, где провела его прислуга (и не сочли ли они ниже своего достоинства посетить их собствен-

ную вечеринку), или то была тайна, сокрытая мраком. В любом случае я ограничилась полуправдивым:

— Просто была не в том настроении, чтобы веселиться со всеми.

— Будь вы там, это, — он жестом указал на решётку подле своих ног, — удивило бы вас куда как меньше.

Я замерла на месте, не двигаясь дальше, объятая внезапно нахлынувшими дурными опасениями.

— О чём это вы?

Он вздохнул, и до меня резко дошло, в каком скверном расположении духа находился скриптор.

— Об одном из важнейших ритуалов праздненства. В День Светлого Пламени на меня обычно возлагают ответственность за увеселение гостей. Трюки, фокусы, ну, и тому подобное.

— Трюки? — Я недоумённо нахмурилась. Все мои познания говорили об одном: скрипторство — чересчур сильное и опасное искусство, чтобы расходовать его на рискованные забавы. Одна неверно прочерченная линия, — и только боги знают, что пойдёт не так.

— Верно, трюки. Того рода, что обычно требуют человеческих… «*добровольцев*». — Он подарил

мне тонкую усмешку, видя как медленно отвисает моя челюсть. — Сами понимаете, расзвлекать чистокровных, за вычетом такого природного исключения, как вы, — нелёгкое дело. Остальные же… — Он пожал плечами. — Проводя всю жизнь в потакании всяческим капризам и прихотям, такая манера, в конце концов, задаёт определённую планку для… развлечений. Довольно высокую планку. Или низкую, как погляди.

Из-под решётки у ног скриптора, из камеры, прячущейся внизу, донёсся напряжённый голодный вопль, вогнав в холодный озноб сразу обе мои души.

— Во имя всех богов… *что* вы сотворили? — прошептала я.

— Боги не имеют ничего общего с этим, моя дорогая, — вздохнул он, бросая взгляд в зарешёченную яму. — Так зачем я вам там понадобился?

Собравшись с духом, я принудила себя убраться подальше от решётки. И глазами, и мыслями.

— М-мне… мне нужно знать, если ли способ отправить сообщение кому-нибудь за пределы Небес. Отправить *негласно*.

Ответный взгляд при обычных обстоятельствах показался бы испепеляющим, но что-то в этой подземной темнице притупляло всегдашнюю

язвительность Вирейна.

— Вы понимаете, что одна из моих непосредственных обязанностей — *следить* за подобными сообщениями?

Я ответно склонила голову.

— Именно это я и подозревала. Потому и прошу именно вас. Существуй таковой способ, вы узнали бы о нём первым. — Сглотнув, я пожалела, что столь явно выказала собственное волнение. — Я готова возместить причинённые хлопоты.

При здешнем странном (сером!) освещении даже удивление, выписанное на лице Вирейна, казалось сдержанно приглушённым.

— Ну и ну! — Его губы растянулись в усталой улыбке. — Как ни как вы и в самом деле истинная Арамери, леди Йин.

— Я лишь делаю то, что должно, — отрезала решительно. — И мы оба прекрасно знаем, что у меня нет лишнего времени на всяческие пиететы.

Улыбка скриптора медленно увяла.

— Правильно, я всё знаю.

— Тогда помогите мне.

— Для кого и какое послание вы желаете отправить?

— Возжелай я ввести в курс дела половину

дворца, то не просила бы отправки в *личном* порядке.

— Я спрашиваю, леди, не из праздного любопытства. Когда я говорю: единственный способ передать подобное сообщение — через меня, то именно это оно и значит, *через меня*.

Я помедлила, неприятно удивлённая. Если подумать, его слова имели под собой определённый смысл. Понятия не имею, в деталях, как работают передаточные кристаллы; но, подобно любой другой магии, основанной на кровных печатях, их цель сводится к банальному подражанию, что под силу каждому более-менее грамотному скриптору.

Мне не нравился сам Вирейн, но почему? — я не могла досконально разобраться в собственных чувствах. Я видела горечь в его глазах, слышала презрение в голосе, — тогда когда он говорил о Декарте и прочих высшекровных. Подобно Энэфадех он был всего лишь орудием — и, скорее всего, таким же рабом. Но что-то ненадёжное, тревожное витало вокруг него, и это *что-то* беспокоило меня всё больше и больше. И кажется, я подозревала в чём дело: лишённый верности кому-либо, он был ни на чьей стороне, кроме своей собственной. Применительно ко мне это

значило: мои секреты окажутся в некоторой сохранности, — при условии равноценной оплаты; проще говоря, если игра для него будет стоить свеч. Но что я могла предложить в обмен? против выгоды выдать мои тайны Декарте? Или — того хуже — Реладу со Скайминой? Кто служит любому, не служит никому. И также: не доверяет.

Скриптор самодовольно ухмыльнулся, видя мою задумчивость.

— Конечно, вы всегда можете попросить заняться этим Сиеха. Или Ньяхдоха. Уверен, он с радостью сделает, что надо, при соответствующем интересе, разумеется.

— Я тоже не сомневаюсь в этом, — ответила невозмутимо…

* * *

Есть в даррийском одно слово, коим нарекают чувство… наслаждения опасностью. Упоения боем. *Эссуй*. Это *эссуй* придаёт воинам сил (и ярости) — в безнадёжной схватке, и те гибнут, смеясь смерти в лицо. Это *эссуй* влечёт женщин к любовникам — того сорта, что делают несчастными отцов, и врагами — женщин. В сенмитском к *эссуй* ближе всего определение — «похоть», добавь к нему вариации между «кровожадностью»

и «жаждой (к) жизни», хоть они и не означат полностью всех оттенков, подтекстов многозначного *эссуй.* Слава, триумф, восторг… — глупость, безумие, безрассудство… Бессмысленное, иррациональное, самоубийственое чувство, — но и жизнь без *него* бесцельна и пуста.

Думаю, это *эссуй* влечёт меня к Ньяхдоху. Как и его ко мне.

Но я отвлеклась.

* * *

— …так было бы проще всего; впрочем, увы, не одной мне, но и неким другим чистокровкам, коим ничего не стоит приказать, и искомое сообщение попадет прямо к ним в руки.

— Вы искренне думаете, что я дам себе труд вмешаться в ваши планы? Прожив два с лишним десятилетия между Реладом и Скайминой? — Вирейн демонстративно закатил глаза. — Меня не трогает, ни в малейшей степени, кто там из вас покончит со всем, отвоевав себе правопреемство Декарты.

— Последующий глава семейства может значительно облегчить вам жизнь. Или, наоборот, ухудшить, — сказала я нарочито безразличным голосом; домыслит и сам, как заблагорассудит-

ся, что кроется за этим тоном — заверение или угроза. — Думаю, что любая живая душа в целом мире не против узнать, кто там, в конце концов, воссядет на каменное седалище.

— Даже Декарта несёт ответ перед высшею силой, — сказал Вирейн. Пока меня мучил вопрос, что бы эти слова значили, учитывая что речь шла вовсе не о том; он пристально вглядывался в проём за металлической решёткой, и в глазах его отражались блики бледного света. — Ну же, — сказал он наконец, поманив меня пальцем к решётке. — Смотрите.

Я нахмурилась.

— Зачем?

— Просто потешьте моё любопытство.

— Что?

Ничего не говоря, он замер в ожидании. Мне не оставалось ничего иного, кроме как, вздохнув, подобраться к краю решётки.

Поначалу я мало что могла разобрать. Потом вновь раздался один из тех, испугавших меня, голодных стонов, и что-то подтащилось на свет, загородив обзор. При одном виде на *это* у меня отнялись ноги — не сбежать, не отвернуться, только смотреть и *смотреть*.

Представьте существо… человека. Вытяните и

перекрутите, как глину, все его члены. Добавьте ещё конечностей и сочлений — одни боги знают, зачем. Извлеките внутренности из тела, оплетя ими торс. Оставьте ему слабое подобие жизни. Наложите печать на рот и… *Отец небесный… Первый средь богов…*

Что хуже всего: в перекошенных глазах тлел разум… сознание. Бедолагу лишили всего, даже спасительного омута безумия.

Я не смогла скрыть обуревающие меня чувства. Предательский блеск пота на лбу и верхней губе выдал меня, когда я зло вскинула голову — Вирейн разглядывал меня почти в упор.

— Ну что? — выдала я сквозь зубы, сглотнув ставшим колом в горле комок. — Сполна удовлетворили своё… любопытство?

Даже не стой мы над зверски замученным, изуродованным свидетельством его власти, мне пробрало б выражение глаз скриптора. Вожделение; но не та сладорастная похоть, обуревающая мужчину, нет, нечто иное… что за?.. Я терялась в догадках; в памяти невольно вспыхнула отвратная картина: Ньяхдох, вернее, его человеческая личина. Как и тогда, руки сами собой зарыскали в поисках ножа.

— Целиком и полностью, — последовал тихий

ответ. Он стоял без тени улыбки на лице; но от меня не укрылся радостный, торжествующий… победоносный блеск в глазах. — Прежде чем согласиться помогать вам, мне нужна уверенность, что у вас есть шанс на победу, что в вас вообще есть… должное.

— И каков же мой приговор?… — Впрочем, я и так всё давно поняла.

Он неопределённо махнул рукой в сторону провала.

— Киннет на вашем месте не моргнула бы и глазом. Да она и сама с удовольствием бы сделала тоже самое…

— Ложь!

— …или нацепила бы подобающий вид, так что не придерёшься. *Она* не побрезговала бы ничем, лишь бы победить Декарту. Но не вы.

— И что с того? — отрезала со злостью. — По крайней мере моя душа при мне. А вы свою на что сменяли?

К моему изумлению, веселье спало с вирейнового лица. Он опустил глаза вниз, в провал темницы, и в сером свете его глаза казались почти белесыми, бельмами, наподобие декартовых, и даже много старше.

— За бесценок, — ответил, наконец двинув-

шись с места. Пройдя мимо меня в коридор, он направился в сторону подъёмника.

Я не стала его нагонять. Наоборот, подойдя к дальней стене и усевшись рядом, принялась ждать. Казалось, прошла целая вечность, погружённая в серую полумглу — лишь издредка тишину разрушали слабые, страдальческие взвизги, подаваемые запертой в яме неприкаенной душой, — пока по коже не пробежала знакомая дрожь, это в очередной раз подёрнулась рябью прокатившихся волн сущность дворца. Я подождала ещё, мерно отсчитывая минуты, покуда не сочла, что вечернее небо в должной мере омрачилось, погрязнув сумерками, не озаряемое боле солнечным светом. Тогда, встав, я вернулась в коридор, оставив за спиной зиндан вместе с его обитателем. Блекло-серый свет обрисовал мою тень, стелящуюся вдоль пола, ломкими слабыми линиями. Прежде чем заговорить, я убедилась, что эта тень скрывает и моё лицо, и выдохнула короткое:

— Ньяхдох.

Не успела я и оглянуться, как стены враз потускнели. Однакож было светлее, чем должно бы (свёт шёл из оставшегося позади каменного мешка). Видимо, этот свет был не подвластен

тьме. *Его* тьме.

Он смотрел на меня; непроницаемое, лицо казалось ещё более нечеловески прекрасным в этом бецветном свете.

— Сюда, — велела я и, обойдя его, вернулась в темницу. Узник, вытянув шею, зыркал на меня, словно предчувствуя мои намерения. На этот раз, наклонившись без всякого страха на решёткой, я показала пальцем на провал:

— Излечи его, — скомандовала коротко.

В ответ я ждала чего угодно. Разъярённого бешенства. Злорадную, или торжествующую ухмылку; я не знала, чего ожидать, чем обернётся мой первый приказ падшему. На что я *не* расчитывала, так на трёхсложное:

— Не могу.

Брови сами собой поползли вниз, губы сжались; Ньяхдох бесстрастно изучал каменную темницу.

— В каком смысле — *не могу*?

— Виной его существованию — прямой приказ Декарты.

И я не в силах отменить его, ибо на лбу старика змеится первопечать. Сомкнув ресницы, я неслышно сотворила молитву о прощении… и великодушии. Плевать, кому из богов, лишь бы снизошёл до неё.

— Ну что ж, прекрасно, — сказала я негромко, и мой голос едва доносился до бездверного проёма камеры. Сделала глубокий вздох. — Тогда убей его.

— И *это* не в моей власти.

«Это», выделенное голосом, болезненное *это*, подбросило меня, заставив затрястись от ярости:

— Во имя Маальстрема, *почему — нет*?!!

Ньяхдох улыбнулся. Что-то странное таилось за этой улыбкой; странное, лишающее мужества, — и куда сильнее, чем обычно; но я не могла позволить себе задержаться на этом чувстве.

— Правопреемство свершится четырьмя днями позже, — пояснил он. — А дабы переправить Камень Земли в ритуальную залу, требуются живые руки. Такова традиция.

— Ч-что? Я не…

Ньяхдох показал на зарешеченный провал. Но не на шаркающее, скулящее существо, нет, а чуть в сторону. Я потянулась вслед за его пальцем; и взгляду открылось не виденное прежде. Пол зиндана сквозил всё тем же странным блекло-серым светом, столь отличным от мерцающих стен прочего дворца. Лишь в одном месте свет этот собирался, не столько сверкающим пятном, сколько серовато-тусклым сумрачным сгустком.

Пялясь туда во все глаза, я смогла разглядеть её: глухая, тёмная тень, вживлённая в полупрозрачную, просвечивающуюся плоть дворца. Незаметная, незначительная. Нет, не она, — *он*.

Всё это время он прятался прямо под ногами. Камень Земли.

— Небеса существуют, дабы сдерживать и стремить, направляя в нужное русло, эту силу; но здесь, вблизи источника, всегда есть место течи. — Палец Ньяхдоха сместился немного в сторону. — Только это и не позволяет ему умереть, удерживая между жизнью и смертью.

Губы пересохли.

— А… а что подразумевается под передачей Камня в ритуальную залу?

Рука палшего вновь дёрнулась в поясняющем жесте, и я разглядела в потолке каменного мешка внизу узкое, округлое отверстие в самом его центре, наподобие небольшого дымохода. Насколько мог видеть глаз, этот суженный лаз шёл куда-то дальше, прямо вверх.

— Ни одной магии не под силу воздействовать на Камень напрямую. Ни одной живой душе не приблизиться к нему, не испытав сильнейшей, смертельной боли. Словом, даже такая сравнительно простая задача, как передвинуть Камень

отсюда и в залу наверх, будет стоить жизни одному из детей Энэфы, возжелай он этого.

Теперь я наконец понимала. О боги, как же чудовищно… Смерть была бы облегчением для того незнакомца внизу, в яме, но каким-то чудом Камень отвращал и её. Лишь сотрудничая с палачами, он мог заслужить свободу от извращённой плоти, ставшей ему узилищем.

— Кто он? — спросила я. Тому, кто шумно возился ниже, наконец, с усилием — и болью, — но удалось сесть. До меня донеслись тихие рыдания.

— Ещё один дурень, пойманный за поклонением низвергнутому божеству. К тому же ему довелось уродиться дальним, но родичем Арамери — те обычно дозволяют паре-тройке таких гулять на свободе и время от времени приносить клану свежую кровь, — так что он был обречён вдвойне.

— Он-н с-способен… — Разум отказывал мне. *Отвратительно. Чудовищно.* — … способен переслать камень. Но пожелай он забросить его прямиком в жерло вулкана или в какую-нибудь вечную мерзлоту…

— Тогда одного из нас попросту отправят вернуть его обратно. Но он не бросит вызов Декарте.

Откажись он проделать всё *должным* образом, и его возлюбленная разделит участь своего любовника.

Словно откликаясь, узник внизу издал особенно громкий стон, почти вопль, насколько это было возможно с его-то перекрученым лицом. Слёзы застилали мне глаза; и сумрачный свет затуманивался и блек.

— Тссс, — прошелестел еле слышно Ньяхдох. Удивлённая, я перевела взгляд, но он по-прежнему вглядывался в провал. — Шшшшш… Осталось совсем чуть-чуть. Сожалею.

Видя моё замешательство, он вновь одарил меня одной из своих странных улыбок, из тех, что мой разум не мог — или не хотел — уразуметь. Очередной приступ слепоты с моей стороны. Мне казалось, я *знаю* падшего.

— Я всегда слышу их молитвы, — сказал Владыка Ночи, — даже если не могу позволить себе ответить.

* * *

Мы стояли у подножия Пирса, взирая на город полумилей ниже.

— Мне нужно пригрозить кое-кому, — сообщила я.

Первая фраза, произнесённая мною вслух, с тех пор выбралась из зиндана и доташилась, в паре со своим грозным попутчиком, сюда. Я — бесцельно бродя коридорами, он — тенью следуя за мной. (Прислуга, да и чистокровные, торопливо пропускали нас, давая дорогу и разбегаясь в стороны.) Сейчас он молчал, хотя я ощущала его присутствие кожей.

— Министру от Менчи, человеку по имени Джемд; тому, кто, по всей вероятности, зачинатель альянса, направленного против Дарра. Его, да.

— Мало одного желания грозить, требуется и должная власть, могущая действительно причинить неприятности, — произнёс Ньяхдох.

Мне оставалось только пожать плечами.

— Я признана Арамери. Уже одно это допускает, что *такой* власти у меня с лихвой. Джемд не может ни понимать этого.

— Ваше право командовать нами заканчивается за пределами Небес. Декарта никогда не даст вам позволения навредить стране, не согрешившей супротив его самого.

Я ограничилась молчанием.

Наьяхдох изумлённо перевёл на меня глаза.

— Теперь понимаю. Но *этого* человека водить

за нос долго не получиться.

— А долго и не нужно. — Оттолкнувшись от перил, я обернулась к нему. — Четыре дня. Надо задержать его на одни лишь четыре дня. А что касается границ Небес, я ведь могу воспользоваться *вашей* силой… с особого позволения, конечно. Так как, согласны?

Ньяхдох выпрямился вслед за мной и, к удивлению, коснулся рукой моего лица. Обхватив подбородок, провёл большим пальцем по искривлённой линии губ. Не буду врать: опасные чувства всхолыхнулись во мне в ответ.

— Сегодня ты *приказала* мне убить, — сказал он.

Я сглотнула.

— Из милосердия.

— Разумеется. — И снова этот чуждый взгляд, тревожащий душу; наконец я смогла подобрать ему имя — *понимание*. Почти человеческое *сочувствие*, как если бы в эту секунду он и на самом деле думал и чувствовал, как любой из нас, людей.

— Тебе никогда не быть Энэфой, — сказал он. — Но её сила — в тебе. Не оскорбляйся сравнением, маленькая пешка. — Я как раз начала загораться гневом, но замерла, вновь задавшись вопросом

— не читает ли он мои мысли? — Я говорю это не из пренебрежения.

А потом падший разко отступил, шагнув назад. Широко распростерв руки, — и чёрное ничто захлестнуло его тело, — он застыл в ожидании.

Я подалась внутрь, и тьма объяла мне плечи. Может, то была одна игра воображения, но на сей раз пробирающий до костей холод ослаб, сменившись слабыми искрами тепла.

19. Адаманты

Ты — ничтожество. Никто. Капля в море себе подобных, бездарное убогое ничто. Не припоминаю, когда успела напроситься на подобное бесчестье, — подобное сравнение возмущает.

Вот значит как. Что ж, заверяю, и вы мне отнюдь не милы.

* * *

Мы очутились в величественном, ярко освещённом зале, выложенном бело-серым мрамором; ряд высоких, прямоугольных окон освящался массивными канделябрами. (Не повидай я прежде Небеса, растеклась бы лужицей в всохищении от подобной роскоши.) Оба конца придворных палат венчали двойные двери из полированного тёмного дерева; похоже, что открой мы их, очутимся лицом к лицу к искому господину. Из открытых окон доносилось словословье торговцев, на все лады расхваливающих свои товары, крики ребятишек, ржание лошадей, женский смех. Одним словом, повседневная городская суета.

Вокруг не было ни души, хотя вечер только подступал и солнце ещё не скрылось полностью за горизонтом. Я слишком хорошо знала Ньяхдоха, чтобы не дать волю подозрениям: неспроста это, неспроста.

Я кивнула в сторону двери:

— Джемд не один?

— Нет, с ним охрана, соратники и советники.

Ну, конечно. Войны в одиночку не разжигают. Я было со злостью прикусила губу, но, спохватившись, шикнула на саму себя. В нынешних обстоятельствах мне нужна ясная голова. Целью был выигрыш времени… перемирие, и чем дольше, тем лучше. И гнев тому плохая подмога.

— Пожалуйста, постарайтесь никого не убить, — пробормотала тихо, пока мы подходили к дверям. Ответа так и не дождалась, но воздух вокруг враз отяжелел. Свет поблек, словно прячущаяся по углам тьма подползла поближе; резко вспыхнувшие факелы мигнули, и отбрасываемые ими тени истончились, отточившись до бритвенной остроты.

Что-что, но одно мои арамерийские прародители выучили назубок, ценой собственной крови — и душ: Владыку Ночи не удержать ни на каком подвоке. А вот спустить с него — запроста. Выну-

ди меня Джемд прибегнуть к сила Ньяхдоха…

Остаётся хорошенько молиться, чтоб в том не сказалось нужды.

Я сделала шаг вперёд.

Потом ещё один, и дверные створки отшвырнуло по сторонам с такой силой, что грохот удара об стены, должно быть, разнёсся по всему дворцу; клянусь божественными именами, что вскоре сюда со всех ног примчится добрая половина здешней стражи, — ну, разумеется, если те так же хороши на деле, как и на словах. Неудивительно, что моё *своеобразное*, и более того, ошеломляющее, пришествие прошло под этакое хоровое приветствие — из удивлённых криков и возмущённых проклятий. Мужчины, грудившиеся вкруг загромождённого бумагами, от края до края, стола, торопливо повскакивали, кто нащупывая оружие, кто молча пялясь во все глаза. Двое из присутствующих носили тёмно-красные накидки; привычный наряд для воинов из Тока, опознала я безошибочно. Так вот чьи земли объединились с Менчи в преддверии войны. Сидящему же во главе стола было на вид лет шестьдесят: богатая одежда, волосы, подёрнутые сильной проседью, лицо, словно высеченное из камня, глаза, сведённые в стальном прищуре. Он

напоминал Декарту, но одним лишь своим видом, не обличьем; будучи Менчи, а значит, таким же уроженцем Крайнего Севера, как и Дарре, наружностью он более напоминал последних, иначе амнийцев. Полупривстав, мужчина так и завис в «подвешенном» состоянии, не двигаясь, — более, впрочем, удивлённый, чем исполненный злости.

Я остановилась на нём, хоть и знала, что, как и в Дарре, меж Менчи тот считался скорее советником, нежели вождём. В некотором роде мы, он и я, были всего-навсего дешёвой фикцией, разменными пешками. За вычетом того, что в этом противстоянии ему выпало послужить ключевой фигурой.

— Министр, — произнесла на сенмитском, — примите мои приветствия.

Его глаза хищно сузились.

— Так вот ты какая, даррийская потаскуха.

— Одна из многих, если быть точной.

Обратившись к одному из своих людей, Джемд пробормотал что-то неслышное, и тот поспешил прочь. Без сомнения, проверить охрану и удостовериться, как я смогла сюда пробраться. А затем оглянулся, окидывая меня настороженно-оценивающим взглядом.

— Тогда отчего эти *многие* не с тобой? — про-

изнёс он с расстановкой. — Или я не прав? Надо быть полной дурой, чтобы заявиться к нам в одиночку.

Что сказать, своевременный вопрос, — я задалась тем же, стоило осмотреться по сторонам. Идеальным выбором для Ньяхдоха было не проявлять своё присутствие вовсе. Несмотря на все заверения Энэфадех о поддержке, один вид Владыки Ночи, нависающего надо мною подобно взметнувшейся вверх гигантской тени, враз подорвал бы тот немногий вес, что моя персона имела в глазах собравшихся здесь.

Но падший и не думал исчезать. Я ощущала: он рядом.

— Но явилась же, — сказала в ответ. — Правда, не одна, если так можно выразиться. Иначе какая б из меня была Арамери, разве не так?

Один из приспешников Джемда, вырядившийся не хуже предводителя, хищно вызверился со злостью:

— Ты не Арамери! — прорычал мне. — Тебя так и не признали за все эти месяцы!

— Так вот почему вы отважились на сей союз? — поинтересовалась я, снова ступая вперёд. Кое-кто из вскочивших ощутимо напрягся, но большинство безразлично провожало меня взгля-

дами. Очевидно, что устрашать одним своим видом мне не под силу. — Но не вполне понимаю, на кой он вам? Раз Арамери от меня никакого проку, с чего бы *Дарру* становиться угрозой?

— Дарр сам по себе извечная заноза в заднице, — проворчал кто-то ещё. — Проклятые шлюхи, грязные поедательницы мужчин…

— Довольно! — приказал Джемд, и сквернословящий стих.

Боги, кажется, я недооценила его влияние.

— Значит, дело далеко не в том, признана я Арамери или нет? — подытожила, разглядывая мужчину, которого советник заставил замолкнуть. — О, кажется догадываюсь. Старая вражда взыграла в крови, верно? Пальцев не хватит подсчитать, когда меж нашими людьми отгремела последняя схватка, и то хорошо, если кто есть из здесь сидяших упомнит точный срок. Или я ошибаюсь, и менчийцы до сих пор не распрощались со скверной памятью?

— В ходе той битвы Дарр отхватил себе плато Этр, — тихо произнёс Джемд. — И ты знаешь, что мы хотим его назад.

Я знала, *знала*, что более дурацкой, более смешной причины развязать смертоубийство, ещё поискать надо. Жители Этра давным-давно поза-

были даже само менчийское наречие. Боги, какая жуткая бессмыслица! Но и её хватило, чтобы заставить взыграть мой и без того всплыльчивый нрав.

— Кто? — процедила сквозь зубы. — Кто из моих кузенов дёргает за ниточки это действо? Релад? Скаймина? Или кто-то из их прихлебателей? Перед кем вы раздвинули ноги, а, Джемд? За сколько монет Менчи готовы прогнуться перед каждым, кто заплатит?

Джемд скрипнул челюстями (и вздув щёки желваками), но смолчал. А вот у его людей с выдержкой было хуже: менее вышколенные, они зло ощетинились, свирепо сверкнула кинжальная сталь. Однако, не все последовали их примеру. Кое-кто неловко прятал голову, делая очевидным для всех, через *кого* действовала Скаймина, или кто там ещё из моих дражайших родственничков.

— Вы здесь — незваный гость, Йин-*эн'ну*, — сказал наконец Джемд. — А, мне же следовало обратиться: *леди* Йин. Вы отрываете меня от дел. Так что говорите побыстрее, зачем явились, а потом, будьте добры, исчезнуть.

Я склонилась в около учтивом поклоне.

— Откажитесь от своих планов напасть на

Дарр.

Джемд ответил, выждав мгновение:

— Или?..

Я тряхнула головой.

— Другой возможности не будет, министр. За последние дни мои арамерийские родичи меня много в чём просветили, в том числе открыв глаза и на одно изящное искусство, а именно — умелому обращению с безграничным всевластием. Мы не предъявляем ультиматумов. Мы лишь отдаём приказы, и те послушно выполняются.

Развернувшись, мужчины переглянулись друг с другом, меняя выражения лица с лютого бешенства до безмолвного неверия. За исключением двоих, умело скрывающих за невыразительными масками истинные намерения, — того богато одетого типа рядом с Джемдом, и собственно самого предводителя. В их глазах отражались деловитое прикидывание и примеривание.

— Вы не обладаете абсолютной властью, — сказал первый из них. Нарочито безразличным тоном, знаком того, что колеблется, сомневаясь в своих словах. — Даже не были названы наследником.

— Истинно так, — подтвердила я. — Один лишь милорд наш Декарта держит в руках судьбы всех

Ста тысяч Королевств, целиком и полностью. Будь то процветание. Будь то увядание. Будь то изничтожение и забытие. — Джемд напряг лоб, шевельнув готовыми враз насупиться бровями. — Эта власть принадлежит моему деду, но он, разумеется, волен выбирать себе посланников из числа тех, кто в Небесах пользуется *особым* его покровительством.

Я даю им время проникнуться мыслью, вхожу ли я сама в это число, или нет. Сойдёт ли за знак благосклонности призыв меня в Небеса и зачисление в ранг чистокровной?

Прежде чем разразиться ответной речью, Джемд бросил взгляд на стоящего рядом мужчину.

— Вы должны осозновать это и сами, леди Йин, — трудно остановить привидённые однажды в движение замыслы. Нам нужно время обсудить ваш… ваше требование.

— Разумеется, — сказала я. — У вас в запасе целых десять минут. Не беспокойтесь, я подожду.

— О, но для… — Это вмешался уже другой, помоложе и помассивнее предыдушего оратора, как я заметила, один из ручных зверьков, заклеймённых рукой Арамери. Он зыркал на меня с таким видом, словно я была дерьмом на подошвах его

сапог.

— Министр, вы же несерьёзно?! Её требования смехотворны!

Джемд предупреждающе уставился на него, но безмолвный выговор не возымел никакой силы. Отлепившись от стола, парень, угрожающе набычившись, двинулся ко мне. Любую даррийку с детства учат, как управляться с подобным настроем противника. Чисто животная хитрость, и ничего более, подобно тому, как собаки вздыбливают шерсть, издавая угрожающий рык. Лишь в редких случаях за этим жестом кроется подлинная опасность, и истинная сила женщины в умении распознать разницу, отличив явное от мнимого, риск от шумно распущенного хвоста. Сейчас имело место последнее, но стоило держать ухо наостро и вовремя озаботиться, дабы не допустить перемен к худшему.

Вразвалку подбоченясь передо мной, забияка обернулся к приятелям, тыча в меня пальцем.

— Вы только гляньте на неё! Небось, не обошлось без руки скриптора, подмогнувшей доказать, что эту суку вытряхнули на свет из дырки меж арамерийских ляжек…

— Риш! — Глаза Джемда сверкнули бешенством. — Место!

Наплевав на недвусмысленный приказ мужчина — Риш — развернулся ко мне, и мои дурные предчувствия стали неоспоримой явью. За него говорило собственное тело: вызывающая поза, наклон плечей, правая рука, упёртая в бок. Он нацелился врезать мне, наотмашь, слева. Оставались считанные секунды, выбрать одно из двух: уклониться, уйдя с линии удара, или ответить — выхватив звенящую сталь из ножен…

И в эти, рвущиеся в клочья последние мгновения, я вдруг ощутила змеящуюся вкруг меня, сплетающуюся со мной, какую-то остервенело бешеную и безжалостную злую силу… силу, вмиг ощерившуюся смертоносными остриями…

* * *

То был знак, упреждающий знак — пришедшее на ум невольное сходство.

* * *

Риш покачнулся. Сжатая как пружина, я по-прежнему была готова к удару. В трёх дюймах от моего лица кулах Риша, казалось, скользнул, словно походя задевая что-то невидимое — и в тот же миг раздался громкий раскатистый треск,

будто заскрежетали два камня, обрушившись друг на друга.

Риш испуганно шарахнулся от меня, отдёрнув руку, похоже, озадаченный провалившейся попыткой поставить *даррийскую шлюху* на место. Он перевёл глаза на всё ещё сжатый кулак, зияющий чёрной латкой. Внезапно явившаяся из ниоткуда, та посвёркивала шлифованными гранями у самых суставов. Будучи вблизи, я видела, как пузырится волдырями вдоль отметины розоватая плоть, покрываясь мелкими, как бисер, капельками влаги, подобно тому, как выступает сок на трещащем от жара мясе. За вычетом того, что то был след не пламени, но *ледянящего холода*; я *чувствовала* дуновение холодного воздуха рядом с собой. Впрочем, без разницы, иссохни и осыпись та от стыни или обуглись от огня, не сырая плоть вскрылась под чернотой раны, но камень.

Удивляло, что Риш запоздал с воплем ужаса и боли.

Никто из собравшихся в комнате мужчин не остался в стороне. Один, остуцившись и зацепив боком стол, едва не повалился на кресло. Парочка бросилась к Ришу, с тщетной попыткой помочь раненому. Джемд тоже было собрался метнуться

следом, но тут, должно быть, сработали защитные инстинкты у пресловутого щёголя неподалёку; он придержал предводителя, перехватив за плечо. Разумное решение, ибо первый из бросившихся на подмогу — кто-то из Ток, — уже щупал запястье Риша, в попытке понять, в чём дело.

Чернота распространялась с поразительной быстротой; уже почти вся рука, вплоть до запястья, была цельным куском, блестящим монолитом чёрного кристалла, в грубом подобии кулака. Одни лишь кончики ришевых пальцев оставались пока что живой плотью, но уже и они преображались, очерняясь прямо на глазах. Лишившись рассудка от непереносимых мучений, Риш схватился с токкийцем, начав слепо бороться с соратником; в попытке удержать обезумевшего на месте, тот дёрнул его за пострадавший кулак. И тотчас отпрянул, взбрыкнув, сам, будто тронутый камень на ощупь разил могильным холодом — а после глянул на собственную ладонь: чёрные отметины, ровно зараза, поползли и по той.

Нет, то был не просто кристалл, дошло до меня частицей разума, нескованной покуда ледянящим ужасом. Чёрная субстанция была чересчур красива для обычного кварца, чересчур безупречна в превосходной чистоте огранки. Камень

переливался на свету, ровно алмаз; впрочем, не ровно, а *именно* — именно алмазом чистейшей воды и обратилась изменённая плоть. Чёрным адамантом, редчайшим и ценнейшим среди прочих.

Ток зашёлся пронзительным криком. И не только он, к всеобщему воплю присоединились и другие заговорщики.

Лишь одна я пребывала в прежнем расположении духа, храня на лице бесстрастную маску полнейшего безучастия.

* * *

Он виновен. Ему не стоило пытаться ударить меня. Он сам заслужил эту участь. Ему *не должно* было даже пытаться ударить меня.

А тот, кто бросился ему на помощь? Тоже… *заслужил*?…

Все они — враги, мои враги и враги моего народа. У них не было права… Они *не должны* были… не… о, боги…. Боги.

Владыка Ночи не из тех, кто усидит на привязи, дитя. Но запросто с неё сорвётся. Или высвободится. А ты ведь просила его: не убивай. Никого.

* * *

Мне не подобало выказывать слабости.

Иначе говоря, пока те двое, визжа, бились в корчах, я, плавно обойдя их, приблизилась к столу. Джемд в неверии кривил рот, взгляд его был полон отвращения.

Что ж, любезное:

— Можете не торопиться и вдоволь наобсуждать моё… требование. — И я решительно развернулась, собираясь уйти.

— С-стойте.

Джемд.

Я придержала шаг, усилием воли заставляя себя не смотреть на разворчивающееся рядом отвратитное действо. Риша уже почти наполовину поглотила алмазная друза; камень схватил всю руку целиком, грудь, и теперь сползал вниз по ноге — и подбирался по шее к лицу. Повалившись на пол, парень уже не кричал, но тихо причитал полным непереносимой агонии голосом. Возможно, алмаз добрался уже и до горла. Другой ещё тянулся к сподвижникам, прося о мече, чтобы обрубить затянутую по плечо чернотой руку. Юноша — один из наследников Джемда, если судить по схожим чертам лица, — выхва-

тил клинок и рванулся к собрату, но его тут же перехватили и силком утянули обратно. Мудрое решение: крохи чёрной порчи размером с песчинки испещряли, поблёскивая и пол вкруг обоих страдальцев. Ошмётки преображённой ришевой плоти разлетались по сторонам, покуда тело билось в судорогах. А теперь на моих глазах рухнул навзничь и Ток, — прямо на здоровую руку, зацепив большим пальцем одно из свежевозникших пятен. Изменение грянуло с новой силой.

— Остановите их… — проскрежетал Джемд.

— Не *я* начала это.

Он поспешно разразился невнятным проклятием на языке менчи.

— Да *прекрати* же, будь проклята, о боги! Что же ты за чудовище такое?

Я не могла удержаться от злого смешка. Им не понять, нет, не весалье крылось за ним, одна лишь горькая ненависть. К самой себе.

— Арамери, — произнесла в ответ. — Я — Арамери.

Один из кричавших за нашими спинами отрывисто затих, — я развернулась. Нет, не Ток; тот всё ещё пронзительно оглашал комнату диким ором, пока чернота вершила свой путь, пожирая клок за клоком спину. Метнувшийся вверх

адамант запечатал Ришу рот и теперь вплотную занялся нижней челюстью парня. Казалось, приостановившись на туловище, тьма готовилась и дальше объять оставшуюся целой ногу. Я подозревала, что полностью та замрёт, лишь истребив нежизненно важные органы, оставив бедолагу изувеченным, возможно, двинувшимся умом, но живым. Относительно. В конце концов, я же сама чётко просила Ньяхдоха: *не убий*.

Я отвела в сторону глаза, чтобы не выдать подступившую к горлу тошноту.

— Судите сами, — сказала я. В голос вкрался скопившийся в сердце ужас, углубляя тембр и добавляя убедительной тяжеловесности, коей я прежде не обладада. — Если их гибель повлечёт спасение моего народа, — значит, они умрут. — Я наклонилась вперёд, упираясь руками в столешницу. — Если спасение моего народа обеспечит смерть всех и каждого в этой комнате, даже в *целом дворце*, знайте, Джемд; я убью их, не задумываясь. И вы сделали бы тоже самое, будь на моём месте.

Он поедал глазами Риша. Теперь же резко рванулся ко мне, и взгляд его вспыхнул мгновенным пониманием — и ненавистью. Ненависть только ко мне или к себе тоже, вот в чём вопрос? Неужто

мои слова, насчёт *«того же»,* были истинной правдой? Ибо так оно и являлось взаправду. Не он один, *любой* поступил бы так же, пришло понимание. Зайди речь о защите наших близких, и ради этого мы, смертные, пойдём на возможное — и неможное.

Весь остаток жизни я буду повторять это себе.

— Хватит! — Я с трудом расслышала окрик Джемда, лишь видя движения его челюсти. — Довольно. Я отзову войска.

— И распустите альянс?

— Я волен говорить лишь за Менчи. — Он словно сломался, избегая всеми силами моего взгляда. — Остальные могут избрать нападение.

— Тогда предостерегите их, министр Джемд. Вынуди меня кто-то повторить, и в следующий раз, ручаюсь, пострадают не двое, а двести. Продолжи эти кто-то сопротивляться, и счёт дойдёт до двух тысяч. Не я, но вы затеяли эту войну. Так что, не вижу смысла в честной борьбе.

С беззвучной ненавистью Джемд сверлил меня глазами. Я перехватила взгляд, удержав ненадолго, потом развернулась к тем двоим на полу; последнего по-прежнему сотрясали судороги, перемежаясь с жалобным скулежом. Другой же, Риш, казалось, впал в бессознательный ступор.

Я подошла поближе. Блестящие чернеющие пятна смертоносной порчи хрустели, рассыпаясь под ногами, но не причиняя мне ни малейшего вреда.

Уверена, Ньяхдох легко мог прекратить действие магии. Вероятно, он мог залечить, восстановив, и эти жуткие раны — но на кону стояла безопасность Дарра, повиснув на одной-единственной тоненькой ниточке. Способности, говоря точнее. Моей способности — вселить как следует страх в сердце Джемда.

— Покончи с этим, — шепнула тихо.

В считанные секунды умножившаяся чернота поглотила обоих. Вкруг тел взметнулись пары холодного тумана, смешавшись с последними испущенными криками, хлопками лопающейся плоти и треском ломающихся костей, а затем всё стихло. На месте тел покоились два громадных, огранёных камня, чья грубая форма лишь отдалённо напоминала свернувшиеся калачиком человеческие фигуры. Прекрасные и бесценные, как можно догадываться; как бы то ни было, безбедная старость семьям погибших отныне обеспечена. При условии, что те решатся торговать останками своих близких.

Я прошла меж глыб адаманта к выходу. По мере

моего шага охрана, маячившая за спиной, убиралась (и кое-кто весьма спешно) с дороги. На сей раз двери захлопнулись почти бесшумно. Стоило створкам сойтись за мной, я остановилась.

— Мне вернуть вас домой? — над ухом раздался голос Ньяхдоха. Сзади, разумеется.

— Домой?

— В Небеса.

Ах, да. Дом. Арамери.

— Поехали, — пожала плечами.

Тьма окутала плечи. А когда рассеялась, мы вновь стояли посреди уже знакомого мне внешнего двора, правда, на сей раз не на Пирсе, а в Саду Ста тысяч. Тропа из полированных гладышей извивалась меж аккуратных цветочных клумб, бордеров и рабаток, расположенных в чётко чередующемся порядке с нависающими на них экзотическими деревьями. Сквозь листву, высоко над головой, просматривалось звёздное небо, далеко на линии горизонта смыкающееся с горными хребтами.

Я бродила по саду, пока не наткнулась на местечко с особенно хорошим обзором, под небольшим деревцем, называемым *атласные колокольцы*. Вяло текущие мысли скользили медлительной спиралью. Привычное зябкое

ощущение позади усилилось. Ньяхдох.

— Вот и моё оружие, — бросила ему.

— Как и ты моё, — прошелестел ответ.

Кивнув, я сделала глубокий вдох, ощущая на языке вкус лёгкого ветерка, ерошившего волосы и шелестящего листьями. Развернувшись к падшему лицом, я видела, как лунный полумесяц прошил рваную вязь стремительно бегущих облаков. На миг потускнело, и плащ падшего, казалось, невообразимо заклубился, враз затемняя всё вокруг и почти полностью заслоняя силуэт дворца — рябью мерно пульсирующих волн тьмы. Но стоило облаку, скрывавшему луну, двинуться дальше, и плащ привычно свился чёрной тканью.

Нахлынуло чувство: в том крылась внезапная явившая себя жизнь… дикая, бесконтрольная, головокружительная жизнь. Закрыв глаза, я вытянула вперёд руки, предаваясь в волю очередному порыву ветра. Боги, как же хорошо…

— Хотела бы я однажды сорваться в полёт, — шепнула тихо.

— Я мог бы одарить этой магией, на время.

Тряхнув головой, по-прежнему не открывая глаз, качнулась, овеваемая встречным ветром.

— Волшебство — это не то. — Собственная

правота уверенно полнила сердце. Я знала правду, как никогда лучше. Как же… здорово…

Его молчание удивляло, но стоило задуматься как следует и… Боюсь, что созерцание бесчисленного множества поколений Арамери с их врождённым лицемерием и двуличностью, отлично отучает от излишних недовольных сетований.

Как заманчиво, и более того, столь соблазнительно, что поселяет желание полностью отрешиться от тревог. Матушка, Дарр, воспреемствование… всё теряло смысл… что толку в бесполезных метаниях? Когда можно с лёгкостью вычеркнуть всё из памяти и провести остаток своих дней — четырёх, если быть точной, — потакая любой своей прихоти, любому бездумному развлечению, взбредшему в голову. Всему, что только пожелаю.

За вычетом одного. *Желания.*

— Последняя ночь, — протянула, роняя наконец руки. — Почему бы тебе не покончить со мной?

— Живой ты пригодишься больше.

Я рассмеялась. Голову вскружило внезапное безрассудство, почти безумие.

— Значит, я единственная на все Небесах, коей не зачем вас бояться. — Глупее вопроса и не при-

думать, я поняла это, ещё не успев договорить; впрочем, в ту секунду я была где угодно, только не в себе.

По счастью, Владыка Ночи обошёл молчанием мою глупость. Опасную глупость. Я оглянулась назад, проверить, не в духе ли он, — сумрачное облачение падшего вновь подёрнулось изменением. Клочья длинных, тончайших нитей тьмы колыхало само собой по саду, подобно струйкам дыма от походного костра. Те, что маячили вблизи, свиваясь, окружали меня со всех сторон. Подобно хищным растениям с моей далёкой родины, что отращивают липкие усики или клыкастые зевы, заманивая в свои сети насекомых.

А в сердце этого тёмного цветка отменная наживка: мерцающая личина и скрытые тенью глаза. Я ступала, всё ближе и ближе, всё глубже и глубже во мрак, покуда его губы не передёрнуло усмешкой.

— Вам и не пришлось бы меня убивать, — шепнула тихо.

Склонив набок голову, я глянула на него из-под опущенных ресниц, выгибая тело в молчаливом приглашении. Всю жизнь видя, как то проделывают красивейшие из женщин, никогда не смела опробовать сама. Подняв руки, дотронулась до

его груди, почти уверенная, что пальцы утонут в пустоте, и оттого рванулась вперёд, словно возжаждав ухватить саму тьму. Но на сей раз тени скрывали плоть, пугающе живую твердь. Невидимые, они крылись в сумраке, он сам и моя ладонь, коснувшаяся мужского тела; оставляя мне одно лишь ощущение — прохладная, гладкая кожа под кончиками пальцев.

Лишённая растительности, нагая… О боги.

Облизнув пересохшие губы, я встретилась с ним глазами.

— Хорошая бы вышла сделка… и главное, без всякого ущерба в плане моей… *пригодности*.

Его личину вновь словно перекроило, подобно тому облаку, прошившему лунный диск. Лицо зазмеилось хищным оскалом. Блеснули заострившиеся клыки:

— Знаю.

Не только его, но и мою суть корёжило изменение: неистовое, дикое чувство будоражило кровь. Лицо, манящее лицо падшего. Смотреть-не-отрываясь-впиваясь-лаская-взглядом. Часть меня безраздельно жаждала этого.

— Захочешь? — Я облизнула губы снова, сглотнув внезапно ставший поперёк горла комок. — Убить меня? Если… я попрошу?

Недолгая пауза.

И когда Владеющий Ночью дотронулся до моего лица, оглаживая, изучая кончиками пальцев подбородок, я думала, мне примерещилось. Жест, исполненный недвусмысленной нежности. А потом с той же лаской рука соскользнула вниз, обвивая горло. Он склонился, тесно прижимаясь ко мне всем телом, и я закрыла глаза.

— Спрашиваешь или *просишь?* — шепнул падший, легонько касаясь губами уха.

Я открыла было рот, но словно утеряла дар речи. А потом тело обуяла нескончаемая дрожь. Слёзы хлынули сами собой, стекая по щёкам и орошая ему запястье. Так страшно хотелось шепнуть… просить… Но я просто стояла, трясясь и плача одновременно, покуда дыхание падшего щекотало кожу, проходясь туда-сюда. Взад-вперёд, взад-вперёд. И так трижды подряд.

Стоило ему высвободить от хватки мою шею, и ноги сами подкосились. Я рухнула вперёд, внезапно потонув во тьме, мягкой, прохладной тьме, прижатая к невидимой груди, — и захлебнулась от всхлипов, уткнувшись в неё носом. А чуть после рука, едва не убившая меня, мягко обхватила затылок и шею. Должно быть, я рыдала ещё добрый час, может, меньше. Не знаю. И всё это

время Владыка Ночи крепко обнимал мне плечи, баюкая в объятьи.

20. Арена

Если что и осталось с далёких времён, лежащих по ту сторону Войны Богов, то одни лишь выдумки, передаваемые шёпотом от уха к уху, да полузабытые легенды. Священники скоры на расправу с пойманными на слове сказителями. Один лишь Итемпас, и прежде него — никто и ничто, слетает затверженное с их ртов, даже во времена Трёх бысть ему первым и величайшим среди прочих. Но легенды не меркнут, в отличие от людей.

И вот вам одна из них: и было некогда так, что люди творили жертвы Трём из плоти и крови. И заваливали выход из комнаты, полненной собравшимися по доброй воле. Млад и стар, жёны и мужья, бедняки и богачи, здоровые и немощные, — все отпрыски рода человеческого, в изобилии и многообразии. И на священных приношениях этих — со временем затерявшихся в веках — взывали люди к богам, ниспрашивая снизойти до мольб и отведать пиршества.

И говорилось ещё, что Энэфа притязала себе мудрых старцов, а также хворых и увечных,

ибо воплощение ея суть смерть. И милостью своею даровала им выбор: исцеление или нежные объятия вечного покоя. Но, пускай я не разумею причин, большинство соглашалось с последним, повествуют предания.

Итемпас же в свой черёд возбирал тех же, кого и поныне любимы им — мужей зрелых и благородного чина, ярчайших и одарённейших из всех. Коим суждено было стать присными его, священным воинством, блюдущим опереж всего долг и приличие, возлюбивших его и покорных ему во всём.

Что до Ньяхдоха, тот почитал за лучшее юность, необузданную и беспечную, — но не отказывал и прочим, чудным и странным. Любому, что готов был поддаться случаю. Соблазнял падших и ниспадал сам, также соблазнённый; упивался низвергнувшими запреты и предавшимися порокам и предавался им сам, не зная удержу; и раздаривал себя безотчётно сонму боготворящих его.

Оттогож Итемпанцы, слыша недозволенные речи, возгорались страхом, что поселится в сердцах людских тоска по утерянному, и возжаждут они прошлого и обратятся к ереси. Я же разумею иное: глаза у страха велики. Вдумайтесь сами в

ход мышлений моих: мне и самой не вообразить подобного мира и возжелавших жить в нём, и сердце моё молчит, ни на миг не желая возвращаться к ушедшему. Разве ныне не хватает нам забот с одним-единственным божеством, так отчего, во имя Маальстрема, восхотеть сожительствовать заново с целою троицей?

* * *

Я бездумно расточила весь последующий день, четверть оставшейся мне жизни. Не то чтобы я хотела этого в самом деле. Но не ворачиваясь до комнат своих почти до самого рассвета, провела вторую по счёту бессонную (почти что) ночь; итогом же стали предъявленные усталым телом требования о соответствующей делу награде, то бишь долгий до- и послеполуденнный отдых. А во сне мне виделись тысячи лиц, олицетворявших миллионы, и все — искривлённые страданием, или ужасом, или отчанием. Я чуяла запах крови и горелой плоти. Я зрела пустыню, усеянную останками обрушенных деревьев, пустыню, бывшую некогда лесом. И очнулась от сна, вся в слезах, мучимая виною; ибо я была причиной виденному.

А ближе к вечеру, тем же днём, в дверь постучали. Тяготясь нахлынувшим одиночеством и

чувствуя себя забытой — даже Сиех не спешил посетить меня, — я подошла ответить, втайне надеясь увидеть за дверью дружеское лицо.

На пороге стоял Релад.

— Что, во имя всех негодных богов, вы наделали?! — требовательно рявкнул он.

* * *

Арена, вот что сказал мне Релад. Место, где высшая кровь играется в свои маленькие победоносные войны.

Там я смогу найти Скамину, каким-то чудом прознавшую о моих усилиях воспрепятствовать её назойливым делишкам. Мне поведали о том в промежутке между проклятиями, площадной бранью и подробным описанием родословной, изобилующем грязью и попутно проясняющем, какое место к кровной линии отводится вшивым грязнокровным метисам. Вроде меня лично. Уж это-то я поняла с лихвой. Как и то, что Релад явно был не в курсе, что именно накопала там Скаймина; и последнее давало мне некоторую надежду… впрочем, не столь большую, как хотелось бы.

Дрожа от подступившего к горлу напряжения, я вышла из подъёмника, сразу угодив на зады гурьбящейся вокруг толпы. Рядом с самим выходом

ещё оставался крошечный пятачок свободного пространства, возможно, в силу того, что вновь прибывшие постоянно подталкивали остальных собравшихся в спину, сгорая от нетерпения и высвобождая себе тем самым место; но впереди колыхалась сплошная стена людских голов. Подавляющее большинство таскало на себе белые балахоны прислуги; некоторые могли похвалиться одеянием получше — те, что щеголяли с отметинами четверть- или октакровки. То тут то там меня теснили, толкали под локти, тёрлись парчой или шёлком, оттирая в сторону, пока я, наплевав на вежливость, попросту не начала сама пробивать себе дорогу плечом. Но продвинуться вперёд по-быстрому оказалось делом непростым: маячившее перед носом большинство мало что возвышалось надо мной, будучи выше не менее чем на голову, так ещё и было полностью приковано к центру зала, что бы там не происходило.

Оттуда доносились лишь крики.

Я бы так и застряла здесь навсегда, не оглянись кто-то, подавившись изумлением в узнавании, и не прошепчи о том рядом стоящему. Глухое бормотание рябью понеслось по головам, охватывая толпу, и внезапно я обнаружила себя в самом средоточии десятков подавленно-молчаливых,

пристально-настороженных глаз. Запнувшись от изумления, я споткнулась и обескураженно замерла, но тут толпа передо мной разом разошлась, образуя сносный проход дальше. Отмерев, я ускорила шаг, заторопившись вперёд… чтобы оторопело застыть столбом.

На полу, посреди лужи крови, согнулся на коленях старик, нагой и закованный кандалами. Длинные, ломкие нити белых волос свисали грязной куделью с висков и лба, скрывая лицо; из-под них доносилось одно лишь учащённое неровное дыхание, словно тому не хватало воздуха. Кожа пестрела узорчатой сетью рваных ран. Испещряй последние толко спину, первое что приходило бы в голову — порка; но дело не кончалось одной спиной. Ноги, руки, щёки, даже подбородок… Колени, он стоял на коленях, и мне были видны кровоточащие порезы на самых стопах. Неуклюже покачиваясь, старик подтолкнул себя вверх, в попытке привстать, пользуя взамен опоры запястья и локти, и взор мой чётко отразил: круглое алое отверстие позади каждого сочления; дыра, обнажающая кости, обтянутые сухожилиями.

Очередной еретик? — в замешательстве задалась вопросом.

— Меня интересовало, сколько крови понадо-

бится пролить, прежде чем кто-то сподобится сбежать за вами, — раздалось рядом со мной; этот исступлённо упивающийся голос… я дёрнулась, готовясь развернуться к его источнику, и тут что-то врезалось мне в лицо. Инстинктивно вскинув руки в защитном жесте, я ощутила, как ладони обдало теплом и рассекло вздувшейся тонкой полосой; похоже, не только врезалось, но и *разрезало*.

Быстро расценив повреждение, я отпрыгнула назад, ощерившись ножом. Что ж, рана оказалась не столь глубока, чтоб помешать драться; хотя из-за крови рукоять и скользила, зажатая ладонями. Готовая к схватке, я перетекла в боевую позицию, слегка согнув колени и повернувшись боком, перехватывая нож защитным хватом.

Скаймина стояла напротив, облачённая в блестящий изумрудный атлас. Пятна крови, алыми брызгами испещряющие платье, сияли подобно крошечным драгоценным рубинам. (Равным образом измазано было и лицо, но бисер метин было уже не выдать за украшения.) В руках она держала что-то, поначалу не принятое мною за оружие, — длинный, серебряный то ли жезл, то ли посох, пышно, но аляповато отделанный, где-то около трёх футов в длину. Навершье то-

го угрожающе венчал короткий обоюдострый клинок, тонкий как скальпель хирурга, но не из стали. Из стекла. Чересчур куцая и необычно утяжелённая, чтобы служить копьём, более всего конструкция эта напоминала замысловатое, искусно сделанное, «вечное перо». Какое-то неизвестное мне ранее амнийское оружие?

При виде обнажённой стали в моей руке Скаймина самодовольно ухмыльнулась, но вместо того чтобы нацелить собственную, развернувшись, принялась планомерно обходить меня по кругу, обрамлённому людскими фигурами, кругу с коленопреклоненным стариком в центре.

— Какая дикость. Твой нож против меня — ничто, сестрица; одно движение, и его расколет вдребезги. Наши кровные печати расчитаны на предотвращение любой угрожающей жизни атаки. Признаюсь честно, такой невежественной, поистине *тёмной*, дикарки я ещё не видывала. Так что бы нам проделать с тобой, а?

Не выходя из низкой стойки и не ослабляя ни на миг хватки, я медленно разворачивалась ей вслед, стараясь не терять кузину из поля зрения, пока та мерила шагами арену. По мере поворота, я узнавала в толпе всё больше знакомых лиц. Кое-кто из прислуги, бывшей на празднике в

честь Дня Пресветлого Пламени. Парочка придворных царедворцев Декарты. Выпрямившийся закостенело Т'иврел, с жёстко сведёнными, побелевшими губами; в устремлённых на меня глазах светилось что-то, что с толикой фантазии можно было счесть предостережением. Вирейн, выдвинувшийся оперёд прочих, со сложенными на груди руками, глазеющий с отстранённо-скучающим взглядом в далёкое никуда.

Закхарн и Кирью. *А они-то что там забыли?* Их взгляды тоже были притянуты к моей фигуре. Безжалостный и холодный — Закхарн (никогда прежде она ещё не выказывала свой гнев с подобной ясностью). Разъярённый до неистовства — Кирью (с раздувающимися в бешенстве ноздрями и прижатыми к бёдрам кулаками, она тоже мало походила на себя прежнею). Последняя одним своим взором готова была содрать с меня кожу, будь ей это по силам. Но здесь уже хватало *освежёванных*, над тем как следует поработала Скаймина; и я сосредоточилась на куда более сильной угрозе.

— Вверх! — рявкнула Скаймина, и старика швырнуло на ноги, будто вздёрнув за невидимые струны. Теперь мне открылось, что на туловище было куда меньше порезов, чем в прочих местах,

но тут я своими глазами увидала, как прохаживающаяся взал-вперёд — и мимо — Скаймина хлёстким ударом жезла заставила расцвести на животе несчастного очередную, длинную и глубокую, вмиг закровоточившую рану. Бедолага снова зашёлся криком, резким и хрипящим, и открыл глаза, ранее прикрытые веками, видимо, как своеобразное средство сдерживать боль (или попросту усталое бессилие). У меня на миг перехватило дыхание, ибо глаза его, заостряющиеся к вискам, светились тёмной зеленью; теперь я понимала, отчего абрис лица казался странно знакомым, — сбрось он с плеч лет шестьдесят и… о, милосердный Небесный отче… стариком был *Сиех*.

— Ах, — довольно осклабилась Скаймина, истолковывая мой ошарашенный вздох. — Это и в самом деле замечательно выгадало время. Ты был прав, Т'иврел, она и в самом деле неровно к нему дышит. Значит, вот кто у нас отправил кой-кого из своих за нею? Можешь передать тому дурню, чтоб уж в следующий-то раз был порасторопнее.

Я глянула на сенешаля; уж кто-кто, а *он* точно никого не посылал за мною. Т'иврел замер, бледнее обычного, но то странное предупреждение всё ещё мелькало в его глазах. Я было слегка на-

хмурила в замешательстве брови, но Скаймина по-прежнему неотступно сверлила меня глазами, кружа и приглядываясь к каждой перемене на моём лице, готовая яростно растоптать любое чувство, коему я рискну проявиться, — подобно стервятнику, выжидающему первой же ошибки со стороны жертвы.

Так что я обуздала себя, натянув на лицо маску безразличного спокойствия (вот и пригодились матушкины уроки). Выпрямила колени, выходя из боевой позиции, однакож не торопясь вкладывать опущенный к бедру клинок в ножны. По всей вероятности, этот жест был не ведом Скаймине, но среди Дарре так проявляли пренебрежение к противнику — знак, что я не могу полагаться на то, что та будет вести себя подобающим женщине (и воину) образом.

— Но теперь я здесь, — бросила ей. — Заявляй свои намерения.

Скаймина испустила короткий, лающий смешок, ни на миг не переставая оценивающе кружить вокруг.

— *Заявить мои намерения.* Какие воинственные речи она тут заводит, не правда ли? — Кузина оглядела толпящихся за пределами расчищенного круга, но не дождалась ничьего ответа. — И,

главное, с такой силой. Дурно воспитанная малолетняя грубиянка, жалкая мелюзга, игрушка, вот кто она такая… *да что ты можешь ПОНИМАТЬ в моих намерениях, тупая идиотка!* — Последнюю фразу она прокричала прямо в лицо, стиснув прижатые к бёдрам руки в кулаки, — странное палкооружие затряслось под гневом хозяйки. Волосы, тщательно уложённые в сложную причёску, скрываемую чем-то наподобие камилавки, растрепались (потревоженные, верёвочки развязались), но по-прежнему поражали колдовским великолепием. Даже помешательство способно оставаться изысканным.

— Полагаю то, вы хотите быть наследником. Воспреемником Декарты, — ответила успокаивающе мягко, — и да помогут нам боги, нам всем и прочему миру, если вы добьётесь задуманного.

Быстрее порыва ветра личина сыпящей криками сумасшедшей сменилась улыбчиво-обаятельной маской.

— Верно. И начать я собиралась с твоих земель, полностью поправ их с лица этой самой земли. На деле всё должно было уже закрутиться, не развались сейчас на глазах у всех столь долго подготавливаемый мною на границах альянс. — Скаймина возобновила примеривающийся шаг,

оглядываясь на меня через плечо, покручивая меж тем изящно в руках своё оригинальное орудие. — Поначалу я посчитала, что причиной всему — та старая карга с Крайнего Севера, с которой ты столь мило бесадовала в Салоне. Но быстро разобралась, что она только подбрасывает слушки и прочие кривотолки, от коих толка кот наплакал. Значит, было что-то ещё. Не желаешь ли просветить меня?

Кровь во мне заледенела. *Что* она сотворила с Рас Анчи? Я глянула на Сиеха: тот несколько пришёл в себя, но так и так выглядел ослабевшим и заторможенным от боли. А будучи в полубессознательном состоянии не мог и излечиться сам. Удар, нанесённый мною Ньяхдоху в самое сердце, едва ли причинил тому особо значимый вред. Однако… воскресила я в памяти события, внезапно похолодев… заживление раны заняло немалое время. Возможно, Сиех бы тоже восстановился, оставь его ненадолго в покое. Разве что… Итемпас, заманив Энэфадех в ловушку человеческой плоти, не обрёк падших ли претерпевать заодно и все страхи смертности? Вечных, могущественных, но… уязвимых. Несло ли бремя смертности и собственно смерть? Я вспотела, и вздувшиеся на ладонях порезы ожгло солоно-

ватыми болезненными укусами. Как снести всё это?.. как стерпеть?..

Но тут дворец содрогнулся. На мгновение показалось, что эти толчки — знак новой опасности; но потом до меня дошло. *Закат.*

— О, демоны, — пробормотал себе под нос в полной тишине Вирейн. Мгновением спустя меня, как и всех прочих, отшвырнуло — шквальным порывом ветра и болезненно-злым вихрем стужи, и я растянулась на полу.

Секунду я боролась за право встать на ноги, и наконец, приподнявшись, обнаружила, что нож пропал из руки. Вокруг царил хаос; со всех сторон доносились стоны боли, брань вперемешку с руганью, возгласы страха и предостережения. Глянув в сторону подъёмника, обнаружила там суетливо толпящихся у входа людей, судорожно пытающихся втиснуться в узкий проход какой угодно ценой. Но всё это сразу выпало из разума, стоило обернуться к центру комнаты.

Разглядеть лицо Ньяхдоха удавалось с трудом. Он присел близь Сиеха, опустив голову; и тьма ауры, окружавшей его, была столь же насыщенно-чёрной, как и в первую из моих ночей в Небесах, столь ядовито-чёрной, что, казалось, вот-вот и я повредусь рассудком. Мои глаза при-

тянул пол, где валялись разбитые в хлам цепи, ещё недавно сковывавшие Сиеха, и концы тех блестели от свежей наледи. Сам Сиех по большей части скрывался в тени отца — лишь одна из рук свободно свисала, едва передвигая пальцами, пока край плаща Владыки Ночи, извернувшись, не обвил и её и не увлёк, поглощая, в прочую тьму.

— Скаймина. — И вновь этот пустой, гулко вторящий эхом голос. Неужто на Ньяхдоха опять накатил приступ безумия? Нет, другое, одна лишь чистейшая, беспримесная, откровенно неистовая ярость.

Тем временем кузина, вбитая одновременно со всеми в пол, уже твёрдо держалась, встав, на своих высоченных каблуках, неожиданно полностью владеющая собой. По крайней мере, на вид.

— Ньяхдох, — произнесла куда спокойнее, чем я могла себе вообразить. Её оружие также исчезло; но она была истинной Арамери, не убоявшейся и не страшащейся гнева богов. — Как же хорошо, что и *ты* наконец почтил нас своим присутствием. Опусти его обратно.

Ньяхдох встал, с хлёстким щелчком отбрасывая назад полы плаща. Сиех, вернувший себе облик юноши, стоял рядом, сверкая демонстративным вызовом в глазах. Меня слегка отпустило: где-то

глубоко под рёбрами скручёное узлом напряжение облегчённо ослабилось.

— Меж нами был договор, — произнёс Ньяхдох, и в голосе его вторила эхом так и неунявшаяся жажда убийства.

— В самом деле… — протянула Скаймина, и улыбка, расцветшая на её лице, ужасала одним своим видом. И ты хорошо послужишь мне, равно как и Сиех, для той же цели. На коленях! — Он ткнула пальцем на кровавую лужу и валяющиеся рядом опустевшие цепи. — Ну же!

На мгновение сила, переполняющая комнату, разбухла, разрослась, безжалостно давя на барабанные перепонки. Стены заскрежетали. Я содрогнулась вместе с ними (хорошо, что не *под*-), гадая, к чему бы это и отчего. Не ошиблась ли где Скаймина, оставив в словах лазейку? и не раздавит ли нас всех здесь и сейчас Ньяхдох, просто прихлопнув как насекомых.

Но тут, к крайнему моему ошеломлению, Ньяхдох, отойдя от Сиеха, двинулся к сердцу арены. И опустился вниз. На колени.

Скаймина развернулась ко мне: я всё ещё наполовину лежала, привстав на локтях. Но тут же, сгорая про себя от стыда, поднялась на ноги. К удивлению, у меня обнаружилась целая компа-

ния из прежних зрителей, торчащих то тут то там среди поваленных тел; впрочем, этих рассеянных по всей зале фигур было немного — Т'иврел, Вирейн, горсточка слуг, около двадцати высшекровных. Я заметила, что последние, похоже, почерпнули своё воодушевление (и некоторый *подъём*) как раз из бесстрашия Скаймины.

— Я просвещу тебя уроком, сестрица, — промурлыкала та всё тем вежливо приторным тоном, окончательно приведшим меня в чувство; в сердце полыхнула жгучая ненависть. Она заново принялась бродить по кругу, почти что алчно посматривая на Ньяхдоха. — Возвысься ты здесь, будучи вскормлённой на Небесах, или хорошенько зазубри уроки мамочки, то знала бы это и так, но чего нет, того нет… посему, позволь уж, я растолкую тебе лично. Нелегко доставить урон Энэфадех. Человеческие тела их восстанавливаются сами собой, непрерывно, неизменно и не мешкая; неслыханная щедрость благосердечного Отца нашего, Пресветлого Итемпаса. Но и у этого дара *находятся* слабые места, кузина, если, разумеется, их хорошенько *поискать*. Вирейн!

Тот также поднялся с колен, хотя, казалось, старался поберечь левое запястье. Потом с опаской повернул голову к Скаймине.

— Вы беретё на себя всю ответственность? И в случае всего готовы отвечать перед Декартой?

Она стремительно развернулась, стервятником бросаясь на скриптора (не исчезни жезл из её рук, и Вирейн вполне мог обзавестись смертельной раной, и не одной).

— Декарта со дня на день отправится на тот свет. Вовсе *не его* вам стоит теперь бояться.

Вирейн стоял на своём.

— Я просто выполняю *свою* работу, Скаймина, и советую не забывать о последствиях. Возможно, пройдут недели, прежде чем он окажется вновь пригоден для…

Скаймина взбешённо фыркнула, неудовлетворённая ярость била из неё через край.

— *Полагаешь, мне есть до того дело?*

На секунду, стоя друг против друга, они сцепились взглядами в грозном единоборстве; честное слово, казалось даже, будто удача на стороне Вирейна. Хотя… высшая кровь билась в жилах обеих. Но, в отличие от Скаймины, скриптор не стоял в линии наследования — и та была в своём праве. И слова её разили правдой. В чём-чём, а во власти этой Декарта более был не волен.

Я видела, какими глазами Сиех уставился на Ньяхдоха: чересчур старыми для столь юного

лица, чтобы их мог прочесть кто-то подобный мне. Двое, бывшие богами, богами, что древнее самой земли — и жизни на ней. Столь длинное бытие, что разум не в силах представить его сроки. Пытай их хоть весь день, эта безмерная боль, вероятно, ничто для них… но не для меня.

— Хватит, — приказала я тихо. И единственное слово это гулко разнеслось под сводчатыми потолками арены. Обои они, Вирейн и Скаймина, глянули на меня с изумлением. Даже Сиех, и тот, с усилием, но повернулся ко мне, уставившись в замешательстве. Но Ньяхдох н… нет. Нельзя на него смотреть. Пускай думает, что я, мол, слишком слаба для этого зрелища.

Нет, не слаба, заруби себе это на носу. *Я — челове… чна. Всё ещё. По крайней мере, надейся на это.*

— Хорош…о, — выдавила из себя снова, вскидывая голову, — а что ещё оставалось от моей гордости? — Прекратите. Я расскажу всё, что желаете знать.

— Йин… — растерянно выдохнул Сиех.

Скаймина самодовольно ухмыльнулась.

— Жертвуй — не жертвуй собой, сестрица, тебе никогда не стать дедовым наследником.

Я сверкнула на неё глазами.

— Почту это за комплимент, кузина, если под *образчиком*, коему я должна следовать, вы подразумеваете саму себя.

Кожа на её скулах натянулась, на мгновение я подумала, что она вот-вот, зашипев, плюнет в меня (ядом, небось). Но взамен, отвернувшись, вновь закружилась рядом с Ньяхдохом, правда, поубавив алчность и замедлив шаг.

— С кем из членов союза ты сблизилась?

— Министром Джемдом, из Менчи.

— Джемд? — Скаймина недоумённо нахмурила брови. — И как же, позволь узнать, ты склонила его к разрыву? Он куда сильнее прочих уцепился за столь удачно подвернувшуюся под руку возможность…

Я сделала глубокий вздох.

— Я привела с собой Ньяхдоха. Уверена, что вам знакомо, сколь… внушительно его могущество… убеждать.

Скаймина разразилась лающим хохотом, но пристальный взгляд подёрнулся задумчивостью, — стоило женщине попеременно взглянуть на меня, а после на самого Ньяхдоха. Тот, опустившись на колени, так и продолжал стоять, — недвижимый, отстранённый, со взглядом, углублённым невесть куда. Он мог равно рассуж-

дать сейчас про себя о вопросах, за пределами человеческих счётов, или, с тем же успехом, — о цвете Т'ивреловых подштаников.

— Как интересно, — протянула Скаймина. — Поскольку я более чем убеждена, что наш патриарх не мог отдать Энэфадех соответствующего приказа, снизойдя до чего-то навроде помощи, значит… то была *личная инициатива* самого Владыки Ночи. Каким же неземным чудом ты исхитрилась это проделать?

Я пожала плечами, хотя чего-чего, а повода внезапно расслабиться у меня не было. Глупо, как же глупо. Я сама захлопнула за собой ловушку, не просчитав вовремя, *куда* заведёт подброшенная мною линия допроса.

— Кажется, он развлёкся, сочтя это забавным. Случилось несколько… случаев… *несчастных*. Смертельных. — Всем своим видом я изображала беспокойство; попытка эта не составила особого труда, — впрочем, чему тут было удивляться? — Я не предполагала, что всё выйдет именно… *так. Эффективно*. — И эффектно, чего уж скрывать.

— Ясно. — Скаймина остановилась, переплетя руки и постукивая костяшками пальцев по плечу. Мне не пришёлся по нраву мрачный огонёк в её глазах, пускай и направлен тот был на Ньяхдоха,

а не на меня. — Так что *ещё* ты проделала?

Удивлённая, я приподняла брови.

— Ещё?

— Мы держим Энэфадех на коротком поводке, сестрица, а привязь Ньяхдоха — туже прочих. Ему не покинуть пределов дворца без ведома на то Вирейна. А по словам нашего скриптора, он проделывал это уже дважды, дважды — по *разу* за ночь. *Две* отлучки за *две* ночи.

Демоны… Во имя Отца всевышнего, отчего Энэфадех не предупредили меня заранее? Будь они прокляты, эти извечные секреты.

— Мне нужно было в Дарр, повидаться с бабушкой.

— И какова была цель этого… *визита*?

Всего ничего. Постичь, заради какого демона матушка запродала меня Энэфадех.

Нет, глупо тратить драгоценное время на пустые размышления; толчком согнав с себя остатки сомнений, я скрестила руки на груди.

— Просто соскучилась. Впрочем, *вам* вряд ли понять, что такое — скука.

Она обратила свой холодный взор ко мне, медленная, ленивая улыбка заиграла на губах — и до меня внезапно дошло, *что* я только что натворила. Ошибку. Катастрофическую ошибку. Но *где*

именно? Неужто всему виной мой оскорбительный выпад? Мог ли он *настолько* затронуть её гордость? Нет, тут что-то другое.

— Неужто ты бы рискнула остатками здравомыслия? Положившись на Ньяхдоха и бросив на кон собственный рассудок? И всё ради того, чтобы просто обменяться парой любезностей с какой-то там старой ведьмой? — усмехнулась Скаймина. — Мне нужна правда. Давай, выкладывай подлинную причину этого вояжа?

— Подтвердить опасения насчёт военного ходатайства и организации альянса супротив Дарра.

— Ха! И что, это всё?

Добрая тысяча ответов пронеслась в голове, не успей я открыть рта. Но Скаймине хватило и этой короткой замешки. А может, меня выдала тень волнения, набежавшая на лицо. Моментально вскинувшись, кузина набросилась, насмешливо прицокивая языком:

— У тебя появились от меня тайны, сестрица. И я очень хочу заполучить их себе. Вирейн!

Вирейн вздохнул и обратился к Ньяхдоху. Стылыми, странно-мечтательными глазами пробежал по лицу падшего.

— Я бы избрал иное, будь моя воля, — произнёс он тихо.

Ньяхдох хлестнул скриптора коротким ответным взглядом, — уже мгновением спустя вновь пряча глаза с угасшими огоньками призрачного удивления.

— Ваш долг — подчиняться приказам своего владыки.

Не Декарты. Итемпаса.

— Но сие — не его рук дело, — хмуро отрезал Вирейн. Пссле, словно очнувшись, выйдя из замешательства, швырнул на Скаймину последний долгий взгляд и тряхнул головой.

— Ну что ж, тогда давайте приступим.

Сунув руку в карман накидки, скриптор присел близь Ньяхдоха и поместил тому на бедро небольшой квадратный клочок бумаги, испещрённый липкой от влаги паутиной божественного сигила. И я знала, невесть как, но *знала,* — хотя мне решительно претило задумываться, откуда? — что той не достаёт одного штриха. А потом Вирейн вынул кисть, с верхушкой, аккуратно прикрытой колпачком.

К горлу резко подкатила тошнота. Я было решительно ступила вперёд, вскинув в протестующем жесте окровавленную ладонь… но замерла, столкнувшись взглядами (моим — расширенным, и его — замедленным) с Ньяхдохом. Едва заметное

подрагивание ресниц, бесстрастное, и более того — безучастное, отсутствующее выражение; но как бы ни то… во рту мгновенно пересохло. Он куда лучше меня знал, на что идёт. Знал, что в моей воле прекратить это. Одним-единственным, самоубийственным путём. Публично раскрыв тайну, скрытую глубоко в душе. Обличив душу Энэфы.

Однако ж, выбирая одно из двух…

Скамина, приметив этот безмолвный спор, зашлась смешком — а после, отсмеявшись, подступив ближе, схватила меня за плечо, к моему крайнему отвращению.

— Хвалю за отменный вкус, сестричка. Роскошный *вид*, не правда ли? Я нередко спрашивала саму себя: нет ли хоть захудалой возможности… но, увы и ах, конечно же, нет.

Она выжидающе рассматривала, как Вирейн осторожно кладёт бумажный квадратик на пол рядом с Ньяхдохом, так чтобы не задеть ни одну из соседних багровеющих отметин, подпорченных Сиеховой кровью. А после, вскрыв кисть, сстулясь, склоняется над бумагой, с прилежной тщательностью выписывая единственнную недостающую строку.

Свет ярким пламенем полыхнул с потолка,

будто бы кто-то невидимый разом распахнул исполинских размеров створу прямиком под полуденным зенитом. Но *никакой дыры* над головой, разумеется, не маячило; то проявила себя божественная сила, могущество тех, кому по силам было бросить вызов всем физическим законам людского царства, обратив ничто во что-то, небытиё в бытие. Слишком *яркое*, в сравнении со ставшим привычным, мягким, бледным отсветом небесных стен. Я спешно отгородилась рукой, прикрывая заслезившиеся глаза и краем уха ловя протестующий шум голосов (перебивка с освещением не пришлась по нраву и прочим, остающимся на местах, зевакам).

Коленопреклоненный Ньяхдох виднелся в самом сердце сияющего светом столба; а меж вороха цепей и пятен крови стыла недвижимая тень. Никогда прежде я *не видела* у падшего тени. Поначалу казалось, что свет не чинит ему особого вреда… пока до меня не дошло, *что же* подверглось изменению. *Никогда прежде я не зрела тени падшего.* Преградой тому служил трепещущий, *живой* нимб тьмы, извечно окутывающей тело, то и дело свиваясь, скручиваясь, сплетаясь внахлёст. По сути своей не противустовляясь среде, но сличаясь, сливаясь с нею. Но сейчас сияние это

попросту обратилось ворохом длинных чёрных волос, сползающих вниз и скрывающих спину. Пространным плащом, каскадом ниспадающим с плеч. Само же тело падшего так и оставалось неподвижным.

А потом Ньяхдох издал что-то тихо, не то чтобы стон, скорее, захлебнувшийся полувздох; и тогда он вскипел, этот плащ волос.

— Вглядись хорошенько, — промурлыкала на ухо Скаймина. Успев плавно перетечь за спину, теперь она, словно дорогой и нежный товарищ, ласково прислонялась мне на плечо. Её голос прям-таки сочился довольным наслаждением. — Узри, из чего сделаны твои драгоценные боги.

Я продолжала кутаться в безразличие, зная, что за мною по-прежнему внимательно следят. Сковав лицо маской безразличия, когда человеческая личина Ньяхдоха, обращённая к нам спиной, заклокотав и пойдя пузырями, потекла, побежала вниз чёрными струйками, подобно взгретой до кипящей жидкости смоле, — вздыбаясь в воздухе клубящейся вкруг падшего чернотой, и испаряясь, претворяясь паром с оглушительным треском и шипением. Ньяхдох медленно завалился вперёд, медленно и сокрушённо, как если бы книзу его придавил невидимым (неведомым)

бременем самый полох света. Руки его, осевшие прямиком в Сиехову кровь, тоже не обошло сие бурление: неестественно побелевшая кожа сотряслась рябью и разошлась, расплетаясь быстро множащимися тускнеющими завитками плетей. (Краем уха я услыхала, как в отдалении кого-то из сторонних зрителей затошнило.) Сокрытое завесой обвисших, оплавившихся, тающих волос лицо падшего не было подвластно взгляду, даже возжелай… но хотела ли я того? Бесформенный, без истинной формы, он… Я знала: зримое глазами, и ныне, и прежде, — лишь скорлупа, панцирь… оболочка. Но, дражайший Отче, обличье это пришлось мне *по нраву*, эта диковинная прекрасная личина. И сейчас я попросту не могла вынести зрелища её погибели.

И тут что-то белеющее проступило из плеча. Первым, что пронеслось в мозгу, было — кость! — и мои собственные рёбра скрючило в отвращении. Однако, то была не кость; но кожа. Бледная, как у Т'иврела, но лишённая пятен, теперь она пробивалась к свету, словно продираясь наружу сквозь растопившуюся черноту.

И тут я узрела…

* * *

…Не видя.

Сверкающая фигура (и разуму моему её не постичь), стоя над бесформенной чернеющей массой (и уму моему не можно её зреть), раз за разом погружала туда руки. Нет, не разрывая на части. ***Безжалостно****, зверски сминая-вбивая-выдавливая в подобие личины. Тьма, отчаянно отбиваясь, ревела, исходила ором, но сверкающие ладони не знали пощады. Окунувшись снова, появились, вытягивая пару рук. Сдавив черноту, с силой месили её, вылепливая ноги. Тиснулись в самое сердцевину, вывовалакивая наружу туловище; погрузив до запястья кисти в самое брюхо, ухватили вывязанную плеть хребта. А последней рванулась на свет голова, безволосая, едва узнаваемая, человеческая. С широко распахнутым ртом, испускающим пронзительные вопли; и глазами, обезумевшими от невообразимой муки. Страданий, запредельных даже для самого выносливого смертного тела. Но, разумеется, то был* ***не смертный****.*

Получи, что жаждал, *— взрычало сияющее нечто, и голос ея был дик и свиреп; но не слова то были, и не слышны слуху моему. Но знание;*

познание, отдающееся в голове. ***Кощунственную мерзость, кою она сотворила. Ты же предпочёл её мне? Так получай её «дар»… бери! забирай и не смей забывать! никогда боле не смей забывать, что ТЫ-ИЗБРАЛ-ЭТО…***

И я подмечаю, что даже верша насилие, сверкающий плачет (или же — оплакивает).

И глубоко внутри меня кто-то исходит криком, кто-то, не бытующий мною, пусть и я сплетаю с этими воплями свои. Но наши крики неслышно тают, заглушённые переродившимся на свет существом, ибо страданиям его на земле положилено токмо начало…

* * *

С глухим чпоканьем, вроде того, с каковым раздирают на части варёного бычка, из Ньяхдоха продралась рука. С тем же сочным, хлюпающим звуком, вывернулась вверх суставом. Падший, пошатываясь на четвереньках, вздрогнул всем телом, когда появившаяся на свет новая конечность слепо заколотилась из стороны в стороны, покуда не нашла себе точку опоры на полу близь прочих членов. Нежно бледная, но не исполненная той, привычной мне, лунной белизны. То была более приземлённая, *человеческая* белизна.

Дневное «я», прорвавшееся в сей жуткой насмешке на рождение сквозь божественное обличие, носимое ночью.

Он не издал ни крика, при всё при том. Не считая того, изначального, мертворождённого скидыша, Ньяхдох безмолвствовал, и тогда, когда иное тело распарывало измученную плоть, выбираясь наружу. Так или иначе, подобный стоицизм лишь ухудшал дело, столь очевидна была скрываемая падшим боль. Выкажи он её криком, и это принесло бы избавление. Если не его агонии, то моим страхам точно.

Стоящий вблизи Вирейн, окинув коротким взглядом сбрасывающего личину, со вздохом прикрыл глаза ресницами.

— Глядишь, всё затянется на пару-тройку часов, — заметила Скаймина. — Конечно, будь то подлинный солннечный свет. дело пошло бы куда быстрее; но, увы, последнее в воле одного лишь Небесного Отца нашего. А перед нами попросту жалкая имитация. — Она окинула Вирейна презрительным взглядом. — Впрочем, как видишь, для моих целей и этой ничтожной подделки более чем достаточно.

Я покрепче сжала челюсти. За пределами круга, обрисованного столпом света и клубящимся

тёмным мороком (из паров, что поднимались над обуглившейся плотью падшего), я разглядела Кирью. Один короткий, пронизывающий жёсткий взгляд, исполненый горечи, и вот уже её взор уносится прочь. Закхарн же ни на йоту не спускала глаз с Ньяхдоха. Путь меча значил — смеяться смерти в лицо и достойно переносить любую пытку; богиня-воительница с уважением приветствовала его выбор — будучи не в праве отвернуться в сторону. Однакож, последнее не грозило достаться и мне самой. Но, боги… боги…

Мой мятущийся взгляд поймал и поддержал Сиех, смело шагнувший вперёд, в омут ниспадающего света. Безвредный для юного бога, ибо в том таилась отнюдь не его уязвимость. Опустившись на колени подле Ньяхдоха, он прижал к груди того расщепившуюся голову, обвил вкруг вздымающихся плеч обвисшие руки, — короче, все прорвавшиеся к свету сочленья (общим числом — три). И глядя поверх них, Сиех окинул меня стремительным взглядом (будь на моём месте кто другой, запросто счёл бы, что тот сочился ненавистью). Но не я, знавшая истину.

Зри, твердили эти изумрудные, столь схожие с моими, но куда более старые, древние глаза. *Увидь же, **что** мы вынуждены сносить. А после…*

вручи нам свободу.

Я вижу — и ***хочу****,* отозвалась безмолвно, от всей своей души — и Энэфиной тоже. *И я сделаю это. Да будет так.*

* * *

Не знаю, что и думать. Неважно, что там произошло, но Итемпас любил Нахью. Я и помыслить не могу, *как* могло бы извратить его к ненависти.

Так что в этих бесконечных адовых глубинах заставляет *тебя* думать, что то была — *ненависть*?

* * *

Бегло скользнув по Скаймине пренебрежительным взглядом, я вздохнула.

— Пытаетесь вызвать ответное отвращение? Или того проще — тошноту? — спросила коротко. — Вдобавок к тому месиву на полу? За что вы не возьмись, кузина, всё обращается фаршем, ой, простите, обмолвилась, — *фарсом*.

Скаймина, наконец отлипнув от меня, приподняла насмешливо бровь.

— И что, ни капли сострадания к сообщнику?

— *Мне* Владыка Ночи не союзник, — отрезала я холодно. — Как и любой другой в вашем кош-

марном вертепе; он — *чудовище*, о чём вы все неединожды упреждающе твердили в один голос. Но коль уж ничем не выделяется среди прочих, жаждущих моей смерти; думаю, на худой счёт, я вольна использовать его (как и силу, заключённую в нём), дабы помочь моему народу.

Скаймина недоверчиво хмыкнула.

— И какого же рода *помощь* он доставил? Раз моя сестрица расстаралась с усилиями ещё и последующей ночью, в Менчи.

— Никакую; рассвет наступил слишком быстро. Но… — Здесь я запнулась, поколебленная, — память услужливо подсунула воспоминания с той ночи: бабушкины руки на плечах, аромат и вкус влажного даррийского воздуха… *Их*, ныне утерянных, так не доставало мне: Бебы и Дарра, и некогда знакомого мира. Всего, что было… прежде. Прежде Небес. Прежде матушкиной смерти.

Опустив ресницы, я позволила выплеснуться всей скопившейся у горла боли наружу. Лишь чтобы успокоить Скаймину, лишь во имя этого…

— Мы говорили о матушке, — мягко пустилась в воспоминания. — И о других вещах, личных, *очень* личных, — ничего интересного (или интересующего) для вас. — Вскинув голову, я одарила Скаймину пристальным взглядом. — Ничего, что

я бы распахнула перед вами, даже продолжай вы поджаривать это существо на медленном огне всю ночь.

Скамина впилась в меня долгим взглядом; улыбка её испарилась, а глаза словно препарировали лицо, разрезая на мелкие кусочки. Зажатый промеж — и поодоль нас — Ньяхдох, наконец, издал сквозь зубы какое-то животное рычание. Мучительное. Неистовое. Рвущееся из самого нутра. За всю свою жизнь не слыхала ничего более жуткого. Я заставила себя отстраниться от брызжущей ненавистью Скаймины.

В конец концов, глубоко вздохнув, она отступила прочь.

— Пусть так, — произнесла отчётливо. — Слабая вышла попытка, сестрица; да ты и сама должна была понимать, что шансов добиться цели у тебя меньше меньшего. Я намереваюсь связаться с Джемдом и призвать его возобновить наши планы по началу войны. Подчинив себе столицу, они раздавят любое сопротивление, хоть я и *посоветую* им воздержаться от массового забоя твоих людишек — по крайней мере, более чем требуется… пока что.

Так вот где собака зарыта… ясно как итемпасов день, бьюсь об заклад: или я вынужденно пойду

на сделку, и мы сторгуемся, — или же она развяжет менчийцам руки, и те сотрут мой народ с лица земли. Я по-волчьи вскинулась на кузину.

— Каковы гарантии, что вы не уничтожите их при любом исходе?

— Совершенно никаких. После сего безрассудства, я просто горела желанием утворить это исключительно назло. Но, теперь, ежели хорошенько подумать, в моих интересах, чтобы Дарре выжили. Как только представлю себе, сколь изменятся их жизни… разумеется, далеко не в благоприятную сторону. Рабы крайне редкое… хотя мы и называем это совсем другим словом. — С лукавой насмешкой она взглянула на Ньяхдоха. — Но они выживут, сестрица, а где есть жизнь, как известно, есть место и надежде. Разве одно это для вас уже ничего не стоит? К примеру, целого мира?

Я медленно кивнула в ответ, хотя всё во мне сжалось, внутренности, казалось, свело новым узлом. Не в моих правилах ползать на коленях.

— Ладно, пока что сойдёт и так.

— *Пока что?..* — Скаймина недоверчиво уставилась на меня, округлив глаза, а потом зашлась громким смехом. — О, моя драгоценная сестричка… Порой я жалею, что твоя мамочка, бывшая

изрядной занозой, уже покинула нас. Она, по крайней мере, была из тех, кто способен дать стоящий отпор… или вызов.

Я утеряла свой нож, но не кровь Дарре. Взметнувшись в пол-оборота, я врезала ей с такой силой, что одна из её длинно-каблучных туфлей слетела с ноги, и она со всего маху растянулась на полу.

— Может и так, — выплюнула Скаймине прямо в лицо, пока та ошарашенно моргала ресницами (надеюсь, хотя бы сотрясение ей обеспечено). — Но, кроме того, матушку выучили вести себя, как подобает.

Сжав кулаки до острой жалящей боли под кожей, я развернулась спиной к арене и всем её… обитателям — и удалилась. В полном молчании.

21. Первая Любовь

Да, чуть не позабыла. Когда я только очутилась на Небесах, Т'иврел поведал мне о некоей привычке чистокровных Арамери. Собираться на ужины в узком кругу. Особенные ужины, для гурманов, — в одной из «особых» обеденных зал. Один из таких званых вечеров случился и на моей памяти, но я предпочла не присутствовать. Вам ведь знакомы слухи, ходящие о Небесах? Некоторые из них чрезмерно преувеличены, но большинство — правдивы; в последнем убеждаешься на собственной шкуре. А меж них один, коий я от всего сердца не желала бы свидетельствовать.

Память сходствует: Амн не всегда могли кичиться своей… просвещённостью. Некогда, подобно Крайнему Северу, и Сенм населяли одни лишь дикие, варварские племена; что до амнийцев — тем просто улыбнулась удача, и они вознеслись выше прочих. Стоило отгреметь Войне Богов, и уже весь мир оказался под пятой амнийской культуры, обложенный её безжалостным законом — приговорённый блюсти

его надлежащим порядком, и горе непокорным отступникам. Впрочем, не всякий обычай Амн выставляют напоказ. Редкая культура обойдётся без уродливого саженца, а народ — без утаенного скелета. Оттого и крадутся-стелятся глухие шепотки, мол, если что и ценили отродясь высокие амнийские предки, так изысканные явства, а особо и первее прочих — вкус человеческой плоти.

Порой куда более двоедушья, запрятанного в кости, меня пробирает, бросая в опасливую оторопь, кровь, что текёт в собственных жилах.

* * *

Когда с истязанием Ньяхдоха было покончено, облака вновь свободно заскользили по ночному небу. По-прежнему окутывая слабо мерцающую луну рваными гроздьями, в просветах меж которых мелькали то одна, то другая разноцветная дуга полумесяца, подобно хилым, хворым рукавам радуги. И когда облаяная хмарь продолжила, наконец, свой путь, утекая вдаль, меня отпустило; тугая спираль, свернувшаяся под грудиной, ослабла.

Подсознательно ожидая чего-то подобного, я согласно ответила на раздавшийся стук. Хлопнула дверь. В зеркальном отражении замаячил

силуэт Т'иврела, нерешительно топучущегося на пороге.

— Йин, — пробормотал он, запнувшись и запутавшись в словах, и смущённо замолк.

Я оставила его ещё немного побарахтаться в давящей тишине, прежде чем разродиться разрешающим:

— Проходи.

Он шагнул внутрь, ровно настолько, чтобы позволить двери притвориться самой собой. Лишь тогда он поднял глаза меня, очевидно, дожидаясь, что на правах хозяйки я заговорю первой. Но мне нечего было сказать ему; так что, в конце концов, он глубоко вздохнул.

— Энэфадех неплохо приучены переносить боль, — подал наконец голос. — Поверь мне, веками им доводилось обходиться с кое-чем, куда более худшим, чем простая боль. Что меня тревожило по-настоящему, так это *твой* предел… прочности. *Твоя* выдержка.

— Покорно благодарна за такое доверие. Нет, веру.

Покоробленный таким тоном, Т'иврел отшатнулся, вздрогнув как ужаленный.

— Для меня ведь не было секретом, насколько ты неравнодушна к Сиеху. Когда Скаймина до-

рвалась и до него, напустившись что есть силы, я рассудил… — Он отвёл глаза, беспомощно и чуточку сокрушённо разводя руками. — Я решил, что лучший выход для тебя: не быть сторонним свидетелем… всего этого.

— Ибо такое слабовольное и чувствительное существо, как я, сходу выложит свои секреты, выболтав всё, что ни попросят, лишь бы спасти ребёнка?

Лицо сенешаля помрачнело.

— Либо потому, что ты ничуть похожа на всех прочих из нас. И потому, ибо догадываюсь, на что способна пойти, лишь бы защитить друга от страданий, да. И потому, что сам надеялся уберечь тебя. Можешь теперь возненавидеть меня за этот выбор; делай, всё что ни пожелаешь.

Я резко развернулась к нему, потрясённая до глубины души таким откровением. Невероятно, но в его глазах я всё ещё была той невинной, чистой и благородной сердцем девочкой, тем невинным дитя, с таким трепетом благодарившим его за проявленное любезное добросердечие… тем моим первым днём в Небесах. Сколько веков для меня минуло с той поры? Нет, тысячелетий, а не пары каких-то жалких неделей.

— Во мне нет ненависти… к тебе, — промолви-

ла в ответ.

Облегчённый выдох вырвался из груди мужчины, а потом он ступил ближе, присоединяясь ко мне, стоящей у окна.

— Ну… тогда ты лёгко представишь себе, что сталось со Скайминой. Она прям-таки бесилась от ярости, стоило тебе уйти.

Ответила лёгким кивком.

— Ньяхдох? Сиех?

— Закхарн и Кирью забрали их с собой. Раз уж основной зритель покинул арену, то и Скаймина утеряла всякий интерес к своему развлечению… к нам.

— Нам?

На мгновение сенешаль прервался; я почти слышала, как он разражается мысленной чередой ругательств. На собственнный счёт, разумеется. Потом нехотя ответил:

— Согласно первоначальному замыслу главная роль в этих маленьких игрищах отводилась слугам.

— Агррх… вот как. — Гневный жар в груди разгорался всё сильнее. — Значит, тогда-то ты и подсказал ей взамен переключиться на Сиеха?

Голос его сурово зазвенел безжалостной сталью.

— Как я уже говорил, Йин, Энэфадех *выживают* после забав Скаймины. В отличие от большинства смертных. А *мой* долг — защищать не одну тебя исключительно.

Далекий от праведности, от справедливости жест, но… закономерный. *Понятный.* Подобно многому творящемуся в Небесах, неоправданно, неправильно, но объяснимо. Очевидно. Я протяжно вздохнула.

— На себя. Первым, с кого я предложил начать, был я сам.

Я вскинулась, ошёломлённая. Т'иврел продолжал сверлить взглядом стекло, кривя губы в печальной улыбке.

— Как с… *друга* миледи Йин, сказал я, если мне будет дозволено подобное допущение. Но она рассмеялась в лицо, что я, мол, ничем не лучше прочих.

Улыбка сползла с его лица; клубок мышц вдоль рта вздыбился пульсирующими желваками.

И не в первый раз, пришло пугающее осознание; *то был далеко не первый отказ. Но даже и из его страданий Старшая Линия ухитрялась извлечь выходу, пустив в дело.* Однакож, ему ли жаловаться? Ничтожность сенешаля служила оберегом от куда большей доли страданий.

— Я могу уйти… — сказал Т'иврел. Подняв руку, на мгновение замешкался, потом опустил её на плечо. И сам жест, и нерешительность, с коей он это проделал, живо напомнили о Сиехе. Я примостила поверх его ладони собственную, легонько сжав. Мне будет недоставать его… какая ирония, если кто и наметил день собственной смерти, так я самолично.

— Разумеется, ты друг мне, и никак иначе, — шепнула в ответ. Ещё пару мгновений его рука сжимала мою, а потом разжалась, и он, развернувшись, направился к двери, намереваясь уйти.

Вместо ожидаемого хлопка донеслось приглушённое встревоженное бормотание… голос, нет, голоса; и обладатель второго был также неплохо знаком. Обернувшись, я узрела, как они разминулись в дверях — Т'иврел с Вирейном.

— Приношу свои извинения, — церемонно рассыпался в приветствиях скриптор. — Позволено ли мне будет войти?

Дверь он предусмотрительно придержал, очевидно, на случай отказа.

Мгновение я разглядывала его, поражённая до глубины сердца столь откровенной наглостью. Спору нет, вот кто виновник пыток Сиеха, равно, как и Ньяхдоха, магическая, так сказать, под-

держка Скаймины. До меня только что дошёл истинный смысл его роли во всём этом — подельник нашей семейки по всем её мерзким делишкам, что только не взбредало в воспалённые мозги моих родичей. Особенно, в той их части, что проворачивали с богами.

Сторож, тюремщик и надсмотрщик. Длань Арамери, в чьи руки вручён бич, наказующий Энэфадех.

Но не один лишь надзиратель повинен в страданиях раба. Глубоко вздохнув, я покрепче сжала губы. Молчание — знак согласия, не так ли? И, очевидно, расценив моё как знак формального приглашения, Вирейн прикрыл за собой дверь и подошёл поближе. Ни капли видмого раскаяния, в отличие от того же Т'иврела, одна лишь привычная Арамери сдержанная прохладца на лице.

— Как неразумно с вашей стороны было чинить помехи, вторгнувшись в Менчи, — сокрушённо посетовал он.

— Мне и без вас есть кому об этом напомнить.

— Доверься вы мне и…

Я презрительно скривила рот, всем своим видом являя беспримесное недоверие.

— Положись вы в своё время на меня, — настойчиво продолжал отчитывать Вирейн, — и я

бы нашёл, чем помочь.

Я едва сдержалась от неприличного громкого смеха:

— И *какую* бы цену вы заломили за свои услуги, позвольте спросить?

Вирейн на минуту смолк, а после перетёк поближе, почти на то же место, где недавно стоял Т'иврел. Хотя… ощущение от присутствия было иным. Напрочь другим. Особенным, более… *тёплым*. Даже отсюда, в шаге от него, я могла чувствовать тепло его тела.

— Уже выбрали себе пару для сопровождения на предстоящий бал?

— Пару? — Неожиданный вопрос полностью выбивал из колеи. — Нет… Да я как-то и не задумывалась всерьёз насчёт него; не уверена, что вообще собираюсь там появляться.

— Это ваша обязанность. Не явитесь добровольно, и Декарта воспользуется магией, лишь бы принудить вас.

Разумеется. Спору нет, единственный, кому здесь подвластно *так* навязывать свою волю, Декарта. Я качнула головой, с еле слышным вздохом.

— Ну что ж, раз так. Если дед намеревается прилюдно меня унизить, мне не остаётся ничего

другого, кроме как стерпеть оскорбление. Но я не вижу причин подвергнуть подобному испытанию ещё и собственного сопровождающего.

Скриптор словно нехотя обронил медленный кивок. Стоило расценить этот жест как сигнал опасности. Никогда прежде мне не доводилось видеть Вирейна в ином расположении духа, кроме как нарочито оживлённого; даже смягчаясь, он сохранял привычный отрывистый тон.

— Вы могли бы хоть немного развлечься ночью, — произнёс он, — избери меня в качестве своего экскорта.

Ошеломлённая, я не могла издать ни звука. Молчание меж тем затягивалось, так что скриптор сам развернулся лицом и рассмеялся, видя мои широко распахнувшися от удивления глаза.

— Неужели вы настолько не привыкли, что за вами ухаживают?

— В особенности от тех, кому сама я ничуть не интересна? Да.

— И откуда такая уверенность в противном?

— А с *чего бы* иначе вам это говорить?

— Значит, мне нужна причина?

Я скрестила руки на груди.

— Разумеется.

Вирейн вскинул брови.

— Тогда приношу свои искренние извинения ещё раз. Прежде я и не догадывался, что за эти последние недели у вас сложилось обо мне столь скверное впечатление.

— Вирейн… — Я потёрла ладонями глаза. Такая усталость вдруг нахлынула на плечи — не столько телесная, сколь эмоциональная; что было ещё хуже. — Вы и вправду очень… любезны, но я не могу позвать вас на приём, подобный этому… Порой я даже сомневаюсь, а не повредились ли вы рассудком. Впрочем, случись и так, мне не сыскать и пяти отличий меж вами и прочими Арамери.

— Осуждён и признан виновным, — вновь рассмеялся скриптор. Но то уже был сиех иного рода. Неправильный, наигранно тяжёлый. Кажется, до него и самого дошла эта искуственность, оттого-то он, видимо, внезапно словно протрезвел.

— Твоя мать, — произнёс скриптор отчётливо, — была моей первой любовницей.

Рука рефлекторно дёрнулась к ножу. Ножны были пристёгнуты к противоложному от мужчины боку. Он не мог видеть…

Спустя минуту, тянувшуюся невыносимо долго, не видя никакой реакции, Вирейн, казалось, слегка расслабился. Опустив глаза, он, казалось,

был поглощён разглядыванием огней города, балансирующего много ниже нас.

— Подобно большинство Арамери, я родился здесь, в Небесах, но высокородные отослали меня в Лейтарию — скрипторскую коллегию; мне было всего четыре года отроду, когда обнаружился мой талант к языкам. И только двадцать, когда я вернулся обратно; самый юный из мастеров, заслуживших когда-либо одобрение. Алмаз чистой воды, если можно так выразиться, но, увы, пока что без должной огранки. В действительности, почти дитя.

Ну, мне и самой-то, по большему счёту, не было ещё и двадцати; но, разумеется, дикари взрослеют куда как быстрее окультуренной знати. Я промолчала.

— Отец скончался как раз в моё отсутствие, — продолжил он. — Мать… — Он неопределённо пожал плечами. — Пропала без вести в одну из ночей. Впрочем, такие исчезновения здесь не редкость. Не скажу, что это принесло особые огорчения. По возвращении мне был пожалован статус чистокровного, а она… она довольствовалась самой нижайшей ступенью. Даже будь эта женщина жива по сию пору, я был бы уже не её сыном. — Замолкнув ненадолго, он глянул на

меня. — Звучит несколько бессердечно, верно?

Я неспеша тряхнула головой.

— Я порядком уже пробыла в Небесах, чтобы привыкнуть к подобному.

Он издал слабый смешок: не знаю, чего уж в нём было больше — веселья или цинизма.

— Я поболе вашего свыкался со здешними местами. Опыт не из приятного, как ни поверни, — уточнил он. — Ваша мать облегчила задачу. Она была… — похожа на вас. В некотором роде. Кроткая, безмятежная на поверхности, и совсем иная внутри.

Я воззрилась на него, немало подивившись подобному описанию.

— Разумеется, я был сражён наповал, более того, охвачен страстью. Её безупречная красота, острый ум, весь этот ореол власти и силы… — Он повёл плечами. — Но всё, чем приходилось довольствоваться, так это восторгаться ею на почтительном расстоянии. Настолько уж *незрелым* юнцом я не был. Так что моё удивление было ни с чем не сравнимым, когда она предложила мне большее, чем простое любование.

— Матушка никогда не опустилась бы до такого.

Несколько мгновений мы сверлили друг дру-

га взглядами: он — со снисхождением, я — со злостью.

— То была недолгая интрижка, ничего особенного, — сказал он наконец. — Просто пара неделей постельных развлечений. А после она повстречала вашего батюшку и утратила ко мне всякий интерес. — Он деланно стянул губы в бледной усмешке. — Не могу сказать, что это меня обрадовало.

— Говорю вам… — начала было с подступившим к горлу пылающим гневом.

— Вы совсем не знали её, — обмолвился он мягко. Именно этот ласковый тон заставил меня подавиться словами. — Ни один ребёнок не знает своих родителей по-настоящему.

— Можно подумать, *вы* знали, — отрезала я, напрочь отказывась даже помыслить, насколько по-детски звучали мои обвинения.

Лицо Вирейна скривилось, подёрнувшись столь застарелой болью, что сомнений не оставалось — он говорил истинную правду. Он любил её. Он был её любовником. А она сбежала, выйдя за отца, оставив скриптору одни лишь воспоминания пополам со жгучей тоской. Ещё одна, свежая рана теперь нестерпимо жгла мне душу: он был *прав*, прав во всём — я действительно *не*

знала её. Совсем не знала. Сама только мысль, что матушка была способна на подобные вещи, непрестанно травила сердце.

Вирейн отвернулся.

— Что ж, вот и всё. Вы же столь жаждали знать причины, по которым я предложил вам свою руку в качестве сопровождающего. Так знайте теперь: вы — не единственная, кто скорбит, оплакивая Киннет. — Он зашёлся глубоким вздохом. — Дайте знать, если измените свой выбор. — Отвесив короткий поклон, скриптор направился к двери.

— Постойте, — вмешалась я, и он замер на полушаге. — Я уже говорила прежде: матушка ничего не совершала без причины. Так почему она отдалась вам?

— Откуда мне знать?

— Но уж *задуматься* вам ничто не мешало?

Секунду он словно что-то напряжённо переваривал в раздумьях, потом покачал головой. Ещё одна усмешка, на сей раз безнадёжно усталая.

— Думал и думаю лишь одно — что не желаю допытываться до истины. И вам не советую.

Он вышёл, хлопнув дверью; и я ещё долго таращилась на запертую дверь.

А после отправилась на поиски допытываемых ответов.

* * *

Первым делом я вернулась в матушкину комнату и извлекла спрятанный за изголовье кровати ларец с письмами. Развернулась, держа в руках ящичек, и столкнулась глаза в глаза с портретом. Взыскательный взгляд смерил меня в упор. Незнакомка, которую я совсем не знала. Неведомая мне бабка. Мать моей матери.

— Прости, — пробормотала невнятной скороговоркой и покинула комнату вновь.

Найти должный коридор не составило особого труда. Я просто бродила туда-сюда, покуда обострившееся чутьё не подсказало «вот оно!»; дружелюбный отголосок хорошо известной мне силы витал поблизости, — секунда, и по коже побежали знакомые мурашки. Повинуясь инстинкту, я двинулась вперёд, держась, как за путеводную нить, этого отзвука, пока не уткнулась в некую невзрачного вида стену; наконец-то, нашлась подходящая точка.

Наречие богов не предназначено для смертного языка, но раз во мне была заточена душа богини… От дурной овцы хоть шерсти клок, как говорится.

— *Atadie…* — прошептала еле слышно, и камень

отверзся.

Мне пришлось пробираться аж двумя мёртвыми кавернами, прежде чем наткнуться на сиехову модель планетария. Стоило стене за спиной сойтись прежней твердью, я недоумённо огляделась по сторонам, с удивлением отмечая, сколько резко изменился здешний пейзаж в сравнение с прошлым моим визитом. Теперь здесь царило странное запустенье. Десятка три, или около того, разноцветных сфер небрежно валялись, недвижимые, по всему полу; часть испещряли трещины, часть ощеривалась неровными сколами. Тех, что худо-бедно дрейфовали прежним курсом, можно было пересчитать по пальцам. Однако жёлтого шара нигде видно не было.

Зато среди сфер виднелся Сиех, притуленный на слегка скрученном в виде спирали выросте дворцовой плоти, и Закхарн, присевшая рядом с ним. Сиех выглядел моложе себя самого, бывшего на арене, но куда как взрослее привычного мне мальчугана: длинноногий, худой и долговязый, уже не подросток, но ещё и не юноша. Удивительно, но Закхарн даже сняла убрус, обычно полностью скрывающий голову, — кольца волос обрамляли ту шапочкой тугих, вьющихся завитков. Почти как у меня, не считая странного цвета.

Белоснежные у корней и отдающие в голубизну на кончиках.

Оба они разом оборотились ко мне. Подойдя, я опустилась на корточки, ставя ларец подле себя.

— Тебе уже лучше? — спросила Сиеха.

Тот попытался было с трудом сесть, но каждый раз беспомощно валился назад, силы всё ещё не вернулись к нему. Рефлекторно я дёрнулась поддержать его, однако Закхарн опередила меня, обхватив подростка за спину своей громадной ручищей.

— Великолепно, Йин, — просипел Сиех. — Ты ведь сама справилась, да? Смогла раздвинуть камень? Я поражён до глубины души.

— Я могу хоть что-то сделать для тебя? — прошептала вопросительно. — Только скажи, что?

— Поиграй со мной.

— Игра… — Я подавилась словами, стоило Закхарн ожечь неодобрительно суровым взглядом. На секунду погрузившись в задумчивость, тряхнула головой и вытянула вперёд руки ладонями вверх. — Давай, прижми свои к моим.

Он подчинился, не раздумывая. Его ладони были крупнее, но тряслись крупной старческой дрожью. Очередная превратность… неправильность. И это уже перебор. Но нахальный мальчишка

вдруг широко, хоть и слабо ухмыльнулся.

— Что, вздумала, что окажешься быстрее меня?

Звонкий шлепок, и очко осталось за мной. Клянусь, я успела бы продекламировать парочку стихов, пока Сиех заторможенно шевелил пальцами.

— Без сомненья, так оно и есть.

— Новичкам везёт — удача любит зачинателей игры. Посмотрим, кому она улыбнётся на сей раз. — Я повторила хлопок. И едва не промазала — теперь Сиех двигался гораздо шустрей, чем прежде. — Хех! Как там говорится… бог троицу любит. — Удар — мимо, и я остаюсь в дураках.

Ошарашенной мне только что и оставалось, так недоумённо хлопать глазами. Сиех широко ухмылялся, заметно помолодев. Год, или что-то около.

— Ну вот, видишь? Всё, как я и предсказывал: ты медлительна как черепаха.

Я безудержно расплылась в понимающей улыбке.

— Ну, раз так, может, тогда сыграем в салки? А?

Стояла глухая полночь. Тело настойчиво требовало отойти ко сну, а не предаваться играм;

и оттого нарочно не поддавалось воле, вялое и неповоротливое. Последнее и сыграло на руку Сиеху, — особенно когда тот настолько вопрял духом, что хорошенько заработал не только головой, но и ногами. Он носился за мной по всей зале, сияя от удовольствия, как кот за мышью; и, надо сказать, из меня вышла изрядно туфтовая мишень. Догонялки пошли ему на пользу, и весьма заметно; а я была только «за!», покуда он сам наконец не сдался, взмолившись о передышке, — и мы оба, тяжело дыша, запыхавшись, не плюхнулись вповалку на пол. Тонкокостный, изящно-хрупкий, миловидный мальчишка лет девяти-десяти… и облик этот, привычный… *обычный* облик согревал душу. Более не было нужды задаваться вопросом, отчего он лёг мне на сердце, этот юный бог шуток и проказ.

— Ну и здорово же повеселились, — наконец промычал Сиех. Потянувшись, он сел на колени и поманил к себе мёртвые сферы. Те подкатились ему под ноги; и юный бог, ласково поглаживая разноцветные шарики, заставил их взлететь в воздух — каждый, прежде чем отплыть на место, кувырком соображал сальто. — Так что там, в ящике?

Я коротко глянула на Закхарн, препочевшую

не ввязываться в нашу игру. (Подозреваю, что детские забавы плохо вяжутся с истинным духом борьбы.) Разок она легко кивнула мне; и, кто бы мог подумать, уже одобрительно. Раскраневшись и вспыхнув, я отворотилась прочь.

— Письма, — ответила, машинально опустив руку на крышку ларца. — Они… — И запнулась, мучимая безотчётными сомнениями, смолчать или нет. — Отцовы к матушке, и кое-какие её, так и не отправленные наброски. Думаю… — Сглотнула ставший во внезапно пересохшем горле комок. Глаза нестерпимо зажалило. Разве тоске и горю должно иметь причину?

Пропустив мою спутанную речь мимо ушей, Сиех, мягко отведя мою ладонь в сторону, распахнул крышку. Покуда он доставал бумаги, одну за другой, бегло пролистывая и раскладывая веером по полу, я кое-как справилась с волнением; в конце концов, он даже привстал, раскладывая исчёрканные прямоугольнички в одному ему ведомом порядке. Растерянной, теряющейся в догадке мне оставалось только молчаливо наблюдать, покуда готлинг наконец не довершил бумажную мозаику последним письмом, задвинув то в самый угол приличных размеров пазла, шагов пять на пять; другой такой, гораздо меньше, был выложен в

стороне, но уже вчистую из матушкиных черновиков. И выпрямился, скрестив на груди руки, сверля пристальным, повелительным, вводящим в замешательство взглядом всю эту приключившуюся путаницу.

— Сквозит дырами — кой-чего не достаёт до общей картины, — подала голос Закхарн. Встряхнувшись, я торопливо поискала богиню глазами: смтуно высящаяся фигура вырисовалась прямо за спиной; нависая надо мной, она также всматривалась в картинку.

Заинтригованная, ломая голову, в чём же дело, я прибегла было к помощи собственных мозгов, но бесполезно: сколь не напрягай глаза, отсюда не рассмотреть ни матушкин изящный почерк, ни отцову, более размашистую руку.

— Почём вы-то знаете?

— Оба они ссылаются на предшествующие послания, — ответила Закхарн, указуя туда-сюда, на определённые страницы.

— И заметь, картинка рушится далеко не единожды. Чересчур часто, сказал бы я, — добавил Сиех, легко ступая между разложенными страницами, дабы присесть и поближе вглядеться в бумагу. — Обое они, твои родители, были порождением — и заложником собственных привычек.

И, как видишь, весь год, регулярно писали друг другу раз в неделю, чётко, как хорошо смазанный часовой механизм. Но, погляди, шесть… нет, семь недель без единой весточки. И никаких приличествующих делу извинений за пропущенные сроки, — заметь, как раз в тех местах, где я вижу отсылки на минувшие записи. — Он оглянулся на меня через плечо. — Кто-нибудь, кроме тебя, в курсе, где хранился ларец? Постой, нет… двадцать лет ведь прошло; должно быть, слух разнёсся по доброй половине дворца.

Хмуря брови, я медленно покачала головой.

— Он был надёжно сокрыт от стронних глаз. И тайник не был потревожен… *по виду*.

— Но также это может значить и то, что с времени его вскрытия прошло порядком лет, и пыль успела осесть толстым слоем снова, — распрямился Сиех, обращаясь ко мне. — Ты *это* ожидала найти здесь?

— Вирейн… — выдавила я, стиснув зубы. — Вирейн утверждает, что был матушкиным любовником.

Сиех вскинул брови и обменялся спешными взглядами с Закхарн.

— Не вполне уверен, что в том, что проделываемом с ним была хоть малейшая доля того, что

именуют «любовью».

Я спасовала: такого рода небрежное подтверждение было трудновато оспорить. Не в силах возразить, придавленная открывшимся, я тяжело осела на пол.

Сиех плюхнулся рядом, на живот, опершись на локти.

— И что с того? Что такого особенного? Добрая половина Небес запросто готова прыгнуть в постель к прочей половине, только помаши. Любое место, любое время…

Я тряхнула головой.

— Да ничего. Просто… нелегко переварить *такое*…

— Да не терзай себе так, было бы из-за чего — он же не твой папаша, или что-то навроде.

Закатив глаза, я воздела повыше руку. Темнокожую, руку истинного Дарре.

— Ну уж, нет, это точно.

— Удовольствие — ещё один вид оружия, не так уж редко используемый, — сказала Закхарн. — В том нет любви.

Изумлённая подобным… толкованием, насупившись, я уставилась на воительницу. Меня всё ещё корёжило от одной только мысли, что матушка моя возлежала с Вирейном; и вот, меня

подталкивали к идее, что то есть не что иное, как суть стратегия. Тактика. Уловка. План. Но на кой… *чего* она предвкушала прибыть? Заполучить? Что мог таить в себе Вирейн? Знать такое, недоступное никому боле в целых Небесах? А вернее, о чём юный, ещё не оперившийся Вирейн — Вирейн, едва-едва очутившийся в Небесах, чересчур самонадеянный, излишне самоуверенный, страстно жаждущий угодить предмету обожания, — очарованный Вирейн… мог проговориться в разы скорее оперёд любого другого Арамери?

— Что-нибудь насчёт магии… — пробормотала себе под нос. — Должно быть, вот что она пыталась выудить от него. Кое-что насчёт… вас? — Искоса скользнула глазами к воительнице.

Закхарн неопределённо повела плечами.

— Даже усвой она нечто подобное из тайн такого рода, ей никогда не случилось прибегнуть к ним.

— Хмм… А чем ещё ведает здесь, на Небесах, Вирейн?

— Повседневная магия, — вмешался Сиех, начиная загибать, отсчитывая, пальцы. — Ну, всё, касательно нашего рутинного применения, так сказать. В заведённом порядке. Передача

вестей и прочего — он связующее звено между Декартой и Орденом Итемпанцев. Под его рукой надзор за всеми важнейшими церемониями и ритуалами…

Осёкшись, Сиех замер. Изумление расцветало на лице; я вперилась в юного готлинга хищным взглядом. Поворот в сторону, — и вот она, Закхарн, впавшая в глубокие размышления.

Церемонии и ритуалы, значит. Живот свело в возбуждённой вспышке — до меня дошло, что подразумевал Сиех. Я резко выпрямилась.

— Последнее правопреемство… в какой срок оно свершилось?

— Декарта был признан около сорока лет назад, — сказала Закхарн.

Матушке было сорок пять в час смерти.

— О ту пору она была малолетним ребенком… слишком юна, чтобы разобраться, что *именно* происходит в ходе церемонии.

— Её *вообще* не было там, — сказал Сиех. — В тот день Декарта приказал мне занять её игрой, лишь бы она ни на что не отвлекалась.

Сюрприз-сюрприз. Отчего бы Декарте придержать матушку, своего наследника, в стороне от намечаемой церемонии, в коей ей самой, дай только срок, однажды предстояло б ручаться

собственной головой. Просветлённое дитя могло бы и своим умом дойти до подлинных целей. Неужто только из-за того, что в процессе на тот свет отправлялся убиенный прислужка? Но то были Небеса; слуги здесь мрут как мухи. Не могу себе вообразить ни единого Арамери, куда как незначительней деда, отвергающего столь суровую реальность, даже для дитя.

— Тогда не случилось… ничего необычного? — задалась вопросом. — Может, вы, тем временем, сами решили *поиграть* с Камнем?

— Нет, мы не были должно подготовлены. Обычная церемония, подобно сотням других прежде, свершившихся со дня нашего заключения, — вздохнул Сиех. — Ну, так мне передавали, я ведь, как знаешь, отсутствовал тогда. Да и не я один — допущен был лишь Ньяхдох. Без него они не обходились ни разу.

Я сдвинула брови.

— С чего бы именно *он*?

— В церемонии участвует Итемпас, — сказала Закхарн. Покуда, уставясь, раззинув рот на воительницу, я пыталась собрать в кучку мозги, проникнувшись мыслью, что Небесный Отец — *здесь, прямо здесь, пребывает здесь*… Закхарн продолжала: — Он являет себя одному лишь

новоиспечённому Властителю Арамери лично. Себя и свои поздравления. А после предлагает Ньяхдоху свободу от уз, с одним лишь условием — вверить свою службу в руки Итемпаса. До сей поры, Нахья неизменно отвергал предложение, но Итемпасу доподлинно мзвестно, что в природе того измена… *изменение*; однажды он способен и передумать. И Итемпас не устаёт вопрошать.

Я тряхнула головой, пытаясь избавиться от объявшего меня благоговения… мучительного, затяжного, тщательного *привитого* чувства — меня обучали *должным образом*, втемяшив сие почтение в самую душу. Небесный Отче — и церемония правопреемства. *Каждую* церемонию. *Каждого* преемника. *Каждое* право. Он не пропустит и эту — лицезреет и мою… смерть. И более того, одарит её своим щедрым благословением.

Чудовища. И это ЕМУ я поклонялась?.. ЕГО почитала всю свою недолгую жизнь?

В бесплодной попытке отвлечься от обуряющих, заставляющих голову идти ходуном, бурлящих мыслей, я ущипнула себя за кончик носа.

— Итак, кто же был последней из жертвенных овец? Один из тех несчастных родичей, волоком вовлечённых в наш фамильный кошмар?

— Нет-нет, — затараторил Сиех. Он встал, ещё раз потягиваясь что есть силы, согнулся вдвое и первернулся на голову, стоя на руках, опасно шатаясь из стороны в сторону. Пропыхтел в перерывах меж тяжело отдающимися вдохами-выдохами. — Роду Арамери надлежит… быть готовым убить… каждую живую душу… в этом дворце… если только то… будет… требованием Итемпаса. В доказательство своей… готовности… как водится… предполагаемый преемник… должен… принести в жертву… кого-то… *близкого*.

Я вдумалась как следует: *близкого*…

— Следовательно, я была избрана, ибо ни у Скаймины, ни у Релада не нашлось никого *поближе?* — За исключением друг друга.

Пошатнувшись чересчур сильно, Сиех кувыркнулся на пол, перевернулся колесом и сразу же вскочил на ноги — как ни в чём ни бывало принявшись пристально изучать собственные ногти.

— Ну, полагаю, так оно и есть. По правде говоря, никто не в курсе, отчего Декарта избрал именно *тебя*. Но его *личной* жертвой была Игрет.

Отголосок знакомого имени подстегнул память; хотя соотнести непосредственно с лицом владельца удалось не сразу.

— *Игрет*?

Сиех удивлённо воззрился на меня.

— Его жена. Твоя бабушка по материнской линии. Разве Киннет не говорила тебе?

22. Яр(ост)ь, как она есть

Ты всё ещё зла на меня?

Нет.

Пугающая быстрота…

Бессмысленно, как всякая ярость. Бесцельно, как всякий гнев.

Нет. Вовсе нет. Позволь воспротивиться. В должных обстоятельствах и ярость послужит могущественной порукой. Позволь поведать в подтверждение одну… историю. Жила-была некогда маленькая девочка, девочка, чей отец убил собственную жену. Её мать.

Кошмарное, отвратительное зверство.

Да, тебе известен сей сорт измены… более того, предательства. О ту пору девочка была совсем мала, невинна и наивна. Быть может, ей нашептали, что мать покинула её, оставив семью. Быть может, она просто *потерялась*; в их мире подобные исчезновения — не редкость. Но у маленькой девочки был острый, искусный ум — и любящее сердце. А матушку свою она любила боле самой жизни. Чего проще — притвориться, что веришь лжи; а на деле — преданно выжидать и выжи-

дать. Своего часа. Верного часа.

И когда она распрощалась с невинностью, обретя с годами и умудрённый расчёт, — то начала допытываться, выспрашивать — но ни у отца, ни у кого другого, из тех, кто предъявлял право ухаживать за ней. Было бы глупостью доверяться *им*. Нет. Она дознавалась у рабов, в чьих сердцах и так уже тлела ненависть к своей хозяйке. Она выведывала ответы у юного наивного скриптора, павшего к её ногам, — и не было легче дела, чем вертеть за ниточки влюблённым простофилей, легче, проще и блистательней. Она выпытывала знание и у древнейшего врага — еретиков, коих травила её семья, поколение за поколением. И она, по клочкам, воссоздала правду, сведя выуженное одно к одному; ибо ни у кого из её понятых не было резонов лгать. И заледенела и сердцем и разумом, и окрепла и дущою и телом, предав себя одной лишь воле — и жажде возмездия. Мести… ибо так должно поступать дщерям убиенных матерей.

Ах, как же, как же… понимаю. Однако, желаю узнать, оставалось ли в её окаменелом сердце место и для отца?

И я, мне тоже хотелось бы это знать. Разумеется, поначалу она росла не без этого; дети не могут

ни испытывать нежных чувств. Но что потом? Легко ли любви прорасти ненавистью, всецело изойти на рознь? Или та где-то глубоко внутри истекала слезами, даже восставая супротив Его? Мне не дано предугадать… Но лишь одно доподлинно известно: её рука привела в движение весь механизм, изъяла первый камень, спустив лавину *случайностей*, сотрясших мир; даже за смертным порогом взяв воздаяние за месть не только с собственного отца, но и со всего человечества. Ибо, в конечном счёте, все мы повинны в причастии к…

Вы *все*? Не чересчур ли чрезмерное обвинение?

Да. Так и есть. Но надеюсь, она обретёт всё, чего вожделела.

* * *

Итак, такова была суть правопреемства Арамери: преемник избирался главой семьи. Будь она единственным претендентом, долгом было бы уверить того, чей образ нежно леяла в сердце, добровольно пасть жертвой в её честь, воспользовавшись силами Камня и передав изначальный сигил, впечатав в лоб. Будь претендентов более одного, и они состязались бы за право принудить поименованного жертвой избрать одного из

них. Матушка была единственным наследником; не отрекись она в своё время, кто бы пал, подневольный, от её руки? Может статься, что она обрабатывала Вирейна по цельному вороху причин. Может, намеревалась улестить Декарта, чтобы тот сам отдал жизнь жизнь в обмен на её. А может, оттого она никогда боле и не возвращалась обратно — после свадьбы. После моего рождения.

Столь много осколков обрело место. Но куда более пока что неясно расплывалось. Я кожей чувствовала, сколь близко подобралась к кроющейся в тенях истине, но вот вопрос — сколько времени оставалось в запасе? Вся эта ночь и следующий день, помимо ещё одних суток — ночи и последнего дня. А напоследок — бал, церемония и… конец всему.

Словом, более чем достаточно, сделала я выбор.

— Ты не можешь, — немедля вновь возразил Сиех, трусцой следуя за мною. — Йин, Ньяхдох, так же как и я, нуждается в исцелении. Ему не по силам справиться с этим под давящим надзором смертных глаз…

— Тогда я попросту не буду на него смотреть.

— Думаешь, это так *просто*?! Ослабелый, он

куда более опасен, чем обычно; ему тяжко сдерживаться. Ты не вправе… — Внезапно его голос спал на октаву ниже, чуть огрубев, словно ломаясь, ещё не мужской, но и уже не детский; он вполголоса выругался и притормозил шаг. Я, не останавливаясь, двинулась дальше, ничуть не удивлённая послышавшемуся вскоре за спиной топоту и громкому возгласу: — Из всех смертных, с кем мне доводилось мириться, ты — самая упёртая, самая настырная, и быстрее всех доводящая до бешенства!

— Благодарствую, — отозвалась назад. Впереди замаячил поворот. Я приостановилась, прежде чем завернуть за угол. — Ступай и отдохни в моих комнатах, — посоветовала юному готлингу. — А когда я вернусь, то прочту тебе одну историю.

Он только огрызнулся на собственном наречии, да так что… впрочем, последнее не нуждалось в переводе. Однако, не так уж он был и зол — раз стены не рухнули в мгновении ока, а я не обратилась лягушкой.

Где найти Ньяхдоха, мне рассказала Закхарн. Прежде чем развязать язык, меня долго изучали пристальным взглядом, читая по лицу тяжёлым взглядом, каким с незапамятных времён оценивают решимость готового на всё воина.

Сказанное ею было своего рода похвалой — или предупреждением. *Бесстрашие зачастую с лёгкостью оборачивается одержимостью.* Я не вняла словам, пропустив мимо ушей.

Комната Ньяхдоха, как сказала Закхарн, располагалась посреди самого нижнего из жилых уровней. Дворец парил, укрытый в собственной тени, наползающей на изножье, а сердцевина не могла похвастаться ни единым окном. Именно здесь и ютились Энэфадех, на тот (неприглядный) случай, когда у них возникала нужда в пище, сне или любая иная причина, вызванная заботой о наполовину смертных телах. Закхарн не упомянула, отчего местом своей ссылки они избрали столь малоприятное местечко; но, впрочем, мне и так не составило труда догадаться о первопричинах. Здесь, далеко внизу, чуть выше зиндана, они могли куда сильнее ощущать близость Камня Энэфы, чем на узурпированном Итемпасом небе. Возможно, тягучее чувство *присутствия* облегчало падшим жизнь, доставляя некое удовольствие, — учитывая всю меру страданий, коим их подвергли в наказание за попытку отстоять имя (и честь) богини сумерек.

Этаж был тих и безлюден, когда я ступила из ниши подъёмника. Ни одна смертная душа из

числа дворцового штата не осмелилась поселиться здесь… и я была не в праве их порицать (да и не особо хотелось, честно говоря). Да и кто бы захотел заиметь в соседях самого Владыку Ночи? Неудивительно, что уровень производил весьма мрачное впечатление; даже дворцовые стены, казалось, поблекли в сравнение с верхними ярусами. Всё здесь проницало тягостное *присутствие* Ньяхдоха, проникая сквозь стены и объемля собою весь этаж целиком.

Но стоило завернуть за последний из поворотов, и я едва ненадолго не ослепла от внезапно полыхнувшей перед глазами яркой (яростной) вспышки. Мгновение, а перед глазами всё ещё стояла явившаяся в сполохе света женщина. Бронзоволикая, среброволосая (седовласая?), почти столь же высокая, как и Закхарн, — и прекрасная в суровой своей красоте, — словно в молитве она преклоняла колени посредь коридора. Свет источали крылья, вздымающиеся за плечами; крылья, покрытые сверкающими зеркальным отсветом перьями, инкрустированными внахлёст пластинами драгоценных металлов. Я видела её и прежде, эту женщину, единожды — в видении…

Я сморгнула полными слёз глазами, а когда открыла те вновь, свет уже бесследно исчез. Передо

мной стояла теперь незвзрачная, грузная, с трудом взгромоздившаяся на ноги старуха. Кирью.

— Сожалею, — сказала я быстро, с чётким намерением прервать возвышенные или какие там, медитативные ли, божественные ли раздумья. — Но мне срочно требуется побеседовать с Ньяхдохом.

В коридор выходила лишь одна дверь, и сейчас её загораживала собой богиня мудрости. Она скрестила на груди руки.

— Нет.

— Леди Кирью, мне может и не выдаться иного шанса прояснить кое-что очень важное…

— Что непонятного? «Нет» на вашем языке значит нет, разве не так? Или кто-то здесь плохо разумеет сенмитский?..

Но прежде чем наш спор перерос в свару, дверь апартаментов падшего, зазмеившись трещиной, скользнула в сторону. Но в открывшуюся прореху было не разглядеть ничего, кроме подступившей к самому порогу тьмы. Изнутри донёсся низкий баритон Ньяхдоха:

— Пускай говорит.

Кирью помрачнела куда сильней.

— Нахья, нет. — Я слегка вздрогнула; никто ещё на моей памяти не осмелился так откровенно

перечить падшему. — Разве не она повинна в твоём нынешнем бессилии?

Я вспыхнула, аж зардевшись; но она была полностью права. Однако над комнатой нависало одно лишь многозначительное молчание. Кирью со злостью тесно сжимала и ослабляла раз за разом кулаки, вперяясь во тьму недобрым взглядом. Фигура её отбрасывала уродливо-угрожающую тень.

— Станет ли легче, если я завяжу себе глаза? — спросила неуверенно. В воздухе носилось что-то эдакое, выходящее далеко за пределы банального обмена колкостями… эхо застарелого гнева. Ах да, конечно же… — Кирью ведь ненавидит весь смертный род, и не без причины: совершенно заслуженно виня нас за своё порабощённую суть. Она посчитала, что Ньяхдох полный глупец, раз так безрассудно водится со мной. Впрочем, весьма вероятно, что, ратуя за здравомыслие, богиня мудрости оказалась права и насчёт последнего… Я отнюдь не почувствовала себя оскорблённой, когда меня вновь окатила волна холодного презрения.

— Дело не только в твоих глазах, — процедила Кирью. — Но и в другом. Чаяния, страхи… желания. Вы, смертные, жаждете лицезреть в нём

чудовище, и он становится одним…

— Что ж, тогда я не хочу ровным счётом ничего, — проговорила с лёгкой улыбкой, но по ходу дела в груди восставала злая досада. Может, в её слепой ненависти к роду человеческому и таилось некое… высокомудрие. Допустим, мы никогда не разочаровывали худшие из её ожиданий. Неважно, суть дела не в том. Она. Стояла. У меня. На пути. А мне нужно покончить со всеми делами в срок, до часа собственной смерти. Если так пойдёт и дальше, остаётся только прибегнуть к крайним мерам и *приказать* ей убраться с дороги.

Меня пристально разглядывали, возможно, с лёгкостью считывая намерения, копашащиеся в голове. Спустя какое-то время богиня тряхнула головой и ответила пренебрежительным жестом:

— Ну что ж, пускай так. Ты просто редкая дура. Да и ты, Нахья, тоже; вы оба стоите друг друга, и вполне заслуженно. — И бормоча что-то себе под нос, заковыляла прочь; ворчание затихло, стоило ей завернуть за угол. А заодно стихли и отзвуки медленной поступи — не постепенно угасли вдали, а именно что попросту вдруг исчезли, перестав доноситься, — и только тогда, чуть обождав, я развернулась к распахнутой двери.

— Входи, — раздался изнутри приглашающий голос. Ньяхдох.

Я закашлялась, прочищая горло; по спине внезапно забегали тревожные мурашки. Почему он взялся пугать меня страхом в самое неподходящее время?

— Прошу простить меня, лорд Ньяхдох, — сказала вслух, — но, возможно, лучшим выходом для нас обоих будет остаться мне здесь? Подальше от вас? Коль скоро истинно то, что одни только мои *помыслы* способны повредить вам…

— Это их всегдашняя работа, только тем вы и занимаетесь. Всеми фибрами души… стремлениями и страхами. Теснят и наседают на меня, притягивают и маня, — безмолвными приказами.

Я окоченела, ужаснувшись.

— У меня никогда даже *мысли* не возникало премножить ваши страдания, не то что цели.

И тишина, долгожданный перерыв, коим я и воспользовалась, дабы перевести дыхание.

— Моя сестра мертва, — наконец произнёс Ньяхдох. Очень тихо, едва шепча. — Мой брат двинулся рассудком, обезумев. Мои дети — жалкая пригорошня тех, кто остался со мной, выжив, — ненавидят и страшатся меня столь же

сильно, равно как и боготворят.

И на меня нахлынуло понимание: *что* бы ни сотворила с ним Скаймина — всё прах и пепел. Ничто. Ибо что могут значить пара-тройка мучительных мгновений, даже затянувшихся на смертные часы, в сравнении с столетиями скорби и одиночества, на кои обрёк его Итемпас? И я, беспокойно переминающаяся с ноги на ногу, лишний раз бередила застарелые раны.

Взявшись за дверь, я переступила порог.

Внутри всё поглощала кромешная тьма. Буквально на секунду я задержалась у входа, протягивая время, в слабой надежде, что глаза сами собой подстроятся под освещение (вернее, под его полное отсутствие), — но, увы-увы, мечты так и остались мечтами. Дверь захлопнулась, и воцарилась тишина; такая громкая, что я, казалось, могла почти различать отзвуки чужлого дыхания, ровного и редкого, — в порядочном отдалении от себя.

Вытянув вперёд слепо шарящие руки, попыталась было продвинуться на ощупь — в сторону доносящегося сипения. Надеюсь, боги не больно-то нуждаются в излишней мебели. Или ступеньках.

— Стойте, где стоите, — раздался голос. Ньях-

дох. — Я… вблизи со мной… не слишком-то безопасно. — И, уже мягче. — Но я рад, что вы решились зайти.

То был иной Ньяхдох, не *тот* — натянувший смертную личину, но и не обезумевший зверь из сказок леденелой зимы тоже. Нет, то был Ньяхдох-из-первой-ночи; тот, целовавший меня, Владыка Ночи; тот, единственный, кто, казалось, и в самом деле по-настоящему желал меня. Единственный, супротив кого таяла вся моя защита, вся моя оборона. Вся моя броня.

Глубокий вздох, и я попыталась сосредоточиться на этой ласковой, опустошённой тьме.

— Кирью права. Простите, пожалуйста, простите меня. Ведь это целиком и полностью *моя* вина, что Скаймина обрушила на вас всевозможные кары.

— Лишь чтобы наказать *вас саму*.

Я содрогнулась всем телом.

— И даже хуже.

Он рассмеялся мягко, еле слышно; и лёгкое дуновение пролетело над плечом. Ласковое и нежное, словно тёплая летняя ночь.

— Не для меня.

В точку.

— Я могу вам как-то… помочь?

Ветер вновь кружил рядом, на сей раз щекоча крошечные волоски на коже. Внезапно перед глазами живо предстала картинка: стоящий прямо у меня за спиной Ньяхдох, приникший так близко, что едва только не обнимая, — и дыхание его ласкает изгиб шеи.

С противоположной стороны комнаты донёсся слабый… алчный полувсхлип-полувздох; и вдруг, казалось, сам воздух запылал от нахлынувшей волны вожделения — всё вкруг меня пропитывал сильнейший, резкий аромат похоти и насилия, без всякой расцветавшей вдали нежности. О боги… Я поспешно переключила сознание, вновь полностью сосредоточившись на окружавшей меня тьме. Тьма, мрак, сумерки, — и более ничего… ох, матушка… Есть.

Казалось, это тянулось целую бесконечность, но, в конечном счёте, тот ужасающий голод поблёк, ослабев.

— Было бы лучше, — тревожно возник падший с непривычной мягкостью в голосе, — если б вы не прилагали излишних *подсобляющих* усилий.

— Простите…

— Вы — смертная. — Похоже, этот приговор говорил сам за себя. Я пристыжено опустила глаза. — Вам есть что спросить о вашей матери.

Да. Я глубоко вдохнула, прежде чем разразиться вопросом.

— А *её собственная* мать погибла от руки Декарты, верно? — спросила решительно. — Не по этой ли причине она решила рассчитаться, согласившись посодействовать вам?

— Я — подневольный раб. Ни один Арамери не решился бы положиться на меня, доверившись. Как я уже говорил вам, всё, чем она занималась на первых порах, так это задавала вопросы.

— И, в свою очередь, вы пожелали заручиться её поддержкой?

— Нет. Она по-прежнему носила кровную печать. На неё *нельзя* было положиться.

Непроизвольно вздёрнув руку, я дотронулась до собственного лба. Знание о сияющей там метке раз за разом само собой вымарывалось из памяти. Как и о том, вдобавок, сколь много решает это крошечный аргумент в политике Поднебесья.

— Тогда как же…

— Через Вирейна. Вернее, через его постель. Предполагаемым наследникам, как правило, рассказывают о церемонии правопреемства, но Декарта повелел скрыть подробности от дочери. Вирейн знал не многим более прочих, если он что и поведал Киннет, так примерный ход привыч-

ного ритуала. Допускаю, что ей хватило и этих крох, чтобы вычленить истину.

Да, как статься, может, так оно всё и было. Она уже усомнилась в Декарте — а сам Декарта страшился её подозрений, вероятно, подспудно ожидая худшего.

— И что? Что она сделала, стоило ей докопаться до правды?

— Заявилась к нам и осведомилась, как можно избавиться от печати, украшающей лоб. Буде только в силах вырваться из-под власти Декарты, говорила она, то согласилась бы пробудить Камень и дарованными им силами вернуть нам нашу свободу.

У меня перехватило дыхание; я застыла, да глубины души поражённая беззрассудной отвагой — и безумной яростью. Я вошла в раскрытые врата Небес, словно ведомая на убой, готовая идти на смерть, только б покарать убийц матушки; лишь счастливый случай да Энэфадех даровали мне шанс на месть. Матушка собственноручно взрастила собственное возмездие. Взрастила и вспоила ростки ненависти, изменив… предав всё, что её окружало. Свой народ, своё наследие, даже своего бога. И всё ради того, чтобы растоптать одного-единственного человека.

Скаймина была права, в сравнении с матушкой я — полнейшее ничтожество.

— Разве не вы в своё время твердили, что лишь мне одной под силу прибегнуть к Камню, чтобы разорвать узы, наложенные Итемпасом? — поинтересовалась наконец. — Ибо одна я владею душой Энэфы?

— Да. То было разъяснено и Киннет. Но поскольку благоприятная возможность сама шла к нам в руки… Мы дали ей подсказку: отречение избавило бы её от кровной печати. И ещё одно… одну цель, — твоего отца.

Что-то в груди растеклось талой лужицей. Я прикрыла глаза. Так вот ты какая, романтичная сказочка… о *поистине* волшебной любви моих родителей.

— Она… с самого начала договорилась выносить для вас дитя? — спросила неестественно мягким тоном. (Голос слегка отдавался в ушах, но над комнатой нависало безмолвие.) — Они оба, матушка и отец… что, *выводили* меня, как кролика, на продажу?

— Нет.

И мне стоит *поверить* ему? Как бы не так!

— Она ненавидела Декарту, — продолжил Ньяхдох, — но всё ещё была его любимым детищем.

Мы скрыли от неё и наши планы, и душу Энэфы, ибо были не в праве довериться ей.

Более чем закономерно. Более чем понятно.

— Отлично, — сказала, пытаясь привести мысли к чёткому расчёту. — Вот, значит, каким макаром она повстречала моего отца, бывшего приверженцем Энэфы. Окольцевала его замужеством, как очередную ступеньку к достижению поставленной цели; не говоря уже о том, что брачные узы послужат должным поводом для изгнания из рода. А значит, и прямая дорожка избавиться от печати сигила.

— Верно. И в довершение, тем самым искренне поверив нам чистоту своих умыслов. А также заодно отчасти добившись задуманного отмщения; её отречение и последующий уход опустошили Декарту, едва не добив. Он оплакивал дочь, словно покойницу. И кажется, его страдания были ей только в радость.

Я знала, я догадывалась… понимала. Ох, как же хорошо я всё *понимала*.

— Но тогда… тогда Декарта не мог ни попытаться убить моего отца… наслав Гулящую Старуху, — медленно, выдавливая из себя слово за словом, произнесла я. Наконец-то эта сплошная путаница оборванных узлов сплелась единым полотном.

Паутиной. — Должно быть, счёв именно отца повинным в уходе дочери. Уверив себя, что с его смертью она вернётся обратно.

— Декарта не напускал поветрие на Дарр.

Я оцепенела.

— А?..

— Когда Декарта высвобождает магию, её проводниками становимся мы. Но ни один из нас не был послан пройтись мором по вашим землям.

— Но, если не вы, то…

Нет… О, нет… не может быть…

Помимо Энэфадэх, на Небесах наличествовал лишь один источник магии. Чахлый, хилый, но всё же… единственный человек, могущий властвовать божественными силами. О тот год Старуха унесла хорошо если дюжину душ по всему Дарру; мизерная вспышка по сравнению с привычно разгорающимися очагами. Столько же могло пасть от руки лучшего смертного убийцы.

— Вирейн, — сжала я в кулаки руки. — *Вирейн…* — прошипела вновь сквозь зубы.

Вирейн, столь хладнокровно разыгрывавший из себя мученика — попранную невинность, павшую жертвой насильственного обмана… птенчика, запутавшего в сетях матушкиных интриг. А сам тем временем предпринимал всё,

чтобы уничтожить моего отца, прекрасно зная, что если на кого и посыплются все шишки, так на Декарту. Как стервятник *выжидал* в коридорах, покуда матушка шла к тоиу униженно ходатайствовать, торгуясь за жизнь мужа. А впоследствие, возможно, разоблачал себя, открывшись ей в показном сочувствии из-за отказа отца. И всё ради чего? Заложить за матушкиной спиной опору для ухаживаний? Да, эта метода вполне в его духе.

Однако ж отец мой выжил. А матушка так и не воротилась обратно, в Небеса. Все эти годы… как же *он* изнывал по ней, страстно ненавидя соперника — а с ним и *меня? Меня*, одним своим появлением на свет расстроившую все его честолюбивые планы? Не *его* ли рука единожды напала, вскрыв, на ларец с матушкиными письмами? Не *он* ли сжёг те из них, адресованные ему самому, в надежде забыться, вычеркнув, с бумагой, из жизни и память о безрассудствах юности? Не комкал ли в руках эти клочки, предаваясь бесплодным мечтаниям, что в тех теплятся оттиски отгоревшей любви. Любви, кою ему не по силам было заслужить. Никогда.

Я жаждала выследить его и затравить как зверя. Узреть, как эта белоснежная грива окрасится

кроваво-красным, свешиваясь с лица безжизненной завесой.

Рядом пронёсся слабый, словно от подсечки, отзвук, как если бы по жёсткому полу «небесной тверди» проскрежетала галька. Или проклацали когти.

— Такое ожесточение… жесткость, — жарко продышали мне чуть ли не в затылок. — Ярость, ввергающая в раж… — Ньяхдох. То дребезжал его голос — нутряной, изломанный, промёрзлый. Ни с того ни с сего возникший из ниоткуда. Слишком близко. Пугающе близко. Прямо за спиной. — О да… Повелевай мной, приказывай, мой сладкая Йин. Я весь твой… твоё оружие. Одно твоё слово, и вся та боль, что он причинил мне сегодня, покажется милосердием…

Гнев улёгся, вновь подёрнувшись льдом. Глубокий, медленный вздох, другой, сводящий на нет злость. Покой и пустота. Ни ненависти… Ни глухого страха, что я должна сказать спасибо собственной небрежности, положившей начало перерождению Ньяхдоха. Тьма и безмолвие, на них я сосредоточила потуги разума, — воспрещая голосу ответить. Не смея ответить.

Спустя безумно долгие мгновения последовал слабый вздох разочарования. На сей раз с гораздо

большего удаления; он вернулся в противоположный угол комнаты. Медленно, мышца за мышцей, я позволила напряжению расплыться, ослабнув.

Перспектива продолжить прямо сейчас увявшую было линию допроса попахивала неприкрытой угрозой. Столь много секретов всплыло на поверхность; слишком много силков-душеловок готовилось схлопнуться, поймав в капкан разбередившие сердце чувства. С усилием, но я оттеснила давящие подозрения насчёт Вирейна.

— Желанием матушки было спасти… уберечь отца, — подала наконец голос. Верно. Неплохая тема, чтобы отвлечься от гнетущих мыслей. Думаю, должно быть, постепенно она взрастила в себе ростки любви к нему, какой бы причудливой поначалу и не зародилась их связь. А он… я доподлинно знаю: он-то *любил* её. Я помню, как глаза его горели отсветом этой любви.

— Так и есть, — сказал Ньяхдох, столь же невозмутимо, как вёл себя до моей оплошности. — Безысходное отчание вскрыло её уязвимость. Разумеется, мы не могли ни повернуть эту возможность себе на пользу.

Мне стоило усилий не сорваться снова, дав расцвести вспышке гнева, но я вовремя загнала

ярость обратно.

— Разу-уу-умеется, — протянула в ответ. — Тогда-то, найдя лазейку, и уломали впустить в её нерождённое дитя душу своей Энэфы. И… — Глубокий вздох, перед тем как сорваться в пропасть. Краткая передышка, чтобы собраться с силами. — Отец *знал*?

— Понятия не имею.

Раз сами Энэфадех не в курсе, был ли отец посвящён в суть дела, то и никому боле не известна истина. По крайней мере, здесь, во дворце. А мне не доставало отваги вернуться домой, в Дарр, и стребовать ответы с Бебы.

Как бы то ни было, из всех возможных видений я предпочитала избрать то, где отец мой безоговорочно любил меня с рождения, узнай или не узнай он правды после. Тогда как матушка лишь *дозволила* себе эти чувства, предпочтя их изначальным дурным предчувствиям. Оберегая меня от уродливых фамильных скелетов — из каких-то обманных ожиданий, что судьба ниспошлёт мне немудрящую, мирную жизнь в Дарре… по крайней мере, покуда боги не явились бы вновь, заявить право на то, что считали своим.

Мне следовало бы хранить спойкоствие, но я попросту не могла сдерживать всё это в себе.

Сжав сомкнутые глаза руками, разразилась злым смехом. Сколько чуждых надежд… ожиданий… упований… и все они, как прикованные, свернулись цепями вкруг меня одной.

— А я… дозволено ли мне самой право владеть хоть крохой себя? — прошелестела тихо.

— Чего бы тогда вы хотели? — спросил Ньяхдох.

— А?

— Будь вы свободной. — Что-то такое прозвенело в его тоне, чего я не могла постичь. Тоска по утраченному? Нет, не только, что-то… большее. Добросердечное благодушие? Нежность?! Да нет, быть того не может! Невозможно. Невероятно. — Чего бы вы хотели для себя самой? Сами?

Невинный вопрос этот лишь сильнее разбередил сердце. В груди заныло с новой силой. И я возненавидела падшего за ненароком брошенные слова. Это он повинен в том, что моим желаниям не судьба уже сбыться, — его вина, его грех… его и моих родителей, и Декарты, и даже самой Энэфы.

— Я так устала поддаваться чуждой воле, лепящей из меня всё, что только им вздумается. Быть послушной игрушкой в чужих руках, — произнесла наконец. — Я хочу быть собой, и только собой.

— Не будьте ребёнком, пора повзрослеть.

Я поражённо оглянулась на него, в испуге, смешанном напополам со злостью; хотя, разумеется, в клубящейся тьме было не разглядеть ни зги.

— Как?..

— Вы — детище ваших создателей, отшлифованное пережитым опытом. Подобно любому другому творению этой вселенной. Смиритесь с этим и делайте, что должно; давайте, кончайте уже, мне до смерти надоело выслушивать ваше нытьё.

Разразись он этой своей отповедью привычно холодным тоном, и я бы встала на дыбы, сочтя его слова за оскорбление. Но если чем и отдавал усталый голос, так справедливым укором; я с горечью помянула про себя цену, кою падший уплатил за моё себялюбие.

Воздух вблизи снова пошёл рябью, взбаламутившись, мягко, почти осязаемо оседая на коже. Словно говоривший смещался, всё ближе и ближе.

— Так или иначе, грядущее в ваших руках, творите, что хотите, — даже сейчас… Поведай мне свои желания.

В сущности, поглощённая местью, я никогда не задумывалась об ином. Я хочу… хотела бы

так мало; пределом моих желаний были такие простые мечты, равно как у всякой молоденькой девчушки. Друзья. Семья. Счастье, — для дорогих мне людей.

А ещё…

Тело затрепетало от несуществующего холода. В душе закопошились недоверчивые подозрения насчёт некоторой странности этих, всплывших из глубин подсознания, чувств. Не отпечаток ли то пробуждающейся Энэфы?

Смиритесь с этим, и будь что будет.

— Я… — захлопнула рот. Сглотнула. Повторила попытку. — Я хочу нечто другое… иной путь для мира. — Ах, ведь мир и взаправду изменился бы, разделайся с ним подчистую Ньяхдох на пару с Итемпасом. Груда расколотых булыжников, да погребённое под багряными от крови руинами цивилизации человечество, только и всего. — Лучшую жизнь.

— Какую же?

— Не знаю, — я судорожно сжала кулаки, натужно борясь облечь членораздельной речью ускользающие из пальцев чувства, поражаясь собственному тщетному бессилию. — Сейчас, когда всё и вся охвачено… страхом. — Есть, уже точнее. Я уцепилась что есть сил за ниточку

ощущений. — Мы живём по милости богов, довольствуясь их брезгливой жалостью, полностью подчиняя жизни каждой вашей прихоти; мир вертится вкруг божественных капризов. Равно как и мрём, втянутые, или нет, в ваши раздоры. Гибнем за так. Изменилось бы наше существование, если… если бы вы просто… ушли прочь? Покинули мир?

— Смертей бы только прибавилось, — сказал Ньяхдох. — Наш исход поверг бы в ужас и страх поклоняющихся Троице. Кой-кто сразу зарыскал б в поисках козлов отпущения, ища на кого бы переложить вину — и поименовать грешником. Покуда прочие, те, кому новый миропорядок придётся по душе, роптали б, негодуя — и ненавидя отступников, еретиков, блюдущих старый обычай. И мир погряз бы в войне и разрухе, на долгие-долгие тёмные века.

Чудовищная правда отзывалась в подбрюшье, выворачивая наизнанку внутренности и обжигая кожу тошнотворным ужасом. Но потом моих рук дотронулись — лёгким касанием овевая прохладой. Падший растирал мне плечи, — как если бы это могло принести долгожданное успокоение.

— Но, со временем, войны улеглись бы, — добавил снова. — А в буре яростного пламени, на

пепелище, пробивает себе путь свежая поросль, пробуждаясь от сна.

А в мерно струящемся голосе — ни похотливого вожделения, ни буйствующего ража; верно, оттого, что чувства мои притупились, и до него не долетало ни капли. Он не уподоблялся Итемпасу, не мирившемуся ни с единой изменой — и волей своей изгибая… избегая их. Или же — круша и разнося в клочья. Нет, Ньяхдох же *гнулся* сам, изменяясь, клонясь, — влекомый чужой волей. Вспышкой промелькнувшая мысль эта на мгновение ввергла меня в уныние.

— Вам случалось, хоть когда-нибудь, бывать неизменным? — задалась вопросом. — Собой настоящим? а не одной из сотен личин; не тем-каким-вас-хотят-желают-жаждут-видеть, а просто — собою?

Ладони ещё раз прошлись по коже, перед тем как онончательно отдёрнуться.

— Однажды о том же самом меня спросила Энэфа.

— Прости…

— Не за что. — Тоном, полным бессильной скорби. Непреходящей, неблекнущей болью, верной спутницей всегда кружащей поблизости. Какая безжалостная жестокость — нести бремя

бога изменчивости и раз за разом претерпевать очередной виток нескончаемой петли скорби и боли.

— Вместе с свободой, — сказал он, — я верну себе и право избирать руку, диктующую мне обличье.

— Но… — нахмурилась я недоумённо. — Зачем же вновь сковывать свою волю очередными цепями? При чём тут свобода?

— На заре едва расцветавшей реальности я и был самим собой. Абсолютно свободным — никто и ничто не могло облечь меня своей властью… разве что породивший на свет Маальстрем; но уж что-что, а это волновало тогда менее всего. Я разодрал собственную плоть, выплёскиваясь наружу самоя сутью — и щедро делясь; откуда есть и пошло ваше смертное царство: сутью и силой, и кровью, чёрной, промёрзлой кровью. Я пожирал, давяясь и отплёвываясь, собственный разум — и пиршествовал, опьянённый новизной нахлынувших чувств. Боли. Страдания. Мук.

На глаза навернулись слёзы. Я сглотнула ставшую в горлу комком тяжесть, попытавшись прогнать прочь непрошенные струйки, стекающие из-под ресниц; но внезапно вернувшиеся руки грубовато подхватили подбородок, чуть

приподнимая. Пальцы пробежались по крепко сомкнутым глазам, успокаивающе поглаживая кончиками веки, стирая солоноватые капли.

— Высвободившись, я изберу, — произнёс он опять, полушёпотом, такой близкий… — Последуй и ты моему выбору.

— Но мне никогда не грозит быть…

И уже молча впился в губы долгим поцелуем. Острым, резким, горьковато-сладким поцелуем; словно путник в пустыне, обуреваемый страстной жаждой. Чьё это желание отдавалось под кожей — его? или моё собственное? А потом, к горлу наконец подкатила разгадка: какая, к адовым преисподням, в конце концов, разница?

Но… ох, великие боги… ох, милосердные богини… как же хорош… о… На вкус его губы были ровно глоток прохладной, освежающей росы. И томимая жаждой, подчинясь, я пила, глоток за глоток. А прежде чем возжаждала большего, он отпрянул назад. Нет, я не пыталась схватиться с ним вновь, переполненная одной лишь недовольной досадой, — вперемешку со страхом, что сие скажется на нас обоих.

— Ступай и отдохни, Йин, — сказал он. — Позволь своей матери самой доиграть до конца в возлелеянные расчёты. Твой удел — лицом к

лицу встретиться с собственными испытаниями.

А после я опять сидела на полу уже своих комнат, очерченная квадратом ниспадающего из окон лунного света. Стены окрасились тьмой, но я без труда могла видеть окружающую обстановку, ибо ярко мерцающая луна (пускай и в виде узкой пряди серпа, изогнувшейся полумесяцем) низко колыхалась над самой линией горизонта. Давно уж миновала полночь, и до рассвета, как видно, оставалось всего два-три коротких часа. А может, и того меньше. Походу, я начинала обзаводиться новыми привычками.

В объёмном кресле близь кровати расположился Сиех. Увидев, как я устраиваюсь на полу, он ужом вывернулся из-под одеяла и тут же пристроился рядышком. В потоке льющегося сверху лунного света его громадные, расширившиеся зрачки возбуждённо пульсировали, как у встревоженной чем-то кошки.

Я сидела, не проронив ни слова; а минутой позже он, протянув руку, силой увлёк меня к себе; и вот уже моя голова покоилась на его коленях. Я лежала, крепко стиснув глаза, привлечённая успокаивающим чувством поддержки, кою источала гладящая волосы тонкая рука. Чуть позже Сиех принялся напевать нежную колыбельную,

некогда уже ласкавшую мне слух — в сновидении. И, согревшись и расслабившись, я погрузилась в дрёму.

23. Себялюбие

Скажи мне, чего ты хочешь, спросил Владыка Ночи.

Лучшей жизни, иного пути для мира, ответила я.

А ещё…

* * *

Поутру я отправилась в Салон, пораньше, предваряя открытие очередного заседания Консорциума, в надежде найти там Рас Анчи. Но первой, кто попалась мне на глаза, стала Уохай Амб, ещё одна высокая нобилесса с Крайнего Севера, появившаяся в широком вестибюле Салона, поднявшись сюда широкой лестницей, обрамлённой рядами колонн.

Неуклюже раскланявшись согласно церемониального этикета, я осторожно закинула удочку насчёт тётушки.

Нобилесса сперва охнула (и я поняла горькую правду ещё тогда, заглянув в глаза, полные печального соболезнования) и только потом медленно ответила:

— Разве вы не слышали? Рас умерла, во сне, двумя ночами тому назад. — Она вздохнула. — Я до сих пор не могу свыкнуться с этой мыслью. Рас мертва. Разумеется, она была уже далеко не молода, но…

Я вернулась в Небеса.

* * *

Я уже некоторое время слонялась взад-вперёд по коридорам, раздумывая о смерти.

Пробегающие мимо слуги отделывались короткими околопочтительными кивками, я отстранённо отвечала тем же. Придворные царедворцы — мои собратья по высокой крови, — наоборот, либо намеренно брезгливо отворачивали носы, либо обшаривали неприкрыто любопытствующими глазками. Должно быть, слухи неслись вперёд меня, и мне уже успели перемыть все косточки, — насчёт полного провала как претендентки на наследие и публичного разгрома Скайминой. Излишней благосклонностью то и дело сверлящие мою фигуру взгляды не отличались. Ни взирая ни на что я приветствовала всех учтивым поклоном. Приберегите мелочность для себя, ничтожества.

На одном из нижних уровней я случайно на-

ткнулась на Т'иврела, сидевшего на затенённом балконе, вертя на пальце дощечку-планшет и наблюдая за проползающим мимо облаком. Стоило тронуть его за плечо, и он вздрогнул (по счастью, успев-таки подхватить вылетевшую из рук планшетку), тут же рассыпавшись в виноватых извинениях; и я взяла на заметку, что предметом его дум была, похоже, я сама.

— Бал начнётся завтра, к заходу солнца, — сказал он. Перебравшись поближе, я опёрлась, стоя рядом, на перильца, окаймляющие площадку, — жадно впитывая открывающийся вид (безмолвный силуэт сенешаля действовал умиротворяюще). — И отгремит с рассветом. Такова традиция, предвершающая церемонию правопреемства. Завтра взойдёт новая луна… ночь, некогда священная для приверженцев Ньяхдоха. Вот что отмечают этим праздненством.

Как мелочно — для них, подумала я. И ничтожно — для Итемпаса.

— Тотчас после окончания бала, Камень Земли переместят дворцовой централью, шахтовым колодцем, в ритуальную залу, что таится в шпиле солариума.

— Ах-ха. Я ненароком подслушала на прошлой неделе, как на вы предостерегающе отчитывали

прислугу насчёт этого.

Т'иврел бережно крутанул в руках дощечку, старательно пряча от меня глаза.

— Да уж. От минутной встряски лишнего вреда, вроде бы, быть не должно, но… — Он неопределённо пожал плечами. — Все эти божественные дела… От них лучше держаться подальше.

Я не смогла удержаться от звонкого смеха.

— В чём-чём, а тут — я только за!

Т'иврел бросил на меня странный взгляд; неуверенная, слабо колеблющаяся улыбка на мгновение изломала тонкие губы.

— А ты… в хорошем расположении духа, как погляжу?

Я повела плечом.

— Не в моих правилах бессмысленно растрачивать оставшееся время по пустякам, навроде бессмысленных треволнений. Что сделано, то сделано: будь, как будет. — Не удержалась процитировать Ньяхдоха.

Сенешаль причудливо и неловко извернулся, смахивая с лица пряди волос, взъерошенные порывом ветра.

— Я… ты же ещё не знаешь? К ущелью, что ведёт из Менчи в Дарр, подтягиваются войска.

Сцепив пальцы башенкой, я впилась в них

взглядом, пытаясь совладать с настоятельно рвущимся наружу всхлипами плача голосом. Скаймина отлично позабавилась, разыграв свои карты. Без сомнений, не избери я её — и в ход пойдут предусмотрительно оставленные инструкции, с недвусмысленным приказом Джемду начать резню, стоит мне отказаться. Думаю, Джемда, в любому случае, не остановило бы и обратное, даже даруй я свободу Энэфадех; но все мои рассчёты строились на том, что миру и без того хватит забот, — к примеру, срочно озаботившись собственным выживанием в жерле очередной разгорающейся Войны Богов. Сиех клятвенно обязался, что Дарр в целости и сохранности переживёт переломную эпоху. Знамо дело, я не могла вполне доверять этому зароку, но… от дурной овцы хоть шерсти клок, и то лучше, чем ничего.

В сотый раз терзаемая сомнениями, а что, может вступить в переговоры с Реладом? — я всё-таки с сожалением отбросила эту идею, взвесив все за и против. Люди Скаймины давно рассосредоточились по местам, готовясь всадить нож в гортань Дарре. Если я в ходе церемонии приниму сторону Релада, успеет ли он парировать смертоносный удар? Я не вправе бросить на весы будущее своего народа, поставив на человека, к

коему не питаю ни толики уважения.

Одни лишь боги ныне мне порукой…

— Релад же добровольно заперся в четырёх стенах, — добавил Т'иврел, очевидно, промотав в голове ту же алгорифму суждений, что и я. — Не допуская к себе ни единой живой души, даже слуг, не отзывась на вызовы и послания. Один Небесный Отче знает, чем он утоляет голод — или жажду. Высшекровные во всю держут пари, сживёт он сам себя со свету, или нет, ещё оперёд завтрашнего бала.

— Подозреваю, не обошлось и без куда более интересных ставок?

Сенешаль искоса бросил короткий взгляд, походу, метаясь между двух огней: говорить всю правду или смолчать.

— Кое-кто бьётся об заклад, что и ты *сама* изберёшь *само*убийство.

Я расхохоталась навстречу очередному порыву бриза.

— И какова фора? Может, меня тоже допустят к столу? А?

Т'иврел резко оборотился ко мне лицом; глаза его помрачнели, полные холодной решимости.

— Йин… если ты, ты… — и, запнувшись дрожащим голосом, замолк, подавившись последним

словом, ровно в приступе удушья. Торопливо отвёл взгляд.

Взяв его за руку, я успокаивающе сжала ладонь, покуда он, понурив голову, боролся с приступом дрожи, тщетно пытаясь сохранить самообладание. Он покровительствовал всей здешней прислуге, находящейся под его надзором; пролитые слёзы стали бы знаком недопустимой для такого человека слабости. Впрочем, в этом смысле, мужчины всегда были хрупким… уязвимым племенем.

Немного позже последовал глубокий, с хрипловатым призвуком, вздох. И непривычно высоким голосом (с разницей в целую октаву, не меньше), сенешаль проговорил:

— Могу я рассчитывать быть твоим сопровождающим на балу завтрашним вечером?

Не так уж давно, услышав аналогичное предложение, но из уст Вирейна, я ответила вспышкой гнева, смешанного с ненавистью. Слова же Т'иврела пробудили все мои добрые чувства к сенешалю, всё сильнее скрепляя узы привязанности, протянувшиеся между нами.

— Нет, Т'иврел, не надо. Мне нет нужды в проводниках.

— А в помощи? Простой дружеской поддерж-

ке, — *там*, на балу?

— Может и так. Но я не намерена просить тех немногих, кого считаю друзьями, рисковать собой.

— Ты и не просишь. Я сам напрашиваюсь…

Я подступила ближе, прислоняясь к его руке

— Я справлюсь, Т'иврел. Справлюсь сама.

Он ещё долго не спускал внимательного взгляда с моих глаз, словно пытаясь запомнить каждую чёрточку. Потом медленно встряхнул головой.

— Значит, так, говоришь… Ах, Йин, мне будет не хватать тебя.

— Тогда уезжай, беги отсюда, Т'иврел. Найди себе хорошую женщину, которая окружит тебя заботой, оденет в шелка и осыпет драгоценностями.

Сенешаль недоумённо вскинулся, а после разразился приступом громкого хохота, наконец-то избавившись от колкого напряжения.

— Женщину из Дарре, да?

— Нет, конечно! Надо не больно дружить с головой, чтобы польститься на даррийку. Ты что, не видел, какие мы из себя? Найди какую-нибудь кеннийку. Тогда, надеюсь, эти прелестные крапушки не канут бесследно, и отойдут, преумножившись, твоему потомству.

— Прелестные… *веснушки*, ты, маленькое варварское отродье! Они зовутся вес-нуш-ка-ми!

— Как скажешь. Для тебя — всё, что угодно. — Притянув к себе его ладонь, я легонько поцеловала тыльную часть запястья — и медленно отпустила. — Прощай, друг мой.

Я оставила его, всё ещё смеющегося, стоять там, на балконе. И смех его отдавался в ушах, покуда я, не оборачиваясь, ни свернула в коридор.

* * *

Но?..

Но то было не единственным, чего я желала.

* * *

Эта наша беседа прибавила мне твёрдости решиться на следующий акт. Я отправилась на поиски Вирейна.

Со времени последнего разговора с Ньяхдохом, голова трещала от царящего там разнобоя; и теперь, намереваясь столкнуться лицом к лицу со скриптором, терялась меж двух крайностей насчёт личности заклинателя. Особенно укрепившись с той ночи в мысли, что именно Вирейн, не Декарта — истинный убийца моей матушки.

Но у меня всё ещё не укладывалось в уме: отчего он, столь страстно любивший Киннет, — убил её? За что? Как? И, главное, почему сейчас, двадцать лет спустя с того дня, когда она разбила ему сердце? Какая-то часть меня жаждала долгожданного ответа.

В то время, как другая плевать хотела с высокого шпиля на любые причины. О, это второе «Я» жаждало иного — крови; позволь я ему хоть раз возобладать над разумом, и безрассудств было б не обобраться. Хватит, с избытком, и той багряного каскада, что прольётся дождём, когда я довершу своё возмездие над всем кланом Аламери; того ужаса и тех смертей, что расветут бешеным цветом, развяжи я Вторую Войну Богов. И этих кровавых озёр хватит, вдоволь хватит, чтобы утешить моё ноющее сердце… жаль, что мне не увидеть плоды трудов моих собственными глазами — бельма мертвецов, увы, слепы. Мы, смертные, порой так себялюбивы. Особенно, во зло.

Итак, я собиралась увидеться с Вирейном.

За дверью стояла тишина, когда я постучалась в мастерскую; на секунду решимость моя дрогнула — я заспорила сама с собой, продолжать, или нет, и дальше эту охоту? А потом изнутри донёсся

слабый, приглушённый полувсхлип-полувздох.

В Небесах к тамошним дверям не имелось ключей. Как, впрочем, и собственно замков. Для чистокровных более чем надёжной защитой служила собственная кровь и ранг, ибо лишь те, кто был облечён должной привилегией не страшиться ответного возмездия или вызова, отваживались вторгаться в чужое уединение. Но мне ли, приговорённой к смерти менее, чем через день, приличествовало бояться? Облачённая в броню смертницы, я проскользнула в едва-едва приоткрытую дверь.

Поначалу Вирейна нигде не было видно. Ни рядом с рабочим столом (на сей раз непривычно пустым). Ни рядом со скамьями (также опустошёнными от бывших там в прошлый мой визит завалов). Обстановка казалась всё страньше и страньше. Не сразу, но я догадалась взглянуть в задний угол комнаты, с теми необычными клетями для животных. И не скоро, но распознала в тёмном пятне фигуру Вирейна — отчасти оттого, что стоял он, не шевелясь, тише воды, ниже травы; отчасти потому, что с его-то белоснежной гривой волос и бесцветным одеянием он как нельзя лучше годился в пару к здешней стерильно-чистой, сияющей первозданной нетронутостью

обстановкой.

Скриптор стоял близь большого хрустального глобуса на задах мастерской. Поначалу казалось, что, опираясь на сферу, он пристально вглядывается в полупрозрачную, светящуюся изнутри глубь. Может, с её-то помощью он и следил за мной, за моими тщетными (и, что уж скрывать, редкими) попытками связаться с народами, препорученными под мою руку. Но потом скриптор вдруг тяжёло осел, почти повалившись на пол, надломленно цепляясь рукой за скользкую шлифованную сферу; голова его бессильно свесилась набок. Вторая рука скрывалась под завесью белоснежных волос, в беспорядке рассыпавшихся по плечам; но что-то такое в движении скривленных плеч, в колыхании складок белого балахона выдавало таящиеся украдкой слабые жесты. Глубоко внутри, в подреберье тревожным звоночком загудело, зашевелилось нечаянное… неуверенное открытие. Донёсшийся из угла очередной всхлип подтвердил нахлынувшие подозрения, целиком и полностью: один-одинёшинек, запершись в своей лаборатории в канун очередного победного триумфа над падшими богами, незабываемого дня, что-случается-едниожды-в-жизни, Вирейн рыдал, утирая рукой текущие по щекам ручейки

солоноватых слёз.

Слабость эта, недостойная, непозволительная крови Дарре, женщины Дарре, остудила бурлящую во мне ярость. Понятия не имею, отчего он купался в слезах. Может, то на мгновение, один-единственный миг, расцвели клочки его гнилой совести, давным-давно погребённой под гнётом всевозможных пороков. А может, он попросту зашиб о что-нибудь тяжёленькое палец на ноге. Но в ту секунду, стоя в дверях и видя, как скриптору не под силу справиться с тихо капающими на пол слезами (мне вспомнился Т'иврел, возобладавший над пламенем чувств), я не могла ни задаться вопросом: что если хоть одна из этих горячих капель пролилась во имя моей матушки? Что если не я одна оплакивала её, в тоске и муке.

Я скользнула обратно, аккуратно прикрыв за собой дверь, — и ушла прочь.

* * *

Моя собственная глупость.

Да. Ты раз за разом противилась правде, даже тогда.

Знала ли я это?

Теперь — да. Однако ж, не прежде.

Отчего?

Ты умираешь. Твоя душа охвачена схваткой. И иные воспоминания поглощают тебя.

Скажи мне, чего ты хочешь, спросил Владыка Ночи.

* * *

Скаймина была у себя, подгоняя к завтрашней церемонии вечернее платье. Белое — не лучший выбор с её стороны. Уж больно сильно скрадывал и без того бледную кожу кузины. Само же платье было поражало глаз сверкающим великолепием, сшитое из чего-то блестящего, к тому же усеянное поверх корсажа и вдоль линии подола россыпью крошечных бриллиантов (отчего переливающийся вкруг ткани ореол только усиливался). Блики света вспыхнули, отразившись в них, стоило сестрице повернуться, переступая ногами по специальному подиуму, вдоль которого копошились портные.

Мне не оставалось ничего другого, как терпеливо ждать, покуда она раздаст тем деловитые инструкции. На противоположной стороне комнаты, на подоконнике, развалилась человеческая личина Ньяхдоха, пристально вглядываясь в колыхающееся за окном в полуденной истоме солнце. Слышал, или нет, он, как я переступила

порог, но дождаться от него излишнего уважения к моей персоне мне явно не светило.

— Сознаюсь, я любопытна, как попугай, — произнесла Скаймина, наконец обращая ко мне горделивый взор. При виде здоровенного кровоподтёка на подбородке, меня охватил скоротечный приступ мелочного удовольствия. Неужели нет такой магии, чтобы по-бвстрому залечить даже такую мизерную царапину? Стыд и срам! — Так что заставило вас заявиться ко мне в гости? Вновь собираетесь умолять меня заступиться за свой народ?

Я покачала головой.

— Не в моих привычках бессмысленно тратить слова. — И время.

Она улыбнулась, почти добродушно.

— Правда? Ну что ж… Тогда с чем вы пожаловали?

— Обсудить ваше… предложение, — сказала в ответ. — Надеюсь, оно всё ещё в силе?

Теперь и я поимела свою *сатисфакцию* — кузина, в замешательстве, шустро захлопала ресницами.

— Ты же не передумала, сестрица, нет?

Я небрежно отвесила кивок — *минуя сестрицу*, к замершей в оконном проёме тёмной фигуре.

Одетой в простого покроя чёрную рубаху и узкие брюки, в тон, по цвету, — а в пару к ним — грубый железный ошейник, болтавшийся на шее. И на том спасибо. От прежнего, нагого вида у меня тошнотворный комок подкатывал к горлу.

— Помнится, некогда вы упоминали, что с радостью готовы одолжить мне своего лю… бимца. На время, разумеется.

Невидимый Скаймине, за её спиной, Нахья резко оборотившись, уставился на меня, поедая сузившимися карими глазами. Да и сама кузина на мгновение показалась слегка ошалелой, ну а после разразилась громким хохотом.

— Подумать только! — Она шевельнулась, перемещая вес на другую ногу и упираясь, вгоняя портных буквально в оцепенелый ужас, рукою в бедро. — Да уж, сестрица, с тобой не поспоришь. Он и в самом деле куда более горазд, чем Т'иврел, в деле *удовольствий*. Но — прости уж — ты кажешься столько мелкой тва… творением Отца нашего. А мой Нахья столь силён, столь… велик… олепен. Уверена, что справишься?

Она напрасно сотрясала воздух искусно подслащёнными оскорблениями. Я спустила все её колкие выпады мимо ушей, почти не заметив.

— Вполне.

Скаймина ошеломлённо тряхнула головой.

— Что ж, прекрасно. Я всё равно не собиралась прибегать к нему, больно он нездоров сегодня. Впрочем, тебе как раз само то, хотя… — Она на миг замолкла, поглядывая на окна. А точнее, на солнце — сколь близко оно подпустилось к горизонту. — Разумеется, я могу не оговаривать специально, что стоит остерегаться заката.

— Конечно. — Моя улыбка мгновенно навлекла хмурый взгляд из припущенных бровей. — В моих планах нет желания отправиться на тот свет раньше срока.

— Ступай с ней, — приказала она, и Ньяхдох приподнялся с подоконника.

— Надолго? — спросил он безучастно.

— До самой её смерти, — усмехнулась Скаймина, разводя руки благородно-великодушным жестом. — Кто я такая, чтобы отвергать последнюю просьбу?.. Но пока будешь занят *делом*, Нахья, поглядывай там, чтобы сестрица не перенапряглась… совсем уж сильно — по крайней мере, настолько, чтобы преждевременно выйти из строя. В общем, ты понял: ничего такого. Совсем ничего. В наших интересах, чтобы она смотрелась впору, подходяще, — на утро, двумя днями позже этого.

Железная цепь, врезавшаяся креплением в соседнюю с окном стену, ослаблено опала, с последними словами кузины. Нахья подобрал свободный конец и застыл на месте, с безжизненным выражением глядя на меня. В тёмных глазах его нельзя было прочесть решительно ничего, кроме безразличия.

Я отпустила короткий поклон Скаймине. Той было уже всё равно; она, раздражённо шипя, устраивала очередную трёпку портным: один из бедолаг плохо сколол подрубленный край. Развернувшись, я удалилась, не обращая внимания, двинулся следом, или же нет, за мною Ньяхдох.

* * *

Чего бы я желала, будь свободной?

Неприкосновенность и защиту для Дарра.

Смерть, обретшую смысл… чтобы гибель матушки не канула даром.

Изменение… перемен — для мира.

И для себя…

Да, теперь я понимаю. Я избрала руку, в чьей воле будет диктовать мне…

* * *

— Она права, — проговорил Нахья (мы вместе стояли посреди моих комнат). — От меня сейчас мало толку. — Но за любезным, бесстрастно хладнокровным тоном угадывалась горечь.

— Отлично, — сказала я, — так или иначе у меня нет ни малейшего интереса выяснять это. — Подойдя к окну, я замерла у стекла.

За спиной надолго воцарилась тишина, а потом рядом раздались шаги.

— Что-то изменилось. — Неверные отблески света преломляли отражение дневной ипостаси, но и в этом стеклянном изломе я могла, поднатужившись, распознать недоверчивый изгиб бровей, насторожённо прищуренные глаза: падший сомневался. — Ты изменилась. Другая… необычная.

— И что с того? Много воды утекло с нашей последней встречи.

Он тронул меня за плечо. Увидев, что я не сбросила руку, взялся за другое, разворачивая к себе лицом. Мягко. Бережно. Почти нежно. Я не противилась его рукам. Он пристально всмотрелся мне в глаза: разглядывая, изучая, пытаясь прочесть, что кроется за моим спокойствием. Или же, на-

оборот, — принудить, смутить, устрашить.

Увы, вот только, так, *вблизи*, чего-чего, но ни капли устрашающего в нём не оставалось. Усталость глубокими морщинами вспарывала лоб, чертя тёмные тропки от висков к уголкам запавших, измученных глаз; те, воспалённые, обрамлённые складками краснеющих век, смотрелись даже обыденней, заурядней… *приземлённей*, чем прежде. Странно ссутулясь, одно плечо ниже другого, он, запоздало дошло до меня, еле держался на ногах, из последних сил тщась не рухнуть замертво. Пытки Ньяхдоха не прошли бесследно и для дневного его собрата, заставив и того расплачиваться собственным телом.

Должно быть, нахлынувшая жалость отразилась и на лице, ибо Нахья внезапно и резко выпрямился, нахмурив брови.

— Зачем ты притащила меня сюда за собой?

— Сядьте, — сказала я, указывая пальцем на кровать. Попыталась бы вновь развернуться к окну, но пальцы его слабеюще сжались, удерживая за плечи. Будь он в лучшей форме, и мне бы пришлось не сладко. Но теперь я знала правду. Этот Нахья был рабом, шлюхой, девкой для постельных утех, невольный даже над собственным (недолговечным, непостоянным) телом.

Принадлежавшим не ему телом. С той немногой, выкроенной ему силой, что он и мог, так властвовать, править через усилие над своими любовниками. Своими, пользующими его, хозяевами. Мизерное удовольствие.

— Так ты *его* ждёшь? — спросил он недоверчиво. Перекатывая это «его» на языке, лелея, словно драгоценнейшее из сокровищ, обиду, негодование, отдаюшееся в каждом звуке. — Верно?

Дёрнувшись, я с силой отодрала от плеч пальцы, решительно отбросив прочь, подальше от себя.

— На место. Немедленно.

Повинуясь этому недвусмысленному приказу «немедленно», его отбросило, шаг — два — три, и усадило на кровать. Ни на секунду он не спустил свирепо горящих неприкрытой злостью глаз. Я развернулась к окну, предоставив спине сносить этот бурлящий, но бесполезный приступ ненависти.

— Да, — ответила Нахье. — Я жду *его*.

Молчание. Оглушительное. Ошаращенное. ошеломлённое.

— Ты же… втюрилась в него. Тогда ещё — нет, но теперь-то — точно! Скажешь — неправда?

* * *

Ты противишься правде.

* * *

Мне следовало обдумать его слова. Взвесить. Разобрать по косточкам.

— Втюрилась в него, говоришь? — медленно, почти по слогам, проговорила. Каждое слово странно отдавалось под рёбрами, стоило только допустить саму эту мысль; подобно стиху, читанному столь часто, что поневоле выучилось наизусть. — Влюбилась. В него.

* * *

Иные воспоминания поглощают тебя.

* * *

Удивительно было слышать гнездяшийся в голосе Нахьи неподдельный страх.

— Не будь дурой. Сознаешь, сколько раз подряд, я приходил в себя, а рядом валялся покойник? Если в тебе есть сила, сопротивляйся ему! Дерись с ним, как можешь.

— Уже. Ты запоздал с советами. Я и прежде говорила ему — «нет».

— Тогда… — Смущённое замешательство.

Внезапно я прозрела насчёт того, что есть, была и есть его жизнь, его существование: в виде другой личины, нежелательной (нежеланной) — *лишнего* Ньяхдоха. День за днём — игрушкой Арамери. Ночь за ночью — не сон, но забвение; ближе смерти, но глубже беспамятства; как всякий смертный, с выдранным клоком воспоминаний. Ни спокойствия, ни подлинного покоя. А утро за утром — леденящее кровь открытие. Таинственные разверстые раны. Мёртвые любовники. И перемалывающее душу, гнетущее разум осознание: и несть тому конца. Вечная, бесконечная, бессмысленная цепь не-смерти, но и не-жизни. Существования.

— Ты грезишь? — спросила я.

— О чём ты?

— Сны. Видения. Ночью, когда ты… *в нём*. Его. Так что?

Он хмурился долгие-долгие минуты, Ньяхдох, словно пытаясь выискать в моих словах двойное дно. Хитрость, ловушку. Наконец ответил коротко:

— Нет.

— Совсем ничего?

— Разве что… вспышки, иногда. Озарения. — Пара невнятных жестов, взгляд в сторону, подальше от меня. — Воспоминания, может быть. Я не знаю, что есть это.

Я улыбнулась, чувствуя, как в груди внезапно разгорается нежданное тепло. Он походил на меня. Две души, или, по меньшей мере, два «Я», заточённые в одном теле. Может, отсюда Энэфадех и загорелись самой мыслью этой.

— Выглядишь устало, — сказала, — тебе надо немного поспать.

Он нахмурил брови.

— Да нет. Я и ночью порядком отсыпаюсь…

— Засыпай, — скомандовала я, и он, как подкошенный, повалился на бок. (В иных обстоятельствах при виде этой картины я бы посмеялась от души.) Подойдя к кровати, я подхватила Нахью за ноги, перекинув и те на постель, а после, устроив погружённого в сон поудобнее, опустилась рядом, на колени, и, почти касаясь губами уха, приказала отчётливо:

— Приятных снов тебе. — Черты лица неуловимо изменились, смягчившись и сгладивши морщинки, испещрявшие лоб и виски.

С чувством глубокого удовлетворения, я под-

нялась на ноги и вернулась к окну. Ждать. Мне оставалось только ждать.

* * *

Почему я не могу вспомнить, что случилось дальше?

Ты как раз вспоминаешь…

Нет, почему я не помню *сейчас*? Они возвращаются ко мне, воспоминания, покуда я говорю о них, но лишь тогда и только тогда. А всё, что кроме, — пустынная, бездонная бездна. Громадная, зияющая чёрная дыра.

Ты вспоминаешь.

* * *

В тот миг, когда красновато-алый солнечный изгиб потонул за узкой полосой горизонта, комната ощутимо дрогнула, а с нею затрясло и весь дворец. Столь сильно, что у меня даже непроизвольно заклацали зубы. Волны за спиной проносились одна за другой, казалось, стремясь наружу, вон из комнаты; и когда наконец сошли на нет, тьма в комнате сгустилась. Я терпеливо ждала, заговорив, лишь когда волоски на загривке встали дыбом.

— Доброго вечера, лорд Ньяхдох. Вам уже лучше?

Единственное, что пришло в ответ, — низкий, перекатывающийся полувыдох-полухрип. Вечернее небо по-прежнему нависало, испещрённое разномастными полосами солнечного света — ржаво-золотистыми, и багрово-рдяными, и лилейно-фиолетовыми, — мерцающими столь насыщенно, ровно сколы драгоценных камней. Падший всё ещё был не в себе.

Я обернулась. Он ссутулился на кровати. По сию пору обретаясь в невзрачной, человеческой личине; одни только волосы, извиваясь, кружились и реяли вкруг падшего, хотя в комнате господствовало безветрие. Стоило мне осторожно всмотреться в это тёмное мельтешение, и оно как по мановению ока сгустилось, расползлось, всё больше и больше подёрнулось сумраком, — спрядаясь, сплетаясь ночным покровом. Плащом тьмы. Чарующим, и потрясающим в своём великолепии. Падший отворотил лицо от тягучих, медлительных разноцветных лучей и оттого пропустил мгновение, покуда я придвигалась поближе, — пока не застыла у него перед носом. Тогда он и поднял взгляд, отгородясь рукой, словно щитом. *От меня?* Удивлённо вскинув брови,

я улыбнулась.

И весь этот долгий мой взгляд руку его сотрясала крупная дрожь. Я взялась за ладонь, убеждаясь, сколь суха холодная прежде кожа. (Только сейчас я заметила, что та была *коричневой*. Моя работа?) Прикрытые рукой, виднелись глаза, уставясь прямиком на меня, ныне — два сгустка тьмы, немигающие и безмолвные. Бездумные, как у зверя.

Обхватив его за подбородок, всей своей волей повелела ему вернуться к себе, из безумия — к здравому уму. Недоумённо заморгав ресницами, он слегка нахмурился, а после глянул на меня прояснившимися, словно путаница в его голове улеглась, глазаии. Напрягшаяся в руке ладонь стала прежней, прохладной.

Как только я убедилась, что всё в порядке, то высвободила его пальцы. Расстегнув ворот блузы, сдёрнула с плеч, сбрасывая комком на пол. Расщёлкнув застёжками юбки, стянула, вместе с бельём, и смахнула туда же, вниз. Нагая, я ждала, предлагая, нет, *принося* в жертву всё, что у меня оставалось.

24. Если я попрошу…

И тогда… тогда…

Ты помнишь.

Нет. Нет, я не могу, никогда.

Отчего ты боишься?

Я не знаю.

Он причинил тебе боль?

Я не помню!

Так сделай это. Думай, дитя. Ты сильнее этого, я создала тебя такой. Звуки? Ароматы? Каковы они на вкус? Как ты их ощущаешь? Чему подобны воспоминания?

Как… словно лето.

Да, верно. Вот они — душные, парящие, влажные от росы и перегноя, долгие летние ночи. Знаешь ли ты… Земля поглощает всё дневное тепло — и возвращает назад, сумрачными ночными часами. Всю ту энергию, что попросту парит, пропитывая воздух, ожидая, чтобы пригодиться. Пятнами взвеси оседая на коже. Открой рот и она совьётся на языке.

Я помню. *О боги, я вспомнила.*

Я так и знала. Знала, что ты вспомнишь.

* * *

Тени по углам, казалось, сгустились ещё сильнее, когда Ньяхдох поднялся с кровати. Он навис надо мной тёмным пятном, и в этой клубящейся завеси, в этой темени я поначалу не могла различить даже его глаз.

— Зачем? — спросил он.

— Я так и не дождалась ответа.

— Ответа?

— Сможешь ли ты убить меня? Убьёшь, или нет, если я попрошу?

Что толку притворяться, что колени мои не подрагивали от страха? Что тот не копошился — в колотящемся до одури сердце, в сбившемся, учащённом дыхании? *Эссуй,* сладостное предчувствие угрозы; *эссуй*, предкушающий трепет каждой клеточки тела. Но потом он потянулся, медленно, неторопливо (так что тысячи возможных картин промелькнули, терзая меня, в воспалённом воображении), — и кончики пальцев цепко ухватились за мою руку, притягивая ближе. Одно лишь касание, и весь страх мой обратился нечто иным. Другим. Боги… *Богиня*.

Ослепительная вспышка белизны вспугнула вязкую черноту. Устрашающий оскал белоснеж-

ных резцов. О да, жест, бывший далеко за гранью того, что именуют *угрозой*.

— Верно, — сказал он. — Попроси вы, и я убью вас.

— Вот так просто?

— Не имея власти над собственной жизнью, вы, на худой конец, стремитесь удержать хотя бы право выбора на смерть. Мне… знакомо это. — Столь много недосказанной сути крылось за сплетением тщательно подобранных слов. И за последующей паузой. Меня вдруг как осенило: Владыка Ночи… а не жаждал ли он сам смерти?

— Не думаю, что в ваших планах рассчитывать на мою добрую волю и право выбора. Тем паче насчёт как, когда и зачем мне умирать.

— Верно, маленькая сладкая пешка. — Я кое-как пыталась сосредоточиться на его словах, покуда рука падшего мягко продолжала странствовать вдоль кожи. Немилосердный, а главное, бесполезный труд — с моей стороны. Я была лишь человеком. Смертной. — Это в порядках Итемпаса брать силой, подчиняя, властвуя и навязывая свою волю другим. Я же обыкновенно предпочитал *добровольные* жертвы.

Теперь кончик пальца скользил по ключице, вырисовывая странные узоры. Я едва не отшат-

нулась прочь, чуть не теряя остатки разума от невыносимого блаженства. Прочь — но не от зрелища хищно обнажившихся резцов. В одиночку никому не сбежать от охотящего зверя.

— Я… я знала, что вы собирались ответить согласием. — Голос податливо дрогнул, срываясь невразумительным лепетом. Я путалась в словах. — Не знаю *как*, но — знала… знала… — *Что была для тебя нечто большим, чем простая пешка.* Но последнее — шёпотом, про себя, не смея… не дерзая облечь словом.

— Мой долг — быть тем, что я есть, — произнёс он так, как если бы слова теперь имели смысл. — Ныне. Вы *просите*?

Я облизнула губы, алчущие, жадные, жаждущие.

— Нет, не смерти. Но… вас. Да, я спрашиваю вас. Прошу вас. *Самого* — и всего.

— И просьба эта значит — смерть. Смерть — *иметь* меня. — Последнее предупреждение, в то время, как тыльная сторона ладони, поглаживая, скользила по абрису груди. Пальцы стиснули вставший торчком тугой сосок, — а я, беспомощная, лишь со стоном хватала ртом воздух. Крылья тьмы, обнимающие комнату, дрогнули, смыкаясь, смежаясь, — темнее чёрного.

Одна-единственная мысль натужно пробивалась на свет, вопреки желанию. Слабый отголосок того, что ввергло меня в это безумие, ибо, не смотря на всё, я не страдала тягой к бесмысленному самоубийству. Я хотела жить — и сжигать жалкие ошмётки оставленной мне *не-до-жизни*. И в то же время — ненавидела Арамери, как бы ни желая понять (принять?) их; желала предотвратить грядущий вал Войны Богов, как бы ни надеясь вернуть свободу Энэфадех. Я жаждала столь многого, противоречивого, невместного, — невозможного, неможного, недолжного… вместе. Но я упёрто хотела всего и сразу. И невозбранно. Возможно, я заразилась от Сиеха ребяческой верой в чудеса.

— После всех взятых вами смертных любовников, — сказала я. Голосом хрипче, чем следовало бы. Он клонился ближе, и ближе, жадно втягивая воздух, словно чуя мои колебания. — После этих, заявленных вами, дюжин смертных душ, — и сказок, что слагались ими, несомненно *выжившими*, ибо мёртвые молчат.

— Но до столетий ненависти, смертной ненависти, сотворившей из меня чудовище, — сказал Владыка Ночи, и грусть переполняла голос. На один-единственный короткий миг. Теми словами

я сама убеждала его прежде; но до странности несправедливым казалось слышать их самой. От него же. — До разлома, до того, как брат мой предательски изъял все те чувства — нежность, мягкость, отзывчивость, — что прежде питали мою душу.

И страх, витавший в сердце, угас. Вот так, просто, отмер.

— Нет, — сказала я.

Рука замерла. Протянув свою, я переплела крепко-накрепко наши пальцы.

— Твои чувства никуда не делись, Ньяхдох. Я ощутила их. Я вкусила их. — И медленно потянула — ближе, ближе, ближе, — поднося к губам. Судорожно подёргивающиеся, словно от изумления, пальцы. — Ты прав насчёт меня; если мне надлежит умереть, то я рассчитываю собственноручно обставить условия своей смерти. На свете есть видимо-невидимо вещей, что мне никогда уже не осуществить… но *кое-что* покуда подвластно. Вы… ты. — Я коснулась поцелуем дрожащих пальцев. — Докажите мне мою правоту… покажите всего себя снова, свои чувства, свою нежность, Владыка Ночи? Прошу тебя?

Краем глаза я засекла смутное движение. Смещение. Стоило развернуть, подняв, голову, и в

глаза бросилось изменение. Перемена. Тягучие тёмные волокна, нити, вились, беспорядочно сплетаясь и расплетаясь, черня, вытравливая чёрные тропы и борозды вдоль стен, окон и пола. Вытекая, сочась из-под ступней Ньяхдоха, растекаясь повсюду, перехлёстываясь плетьми словно сети, бесконечные тенета из тьмы. Мельком виделись, выделясь, за их пределами, странные брожения, сгустки воздуха; то ли наплывы промозглого тумана, то ли ворочающиеся пропасти бездонных воронок. Падший испустил низкий, шелестящий вздох; и крохи его дыхания обвились вкруг моего языка.

— Мне нужно слишком многое, — прошептал он. — Столь полно времени кануло с той поры, как я делился с кем-то частью себя, Йин. Я голоден… я *всегда* голоден. И мой голод пожирает меня самого. Но Итемпас предал меня, а ты — не Энэфа, и я… мне… страшно.

Слёзы застилали мне глаза, болезненно жаля веки. Резко потянувшись вверх, я обхватила лицо падшего, с силой притягивая к себе. Прохладные губы на сей раз солоновато отдавались на вкус. Думаю, я уловила его трепет.

— Я дам тебе всё, что в моих силах, — сказала, когда мы расцепили объятье.

Тяжело дыша, он прижался лбом к моему, сдавливая до боли кожу.

— Слова… ты должна выразиться словами. Я постараюсь быть… прежним, я правда, буду стараться, но… — Он издал отчаянный, тихий стон. — Слова! Скажи их!

Я сомкнула ресницы. *Сколь много моих безвестных арамерийских предков, произнеся их, расписывались в собственной смерти?* — Я улыбнулась сквозь слёзы. Присоединись я к их бесчисленной веренице, и смерть моя сказалась бы как нельзя приличествующей Дарре, чья кровь текла в моих жилах.

— Делай со мной всё, что пожелаешь, Владыка Ночи, — прошептала еле слышно.

Меня обхватили.

Не говорю «руки» и «его», ибо их было великое множество: сжавших плечи, сковавших бёдра, запутавшихся в волосах. Даже свернувшись вкруг лодыжки. Комната почти целиком погрязла во тьме. Единственное, что я могла ещё видеть — бледный квадрат окна, и угасающее за ним небо, почти покинутое последними лучами света, опустившегося в горизонт багрового солнца. Звёзды кружились в глазах сверкающими прядями, как если бы меня вертело туда-сюда, вверх-вниз,

покуда я наконец спиной не почувствовала под собой твердь кровати.

А после мы утоляли свой голод, насыщаясь друг другом. Касание за касанием, чувствуя его пальцы там, где желание тлело сильнее прочего; открытие за открытием, он утолял мое неведение, предугадывая мысль за мыслью. Предугадывая, проявляясь, подставляясь — каждый раз отставая на миг от моих жаждущих рук. Я обнимала пустоту — и она обращалась гладью перевитой мышцами руки. Сгибала ногу вкруг воздуха — и ничто претворялось плотью упругого, сильного, живого бедра. И так я лепила его, творила сообразно обличью из моих фантазий; и так он избирал быть подчинённым чужой руке, и воле, и образу. Когда тёплая мощная тяжесть толкнулась внутрь меня… не знаю, был ли то мужской пенис, или нечто совсем иное, фаллос, коим могли обладать одни лишь боги. Подозреваю, вернее из двух — последнее, ибо смертная плоть не могла с такой силой полнить женское тело, как он овладевал моим. И суть была вовсе не в размере. И когда на сей раз он наконец высвободил меня, я выпросталась с пронзительным криком.

— Йин… — Сквозь пелену разгорячённого тела, туманное марево, стоящее перед глазами, я

сознавала немногое. Облака, стремительно несущиеся меж звёздных искр. Чёрнеющие плети, тёмной паутиной оплетающие потолок, ширясь и клубясь, и углубляясь, и сливаясь в одну исполинскую зияющую мраком бездну. Настойчиво растущую амплитуду толчков, в бесконечной чехарде движений Ньяхдоха. И боль, бороздящую тело, — ибо и это было моим желанием. — Йин, откройся мне.

Даже не представляю, о чём он… на мысли меня уже не хватало. Но волосы внезапно сжало цепкой хваткой, под бёдра скользнула сильная рука, хлёстко притягивая ближе, пристраивая потесней — и вновь посылая меня очередным круговоротом спирали.

— Йин!

Столь безграничная нужда тлела в нём. Столь невообразимые раны — две из них, обнажённые, кровоточащие и незаживающие, по числу двух потерянных возлюбленных. Чересчур глубоких для одной юной смертной, коей невмочь было утолять их вечно.

Но даже в этом безумном экстазе… я пыталась. Раз за разом. И не могла; будучи всего лишь человеком. Но в ту секунду я, устремляясь навстречу, жаждала быть большим, исходить большим,

давать большее, ибо я любила его.

Я любила его.

Ньяхдох резко изогнулся, ввысь, прочь от меня. В последней вспышке звёздного света глаза уловили мельком проблеск безупречного гладкого, совершенного тела, натянутого как струна извивами упругих мышц, глянцевито лоснящегося от струек пота, скатывающихся каплями вниз, туда, где наши тела сливались воедино. Пряди волос отлетели назад, отброшенные за изгиб спины. Провалы глаз крылись за судорожно сжатыми веками, разверзшийся криком рот перекашивал лицо, стянутое той восхитительной маской заведомо подступившей к самому краю агонии-возбуждения-ярости-боли-наслаждения, что стынет в миг готовящегося прорваться разрядкой удара.

Чёрные плети взметнулись в перехлёсте — заключая нас в объятия небытия.

И мы пали.

…нет, нет, *полетели*, не книзу, но ввысь, во тьму. Во тьму, испещрённой прожилками, тончайшими беспорядочно мельтешащими нитями — белоснежными, и золотистыми, и алыми, и цвета ярчайшей синевы. Я потянулась, в попытке ухватить эту мерцающую чару и потянуть к себе,

но что-то вдруг обожгло кончики пальцев. Всмотревшись, я обнаружила их увлажнившимися от мерцающих крупиц чего-то, что сочились, сучились крошечными пылинками энергии, плывущими по орбите. А потом Ньяхдох разразился воплем, а тело его — содрогнулось, и нас *вознесло*…

…минуя бесконечные скопления звёзд, минуя бесчисленные миры — через слоистую пелену света и раскалённые добела гряды облаков. Неслись вверх и вверх, и быстрота наша была невероятной, а размах наш, и размер, и предел — непостижим. Оставив далеко позади светлые чертоги, возносились всё дальше и дальше, рассекая нечто более странное, более невообразимое, чем просто — миры. Геометрические формы, скрученные, спутанные и горячащиеся. Белоснежный ландшафт из закостеневших, застывших льдом вспышек и взрывов. Трепетавшие грозди плетей — *умысла!* — рвущихся в погоню за нами. Живые громадины наподобие левеиафанов, исполненные ужасающих душу очей и лиц давно утерянных друзей.

Я сомкнула глаза. Мне *пришлось* их сомкнуть. Тем не менее картины никуда не девались, продолжая и длясь, ибо в *этом* месте я не имела век,

дабы прикрыть глаза. Безмерная, я витала в небытии, и продолжала расти и шириться. Миллион стоп, два — дланей… Я и вовсе уже не знала, чем обернулась в этом странном месте, куда Ньяхдох увлёк меня, ибо вещи, царящие здесь, ни единой смертной душе ни сотворить, не быть и не уразуметь, а я объемлила все их разом.

Нечто давное знакомое, изведанное: тьма, коя явлась квинтэссенцией самой сущности Ньяхдоха. Она осаждала, окружала, теснила меня, покуда весь выбор не сошёлся в одном — сдавшись, уступить ей. Что-то бурлило внутри меня — здравость? разумность? самость? — удлиняясь, взрастая, смыкаясь натянутой до такого предела струной, что мерещилось: одно лишь касание, — и им конец. Обрыв. Слом. Да, то был неизбежный конец всему. Но всякий страх, казалось, оставил меня, даже тогда, когда слуха коснулся первый звук: колоссальный, неслыханный, ужасающий рёв. Что я могу сказать? описать? изобразить? — кроме того, что рёв этот зародился в глубинах голоса Ньяхдоха, когда он вновь разразился ором. Потом я дозналась, что его исступлённый экстаз вынес нас за пределы вселенной, и мы подступили к самому Маальстрему, прародине богов. И одно это способно было разодрать меня в клочья.

А потом, когда рёв взмыл особенно убийственной нотой, что я поняла — более мне не снести, не выдержать, — мы застыли. Зависли, паря недвижимо, сдерживаемые на месте.

А после вновь понеслись, уже вниз, падая сквозь невнятно копошащиеся неведанные странности, и дробящийся мрак, и слоящуюся тьму, и вихри света, и свистопляску небесных тел — вкруг одного, особенно прекрасного, зеленовато-синего шарика. И неслись, неслись, покуда не грянула новая волна рёва и покуда мы, рушась вниз, не прочертили собою воздух, прокладывая путь сгустком раскалённого добела пламени. И что-то пылающее бледным огнём не вздёрнулось на дыбы, из ничтожного враз обратившись громадой, и всеми шипами, шпилями, остриями, и белокаменным массивом, и предательской изменой… — *Небеса, то были Небеса,* — не поглотило нас целиком.

Думаю, я завизжала вновь, обнажённая, с кожей, дымящейся от пара, — и врезалась что есть маху о собственную постель. Ударная волна, вмявшая меня в простыни, вихрем пронеслась по комнате, сметая всё на своём пути; с таким грохотанием, словно сам Маальстрем обрушился на землю. И более я не знала ничего.

25. Шанс

Ему стоило убить меня той ночью. Так было бы проще всего. Легче лёгкого.

Как себялюбиво с твоей стороны.

Что?

Он отдал тебе своё тело. Дал удовольствие, с коим не в силах сравниться ни единый смертный любовник. Сражался с собственной природой, чтобы удержать в тебе искру жизни; а теперь ты не желаешь его тревог.

Я не имела ввиду…

Ну да, так оно и есть. Ох, дитя… Думаешь, ты любишь его? Думаешь, что достойна его любви?

Я не могу говорить за него. Но способна разобраться в собственных чувствах.

Не будь…

И пока что неплохо владею слухом. Ревность вам не к лицу.

Что?

Оттого вы и взъярились так на меня, верно? Уподобившись Итемпасу, скупясь делиться…

Замолкни!

…но этого никто и не требует. Разве ты не ви-

дишь? Его любовь к тебе не стихала ни на секунду. И никогда не затухнет. Ему никогда не вырваться из-под вашей с Итемпасом власти, покуда его сердце принадлежит вам обоим, трепыхаясь в ваших руках.

…Да, истинно так. Но я — мертва, а Итемпас — безумен.

А я — умираю. Несчастный Ньяхдох.

Несчастный Ньяхдох, и несчастные мы все.

* * *

Я пробуждалась медленно, поначалу осознавая лишь тепло и покой. Солнечные зайчики барахтались по щеке, алыми бликами проникая под зажмуренные веки. Поясницу потирала обнимающая полукружием рука.

Поначалу, стоило открыть глаза, и всё вокруг расплывалось. Сплошным белесым, подрагивающим маревом. Маревом, мимолётно всколыхнувшим воспоминания о чём-то ином, но схожим — *айсберги вмёрзших в лёд взрывов* — расплывающиеся в сознании, словно утекающие сквозь пальцы, всё глубже и глубже, куда-то в недосягаемую даль. Какой-то ещё один крошечный миг сознание зависло, замешкалось, оттягивая неизбежное: я была смертной, чей разум не был

готов вмещать это… *постижение*. Даже когда оно улетучилось, и я вновь вернулась в себя. К себе, одетой в махровый халат. К себе, усаженной на чьи-то колени. Помрачнев, я слегка приподняла голову.

Дневная личина Ньяхдоха, видневшаяся из-за плеча, пристально всматривалась в меня — чересчур откровенным, чересчур *человеческим* взглядом.

Не долго думая, я полускатилась-полусвалилась с падшего, взгромоздясь на покачивающихся из стороны в сторону ногах. Он поднялся с кровати одновременно со мной; а я, замерев, глазела на него, спокойно стоящего рядом, — напряжённость, протянувшаяся между нами, потихоньку начала спадать.

И рухнула окончательно, когда он обернулся к небольшой ночному столику, на котором поблёскивал начищенным серебром чайный сервиз. Налил ароматную жидкость (и мелодичные звуки льющейся воды заставили меня, оступившись, передёрнуться, не знаю уж почему) и в молчаливом предложении протянул вперёд наполненную чашку.

И нагая, я стояла пред ним, ожидая, предлагая…

Пропащая, как рыба в пруду.

— Как вы? — спросил он. Я вздрогнула ещё раз, опять же, не уверенная, что разбираю смысл сказанных мне слов. Как я себя чувствую? Тёплой. Невредимой. Чистой. Я задрала голову, поднимая руку, и, морща нос, принюхалась к запястью; кожа пахла мылом.

— Я искупал вас. Надеюсь, вы простите мне эту вольность. — Сказано было пугающе мягким, преувеличенно низким голосом, словно говорили не со мной, а с какой-то норовистой, пугливой кобылой. Днём прежде облик его резко отличался от нынешнего — хотя б и здоровый по виду, но всё же определённо смахивающий на моих даррийских сородичей, с коричневато-тёмной, смуглой кожей. — Вас, так глубоко провалившуюся в сон, было и тараном не разбудить. Халат я обнаружил в стенном шкафу.

А я и не знала, что здесь имеется эта махровая балахонина. С опозданием, но до меня наконец дошло, что падший по-прежнему продолжает держать в руке чашку с чаем. Я согласно приняла её, больше из учтивости, чем из сколько-нибудь подлинного интереса. А отпив, прихлёбывая мелкими глотками, была непритворно удивлена, ощутив в тепловатой водице прохладный,

освежающий привкус мяты и щедро добавленную смесь успокаивающих трав. Во мне невесть откуда проснулась иссушающая жажда; и я с жадностью прикончила-таки напиток. Нахья, видя это, безмолвно предложил больше воды, на сей раз протягивая заварочный чайник, полнёхонький до краёв; и я позволила ему самому добавить чая в кружку.

— Вы и в самом деле удивительны, — пробормотал он, покуда я поглощала питьё. Гудение голоса отвлекало. Он так и продолжал поедать меня взглядом, а это… докучало. Отвернувшись, я прикрылась от назойливого взгляда спиной и позволила себе и дальше смаковать каждый глоток живительного чая.

— Когда я очнулся, вы лежали рядом, чудовищно грязная и прям-таки ледяная на ощупь. Вся, с ног до головы, покрытая сплошным мерзким слоем чего-то… наверное, сажи или копоти. Я понадеялся, что горячая ванна согреет тело, и она, правда, помогла. Да и это тоже. — Он резко мотнул головой в сторону кресла, где я, очнувшись, обнаружила нас сидящими. — Больше уж негде было, так что…

— Кровать, — сказала хрипло, снова невольно вздрогнув. Голос сипел, горло воспалилось и ны-

ло, словно одна здоровенная ссадина. Или ожог. Мята действительно помогла, смягчая боль.

На мгновение Нахья замер, язвительно кривя губы, — лёгкий намек на себя привычного, бесцеремонного, бессердечного и жестокого.

— С постелью теперь придётся распрощаться.

Озадченная, я глянула мимо него, и у меня перехватило дыхание. От кровати остались одни воспоминания: разваленное ложе, просевшее в сборную раму на искорёженных ножках. А от матраца — сплошь рваная рухлядь, словно ткань сначала вспороли мечом, а после раздербанили и напоследок хорошенько подпалили. Высвободившийся гусиный пух облеплял всё и вся, обугленные клочки материи валялись то тут, то там по комнате.

Да если б только кровать… Одно из огромных застеклённых окон снизу доверху было испещрено паутиной больших и малых трещин; и пока что только чудом не раскололось вдребезги. Также дела обстояли и с прикроватным трюмо. Один из книжных стеллажей был опрокинут на пол; разрозненное, но на вид непострадавшее содержимое расшвыряло по всей комнате. (С громадным облегчением я заметила и отцовский томик, целёхонький и невредимый.) В отличие

от его собрата, разломанного и полусгоревшего, а с ним — и большинство бывших внутри книг.

Нахья вынул опустелую чашку из моих враз ослабелых рук прежде, чем я, разжав пальцы, успела её выронить.

— Вам не обойтись без кого-нибудь из ваших дружков энэфиного племени, чтобы поправить здесь всё и прибраться. Этим утром я пока что придержал сбежавшихся слуг, но моего трюка надолго не хватит.

— Я… я не… — Я беспомощно покачала головой. Слишком многое из произошедшего в памяти моей сказывалось призрачной, не столько реальной, сколь потусторонней сказкой. Видением. Перед глазами всколыхнулась картинка стремительного падения. Не пробившего потолок. В отличие от кровати.

Нахья сопровождал молчанием каждый мой шаг, беспорядочное блуждание, туда-сюда, по комнате, хруст стекла под туфлями и треск распещепившихся деревянных обломков. А когда я подобрала с пола осколок стекла, он наконец проговорил негромко:

— Не так уж вы и схожи с той библиотечной фреской, как мне впервой померещилось.

Меня разом развернуло к нему лицом. Падший

послал слабую улыбку. А я-то считала его просто человеком, смертным, но нет… Он, просуществовавший, и более чем странно, долгие столетий, знал чересчур много для «простого смертного». Похоже, куда более походя сутью своей на демонов прошлого, истаявших в веках, наполовину смертный, но на другую… нечто иное.

— Как давно вам известно?.. — задалась я вопросом.

— С первой нашей встречи, — снисходительно пояснил он, чуть изогнув губы. — Ну, если *тот раз* допустимо именовать «вс-тре-чей», — добавил насмешливо.

Остановившись, уставился на меня; и взгляд его был точь-в-точь, как тот, коим он одарил меня тем первым вечером на Небесах. Основательно подзабытым, в тогдашнем водовороте страха. И потом, позже, в палатах Скаймины…

— А вы неплохо играете, нося маски, как завзятый актёр.

— Обстоятельства располагают. — Улыбка торопливо сбежала с его лица. — Но даже тогда я был не вполне уверен. Покуда не проснулся и не обнаружил вокруг всё это. — Он обвёл рукой полуразрушенную, опустошённую спальню. — И вас близь себя, живую и здравую.

Последнего я и сама не ожидала. Но раз уж так, теперь предстояло разобраться с… последствиями.

— Я — не она, — сказала утвердительно.

— Не она. Но, бьюсь об заклад, что частица её или, наоборот, она — вас. Поверьте, коё в чём таком я разбираюсь, и неплохо. — Он пробежался рукой по волосам, от лба к виску, пропуская сквозь пальцы непокорные чёрные пряди. Было более чем ясно, *что* крылось за этим лёгким жестом: обычные тёмные пряди, а не клубящиеся тьмой завитки и извивы его божественного «Я».

— Почему вы не разболтали прочим, раз догадались?

— Думаете, я из таких?

— Да.

Он хохотнул, коротко, словно добавив в голос холодного металла.

— Хорошо же вы разобрались со мной.

— Вы сделали бы всё что угодно, лишь бы облегчить свою участь.

— Ах-ха, да вы и *вправду* изучили меня всего, с головы до ног. — Он плюхнулся в кресло — единственное, что вокруг оставалось нетронутым, — перебросив колено поверх руки. — Но коль вам, леди, известно столь многое, отчего ж

вы не в состоянии догадаться, почему я никогда не поведал бы Арамери о вашей… *исключительности*.

Опустив осколок обратно, я подошла к нему.

— Объяснись, — приказала, ибо жалость моя к нему не имела ничего общего со словом «нравиться».

Он покачал головой, словно бы упрекая меня в нетерпении.

— Я бы тоже не против заиметь свободу.

Я нахмурилась.

— Но если Владыка Ночи когда-нибудь наконец обретёт волю…

Что станется со смертною душою, погребённой в божественном теле? Обречён ли он будет забыться и никогда боле не пробуждаться? Или частица его, загнанная в ловушку, запертая в чуждом разуме, будет и дале осознавать себя? Или же попросту прекратит существовать?

Он кивнул, и передо мной как наяву пронеслись все те мысли, раздумия и более того, всё что тянулось с ним эти долгие-долгие столетия.

— Если дню этому суждено некогда сбыться, *он* обещал уничтожить меня.

И *этот* Нахья с радостью приветствовал бы долгожданный день своей погибели, отдалось

холодком у меня в груди. Может статься, он и прежде неоднократно пытался покончить с собой, — лишь чтобы воскреснуть следующим утром, схваченный магическим силком, предназначенным мучить и мучить свергнутого бога.

Ну что ж, коль всё пройдёт в соответствии с планами, он уже скоро обретёт свою… *свободу*.

Встав, я подошла к единственному уцелевшему окну. Высоко в небе пылал яркий обруч послеполуденного солнца. Последний день моей жизни подсократился вполовину. Стоило только задаться мыслью, на чтобы потратить оставшиеся драгоценные минуты, как я ощутила, что в комнате объявился кто-то ещё, и обернулась через плечо. Сиех стоял посреди искорёженных завалов, и взгляд его перебегал с обломков кровати на меня, с меня на Нахью, и обратно, по кругу.

— А ты неплохо выглядишь, после всего-то, — проговорила довольным тоном. Готлинг вновь выглядел подобающе юным; с пятнистой коленкой, испачканной в траве. Впрочем, в сосредоточенном взгляде его, направленном на Нахью, не было ни капли от невинного ребёнка. Вертикальные щели зрачков щурились как у люто взбешённого зверя — на сей раз мгновенное изменение протекало на глазах — и я знала, что

не могу ни вмешаться. Я подступила к Сиеху, умышленно заступая дорогу и открывая объятием ладони, словно подзывая мальчика к себе.

Он ответно обхватил мои руки своими, почти ласковым, нежным жестом, — но лишь для того чтобы, аккуратно подхватив, передвинуть меня к себе за спину, — а пссле развернулся лицом к лицу к Нахье.

— Ты как, жива, Йин? — тревожно вопросил, опускаясь на корточки, нет, *припадая* к полу. Движением не бойца, но дикого зверя, взведённой пружиной сжимающегося перед прыжком. Нахья безмолвно вернул ему холодный взгляд.

Я успокаивающе положила ладонь на плечо Сиеха, напряжённое, тугое, как плотно скрученный моток проволоки.

— Да всё же обошлось, не тревожься так.

— Стоящий перед тобой опасен, Йин. Мы не доверяем ему.

— А вот и мой очаровашка Сиех, — проскрежетал Нахья, вновь добавляя в голос металлические нотки. Разводя руки ядовитой пародией на мой надавний жест. — Мне так тебя не доставало. Ну же, ближе, мой мальчик, ближе, одари папочку надлежащим поцелуем.

Сиех по-кошачьи зашипел; и мне выдалась

лишь пара секунд усомниться, а есть ли хоть крошечный шанс, что я смогу, во имя бесконечных адовых топей, удержать его. Даже если очень-очень захочу. А потом Нахья засмеялся и откинулся назад, на спинку кресла. Разумеется, уж он-то не мог ни знать, сколько глубоко можно без опаски вгонять злобные шпильки.

По виду Сиеха всё ещё можно было сказать, что ничего хорошего от него ждать Нахья не пришлось бы; а мне самой, тем временем, пришла в голову идея отвлечь его внимание, переключив на себя.

— Сиех. — Как бы не так. Даже головы не повернул. — *Сиех.* Прошлой ночью я была с твоим отцом.

Он качнулся, оборачиваясь и вперяясь в меня глазами, испуганными столь сильно, что зрачки почти мгновенно изменили форму на привычную, человеческую. Нахья прямо за ним тихо фыркнул от смеха.

— Да быть того не может, — прошептал Сиех. — Ты бы не смогла… Века прошли с тех пор, как… — Подавившись словами, он медленно потянулся ко мне, ближе и ближе. Раздувая ноздри и чуть-чуть подёргивая носом, словно охотничья собака. Обнюхивая меня, раз, второй… — Во имя

небес и земли, ты и вправду *была* с ним.

Смущённо и настороженно, я и сама исподтишка потянула в себя воздух, зарывшись носом в воротник халата. Тайно надеясь, что этот запах, или нечто иное, того рода, что под силу учуять одним богам. Или полубогам.

— Да, так и есть.

— Но он… что надо было… — Сиех резко мотнул головой. — Йин, ох, Йин, можешь ли ты себе даже представить, *что* это значит?

— Что ваш маленький эксперимент сработал куда лучше, чем задумывалось, — просветил нас Нахья. В тенях, копящихся возле кресла, глаза его чуть посвёркивали. напоминая чем-то мимолётным другую его сущность. — Может, тебе и самому дать ей попробовать, а, Сиех? Должно быть, ты порядком подустал от этого извращённого старикашки?

Сиех резко выпрямился, натягиваясь всем телом, словно струна, и сжимая в кулаки руки. Я аж подивилась, что он так запросто поддался какой-то там ничтожной насмешке — но, как знать, не впивалась ли она острым жалом в слабое место юного готлинга? Он сам воздвигнул себе пределом дни отрочества и детства, вынужденный действовать сообразно правам — и обязанностям

— своей сути; отчего бы одному из этих неписанных законов не гласить, что *ни одно дитя не выносит издёвок и угроз, мигом обнаруживая весь свой недетский нрав?*

Дотронувшись до Сиеха и приподняв за подбородок, я заставила его повернуться туда-сюда, влево-вправо, волей-неволей оглядываясь вокруг.

— Комната, видишь? Не мог бы ты?..

— Ох, ну конечно. — Демонстративно повернувшись спиной к Нахье, он изучил глазами беспорядочно усеянную обломками комнату и что-то быстро-быстро пробормотал на своём диковинном наречии — нараспев, одной высокой, пронзительной нотой. И внезапно всё вокруг восстановилось на местах, сделавшись каким-то чудом (магией!) как прежде.

— Ловко, — протянула я с удивлением в голосе.

— Никто лучше меня не подчищает беспорядки, — отозвался тот, сверкнув мне быстрой, как вспышка, улыбкой.

Меж тем Нахья, встав, подошёл к одной из восстановившихся как по мановению руки, книжных полок, и стал там что-то деловито проглядывать, усердно не обращая на нас с Сиехом ровным счётом никакого внимания. Голову внезапно осенило запоздалой мыслью: а ведь он

казался совсем иным, до появления Сиеха, — заботливым, внимательным, почтительным, почти добросердечным, и более того… ласковым. Я было приоткрыла рот, разразиться благодарностью ему за всё, но потом однакож передумала. Сиех старательно скрывал от меня эту свою сторону, но я замечала, не раз и не два, молниеносные вспышки лютой безжалостности. Следы, застарелые следы, писанные дурной кровью, восставали меж ними двумя — того рода, что нередко бывают как пристрастны, так и несправедливы. И замарывают обоюно.

— Идём куда-нибудь подальше отсюда, переговорить наедине. У меня есть для тебя послание. — Выводя из воображаемого забытья, Сиех подёргал меня за рукав, настойчиво таща за собой к ближайшей стене. Просочась внутрь, мы оказались в пределах очередного мёртвого межстенья.

Пройдя несколько отсёков, Сиех, испустив вздох, открыл было рот, потом снова сжал челюсти и, наконец решившись, заговорил:

— Послание вручено мне лично Реладом. Он хочет увидеться с тобой.

— Релад? Ему-то с чего?

— Откуда мне знать? Но я не думаю, что тебе стоит туда идти.

Я хмуро сдвинула брови.

— И отчего, скажи на милость?

— Подумай сама, Йин. Ты — не единственная, кому завтра придётся заглянуть в лицо осбственной смерти. Стоит тебе утвердить Скаймину наследником, и первое, что она проделает, так это отправит к предкам своего младшего братца; и ему прекрасно известен ход её мыслей. А что если он решит, что твоя смерть от его руки — теперь, перед самой церемонией, — лучший способ заработать себе парочку лишних дней жизни? Разумеется, то будет тщетный жест отчания; как будто Декарта не в курсе, что за заварушка закрутилась близь Дарра? Он просто пропихнёт в назначеные жертвы ещё кого-нибудь, и прикажет этому несчастному избрать Скаймину. Но обезумевшие, доведённые до отчаяния мало когда способны мыслить разумно.

Рассуждения Сиеха имели некоторый смысл — но чего-то в этой мозаике не доставало.

— Релад приказал тебе доставить мне это послание?

— Нет, *попросил*. Он просил *увидеться* с тобою. Дословно говоря: «Если тебе доведётся увидеть её, напомни ей, что я — не моя сестра; я никогда не чинил ей и малейшего вреда. Я знаю, *тебя* она

послушает». — Сиех глянул сердито. — *Напомни ей…* лишь это было непосредственным приказом. Он знает, *как* стоит разговаривать с нами. Он умышленно оставил право выбора за мною.

Я приостановила шаг. Сиех по инерции замер, пробежав чуть вперёд, прежде чем заметить мою замершую неподвижно фигуру, и недоумённо поворотился назад.

— И почему ты вообще решился тогда переговорить со мною? Мог ведь оставить его слова и при себе? — спросила я.

Тень смутной тревоги пронеслась по лицу; он опустил глаза.

— И правда, должен был смолчать, — произнёс он медленно. — Кирью никогда не допустила бы иного, стань ей о том известно. Но раз Кирью не в курсе… — Слабая улыбка проявилась на губах. — Ну, это, конечно, *может* повредить и ей, и её планам, но мы пока что просто будем надеяться, что всё обойдётся без жертв. И мои дурные предчувствия не сбудутся.

Я, словно намекая на своё ожидание, скрестила руки на груди. Сиех по-прежнему увиливал от ответа, и прекрасно знал это сам.

Раздражение, смешанное с беспокойством, — вот чем отдавал его взгляд.

— Ты больше не предмет для забав, не игрушка.

— СИЕХ.

— Ну ладно, ладно. — Сунув руки в карманы, он небрежно повёл плечами, всем своим видом демонстрируя беспечность; но голос был вполне серьёзен.

— Мы же стукнули по рукам, ты согласилась нам помочь, что ещё? Став нашим союзником, а не покорным орудием. Кирью несправедлива; мы не вправе таиться от тебя.

Я кивнула.

— Спасибо и на том.

— Благодари меня за то, что я и словом не обмолвился Кирью. Или Ньяхдоху с Закхарн, раз уж ты решилась идти. — Помолчав недолго, он вдруг расцвёл неожиданно весёлой улыбкой; в глазах у него запрыгали чёртики, будто бы он только что настроился на очередное развлечение. — Хотя, похоже на то, что у вас с Ньяхдохом имеются общие секреты.

Мои щёки вспыхнули алым.

— То было моё и только моё решение, — выпалила поспешно, припёртая к стенке и вынужданная отвечать. Как глупо. — Я застала его врасплох и…

— Йин, прошу тебя… Ты же не хочешь сказать, что вовсе не пробовала, а наоборот, решила воспользоваться подвернувшимся шансом или что-то вроде того, нет?

Как бы мне ни хотелось выразиться именно в этом духе, я промолчала.

Сиех покачал головой и вздохнул. Меня до глубины души поразила проявившаяся на его губах до странности печальная улыбка.

— Я просто рад, Йин… рад сильнее, чем ты можешь себе представить. Он был так одинок со времени той, канувшей в летах, войны.

— Одинок? разве? А как же ты? У него всегда был ты.

— Да, конечно, мы служили ему некой… утехой, успокоением и поневоле сдерживали, не дозволяя с головой окунуться в собственное… не потерять окончательно рассудок. Мы могли даже быть его любовниками, хотя опыт этот для нас… ну ладно, был бы столь странен, требуя определённых… *усилий*, как и для вас, смертных.

Я вновь смущённо покраснела. Было что-то… тревожное, при одной только мысли, образе Ньяхдоха, возлежащего со своими детьми. Хотя, если уж на то пошло, и Трое были сиблингами, собратьями и сосёстрами. Кто сказал, что боги

живут сообразно нашим законам?

Как будто прочтя мои мысли, Сиех кивнул.

— Если в чём он и нуждался, то не в жалких подношениях собственных детей, но в подлинной ровне.

— Я не равна ни одному из Триады, неважно, чья душа заточена в моём теле.

Он продолжил уже торжественным, чуть ли не формальным тоном.

— Любви по силам сровнять горы меж смертными и богами, сравнять и вознести их, как бы ни сильно было различье, Йин. Этому мы уже научились, научились уважать и почитать это чувство.

Я только замотала головой. Я уяснила другое, с самой той секунды, когда на меня накатил безумный порыв придаться близости с падшим божеством.

— Он не любит меня.

Сиех выразительно закатил глаза.

— *Я* люблю тебя, Йин, но порой эта твоя упёртая смертность со всеми вытекающими просто бесит.

Ошеломлённая, захваченная врасплох этим откровением, я затихла. Видя моё недоумение, Сиех, пожав плечами, вызвал из небытия одну

из своих свободно фланирующих сфер, суетливо заелозившую в его руках взад-вперёд. Ту самую, сине-зелёную, немилосердно расшевелившую едва не подзабытые воспоминания.

— Ну и, что ты думаешь затевать насчёт Релада?

— Что… ах, да. — Адское мельтешение, дурман, совсем вскруживший голову; это неизменное балансирование, непрерывная тяга то туда, то сюда: от приземлённого, мирского, — к божественному, вышнему. — Я встречусь с ним, да.

— Йин…

— Он не убьёт меня. — Перед глазами как живое встало лицо Релада двудневной давности (вернее — двуночной), в проёме моего дверного косяка. Он явился предупредить меня о пытках, коим как раз подвергали Сиеха, на что не осмелился даже Т'иврел. Разумеется, он не мог ни понимать, что если Скаймина принудит меня выдать все свои секреты, то победа в этом дурацком то ли состязании, то ли сражении уже у неё в кармане. Так что привело его ко мне тогда?

Да, у меня была кой-какая личная теория на сей счёт, краеугольным камнем коей была наша недолгая встреча в солариуме. Я верила, я знала, я была почти уверена, что где-то глубоко-глубоко,

в самом уголке души, Релад был куда меньше Арамери, чем тот же полукровка Т'иврел, — даже меньше, чем я. Где-то среди всей этой горечи, ожесточения и ненависти к самому себе, надёжно сокрытыми за защитной броней, ощетинившейся парой тысяч кольчатых лезвий, у Релада Арамери таилось доброе, мягкое сердце.

И, по правде говоря, будь я недалека от истины, абсолютно непригодное приобретение, неприличествующее наследнику рода Арамери. Более того — рискованное. Но лишь поэтому я и желала дать шанс и довериться ему.

— Я по-прежнему могу изменить выбор и остановиться на нём, — сказала Сиеху, — и он знает это. Разумеется, то был бы совершенно бессмысленный жест, ибо гарантирово ввергал мой народ в пучину страданий. Но сама-то возможность никуда не делась, верно? Я его последняя надежда.

— Не чересчур ли ты уверена, а? — засомневался Сиех.

Внезапно меня обуяло стойкое желание взъерошить сиеховы лохмы. Может, ему даже понравится, учитывая кто он есть, но, боюсь, что сама мысль, повергшая на этот странный порыв, увы, не придётся ему по вкусу: Сиех и вправду был сущее дитя. Как по виду, так и в принципе… это

было его природой, натурой, сущностью, — неизменной, базовой сутью. Он не понимал (и не мог понять) смертных. Ему, прожившему среди нас долгие-долгие годы, столетия, тысячелетия, никогда не грозило стать одним из нас. Ему не была знакома сила надежды.

— Я более чем уверена, — сказала я. — Но моя признательность не знала б границ, отправься и ты со мной к Реладу.

Он удивлённо заморгал ресницами, но тут же подхватил меня под руку.

— Да не вопрос. Но зачем?

— Обеспечить моральную поддержку, зачем же ещё. И на тот случай, если я чудовищно, чудовищно ошиблась.

Широко ухмыльнувшись, Сиех отверз другую стену, коей мы и переместились куда следует.

* * *

Апартаменты Релада были не меньше Скаймининых (и те и другие поболе моих раза в три). Увидь я эти масштабы первым же днём в Небесах, и вопрос о том, в коем разе я являюсь подлинным претендентом на владычество Декарта был бы закрыт, полностью и окончательно.

Как бы то ни было, однакож очертания их были

в корне отличны от комнат кузины: громадная, открытая со всех сторон зала, с невысоким рядом ступеней на задах, ведущих на чердак. На первом этаже глаз сразу же властно притягивало своеобразное квадратное углубление, вдавленное в пол, — выложенная разноцветными керамическими изразцами карта мира, сработанная с превосходной точностью. Помимо этого обстановка поражала строгостью, даже суровостью: практически никакой мебели, встроенный в боковую панель бар, тяжело нагруженный бутылями алкоголя, и наконец небольшая книжная полка. И, разумеется, сам Релад — в центре мозаичной карты: холодный, чопорный, церемонный — и непривычно трезвый (впрочем, последнее, похоже, и самому ему доставляло немалое неудобство).

— Приветствую, сестричка, — подал он голос, стоило мне войти, потом замолк ненадолго, недобро уставясь на Сиеха. — По-моему, я приглашал одну лишь Йин.

Я опустила руку на плечо Сиеху.

— Его заботит не намереваетесь ли вы причинить мне какой-либо вред. Ведь нет?

— А? Ну, разумеется, нет! — Взгляд неприкрытого удивления, расцветший на лице Релада,

должно быть, служил порукой его словам. В действительности, вся эта мизансцена имела целью очаровать меня; но, увы, трудновато обольстить пушечное мясо, которое готовятся вот-вот пустить в распыл. — Да и с чего бы мне, во имя Маальстрема? Ваша смерть мне никоим образом не на руку.

Я водрузила на лицо улыбку, дозволяя беспардонному замечанию проскользнуть мимо ушей.

— Рада, что вы озвучили свои карты, кузен.

— Да просто не обращайте на меня внимания, — встрял в беседу Сиех, — представьте, что я крошечная никчёмная муха, ползущая мимо по стене.

Релад натужно сделал вид, что ничего не слышал.

— Могу я вам что-нибудь предложить? На выбор: чай? кофе?

— Ну, раз разговор зашёл… — начал было Сиех, но договорить не успел, усмирённый крепхой хваткой моих пальцев, больно сжавших плечо. Я не собиралась давить на Релада, по меньшей мере, — *пока* не собиралась.

— Спасибо, но нет, — ответила учтиво. — Хотя, спешу заверить, что высоко ценю ваше любезное предложение. И не меньше прочего — ваше,

кузен, предостережение, позавчерашней ночью. — Я ласкающим жестом пригладила волосы Сиеха.

Секунды три Релад боролся сам с собой, отыскивая подобающий ответ, и наконец пробормотал тихо:

— Да ничего такого особенного.

— Так зачем вы звали меня сюда?

— Я намерен преложить вам сделку. — Неопределённым жестом он помахал в сторону пола.

Я проследовала взглядом за ним, к выложенной там мозаикой карте мира, глаза непроизвольно остановились на очертаниях Крайнего Севера и том крошечным уголке его, бывшим Дарром. Четыре отполированных плоских камня сверкали, выстроившись в ряд против вкруг границ Дарра — трое, как подозреваю, по числу членов военного альянса, вдобавок к собственно Менчи. Ещё один, мраморно сероватый голыш, робко выглядывал из самого сердца Дарра, очевидно, отображая собой карикатуру на нашу безнадёжно жалкую оборону. Но зато к югу от Менчи, вдоль линии побережья, омываемого водами моря Покаяния, высились три палево-жёлтых камешка. Я могла только строить догадки, кого они символизировали.

Я вновь перевела глаза на Релада.

— Единственное, что заботит меня теперь, — это судьба Дарра. Скаймина выставила на торги жизни моих людей. А что можете предложить вы?

— По всей вероятности, много больше — в перспективе. — Шагнув вниз, Релад переступил весь Крайний Север, и теперь стоял на карте чуть ниже континента. Как раз в середине моря Покаяния (до чего же забавно, охватила меня на секунду абсурдная мысль).

— Ваши враги, как полагаю, вы уже и сами догадались, — белые, пешки Скаймины. Эти же, — он ткнул пальцем в сторону жёлтых, — принадлежат мне.

Я поморщилась, но прежде чем успела вставить хоть слово, вмешался, фыркнув, Сиех.

— У вас нет союзников на Крайнем Севере, Релад. Вы многие годы плевали на этот забытый богами материк. Теперь можете с полным правом списать победу Скаймины на результат собственной небрежности.

— Будто бы я не знаю этого, — огрызнувшись, Релад обернулся ко мне. — Я и вправду не могу похвалиться наличием тамошних друзей. Да даже если бы и захотел, местные королевства, все

без исключения, погрязли в ненависти к вашей земле, кузина. Скаймина просто облегчила им задачу, дав то, чего жаждали многие поколения.

Я пожала млечами.

— Некогда Крайний Север был диким, варварским краем. И мы, Дарре, в том числе. Мало того, мы были одними из самых отъявленных и воинственных дикарей. Возможно, с течением лет священникам и удалось нас несколько… цивилизовать, но никому не по силам так запросто стереть застарелую кровь.

Релад кивнул пренебрежительно, ясно было, что уж это-то его и вовсе не заботит. Да уж, по правде говоря, у него ужасно выходило казаться очаровательным. Он вновь указал на горсть жёлтых камней.

— Наёмники, — пояснил он, — по большей части кенийские и минские пираты, парочка гхорских «ночных истребителей», а вдобавок — войсковая группа ударных сил из Зухрема. И я могу приказать им всем сражаться за вас, кузина.

Я пристально изучала мраморную троицу, прокручивая в голове не так давно посетившие меня мысли насчёт смертных и скрытых силах надежды.

Сиех, спрыгнувший вниз, в впадину с мозаичной картой, пристально вглядывался в них же, как если бы мог различить не иллюзорную эмблему, а взаправдашнюю силу, стоящую за ними. Он вдруг присвистнул.

— Должно быть, Релад, вы подчистую раззорились; нужны немалые барыши, чтобы нанять такую уйму народа, да ещё вовремя переправить их куда надо. Никак в толк не возьму, и где это вы такие деньжищи-то отхватили, и так скоро? — Он сверкнул глазами, мельком оборачиваясь через плечо на нас с Реладом. — Но всё-таки они чересчур далековато от Дарра, и явно не поспеют к завтрашнему утру. Тогда как друзья Скаймины штаны почём зря не просиживают и уже в пути.

Релад кивнул, выжидательно посматривая на меня.

— Но достаточно близко, чтобы уже предстоящей ночью атаковать столицу Менчи, а днём позже даже нанести упреждающий удар по Токланду. Кроме того, все они полны сил, не нуждаются в отдыхе, отлично экипированы и со снабжением полный порядок. А стратегические планы разрабатывала сама Закхарн лично. — Словно обороняясь, выпрямившись, он скрестил руки на груди. — Окажись Менчи под огнём, и

добрая половина ваших врагов прямиком развернётся назад, отказавшись идти на приступ Дарра. От сражения не откажутся лишь Заренне да взбунтовавшиеся этрийцы; конечно, у них всё ещё будет численное преимущество перед вашими людьми, примерно два к одному. Но уже одно это даст Дарре шанс на успех.

Я резко одарила Релада пронзительно-отточенным взглядом. Он хорошо успел покопаться в мотивах, властвующих надо мною, — на удивление хорошо. Каким-то, не иначе что чудом он дознался, что вовсе не перспектива нависшей над порогом войны страшит меня; я, дочь воинственного народа, в конце концов, и сама была воином. Не война, но *заведомый проигрыш* врагам, кои гнались не только за трофейной добычей, но рассчитывали уничтожить, если не наши жизни, то наш дух… наши души. *Поле боя, где куда ни кинь, куда не ходи, везде — шах и мат.* И уж этого-то я точно не могла, не имела права снести.

Шансы два к одному были определённо… выигрышны. Дорогой ценой, но приближали к победе.

Быстрый взгляд на Сиеха — тот утвердительно кивнул. Инстинкты твердили мне: Релад не лжёт, и его предложение, мало того что разумно, но

и выгодно; но готлингу было хорошо знакомо, на что способен кузен, и он мог в случае чего предостеречь от всяких обманных хитростей. Думаю, мы оба были изрядно ошарашены тем, что Реладу уладось провернуть всю эту немаленькую работёнку.

— Вам следовало бы почаще воздерживаться от излишних возлияний, кузен, — мягко произнесла я.

Убийственно серьёзно, без малейшей тени юмора, Релад усмехнулся.

— Заверяю вас, обошлось без всякого умысла. Просто близость неминуемой смерти имеет дурную привычку скислять даже лучшие сорта вин.

До меня разом дошло вся суть его слов, от и до.

Очередное неловкое молчание, с коим за последние дня я уже успела свыкнуться, а потом Релад шагнул вперёд, протягивая мне руку. Изумлённая, я приняла ладонь. И мы скрепили наш сговор согласным рукопожатием.

* * *

А после мы с Сиехом медленно двинулись к моей комнате. На сей раз он вёл меня иной тропой, через те уголки Небес, кои мне ни разу не доводилось видеть за две проведённые здесь

недели. Среди прочих чудес, он показал мне высокую, узкую клеть — не мёртвоё пространство, однако ж столь же глухое, замурованное от всех и по какой-то причине напрочь всеми забытое, — неровно кренящийся потолок которой, походу, был своего рода просчётом (богов, кого же ещё) при возведении дворца. Бледные выросты дворцовой плоти свисали сверху как сосульки, подобно пещерным сталактитам, но много более изящнее, грациозно-утончённее по форме. Одни — настолько огромные, что до них можно было дотянуться кончиками пальчиков; другие — выступающие из потолка едва ли на пядь, оканчиваясь остриём. С ходу дознаться до истинного предназначения кельи не выходило, покуда Сиех не подвёл меня к стенной панели.

Одно моё лёгкое касание, и из щели, прорезью распахнувшейся на потолке, резко хлынул поток до невозможности ледяного воздуха. Я вздрогнула, но тут же позабыла о болезненном замещательстве, стоило потолочным выростам, завибрировав под порывами стремительного ветра, огласиться в такт звонким пением. Не схожим ни с одной музыкой, кою мне доводилось слышать, колеблющимся, рваным и чуждым, какофонией, но до странности прекрасной, чтобы

зваться попросту беспорядочным шумом. Я не разрешала Сиеху, повторно нажав на панель, отрубить подачу воздуха, покуда кончики пальцев не стали терять всякую чувствительность.

В упавшей занавесом тишине я опустилась на пол, опершись спиной о стену, и начала дуть на пальцы, пытаясь согреть промёрзшие до кости руки; Сиех присел передо мной на корточки, пристально глазея на мою дрожащую скрючившуюся фигурку. Поначалу я даже не приметила внимательного взгляда, борясь что есть силы с зябкой дрожью; но потом он, внезапно подавшись вперёд, поцеловал меня. Ошарашенная, я напрочь заледенела, но в поцелуе не было ни капли отталкивающего, неприятного. Поцелуй, не мужа, но дитя, беспричинный и безоглядный. Неловкое неудобство причиняла лишь мысль, что уж кем-кем, но ребёнком целующий меня бог не был. Никогда.

Сиех, потянувшись до хруста в плечах, вздохнул с сожелением, видя, какими неповторимыми красками заиграла поспешно натянутая мною на лицо мина.

— Извини уж, — сказал он, пристраиваясь подле меня.

— Не расшаркивайся в извинениях, — сказала

я, — а просто поясни, что за муха тебя укусила. — Спешно поняв, что невзначай сплела слова нечаянным приказом, добавила: — Будь так добр.

Он только покачал головой, всем своим видом изображая наигранный стыд, и ткнулся носом мне в плечо. Я была не против получить от него эту частицу тепла, но меня беспокоило настойчивое молчание полубога. Я вырвалась, резко остраняясь, рискуя, что тот либо грохнется на пол, оставшись без опоры, либо вынужденно усядется на пол уже нормально.

— Йин!

— СИЕХ.

Снова вздохнув, недовольно сопя носом, он наконец уселся прямо, поджав под себя ноги. На мгновение показалось, что, рассевшись так, продолжит дуться, но в конце концов, сдавшись, мальчишка медленно произнёс:

— Просто всё это так несправедливо. Даже Нахья, и тот, вкусил тебя, а я остался ни с чем.

А вот от *этого* мне и вправду сделалось не по себе. Дело принимало неловкий оборот.

— Даже в моих варварских краях, женщины не извращены настолько, чтобы греть себе постель, беря под крылышко детей.

На лице Сиеха вырисовались раздражение пополам с досадой.

— Разве я не говорил тебе и прежде, что хочу *вовсе не этого*. А вот чего. — Встав на колени, он отрывисто подался вперёд. Я отдёрнулась было назад, и он выжидающе замер. Вспышка озарения пришла ко мне. Разве я не люблю его? Разве не верю ему всей душой?.. обоими душами. Так отчего бы не довериться и его поцелую? Глубоко выдохнув, я расслабилась. Сиех дождался моего с минутным запозданием кивка, ещё секунду помедлил, словно убеждаясь в моей решимости. И склонившись, вновь впился в меня губами.

На сей раз всё было иначе, ибо теперь я *изведала* его — не Сиеха-ребёнка, чуть замаравшегося, взмокшего от пота, но того Сиеха, крывшегося под человеческой личиной. Это было… неописуемо. Внезапный шквал чего-то освежающего, живительного, ровно сочные ломти переспелого арбуза, или, быть может, ослепительные струи низвергающегося вниз водопада. Стремительно струящийся сель; прошивший насквозь мне грудь, фонтаном изилившийся наружу и вновь вернувшийся назад, в Сиеха, так спешно, что я едва успела перевести дыхание. Соль. Искра. Молниеносный грозовой раскат. Боль, настолько

сильная, что я отчаянно порывалась вырваться, отшатнуться назад; но где-то вдалеке руки Сиеха мучительной хваткой впивались в плечи. Прежде чем я заскулила от боли, порыв холодного ветра пронзил меня навылет, овевая кровоподтёки и успокаивая дрожь.

А потом он наконец отстранился. Я ошеломлённо таращилась на него, но он по-прежнему не размыкал крепко зажмуренных глаз. Издав долгий, нутряной, полный неземного довольства вздох, он вновь подкатился под бок, собственнически хватаясь за мою руку и прижимая к себе, напрашиваясь на объятие.

— Что?.. что это было? — хрипло поинтересовалась я, отчасти приходя в себя.

— Я, — сказал он просто. Разумеется, *кто* же иначе. *Как* же иначе.

— И какова же я на вкус?

Ещё раз вздохнув, Сиех привалился к моему плечу, обвивая руки вкруг талии.

— Мягкая, ласковая, нежная туманная мгла, колючая на ощупь, полная острых сколов и невидимого, сокровенного разноцветья.

Не в силах сдержаться, я глупо захихикала. Голова слегка кружилась, невесть откуда охваченная бездумным легкомыслием, словно я

перебрала реладовых ликёров.

— Это не ответ! Я о вкусе!

— Да нет, как раз он. Ты же пробовала Нахью, да? Он словно затяжное падение на дно бездонной вселенной.

Я осеклась, ибо то была истинная правда. Мы засиделись так подольше — безмолвно, бездумно, — ну, по крайней мере, я-то точно. Чистейшее блаженство, скажу вам, после последних двух недель, с их неустанной подспудной тревогой и всечасных хитросплетений интриг. Быть может, оттого и мерещась мне, когда я перебираю эти мгновения в памяти снова, частицей совсем иного мироздания.

— Что случится со мной? — поинтересовалась. — После… всего.

Он был ребёнком. Он был искусным и умным ребёнком. Он сразу и без лишних слов понял, *что* я имею в виду.

— Ты будешь… плыть по течению какое-то время, — сказал он очень тихо. — Так происходит со всеми душами, когда они впервые освобождаются от плоти. В конечном счёте, их как магнитом тянет и влечёт туда, в те места, которые как бы вступают в резонанс с неизменными гранями их сущности. Сопряжённые с ними пространства,

где душам, лишённым плоти, нечего боле бояться. В отличие от этого, смертного царства.

— Небесные выси и хляби преисподней.

Он едва заметно повёл плечами, так что никто из нас не почувствовал даже лёгкого толчка.

— Так именуют их смертные.

— А разве это не так?

— Понятия не имею. А какая, собственно, разница? — Я нахмурилась, и он опять испустил вздох. — Я не смертный, Йин; мне нет дела до посмертных путей вашего человеческого рода. Это просто… пространства, где более неживые могут существовать… в покое. Их немало, ибо Энэфа, зная весь ваш род, понуждала разнообразие. — Ещё один вздох. — Мы думаем, оттого-то её душа и не растворилась, пустившись в слепой дрейф. Ибо все те пространства, лучше всего откликающиеся на её зов, и ею же сотворённые, исчезли с её смертью.

Меня застрясло; а со мной, казалось, дрожь эта сотрясала и кого-то ещё, прячущегося в глубинах моего «я».

— Найдём… найдут ли обе наши души, она и я, место для успокения? Ил ей заново плыть и плыть, без конца и без цели?

— Не знаю. — Тихий, еле слышный ответ — по-

чти бесцветным голосом. Кто-другой, а не я, с лёгкостью бы проглядел эти болезненные нотки.

Я мягко и осторожно растёрла его спину.

— Если смогу… — начала. — Если мне достанет власти и умения… Я заберу её с собой.

— Возможно, она и не захочет уходить. То, что осталось, — творение её братьев. Вряд ли они придутся ей по нутру. Или она — им.

— Что ж, тогда лучший выход для неё — остаться во мне… мною. Я, конечно, не царство небесное, но мы довольно долго мирились друг с другом, запертые в одном теле. Даже переговаривались… в своёи роде. Я обо всех этих видениях и снах, если что. Пусть длятся, так и быть. Они в самом деле более или менее… отвлекают.

Вскинув голову, Сиех уставился на меня во все глаза. Я нацепила маску невозмутимости, силясь не рассмеяться как можно дольше. Впрочем, надолго меня не хватило. Разумеется, ему со своими вытаращенными глазами удалось продержаться не в пример дольше. Впрочем, что я удивляюсь? Как никак, у него были пара-тройка с лихвой столетий практики.

Тесно обнимая друг друга, мы смеялись до упаду, валяясь вповалку на полу, Сиех и я; так он и отгремел, подойдя к концу, последний день моей

жизни.

* * *

Я вернулась в свои комнаты в одиночестве, где-то за час до наступления сумерек. Войдя внутрь, обнаружила, что большое кресло по-прежнему было занято устроившимся там Нахьей (словно он так и просидел там целый день, недвижимый; хотя поднос, брошеный на прикроватную тумбочку, опустел). Он приподнялся, стоило мне переступить порог; подозреваю, что смутившись, захваченный мною врасплох, или, по меньшей мере, не выйдя ещё из своих мечтательных грёз.

— Ступайте куда вздумаете, до конца дня, — сказала ему. — Я намереваюсь недолго побыть одной.

Без малейшего спора, он мигом очутился на ногах. На кровати лежало платье — длинное, церемонное облачение, превосходного кроя, за вычетом расцветки. Грязновато-серой. А рядом — туфли и прочие дамские безделушки в тон ткани.

— Это приволокли слуги, — сказал Ньяхдох. — Чтобы вы красовались в них сегодня вечером.

— Моя благодарность — им и вам.

Не глядя, он прошёл мимо к выходу. До меня

донеслось, как замерли на пороге шаги. Застыл он там или нет? Может, разворачиваясь назад. Может, приоткрыв рот и готовясь заговорить. Нет, одно только безмолвное молчание. А мгновением позже — двойной щелчок дверью.

Искупавшись, я напялила на себя заготовленное платье и уселась напротив окон. Оставалось лишь ждать. Ждать.

26. Бал

Передо мной… подо мной вились мои земли.

Сторожевые башни, бороздящие горный перевал — и кишащие врагами. Даррийские отряды — полегшие там, изничтоженные до последней живой души. Боровшиеся до последнего, что есть мочи, храбро и отважно. Тяжко. Хоть узкая расщелина прохода и легла им на руку; но, на конец, защитников было ничтожно мало, врагов же — тьмы и тьмы. И Дарре продержались, настолько, что успели возгореться пожары сигнальных огней, осветив небо и подав голос: *Враг на подходе.*

Второй линией обороны простёрлись непроглядные заросли лесов. Великое множество атак захлебнулось здесь: умерщвлённые змеиной отравой, подкошенные хворобой, загнанные удушливым захватом цепких лиан, плетьям коих не было скончания. Народ мой никогда не брезговал бить исподтишка, хитрить и пользовать каждый случай, дабы нанести урон. Не гнушаясь рассеять по чащобе наших мудрейших, лесных ворожей, коим ведомо было, как искусно бить из засады и тотчас скрываться, и отходить обратно

в джунгли, точно крадущиеся пантеры.

Но времена менялись, и на сей раз враг явился не один, а с оружием. Особенным оружием. Скриптором. Неслыханное, невиданное всем Крайним Севером зрелище; ибо магия амнов — презренная и малодушная уловка по нашим варварским меркам. Для тех же, кто вздумает отважиться на подобную трусость, заполучить наёмников из числа скрипторов, хоронящихся под рукой Амн, — чересчур роскошное удовольствие. Но, разумеется, не для самих Арамери.

(Глупая, недалёкая девчонка. У меня же полным-полно денег. Что мешало мне отправить на защиту Дарра своего скриптора? Но, раз уж пошло на то, я по-прежнему та же грязная маленькая дикарка; мне и в голову не придёт подобное бесчестие; а теперь уже слишком поздно.)

Скриптор, почти ровесник Вирейна, чертит печати сигилов на бумаге и облепляет ими несколько деревьев, а после отступает назад. Столп раскалённого добела пламени выжигает сквозь заросли противоестественно прямую прогалину. И шквал этот несётся, вперёд и вперёд, на многие мили вперёд, под самые створы каменных стен Эрребейи, разнося их вдребезги. Хитро; охвати они огнём все леса целиком, и по-

жару полыхать бы долгие-долгие месяцы. Здесь же — лишь узкая тропа. Когдя пламя довершает свою работу, скриптор бросает вдогонок ещё пару словес божественного наречия, и огонь унимается окончательно, улегаясь пеплом и пылью. Путь свободен, не беря в расчёт раздроблённые обуглившиеся стволы, торчащие тут и там, да перегораживающие дорогу выгоревшие до неузнаваемости останки зверей и птиц. До Эрребейи — рукой подать; достичь её сроку — не более дня.

Какое-то шевеление на опушке. Кто-то выживший бредёт, слепо оступаясь на каждом шагу, едва не теряя сознания от удушливого дыма. Мудрейшая? Нет, быть того не может, мужчина… *мальчик*, подросток, почти ребёнок, слишком юный, чтобы произвести на свет дочерей. Откуда ему здесь взяться? Мы ни разу не отправляли подобных мальчишек на убой. Знание сходит в разум, отчётливо отражаясь в зрачках: народ мой доведён до отчаяния. До последней черты. Даже дети должны сражаться, дабы дать нам возможность выжить.

Рой вражеских солдат тучно, словно набежавшие муравьи, сгущается вкруг маленькой фигурки. Нет, не предавая и его смерти. Но, ско-

вывая цепью, сажают в подводу с припасами и ташат за собой в победном марше по нашим землям. Достигни они Эрребейи, и его как трофей выставят напоказ, отравляя гречью поражения наши сердца… ох, вот как всё случится. Мужчины наши — ценнейшее из драгоценных сокровищ Дарре. И в духе врагов перерезать этому несчастному глотку прямо на ступенях священного Сар-эн'на-нем, лишь бы поболе просыпать соли на наши незаживающие раны, лишь бы боль наша не знала ни сна, ни передышки.

Мне самой следовало послать скриптора.

* * *

Бальная зала Небес: безмерно огромная, с потолком, теряющимсся где-то высоко над головой, и стенами, расцвеченными светом, переливающимся как жемчужные перлы (живей прочих дворцовых камор), розовеюще-блеклыми, ровно лепестки роз. После прочей безжалостной белизны, болезненно отдающейся в глазах; эта лёгкая рябь, перемежающая стены, казалась непривычно яркой. Живой. Грозди канделябров, подобно ночному небу, испещрённому звёздами, раскачивались высоко над головой; в воздухе плавно стремилась мелодия (очередное тяжеловесное и

вычурное творение, из тех, что особенно по вкусу амнийцам) — секстета музыкантов расположилась невдалеке на помостах. Полы, на удивление, отличались от привычной небесной то ли материи, то ли плоти: начищенные и золотистые, цвета полированного тёмного янтаря. Но быть последним он никак не мог — нигде не было видно ни шва; а вздумай неведомый строитель обойтись одним цельным куском, то сюда потребовалась глыба янтаря размером с приличный взгорок. Однако, всё говорило в пользу моего предположения. По крайней мере, по виду.

Ах да, и люди, заполнявшие всё это переливающееся великолепие. Я до глубины души была ошеломлена сгрудившейся здесь толпою гостей (да что там — толпой! тьмой-тьмущей), пожаловавших сюда согласно специльным разрешениям, дозволяющим всем им оставаться в Небесах. На эту, одну-единственную ночь. Должно быть, не меньше тысячи приглашённых слонялось передо мной: самодовольные, надутые как павлины чистокровные; достойнейшие из достойнейших служителей закона, назойливые как мухи; напыщенные короли и королевы из тех могущественных и славных земель, в сравнении с которыми и я, и мой Дарр казались мелкими

сошками; знаменитейшие персоны из рядов искусства, завзятые кокотки и видные куртизанки; иначе говоря, все знатнейшие и именитые персоны, от мала до велика. Растрачивая последние оставшиеся мне деньки жизни, я, с головой погрязнув в собственных бедствиях, должно быть, словно ослепла, раз мимо меня прошли (вернее — проехали), незамеченными, экипаж за экипажем, карета за каретой, весь отчий день снующие во дворе Небес. (Лишь так этакое сборище могло беспрятственно пронестись во дворец). Моя собственная вина. Моё упущение.

Я бы с радостью, войдя внутрь, поскорей затерялась во всеобщей гурьбе, слившись с толчеей. Если б могла. Все вокруг сновали в идеально-белом, церемониальном цвете, положенным на Небесах согласно традиции для подобных торжественных событий. Лишь я одна была серовато-бурым пятном, выбивающимся из общего ряда. Впрочем, так или иначе, мне в любом случае не удалось бы просто исчезнуть, ибо стоило войти и застыть у вершины лестницы, близстоящий слуга — затянутый в незнакомого вида странную форменную ливрею (даю слово, прежде мне не попадалась на глаза ни одна такая) — деловито прочистив горло, громогласно взревел на весь зал

(я аж дрогнула, пожалев, что нельзя, да и нечем, заткнуть уши):

— Леди Йин Арамери, избранная Наследником Декарты, милосердного и благосклонного нашего стража всеях Ста тысяч Королевств! Почётная гостья наша!

Вынужденная замереть, так и не двинувшись дальше первой ступеньки, я стояла, выпрямившись, понукаемая, обшариваемая каждой парой из сотен глаз, враз обернувшихся на меня.

Стояла, никогда прежде, за всю мою жизнь, не выставляемая напоказ перед подобным полчищем. Паника на мгновение взбудоражила тело, от головы до пят, вкупе с несусветной, взявшейся из ниоткуда уверенностью: *Они знали. Они всё знают. Все они знают.* А как же иначе? Грянули учтиво-вежливые сдержанные рукоплескания. Лица многих осветили улыбки, но подлинным дружелюбием там и не пахло. *Интерес*, да, — *заинтересованность* того деловитого рода, когда у тебя перед носом призывно машут призовой телухой, которую невесть как скоро распнут на заклание и разложат по тарелям персон, меченных особой привилигией. *Какова она придётся на вкус, а?* Мне представились как наяву их многозначительные, оценивающие, поблёскивающие

от алчности, жадные взоры. *Если бы только и нам удалось урвать кусочек…*

Во рту пересохло. Если бы не стиснутые, затёкшие от стояния столбом колени, то я б точно прямиком вылетела, сбежала отсюда, развернувшись на точёных (и адски натирающих) высоких каблучищах. Ну, вот вам и ещё одно озарение: не так ли и повстречались мои почтенные родители, на очередном арамерийском балу. Как статься, может, в этой же самой зале. Не довелось ли и матушке стоять здесь, на этих самых ступенях, лицом к лицу перед скопищем придворных, ненавидящих её и страшащихся одной лишь матушкиной улыбки?

А она… она бы улыбнулась ответно.

Быть посему; я сосредочила взгляд где-то поверх бурлящих внизу голов. Растянув губы в улыбке, приподняла ладонь, взлетевшую в воздух любезно-царственным жестом, — и возненавидя в ответ их лицемерную изнанку, кроющуюся за маской учтивости. Страх потихоньку отступал, так что спуститься по ступенькам удалось легко и без запинки, не боясь заодно выглядеть неотелившейся коровой.

Будучи на полпути вниз, я бросила взгляд на происходящее в зале: Декарта восседал на воз-

вышении против входа. Каким-то чудом сюда удалось доволочь его громадное каменное седалище, «кресло-которое-не-есть-трон», прямиком из палаты для аудиенций. Теряясь в тёмных глубинах каменных объятий, бесцветные дедовы глаза выжидающе следили за мной.

Я коротко склонила голову. Он сощурился, не мигая. *Завтра*, подумала я. *Завтра.*

Толпа вкруг меня сходилась и расходилась, подобно чавкающим челюстям.

Я пробивала себе дорогу, минуя льстивые стайки подхалимов, кои в бессмысленной попытке выслужиться чуть ли не зайцем забегали вперёд, затевая светские толки; и прочий, куда более честный, народец, попросту одаривавший меня стылыми или ядовито-сардоническими небрежными кивками. В конечном счёте, я-таки протащилась туда, где толпа наконец проредела (по счастливой случайности как раз близ стола с подкрепляющими силы закусками). Подхватив у служителя бокал с вином, взахлёб осушила его до дна, потянулась за другим и вдруг краем глаза заметила сбоку арку застеклённых дверей. Взмолившись про себя: пусть только те окажутся не декоративными, а с крутящейся ручкой, — подойдя ближе, с радостью нашла, что

ведут створки не куда-нибудь, а как раз наружу, в широкий внутренний дворик, патио, где уже успела скопиться горстка гостей, насладиться и, так сказать, напитаться, тёплым (подогретым не без помощи магии) ночным воздухом. Кое-кто многозначительно перешёптывался, завидев меня, проходящую рядом, но большинство увлечённо погрязло в собственных мелких делишках, секретах, соблазнах (и соблазнениях), словом, всем таким, чем обычно занимаются в укромных тёмных уголках на подобного рода сборищах. Я остановилась, лишь потому что перед носом выросли поручни перил, — и тратя долгие минуты, усердно приостанавливая дрожь, коя сотрясала запястье, чтоб наконец допить захваченный с собою бокал.

Помощь пришла со спины: протянувшаяся сзади рука легла на пальцы, удерживая неподвижно дребезжащее стекло. Впрочем, не доставило труда догадаться, кто мой неожиданный спаситель, ещё даже прежде, чем спину ожгло давно ведомым мне студёным спойкойствием.

— Им выпало сломать вас предстоящей ночью, — произнёс Владыка Ночи. Дыхание его доносилось из-за спины, вороша волосы, щекоча ухо, покалывая кожу тысячью мелких

иголочек, — и будорожа тело полудюжиной восхитительных воспоминаний. Я прикрыла глаза ресницами, полная безмолвной признательности за бесхитростность желания. Вожделения.

— И они весьма преуспели в этом, — ответила негромко.

— Нет. Благодаря Киннет, сделавшей вас сильнее. — Падший забрал у меня из рук бокал, поднимая куда-то, подальше от глаз моих, словно намереваясь допить вино сам. Потом развернулся лицом, вместе с бокалом. Вино, бывшее белым — выдержанное настолько, что казалось неправдобно светлым, едва ли не бесцветным, и отдававшее цветочным привкусом, — теперь разило алым, почти багрово-кровавым, что в балконном освещении казалось и вовсе чёрным. Даже когда я подняла бокал повыше, к ночному небу, искры звёзд, пробивающихся сквозь призму насыщенной багровой темени, тускло брезжили через стекло слабыми проблесками. В порядке опыта я потянула вино крошечными глотками и затрепетала, стоило языку окунуться во вкус. Сладкий, но с какой-то смутной, едва ли не металлической горечью, и вдобавок — солоноватой, как у слёз, кислинкой.

— И нам самим, тоже придавшим вам силы, —

добавил Ньяхдох. Тихо шепча мне в макушку (одна из рук, проскользнувши за спину, обхватила талию, притягивая тело к его груди). Я только согласно расслабилась, доверяясь объятию.

Но поворотилась, не успей руки сомкнуться полукружием вкруг меня, — и замерла в изумлении. Мужчина, пристально смотрящий на меня сверху вниз, не был Ньяхдохом. Не был похож ни на одно ранее виденное мною обличье падшего. Смертный, из рода Амн, с тускло-сероватыми прядями волос, чуть ли не светловато-русыми, и на редкость коротко остриженными, почти как у меня. Довольной красивой наружности, но не из тех, что он носил дабы польстить мне, или по велению Скаймины. Обычное такое лицо. И он был в *белом*. И это последнее потрясало куда больше всего прочего, заставив ошарашенно подавиться словами.

Ньяхдох — ибо это был он, — я знала, я *чувствовала* это кожей, не смотря на чуждое обличье, — глянул насмешливо.

— Явление Лорда Ночи не приветствуется на всяком праздненстве слуг Итемпасовых.

— Просто не думаю… — дотронулась его рукава. Обычная ткань, хотя неплохо сработанная, как, впрочем, и сам камзол необычного покроя,

смутно напоминающего военную форму. Я прошлась пальцами вдоль обшлага, разочарованно вздохнув про себя, не чувствуя привычного приветливого покалывания — и не видя взмывающих вверх клубящихся завитков тьмы.

— Я создал всё сущее вселенной. Неужто, какие-то белые нитки вылились бы в непосильный труд?

На мгновение смех распирал горло, но унялся также быстро, как и зародился. Молчание. Никогда прежде я не слышала от него ни шуток, ни острот. К чему бы это?

В чувство меня привела рука, дотронувшаяся до щеки. Поразительно, в нём, притворившимся смертным, не было ни капли от дневной личины. Но и ничего человеческого, за вычетом облика, — ни в жестах, ни в движениях, ни в скорости, с коей он менял, одно за другим, маски, ни, в особенности, во взгляде. Человеческой личины этой попросту не по силам было скрыть подлинной его природы. Столь очевидное зрелище, отражающееся в моих глазах, что меня охватило удивление напополам с восхищением: отчего другие, стоящие здесь же, на балконе, не бегут в ужасе прочь, не кричат испуганно при виде Владыки Ночи, в столь опасной близости.

— Мои дети подозревают, что я схожу с ума, — сказал он, продолжая нежно поглаживать меня по щеке. — Кирью говорит, с вами я рискую всеми нашими чаяниями. Она права.

Я нахмурилась в замешательстве.

— Моя жизнь по-прежнему ваша. Я буду блюсти наше соглашение, даже если проиграю в победе. Вы поступали честно.

Он вздохнул, подавшись, к моему удивлению, вперёд и прислонившись лбом к моему.

— Даже теперь вы рассуждаете о собственной жизни как о товаре, продаваясь… нет, предаваясь нам, полагаясь на наши так называемые «честь и добросовестность». Всё, что мы проделали с вами — непотребно и мерзко, да и только.

Я потеряла всякий дар речи, словно оглушённая его признанием. Вспышкой озарения пришло на ум: так *вот чего* боялась Кирью — непостоянство, изменчивость Ньяхдоха, страстная чест… ность. Он и в войну-то ввязался, изливая своё горе и скорбь по Энэфе; из чистого упрямства предпочтя неволю (не только за себя, но и за своих детей) выпрашиванию милости у Итемпаса. По разному борясь с братом, но так, чтобы унеся с собой столько жизней, не изнечтожить саму вселенную. В том-то и была вся закавыка: заботясь о чём-то

(ком-то?) Владыка Ночи терял себя, погружаясь в безумие и бросаясь на крайности.

И, супротив всех резонов, я сказалась предметом его беспокойных ухаживаний.

Страх, как прелестно… Как лестно. Что мне и оставалось, так теряться в догадках, на что способен загнанный в угол падший. Но куда важнее иное: до меня наконец дошло, чем этот его настрой может обернуться для меня. В кратко-срочной, скажем, перспективе. Я умру… я собираюсь пойти на смерть, всего парой часов спустя. А что достанется ему? Неужто, в очередной раз оплакивать…

Как странно, что простая мысль эта однакож наполняла скорбью и моё сердце тоже.

Обхватив обоими руками лицо Владыки Ночи, я прерывисто вздохнула, прикрывая глаза и предаваясь чувствам, пытаясь ощутить, достучаться того, прячущегося за смертной маской, существа.

— Мне так жаль, — прошептала ела слышно. Да, так оно и было. Я ни лгала ни словом. У меня и в мыслях не было причинить ему боли.

Он не шелохнулся. Мы оба оставались недвижимы. И не было ничего лучше, чем стоять так, опершись на эту твёрдую плоть, покоясь в его руках. Иллюзия, разумеется, но иллюзия прият-

ная: впервые за долгое время я чувствовала себя в безопасности.

Не знаю, как долго мы так простояли, я абсолютно потеряла счёт времени; но до нас обоих донёслось внезапная перемена в звучании музыки. Резко выпрямив спину, я огляделась вокруг; кучка гостей, разбредшихся вместе с нами по патио, вернулась внутрь. Значит, пробило полночь — и настал час, знаменующий кульминацию бала, время основного, особого танца. Так сказать, светоча во мраке.

— Собираетесь зайти со всеми? — спросил Ньяхдох.

— Нет, разумеется, ни за что. По мне и здесь неплохо.

— Этот танец в честь Итемпаса.

Смутившись, я глянула на него.

— А мне-то какое до этого дело?

От улыбки его по телу разошлась тёплая волна.

— Неужто дочиста презрели веру ваших предков?

— Мои предки почитали *вас*.

— А со мною — и Энэфу, и Итемпаса, и детей наших. Дарре были одними из немногих народов, что чтили всех нас единым порядком.

Я устало вздохнула.

— Много воды утекло с той поры. Слишком многое… изменилось.

— Вернее, *вы* изменились.

Молчание было моим ответом, ибо слова его были истинной правдой.

Повинуясь внезапной вспышке и отойдя на пару шагов в сторону, я потянула падшего за рукав, увлекая в танцевальную позицию.

— Во имя богов, — сказала торжественно. — Всех их.

Отрадно было удивить его снова.

— Мне пока что ни разу не доводилось танцевать в собственную честь.

— Ну, считайте, что вам выпала возможность. — Я пожала плечами, поджидая нового рефрена мелодии, прежде чем подхватить падшего в такте. — Впервые за вечность.

Слегка озадаченно, но довольно легко Ньяхдох кружился в едином ритме со мною, невзирая на трудноватую путаницу танцевальных шагов. Каждое дитя благородных кровей разучивает подобные па; но, по правде говоря, я никогда особенно не увлекалась чем-то подобным. Амнийские танцы живо напоминали о самих Амнах, во плоти, так сказать, — холодных, жёстких, и

более того — жестоких, куда сильнее увлечённых наружностью, чем удовольствием, своим и партнёра. Однакож, здесь, в сумраке балкона, под безлунным ночным небом, в паре с живым божеством, я находила себя улыбающейся, покуда мы описывали круг за кругом, взад-вперёд, туда и обратно. Шаги запоминались легко, под мягкой направляющей хваткой падшего, — то отточивая движение моих рук, то придерживая спину. Легко оценивать (и ценить) грациозное согласие движений с таким партнёром, скользящим рядом, как порыв ветра, плавно и изящно. Прикрыв глаза ресницами, я всецело отдалась круговороту танца, жмясь к его груди при поворотах и обмирая от удовольствия, когда темп музыки возрастал под стать возобладавшему надо мной настрою.

А когда музыка стихла, я склонилась ему на грудь, желая что есть мочи одного — чтобы ночь эта никогда не кончалась. И не только от того, что ждало меня с приходящим на землю рассветом.

— Побудете со мной и завтра? — спросила, подразумевая истинного Ньяхдоха, а не дневную его личину.

— Мне дозволено пребывать самим собою и при дневном свете в срок свершения церемонии.

— Что ж, только так Итемпас и может вопрошать вас вернуться к нему.

Дыхание щекотало мне кожу, ероша волосы. Мягкий, холодный смешок раздался над самым ухом.

— И на сей раз он дождётся меня, но вовсе не заради его расчётов.

Я согласно кивнула, прислушиваясь к до странности замедлившемуся перестуку его сердца. Словно далёкое, дальнее эхо, как если бы меж нами пролегала не одна сотня миль.

— Что собираетесь делать, на случай победы? Убьёте его?

Мгновение упреждающей тишины расставило все нужные точки. Прежде, чем он по-настоящему подал голос в ответе.

— Не знаю. Я не знаю, что делать с ним.

— Вы всё ещё любите его. По-прежнему.

Он смолчал, лишь раз ласково проведя рукой по моей спине. Но я не далась обмануться. Я не настолько слабоумна. Да и не меня вовсе желал он утешить. Заверить. Убедить.

— Всё хорошо, — произнесла я. — Я понимаю.

— Нет, — сказал он резко. — Ни один смертный не в силах понять…

Более мне нечего было сказать, да и ему тоже;

так то, на этой безмолвной минуте, эта нескончаемо долгая ночь и миновала нас.

Я пережила черсчур много ночей, почти без сна. Должно быть, я так и провалилась в сон, стоя рядом с ним; поскольку внезапно проморгавшись и вздёрнув голову, вдруг обнаружила полнящееся разноцветьем небо — подёрнутое туманное дымкой, с расплывающейся в сизую хмарь водянистой теменью. Венчик народившейся луны подвисал над самой кромкой горизонта; чернеющие выхлесты блекли супротив вспыхивающего зарницей неба.

Пальцы Ньяхдоха вновь сжались мягкой хваткой; я сообразила, что он-то и разбудил меня. Падший бросил пристальный взгляд в сторону балконных дверей. Там стояли они: Вирейн, и Скаймина, и Релад. Белые одеяния их, казалось, отбрасывали блики света, и в этой белоснежной «полутени» лица их гасли, сливаясь одним сверкающим пятном.

— Время, — сказал Вирейн.

Я искала в себе страх, но рада была найти не его, а слепящее спокойствие.

— Разумеется, — сказала ответно. — Идёмте же.

Внутри по-прежнему в полном разгаре кру-

жилась бальная лихорадка, хоть количество танцоров и поуменьшилось, в сравнении с прошлым моим визитом. По другую сторону от поредевшей толпы, опустелый, высился трон Декарты. Быть может, властитель его удалился прежде, заблаговременно подготовиться к делу.

Небеса, стоило нам войти, сказались непривычно, неестественно затихшими, приветствуя нас необычно полыхающими стенами. Ньяхдох, отпустивший прочь личину, скользил рядом; шаг, другой — и одежда меняла цвет; удлиняясь, взвивались в воздух ленты волос. Привычно бледнела, выцветая, кожа (полагаю, чересчур много моих родственничков крутилось вокруг). Подъёмник отнёс нас наверх, объявившись в месте, опознанном мною, как высочайший из ярусов дворца. Стоило нам выйти, и прямо перед собой я узрела распахнутые двери солариума, за коими в тени и безмолвии крылись прилизанные зелёные заросли. Единственный свет исходил от центрального дворцового шпиля, выступающего из самого сердца солариума и полыхающего языком пламени подобно сверканию молодой луны. Еле заметная тропа, извиваясь, бежала под нашими ступнями к деревьям, сгрудившимся прямо перед краеугольным основанием шпиля.

Но я отвлекалась, позабыв о тех, кто высился по обе стороны от дверей.

Узнать Кирью не составило ни малейшего труда; незабываемое, потрясающее зрелище её золотисто-серебристых вкупе с платиновыми скрепами крыльев ни на минуту не извергалось из моей памяти. То же и с Закхарн, блистающей серебром великолепных доспехов, испещрённых вплавленной вязью сигилов; шлём её блистал на свету. В последний раз броня эта являлась мне в том давнем видении.

Третий же, стоящий меж ними, чуждый и странный, впечатлял, хоть и сразу, но куда меньше. Огромный чёрный кот, с лоснящейся мехом шкурой, напоминавший по виду черноногих барсов моей далекой родины, хотя и много громадней размером. Да и не леса породили на свет этого дикого зверя, чья шерсть стлалась подобно водным валам, раздуваемым невидимым (невиданным) ветром. матово переливаясь давно знакомой, неправдоподобно глубинной теменью. Что и говорить, раз он смотрелся точь-в-точь, как его божественный отец.

Я не смогла удержаться от улыбки. *Благодарю*, шепнула одними губами. Кот ответно оскалил клыки, и только слепой (или непосвящённый)

мог истолковать эту ухмылку как недовольный рык, — а после подмигнул мне одним глазом, ехидно сощурив изумрудно-зелёную полумглу в прорезь зрачка.

Я не строила никаких особых иллюзий насчёт их общества. Закхарн, бывшая не в полном боевом облачении, заявлена просто, чтобы внушать нам трепет и уважение одним своим неимоверным блеском. Грядущая вторая Битва Богов вот-вот грозила разразиться, и падшие были к ней готовы. Сиех… ну, может, Сиех-то и был здесь заради меня одной. И Ньяхдох…

Я оглянулась на него через плечо. Он остранённо ступал, не посматривая ни на меня, ни на своих детей. Взамен того пристальный взгляд его, не отрываясь ни на йоту, притягивался к самой верхушке шпиля.

Вирейн только качнул головой, очевидно, не решаясь возражать. Он скользнул взглядом по Скаймине, неопределённо поведшей плечами, Реладу, сердито глянувшему на скриптора, как если бы говоря *«С меня-то какой спрос?»*.

(Наши глаза столкнулись при этом, мои и Релада. Кузен был бледен, совсем спав с лица, бисеринки пота стекали с верхней губы; однако он всё же кивнул мне, едва заметно. Я возвратила

кивок, ответно склоня голову.)

— Да будет так, — сказал Вирейн, и все ступили во врата солариума, направляясь к игле главного шпиля, маячившей вдалеке.

27. Церемония Правопреемства

В навершии узкой как шпиль башни оказалась, как бы поточнее выразиться… назовём это комнатой.

Заключённая в стекло смотровая площадка, подобно гигантскому прозрачному куполу. Если б не слабое отражённое поблёскивание со всех сторон, можно было подумать, что стоим мы не где-нибудь, а на открытом всем ветрам воздухе, вознесясь на островершье узкого как игла шпиля, рваную скольчатую грань. Абсолютная идеальная окружность пола (в отличие от прочих дворцовых комнат, что мне довелось повидать за последние две недели) была из той же самой белесой плоти, как и все остальные Небеса. Священный круг Итемпаса, вот чем было мечено это место.

Уровень, возвышающийся почти над всем белоснежным массивом дворца. Под этим необычным углом для зрения запросто можно было разглядеть (мельком, правда) и внешний двор — виднеющийся отсюда среди зелёного пятна дворцового Сада, и выступ Пирса. Никогда преж-

де с такой отчётливостью до меня не доходило, что истинная форма Небес — две сомкнутые дуги. Круг. Циркус. Жухлая земля же внутри дворца вздымалась чернозёмом, смыкаясь вкруг нас гигантской выпуклой чашей. Круг за кругом, круг в круге… воистину, священная пядь.

Лобное, жертвенное место.

Декарта стоял напротив входа, лаза в полу. Тяжело опираясь на свою мастерской работы трость — даррийскую, чернодревную трость, — без которой, вне всякого сомнения, ему ни за что было бы не добраться сюда, крутой спиралью винтовой лестницы, ведущей в клеть. Выше, за спиной его, хляби предрассветных облаков укрывали небо, сбившись то тут то там в хлипкие гроздьи, либо колыхаясь зыбунами худой ряби, подобно тонким нитям драгоценных перлов. Серая, безобразно серая хмарь, точь в точь, как моё парадное облачение, — кроме как на восточной кромке небосвода, где облачная гряда наливалась цветом, накаляясь бледной желтизной.

— Быстрее поторапливайтесь, — приказал Декарта, кивком отправляя нас внутрь, к центру замкнутого контура площадки. — Релад сюда, Скаймина напротив. Вирейн — ко мне. Йин — здесь.

Беззвучно повинуясь, я шагнула, вставая пред незатейливым белым постаментом, взраставшим из пола, — высотой, как раз мне по грудь. На извершии красовалось отверстие, шириной где-то в ладонь, не больше; скважина, ведущая не иначе, как к подземному зиндану. В воздухе над нею, в паре пядей от дыры, свободно парил крошечный тёмный сгусток. Ссохшееся, безобразное нечто, вблизи донельзя схожее с обжимком грязи. Неужто это и есть пресловутый Камень Земли? Это?!

Оставалось утешать себя тем, что, на худой конец, хоть тот бедолага, мучимый внизу, обрёл всё-таки свою смерть.

Декарта приостановил речь, хмуро посматривая поверх меня, на Энэфадех, стоящих за моей спиной.

— Ньяхдох, можешь занять своё привычное… место. А касаемо прочих — не припоминаю, что приказывал вам заявиться сюда.

Удивительно, но за них ответил Вирейн.

— Они могут сослужить нам хорошую службу, милорд. Быть может, Небесному Отцу придётся по нраву видеть детей его, даже этих… предателей и изменников.

— Ни одному отцу не доставит удовольствия

лицезреть детей, отвернувшихся от него. Обвиняющих его. — Пристальный взгляд Декарта переметнулся, застыв, ко мне. Хотела бы я знать, кого он видит там, меня саму или одни лишь глаза Киннет на моём лице?

— Я хочу, чтобы они остались здесь, — подала голос.

Неизменно холодное лицо уставилось на меня, не поменявщись ни йоту, разве что жёсткой складкой легли и без того тонкие губы.

— Хороши ж твои друзья, раз пришли полюбоваться на твою смерть.

— Было бы куда как тяжелее встретиться с нею лицом к лицу без их на то поддержки, дедушка. А как насчёт Игрет, сознайтесь, вы и её умерщвляли одну-одинёшеньку? Или дозволили хоть кому-нибудь быть рядом?

Он резко распрямился, на редкость странный для него жест. Впервые я увидала тень истинного дедова облика, человека, коим он некогда был, — высокого и надменного, как всякий Амн, и угрожающе внушительного, как моя матушка; я вздрогнула как от удара, обнаружив наконец это щемящее сходство. Разумеется, ныне рост лишь подчёркивал его болезненную худобу и нездоровую бледность.

— Я не намерен объясняться перед тобою, внучка.

Я невыразительно кивнула. Краем глаза я выхватывала выжидательно-следящие взгляды, окружающие меня со всех сторон. Тревожный и беспокойный — Релада, раздражённый и досадный — Скаймины. Вирейн… дознаться, о чём думает скриптор, было невозможно; но то, с какой силой он буквально пожирал меня глазами, малость озадачивало. Впрочем, со временем было худо, чтобы задумываться ещё и об этом. Оставалась, пожалуй, последняя возможность выяснить, отчего погибла матушка. Я по-прежнему уверилась, что это дело рук Вирейна; хотя большей бессмыслицы и выдумать было нельзя: скриптор любил её. Но, действуй он согласно приказам Декарты…

— Вам нет нужды объясняться, — ответила я. — Мне по силам догадаться и самой. Будучи молоды, вы адски напоминали этих двоих… — Я махнула рукой в сторону Релада со Скайминой. — Себялюбивый, жаждущий наслаждения, безжалостный. Жестокий. Но не столь бессердечный, как они, не так ли? У вас была жена, Игрет, и вы обязались заботиться о ней, и заботились, прежде чем ваша мать не назначила её вам в жертвы, и не

пришёл священный час. Но власть вы любили не в пример больше и оттого согласно пошли на сделку. Вы стали главой клана. А ваша же дочь — заклятым врагом.

Губы Декарты кривовато дёрнулись в уголках. Не могу сказать, был ли то признак волнения, или каких иных чувств, — или приступа беспомощного паралича, что, казалось, вновь и вновь ввергал его в пучину боли.

— Киннет любила меня.

— Любила, да. — Такова уж была моя матушка. Любя и ненавидя одновременно, то пряча, то восжигая свои чувства. Арамери, как сказал Ньяхдох, она была истинной Арамери. Лишь цели её были… отличны.

— Она любила вас, — сказала снова, — а вы, полагаю, убили её.

Теперь, я была уверена, лицо старика уж точно скривило от непереносимой боли. Мгновение холодное удовлетворение полнило моё сердце. Но не более, чем… Война была проиграна; что могла значить ещё одна ничто жная схватка? Мне надлежало погибнуть. Я собиралась умереть. Я шла на смерть. Однако ж смерть моя несла желанное… исполняла желания столь многих — моих родителей, Энэфадех, мои собственные… — но, глупо

было бы лгать себе самой, стоя на краю пропасти. Я не могла ни смотреть в лицо правде. Сердце моё было полным-полно от обжигающего страха.

Пересилив себя, злясь на собственную трусость, я развернулась поглядеть на Энэфадех, рядком сгрудившихся за мною. Кирью, по любому, бы не пожелала даже встретиться со мной глазами; в отличие от Закхарн, та отвесила почтительный кивок. Сиех… мягко и нежно промурлыкал что-то по-кошачьи, похоже, не меньше меня тяготясь этой мучительной бесчеловечностью. Слёзы ожгли глаза. Как безрассудно. Как глупо. Даже не будь мне судьбой предназначено умереть здесь и сейчас, кем бы я была для него? Невзрачной мелочной вехой на пути? Короткой запинкой в бесконечно долгой жизни? Но даже теперь, на пороге собственной смерти, мне всё равно ужасно не хватало Сиеха.

Наконец, я взглянула на Ньяхдоха, осевшего позади на одно колено, в обрамлении клубящихся серой хамарью вихрей волос. Разумеется, им не составило бы труда принудить падшего силой опуститься на колени, здесь, в святилище Итемпаса. Но он высматривал меня, а не самый краешек блеклого неба, наконец озаряющегося с востока рассветом. Я ждала, что на лице его сты-

нет маска безучастия, но нет, как бы ни так. Стыд и скорбь, и разгорающаяся приступом ярость, что дробит на осколки планеты, пламенели в его глазах, — наряду с чувствами иного толка, чересчур обессиливающими, устрашающими, чтобы назвать их поимённо.

Могла ли я доверять увиденному? Посметь довериться? Рискну ли я? Он обретёт, после всего, небывалую мощь. Вернёт некогда отобранное. Что стоило ему ныне разыгрывать влюблённость, побудив меня, тем самым, покорно и дотошно следовать каждой точке их планов?

Снедаемая болью, я уткнула в пол глаза. Кажется, я столько пробыла в Небесах, что более не в силах довериться даже самой себе.

— Я не убивал твою мать, — произнёс наконец Декарта.

Пошатнувшись, дрожа, я обернулась к нему. Он шептал так тихо, что на секунду мне вздумалось, что я попросту ослышалась.

— Что?

— Я не убивал её. Я никогда б не убил её. Не полыхай она ненавистью ко мне, и я бы умолял её на коленях вернуться назад, в Небеса, даже прихвати она с собою и тебя. — Растерянная, я с ужасом видела, как увлажняются щёки Декарты;

он плакал. Зло сверкая на меня глазами сквозь текущие на пол солёные капли.

— Ради неё я бы даже попытался полюбить и тебя. Ради Киннет.

— Дед, — вмешалась Скаймина; высокомерный голос её граничил с презрением, чуть ли не вибрируя от нетерпения. — Я, конечно, высоко б оценила твою доброту к нашей кузине…

— Замолкни! — рявкнул Декарта, резко вперяясь в ту бесцветными, острыми как алмазная кромка, глазами. Да так, что вздёрнувшуюся сестру и в самом деле отшатнуло. — Ты не знаешь, как я был близок к мысли умертвить тебя, услышав о смерти Киннет.

Обретя опору, Скаймина и сама жёстко выпрямилась, как отражение, повторяя позу деда. Как и следовало ожидать, ей не составило труда ослушаться его приказа.

— И оказали бы тем самым мне великую честь. Но к смерти Киннет я не причастна ни в коей мере; мне не было ни малейшего дела ни до неё самой, ни до этой ублюдочной девки, её нечистокровной дочурки. Я знать не знаю даже, отчего вы избрали именно её сегодняшней жертвой.

— Убедиться, истинная ли она Арамери, — проговорил еле слышно Декарта. Глаза его вновь

перекинулись ко мне. У меня ушло целых три полновесных сердцебиения — понять, что он подразумевал. И когда суть его слов пронзила сердце, кровь отлила от побледневшего разом лица.

— Вы думали… я убила её, — прошептала почти беззвучно. — Всемилостивейший Отче, вы искренне поверили, что…

— Убийство возлюбленных — издревне в духе традиций нашего семейства, — довершил Декарта.

* * *

А за нашими спинами восточный склон небесной выси стремительно подёрнулся ярчайшим пламенем.

* * *

Меня взорвало. Я разразилась беспорядочной руганью. Только спустя пару попыток, связная речь прорвалась через бушующую во мне ярость; и тогда я была — Дарре. Я сама поняла последнее, лишь когда различила лицо Декарты, более озадаченное, чем оскорблённое — под ворохом моих проклятий.

— Я не Арамери, — под конец с гневом вы-

плюнула ему в лицо, крепко сжав кулаки. — Вы, пожравший собственную юность, упивавшийся страданиями, как те чудовища из ваших вековой давности сказок! Я никогда не стану одной из вас, за вычетом этой поганой крови! Да и то, если б могла, с удовольствием и её б выжгла из собственных жил!

— Может, ты и не одна из нас, — сказал Декарта. — Теперь-то я вижу, что ты невиновна и, отправляя тебя на смерть, я лишь уничтожаю последние крохи, что остались мне от неё. Часть меня раскаивается и сожалеет об этом. Но, не буду лгать, внучка, есть и иная часть, что возрадуется, наслаждаясь твоей смертью. Ты отобрала её у меня. Она покинула Небеса ради твоего отца — и воспитать тебя.

— А знаешь, почему? Тебе не интересно, нет? — Я обвела рукой стеклянную ловушку, полную божеств и кровных моих родичей, пришедших поглазеть на мою смерть. — Ты убил её мать. Что, думаешь, она бы просто так свыклась с этим?

Впервые за наше знакомство, искры какой-то человечности тусло озарили печальную, самоуничижительную улыбку Декарты.

— Полагаю, я поступил бы так же. Как глупо, не правда ли?

Не в силах ничего с собой поделать, я эхом отразила его улыбку, зло изогнув собственные губы.

— Да, дедушка, так оно и было. Так и есть.

А потом Вирейн дотронулся плеча Декарты. Поодоль восточной каймы горизонта ярко и упреждающе расцвели, вырастая на глазах, багрово-золотистые клочья. Рассвет грядёт. Время исповедей миновало.

Качнув головой, Декарта бросил на меня, последний, особенно долгий, задумчивый взгляд во всеобщем безмолвии, прежде чем заговорить.

— Сожалею, — произнёс он очень тихо. Оправдание, исчерпывающее столь многие грехи. — Нам должно начинать.

* * *

Даже тогда… не могу сказать — я верила. Нацеливаясь на Вирейна и называя его убийцей матушки. Ещё оставалось время. Я могла просить Декарта увидеться с ним прежде завершения воспреемства — как последнюю дань памяти Киннет. Не знаю, отчего я… Нет. Знаю. Думаю, в тот миг и возмездие, и всякие ответы потеряли для меня всякий смысл. Что изменилось бы, узнай я причины матушкины смерти? Причины и палачей. Она мертва. Она так бы и оставалась

мёртвой. Что толку, даже покарай я убийцу? Всё равно я присоединилась бы к ней. Так или иначе. Спустя собственную смерть. Да и я сама была уже почти мертва тоже. Разве, после всего, это прибавило бы хоть толику смысла смерти? Её и моей. Нашей смерти.

Ни одна смерть не бывает бессмысленной, дитя. И ты сама поймёшь это. Скоро. Уже скоро.

* * *

Медленно кружась, Вирейн двинулся вдоль пределов комнаты. Вздымая вверх руки, воздел голову и — всё ещё не замедляя шага — начал нараспев:

— Отец небес и земли, что пали ниц пред тобой, господин всея твари, созданной тобой, услышь же излюбленных слуг твоих. Нижайше просим мы — воздвинь и наставь нас на путь истинный сквозь хаос перемен.

Он остановился напротив Релада, чьё лицо в бликах серой хмари смотрелось восковым. Мне не видно было жеста, что проделал Вирейн, но кровный сигил Релада внезапно возгорелся раскалённым белым сиянием, словно на лбу его вытравили крошечное солнце. Он стоял, где стоял, не вздрагивая и не выказывая какого другого

признака боли, хотя и выглядя в нездешнем свете этом бледнее прежнего. Кивнув сам себе, Вирейн двинулся дальше по комнате, проходя как раз позади меня. Повернув голову, я проследила за ним взглядом; отчего-то беспокоил страх потерять его из виду.

— Молим мы — содействуй нам, дабы подавить врагов твоих. — Ньяхдох, стоя коленопреклонённо за спиной, отвернулся прочь от вспохолов возрождающегося рассвета. Чёрный ореол вкруг него начал рассеиваться дымкой, как давешнюю ночью, под пытками Скаймины. Вирейн коснулся и лба Ньяхдоха. Откуда ни возьмись полыхнула крупица сигила, также раскалённого добела, и падший прошипел что-то сквозь зубы, как если бы огонь этот добавил ему очередную вспышку боли. Но тёмный ореол перестал растекаться клубящимися струйками, и когда он вновь поднял голову, часто и тяжело дыша, светлое пламя надвигающейся зари, казалось, боле не докучало ему. Вирейн продолжил шаг.

— Заклинаем мы — ниспошли благословение своё на последнего из избранников своих, — проговорил он, дотрагиваясь лба Скаймины. Она расплылась в улыбке, когда печать её воспламенилась белым сиянием, освещая стылые, враз

заострившиеся черты лица — и нетерпеливую, лютую жажду, воцарившуюся на нём. Жажду во что бы то ни стало добиться своего.

А потом скриптор встал передо мной; и лишь гладь постамента разделяла нас. Покуда он двигался мимо, глаза мои вновь обратились к Камню Земли. Мне ни разу не приходило в голову (даже в видении), что сгусток сей будет смотреться до странности невыразительно.

И комь этот затрясся. Всего лишь на мгновение прекрасное в совершенстве своём серебряное семя всплыло среди окатышей грязи, прежде чем поглотиться вновь нахлынувшей теменью.

Отвлекись в ту секунду Вирейн на меня, и всё бы пало, потерянным. И случившееся, и таящуюся за ним опасность, я постигла на одном лишь наитии, молниеносной ледяной вспышке, отразившейся в полной мере на лице. Камень был подобием Ньяхдоха, подобием всех богов, скованных здесь, на земле; истинная форма крылась за маской. Личиной. Слепком. Маской заурядности и незначительности. Но заглядывающим внутрь и ждущим большего — в особенности, посвящённым в подлинную его природу, — приоткрывалось (и обращалось) куда более, чем прочим. Меняя форму — и отражая знания и

чаяния смотрящих в суть.

Мне, осуждённой и приговорённой, Камень предстал бы клинком палача. Стоя в глазах чем-то внушающим страх и ужас. Но, если что я и видела, то одну только красоту и обещание, — и упреждение для всех Арамери, яснее ясного значащее мои намерения: сегодня я готовилась к чему-то большему, чем просто умереть.

По счастью, Вирейну и в голову не пришло оглянуться ко мне. Он стоял, развернувшись лицом к восточной кромке небес, как и все прочие, присутствующие рядом. Я всматривалась в них, обегая глазами лицо за лицом и видя все их чувства — гордость, тревогу, упования, горечь. Последним, к кому я обратилась, был Ньяхдох, единственный, за моим вычетом, не уставившийся в небеса. Взамен он смотрел на меня, словно не желая расставаться. Может, оттого-то только мы вдвоём и не пошатнулись, поражённые, оставшись нетронутыми, когда солнце увенчало даль горизонта; и властная сила не ввергла весь мир в трепет и ропт, подобно задребезжащему зерцалу.

* * *

Миг, покуда солнце топнет, исходя из смертных глаз, выцветая до последнего блика света, имену-

ется — сумерки. Миг, покуда солнце вздымается над тильдой горизонта, более не касаясь земли, речётся — рассвет.

* * *

Изумлённая, я огляделась вокруг и замерла, перехватив дыхание: прямо перед мной рацветал Камень.

Разве что так, и не иначе — никаких слов не хватало, что облечь звуком то действо, что вершилось перед глазами. Безобразный сгусток грязи вздрогнул, затрясся, а после распустился — слой за слоем сползала шелуха, обнажая… свет. Нет, ни стойкую, упорядоченную белизну Итемпаса, и ни колеблющееся марево не-света Ньяхдоха. Странный, чуждый свет, коий мне довелось видеть в зиндане, — серая, неприглядная хмарь, невесть как вымывающая, вытравляющая цвет из всего и вся, что виднелось поблизости. Теперь то была не прежняя, знакомая бляшка Камня, и даже не серебряная костяшка. Нет, — звезда, сверкающая, но, так или нначе, слабеющая. Бессильная.

Однакож, я ощущала подлинную её власть, испускаемую ею и волнами стремящуюся ко мне, отчего по коже заползал целый сонм мурашек, а желудок ухнул глубоко вниз. Я невольно подалась

на шаг назад, теперь отчётливо понимая, с чего бы Т'иврелу взяться предупреждать прислугу. От силы этой исходило одно лишь небытие, бесполезное, больное и тлетворное. Частица Богини Жизни, но богини — погибшей, умерщвлённой. Наводящими ужас останками, — вот чем была эта… реликвия, этот Камень Земли.

— Назови имя своего избранника, внучка. Того, кому предстоит возглавить нашу семью, — произнёс Декарта.

Я отвернулась прочь от камня, хотя от сияния, что он излучал с такой силой, часть лица неимоверно чесалась и зудела. На секунду зрение моё затуманилось. Ноги подкосились от слабости. Это нечто убивало меня, а я пока что его ещё и пальцем не тронула.

— Ре… релад, — прошептала еле-еле. — Я избираю Релада.

— Какого?!! — Гневный голос Скаймины оглушал ором. — Что ты там сказанула, выблядок?..

Лёгкое движение за спиной. Вирейн; он придвинулся сбоку постамента ко мне. Рука его надежно поддержала меня за спину, когда я, охваченная головокружением, покачнулась, подавшись новому притоку силы. Весьма своевременное подбадривание, ибо я, что есть мочи, старалась устоять и не

свалиться под напором Камня. Стоило опереться на скриптора, и Вирейн чуточку подвинулся в сторону; я краем глаза ухватила быстрый взгляд Кирью. В нём светилась беспощадная, мрачная решимость.

Я думала, что понимала, почему.

* * *

Солнце, согласно обыкновению своему, стремилось всё выше и выше, быстрее и быстрее. Почти половиною вынырнув золотистым кругляшом из-за линии горизонта. Скоро, очень скоро, наступая на нас уже не рассветом, но — днём.

* * *

Декарта невозмутимо кивнул, не обращая внимания на внезапно поднятый Скайминой шум и бессвязные крики.

— Тогда прими Камень, — приказал он мне. — Осуществи выбор действием.

Мой выбор. Я приподняла трясущуюся руку — подхватить камень… больно ли это умирать? да? нет? — задалась отстранённо вопросом. Мой избранник, да.

— Сделай это, — прошептал Релад. Клонясь

всем телом вперёд, тугой как вздетая пружина. — Сделай это, делай это, делай…

— Нет! — Это вновь Скаймина, её взбешённый, пронзительный крик. Краем глаза замаячил вдали стремительный бросок ко мне.

— Мне жаль, — шепнул за спиной Вирейн, и всё вдруг застыло.

Я слабо заморгала, неуверенная, что же всё-таки случилось. Словно повинуясь чему-то глянула вниз. Проткнув лиф моего уродливого платья, там торчало… торчал. Нож. Самый кончик лезвия. Прошивший насквозь тело, вынырнув в правой доле грудины, точнёхонько рядом с выпуклостями грудей. Ткань вокруг менялась на глазах, быстро намокая и обращаясь странным пятном черноты.

Кровь, дошло до меня. Свет, испускаемый Камнем, ухитрился скрасть даже этот, ярчайший из цветов.

Руку отвешивало словно свинцом. Груз. Что за груз? Что я делала? Что я наделала? Никак не получается вспомнить. Я так устала… Мне надо прилечь… Вниз.

Да, опуститься… книзу.

К смерти.

28. Сумерки и Рассвет

Теперь я помню, кто я есть ныне.

Я удержала себя (удержалась в себе) — и боле не позволю этому знанию исчезнуть.

Я несу истину внутри себя, будущей и прошлой, — нераздельной.

Я доведу дело до конца. С широко открытыми глазами.

* * *

И тотчас привычный ход вещей меняется. Всё, и все, и сразу — меж прозрачных стен залы. Меня устремляет средь тех, бывших моих сопутников, невидимой, но видящей.

Тело моё оседает на пол, недвижимое, — но не для крови, сочащейся и расплывающейся лужицами вокруг. И Декарта пожирает меня глазами, быть может, видя перед собой иное. Иные черты лица, скованные смертью. Иную женщину. И Релад со Скайминой обрушиваются на Вирейна, криком и руганью, и лица их искажены до неузнаваемости. Мне не слышно ни слова. И глаза Вирейна, опущенные до меня, странно пусты, пу-

ще обычного пусты, но и он разражается в ответ криком, а Энэфадех, от первого до последнего, равно пригвождены, заледенелые, к месту. Сиеха трясёт до дрожи, и вспухшие жилы лихорадит под кожей, стянув в кошачьей повадке. А с ним кривится и Закхарн, и могучие кулаки её крепко сжаты. Лишь двое из всех не делают ни малейшей потуги к движению, замечаю я, замечаю постольку, что вижу этих последних вблизи. Кирью — прямую, как веха, с лицом, безмятежно спокойным… безропотно покорным. Скорбная тень витает над ней, лелея в тугих объятиях, словно плащ сомкнутых за спиною крыльев, — обличье не для чужого взора; иным не видать его.

Ньяхдоха-а-а… а-ах. Потрясение, меняющее черты, уступает место мучительной боли, с коей он он не спускает с меня взгляда. Меня, истекающей кровью на полу, а не меня, сторонней наблюдательницы. ***Как мне случилось быть обоими****? Мимолётный всплеск удивления гаснет, отрешась прежде вопроса. Что толку с бесполезных роптаний?*

Важна лишь боль, взаправдашняя боль, царящая в глазах Ньяхдоха, и это больше, куда больше, чем просто ужас от потери призрачного шанса на свободу. Хоть чувство это и далеко от чистоты,

с примесью иного… Иной. Он тоже видит пред собой другие очертания. Другое тело, другую смерт… ть. Скорбел бы он по мне сколь-нибудь, оплакивая мёртвую, не неси я в себе души его сестры?

Что за несправедливый вопрос, нечестная мысль. Как малодушно, как бессердечно с моей стороны.

Вирейн, присев, рывком выдёргивает нож из моего трупа. Ещё несколько струек крови брызжет из раны, но немного. Сердце моё уже остановило бег. Упавши на бок, наполовину свернувшись калачиком, как если бы во сне… — но я не бог. Не богиня. И я — не проснусь.

— Вирейн, — приказывает кто-то… Декарта. — Объяснись.

Вирейн подаётся на ноги, мельком вскидывая к небу глаза. Солнце в трёх четвертях над горизонтом. Странное выражение бороздит его лицо, тень, с намёком на страх. Потом тень эта блекнет, и скриптор опускает взгляд к окроплённому кровью ножу в руке — и ослабляет пальцы, позволяя орудию ниспасть на пол. Стук падения еле слышен, словно где-то на отдалении, но зрение моё сосредоточено как есть на ладони заклинателя. Моя кровь плещет меж его пальцев.

И лёгкая дрожь растекается по тем вместе с каплями.

— Это было необходимо, — говорит он, половиною про себя. Потом, собравшись с духом, продолжает: — Она была оружием, господин мой. Последний удар, клинок, направленный в вас леди Киннет, в сговоре с Энэфадех. Нет времени сейчас разъяснять подробнее, достаточно сказать одно, коснись она Камня, осуществи желание, и весь мир нещадно расплатился бы за одно это.

Сиеху удаётся наконец распрямиться, возможно, оттого, что он кончает наконец с тщетными попытками убить Вирейна. Голос его звучит куда ниже, в этом кошачьем обличье, — отчасти срываясь рычанием.

*— **Как** ты узнал?*

— Я рассказала ему.

Кирью.

Взгляды прочих Энэфадех пронизают её неверием. Но она — богиня. Даже будучи изменницей, ей не утерять достоинства, не сдать в гордости.

— Вы забылись, забыли себя, — говорит она, оглядывая каждого из собратьев, детей Энэфы, в свою очередь. — Чересчур долго мы уповали на милость этих существ, будучи в их власти. Иначе не пали бы никогда так низко. В былые времена мы

бы ни за что не унизились опереться на смертного — особенно на отпрыска тех самых кровей, что предала нас всех. — Она смотрит на мое тело и ***видит*** *Шахар Арамери. Однакож, бремя стольких мертвецов несу я в себе. Женщин, ушедших в смерть. — Я скорее согласилась бы умереть, нежели выпрашивать у неё за свою свободу. Нет, я предпочла бы убить её и положить смерть, выкупая иную милость. Милосердие Итемпаса.*

И тишь перехватывает дыхание, в её словах. Нет, не от оторопи, но в бешенстве.

Первым рушит безмолвие Сиех, горько оскалившись и урча слабым сардоническим смехом.

— Вижу. Киннет убила ***ты****.*

И все люди, заполнившие клеть, вздрагивают, приходя в движение, — кроме Вирейна. Декарта роняет трость, ибо искривлённые, узловатые руки его силятся кое-как сжаться в кулаки. Он твердит что-то. Но мне не услыхать слов.

Похоже, не слышит Арамери и Кирью, хоть та и клонит голову к Сиеху.

— То был единственный здравый путь действий. Девчонке надлежало умереть здесь, с рассветом. — Она указует на Камень. — А душе — застрясть близь ошмётков бренной плоти. До того мига, как Итемпас наконец-таки явится

взыскать и изничтожить обое разом.

— А с этим и наши надежды, — молвит Захарн, челюсти её туго сведены.

Кирью испускает вздох.

— Наша мать — мертва, Сестра, пойми же. Победу одержал ***Итемпас****. Мне тоже ненавистна сама мысль об этом… но пора признать истину и смириться. Как думаешь, сложилось бы дело, случись нам освободиться? Вчетвером, лишь вчетвером, супротив Сиятельного Владыки и тьмы и тьмы прочих наших собратьев и сосестер? Да и Камень, сама понимаешь. У нас в руках никого, кто мог бы совладать с ним, пустив в ход за нас, у Итемпаса же полным-полно приручённых выкормышей Арамери. По любому нам всем грозил один конец — вновь впасть в рабскую кабалу, или того хуже. Ну уж нет.*

И она разворачивается, воззряясь на Ньяхдоха. Как я могла не распознать, не разгадать этого взгляда, этих глаз? Этой незримой печати. Она смотрит на Ньяхдоха с таким видом, как, вероятно, матушка некогда взирала на Декарту, горечь сожаления, нераздельного с презрением. В достатке, чтобы упредить меня.

— Ненавидь меня сколько хочешь, если хочешь, за это, Нахья. Но помни, хорошенько запомни,

проглоти ты только свою упрямую, глупую гордость, отдай Итемпасу чего он жаждет, и ни один из нас не стоял бы здесь. Теперь же я самолично дам Ему желаемое, ибо Он обязался взамен даровать мне освобождение.

И Ньяхдох начинает, тихо, очень тихо.

— Ты невероятно глупа, Кирью, если думаешь, что Итемпас благосклонно примет что-либо меньшее, кроме моей абсолютной сдачи.

А потом он поднимает голову, глядя вверх. Я бесплотна в видении этом, полугрёзе-полусне, но против воли мечтаю затрепетать. Глаза его темнее чёрного. Тьма во тьме. Кожа вкруг них пестрит нитями трещин, вваливаясь разломами, подобно фарфоровой маске, бьющейся вдребезги краями сколов. Но что и хлещет проблесками меж граней разверстых щелей — ни кровь, ни плоть, но невозможное мглистое зарево, что пульсирует там, внутри, подобно сердцебиению. И когда он разжимает губы в подобие улыбки, мне не разглядеть таящегося за тёмнными ввалами…

— Не так ведь… Брат мой? — И в голосе его эхом звенит пустота. Он смотрит на Вирейна.

Вирейн (силуэт, наполовину выцветший в рассветных лучах) оборачивается к Ньяхдоху…

обращаясь навстречу, однакож, не его, а моим глазам. Высматривая, выглядывая меня, блуждая по мне взором. Улыбаясь. И страх попалам с печалью в этой горчайшей усмешке — нечто, что лишь мне, одной на целую эту залу, возможно понять. Знаю инстинктивно, однакож, не постигаю — почему.

А мгновение спустя, незадолго до того, как ломаный луч светила, нижайший из, рассевается вольно, достигнув горизонта, я осознаю, что вижу в нём. ***Кого*** *вижу. Две души. Итемпас, подобно обоим своим сиблингам, также имеет вторую самость.*

И Вирейн отбрасывает голову назад и срывается пронзительным визгом, и из горла его извергается рвотой жгучий, палящий свет, белее белого. Наводняя комнату в мгновение ока, ослепляя меня. Догадываюсь, что люди, городом ниже и окрестностями, узреют сей свет издалека, за многие мили. Они вообразят, что то само солнце сошло на землю, и будут правы в своих помыслах.

И сквозь ярчайшую белизну эту слышу я вопли и крики Арамери, всех, кроме Декарты. Он единственный бывал свидетелем такого и прежде. И когда свет блекнет, я оглядываю Итемпаса,

Пресветлого Владыку Небес.

Библиотечная гравюра на удивление точна, хотя различия и основательны. Лик его куда более совершенен, симметрией черт и соразмерностью, отчего сравнение просто постыдно. Глаза его — пылающее золото полуденного солнца. Волосы его, пускай и белогривые, равно у Вирейна, много короче и вьются туже моих осбственных, плотными завитками. И кожа его также темнее, матово гладкая, как стекло, в своей безупречности. (Что несколько удивляет меня, хоть дивиться и не след. Но как, должно быть, сие язвит Амн.) И в этой первой вспышке понимания, я вижу, отчего Нахья любит его.

Любовь таится и в глазах Итемпаса, покуда он прошагивает вперёд, огибая моё тело в ореоле едва свернувшейся крови.

— Ньяхдох, — говорит он, улыбаясь и простирая руки. Даже будучи бесплотной, в бестелесой форме, я вздрагиваю. Что только вытворяет божественный язык с парой созвучий! Он явился обольстить бога всех мирских соблазнов, и, а-ах, явился подготовленным загодя.

Мгновение, и нежданная свобола сбрасывает оцепенение с Ньяхдоха, он резко вздымается на ноги. Но: не принимая протянутых рук. Он про-

ходит мимо Итемпаса — туда, где лежит моё поваленное тело. Запачканное, чёрное от крови, запёкшейся на боку; но, как бы то ни было, это не мешает встать падшему на колени, приподнимая меня мёртвую. Он держит покойное, прижав к себе, баюкая мою голову, не позволяя той завалиться назад на закостеневшей, одеревенелой шее. Лицо его стыло и невыразительно. Он просто глядит и глядит на меня.

Если весь этот жест — одно расчитанное оскорбление, то оно не остаётся незамеченным. Итемпас медленно опускает руки, улыбка на его лице вянет.

— Отец Всего. — Поклон Декарты полон сомнительного достоинства, шаткого — без привычной трости. — Мы с честью гордимся, что вы вновь почтили нас своим явлением.

Глухой рокот голосов с обоих сторон комнаты: Релад со Скайминой также торопятся с приветствиями. Эти двое меня не заботят. Я вышвыриваю их образы из своего сознания.

На мгновение думается, что Итемпас не снизойдёт до ответа. Но после он заговаривает, по-прежнему сверля взглядом спину Ньяхдоха.

— Ты всё ещё носишь печать сигила, Декарта. Призови слугу и покончи с ритуалом.

— Сию минуту, Отче. Но…

Итемпас воззряется на Декарту, и тот смолкает на полуслове, замерев под опустошённо-больным, жгучим взглядом. Мне не в чем его упрекнуть. Но Декарта — Арамери, богам(и) его не застращать, по крайней мере, надолго.

— Вирейн, — говорит он. — Вы были… частью его.

Итемпас позволяет ему немного побарахтаться в тишине, путаясь в мыслях, потом продолжает:

— С того дня, как твоя дочь оставила Небеса.

Декарта оглядывает, всматриваясь, Кирью.

— Ты знала это?

Та склоняет голову в ответе, царственно и горделиво.

— Не сразу. Но одним днём Вирейн пришёл ко мне и дал понять, что я не обязана веки вечные существовать, проклятая и обречённая на этот ад на земле. Отец наш всё ещё в силах простить детей своих, докажи мы ему верность и преданность. — Тут она мельком кидает взгляд на Итемпаса, и даже всё её достоинство не способно сокрыть тревогу, выписанную на лице. Ей знакомо, сколь переменива может сказаться его милость. — Даже тогда я не питала полной

уверенности, хоть и подозревала. Тогда-то я и решилась избрать свой план.

— Но… это значит… — тут Декарта замолкает на время. Осознание-ярость-покорность-обречённость пересекают лицо, одно за другим, вспыхивая и угасая, всё быстрее и быстрее. Могу предположить его мысли. ***Пресветлый Итемпас срежиссировал смерть Киннет****.*

Мой дед закрывает глаза, быть может, оплакивая смерть… своей веры.

— Зачем?

— Сердце Вирейна было уничтожено. — Отдаёт ли себе отчёт Отец Всего Сущего, что глаза его обращены к Ньяхдоху, покуда слова слетают с губ? Осознаёт ли, что изобличён взглядом? — Он хотел вернуть Киннет обратно и предложил что угодно, согласись я потворствовать достижению цели. Я принял его плоть в счёт уплаты.

— Как предсказуемо, — Я перемещаюсь к себе, покоящейся в руках Ньяхдоха. Тот обращается к Пресветлому поверх моего тела. — Ты использовал его.

— Будь в моих силах дать ему желаемое, я дал бы, — отвечает Итемпас, весьма по-человечески пожимая плечами. — Но Энэфа даровала этим существам силу творить собственный выбор.

Даже нам неподвластно менять их намерения, когда они настаивают на своём, настроившись на заданный ход. Вирейн был глупцом, прося невозможного.

Улыбка, что кривит губы Ньяхдоха, сочится презрением.

*— Нет, Темпа, я имел в виду вовсе другое, — **что**, ты и сам знаешь.*

*И каким-то чудом, возможно, оттого, что я уже мертва и мёртв мой плотский разум, и мысли мои рождены вовсе не им, — я **понимаю**. Энэфа мертва. И неважно никак, что крохи её плоти, частицы души не пали прахом, сохранившись; так и так то всего лишь жалкие тени Той и Того, чем она была истинно. Вирейн, однакож, вобрал в себя сущность живого божества. Я вздрагиваю, понимая внезапно: момент воплощения Итемпаса был и мгновением гибели Вирейна. Знал ли он, на что шёл? Столько странностей скриптора обретают смысл, кристально чистый, кидая взгляд в прошлое.*

Но, прежде того, облачившись, скрывая суть, разумом и душою Вирейна, Итемпас Итемпас был волен следить за Ньяхдохом подобно тайному (и страстному) соглядатаю. Он мог свободно распоряжаться Ньяхдохом, трепеща от

его покорности. Мог притворяться послушным орудием воли Декарты, в то же время тонко подтасовывая события, искусно влияя на падшего, давя и подавляя. За спиной ничего не разумеющего Владыки Ночи.

Лицо Итемпаса неизменно, но что-то в нём теперь подсказывает: гнев. Быть может, отблески воронёной стали в золоте глаз.

— Как всегда, невозможно напыщенно, Нахья. — Он шагает ближе — как раз настолько, чтобы белоснежное зарево, что обступает его, налетает на медленно тлеющую тень Ньяхдоха. И когда две силы соприкасаются друг с другом, обое, и свет и тьма, кроются прочь, претворяясь в ничто.

— Ты цепляешься за этот кусок мяса, как стервятник когтями за падаль, будто то что-то да значит, — говорит Итемпас.

*— Она. **Она**, а не вещь.*

— Да, да, помню, — сосуд… но цель её ныне сослужена. Она выкупила твою свободу собственной жизнью. Не пришло ли время забрать награду?

Медленно двигаясь, Ньяхдох опускает моё тело вниз. Я явственно чувствую разгорающуюся в нём ярость — первее прочих. Даже Итемпас выглядит удивлённым, когда падший с грохотом впеча-

*тывает в пол костяшки судорожно сведёных кулаков. Кровь с пальцев (**моя** кровь) разлетается парным вихрем брызг. Зловещий треск предвещает пошедший разломами пол, частью затронуты и стеклянные навесы стен… по счастью, дело не идёт дальше тонкой паутинчатой сети трещин. Взамен рассыпается щебенем плинт в центре залы, с позором выплёскивая на пол Камень Земли и усеивая всех сверкающими песчинками. Пятная белоснежной взвесью.*

*— **Большим,** — выдыхает хрипло Ньяхдох. Развёрстая тьма всё дальше и дальше бороздит ему кожу; падший едва-едва вмещаем смертной плотью, что есть его темница. Когда он взрастает с ног и разворачивается, с рук сочится каплями нечто, исполненное черноты, слишком густой и вязкой, чтобы быть кровью. Плащ тьмы, что кружит по воздуху, дробясь схлёстнутыми плетьми мрака, подобен сотне крошечных вихрей.*

*— Она… была… **большим!** — Мрак дробится, как и он сам. Едва-едва сохраняя связность речи. Изживший несчётную тьму веков в безъязычной немоте, прежде языка… Возможно, самый инстинкт его вопиёт отрешиться от дара речи в секунду нужды, доведённой до края, попросту извергая из себя ярость громогласным рёвом. —*

Больше *сосуда. Она была последней надеждой. Моей надеждой. И* ***твоей****.*

Кирью — зрение отшатывает к ней против воли — выступает на шаг вперёд, протестующе открывая рот. Закхарн ловит её руку, предостерегая. А она умна, думаю я, по крайней мере, определённо поумнее мудрейшей Кирью. Ньяхдох словно помешан до смерти.

Впрочем, то же творится и с Итемпасом: Пресветлый пожирает глазами падшего, вперяясь в него словно на дуэли и перебарывая бешенство собрата. И в глазах его — ничем неприкрытое, чистое вожделение, безошибочное узнаваемое под налётом бойцовского напряжения. Ну, конечно: сколь много эонов они истощались непрестанными сражениями, поддаваясь попеременно от грубого насилия до странной (страстной) жадной охоты? Или, быть может, Итемпас попросту неизмеримо долго пребывал без любви Владыки Ночи, так что теперь готов забрать всё, даже ненависть придётся к месту.

— Нахья, — проговаривает он мягко. — Взгляни на себя. Всё это превыше смертного? — Он вздыхает, качая головой. — Я надеялся, определяя тебя здесь, среди хищного сброда, паразитов, наследия нашей сестры, пребывание это проде-

монстрирует ошибочность избранных тобою путей. Теперь же я вижу, что единственное, взращённое тобой, — привычка к неволе.

Затем он делает шаг вперёд, сотворяя то, что каждый из присутствующих в зале счёл бы самоубийством: Пресветлый ***касается*** *Ньяхдоха. Краткий жест: простое мановение света, сочащегося с пальцев Владыки Дня, по изломанной фарфоровой белизне лица Владыки Ночи. Но столько тоски в этом касании, что сердце моё взрывается тупой болью.*

Но что с того? Что толку? Итемпас убил Энэфу, упокоил собственных детей; меня, наконец. И Ньяхдоха. В Ньяхдохе он тоже убил что-то важное. Неужели ему не видать — что? Как он может ***не видеть****?*

А, возможно, и видит, ибо взгляд его замирает, нежность в глазах блекнет, и, спустя мгновение, он отводит руку.

— Да будет так, — говорит он, и голос его леденеет. — Мне прискучило и порядком утомило всё это. Энэфа была бедствием, Ньяхдох, бичом и мором. Он взяла чистую, совершенную вселенную, что ты и я создали, и замарала, испятнала её. Я сберёг Камень, заботясь о ней, что бы ты там себе ни думал… а ещё — мысля, что он поможет

повлиять на тебя, склонить на свою сторону.

После он замолкает, посматривая свысока и с презрением на мои останки. Камень, что купается в моей крови, упавши, меньше ладони с моего плеча. Несмотря на заботливо уложившего меня на полу Ньяхдоха, голова всё равно заваливается набок. Одна из рук неловко подвёрнута, пальцы вытянуты — ближе и ближе — зачерпнуть Камень. Злая ирония судьбы — вот она, смертная женщина, умерщвлёная в жалкой попытке притязать на божественную силу. Власть богини. И ложе бога.

Полагаю, Пресветлый Итемпас ниспошлёт меня в особо отвратную адскую топь.

— Но, думаю, пришло время нашей сестре упокоиться окончательно. Целиком и полностью, — говорит Итемпас. Не могу сказать, на кого он взирает больше, меня или Камень. — Пускай её ядовитая зараза кончится вместе с ней самой, и тогда наши жизни устроятся, как и прежде. Разве не мог ты ошибиться теми днями? Потеряться? Пропустить?

(Я замечаю, как Декарта цепенеет на глазах, коченея и костенея. Только он один, из всех трёх смертных, кажется, понимает, ***что*** *именно подразумевают слова Пресветлого.)*

— Моей ненависти не остыть меньше и тогда, Темпа, — выдыхает Ньяхдох, — когда ты и я останемся единственными, что останется живо во всей этой вселенной.

А после срывается вперёд, в атаке, ревущей бурей, чёрной грозой, вихрем плетей; а Итемпас — навстречу, трещащим сгустком, белым пламенем, жёстким коловоротом. Они сходятся, сметаются, спрягаются в понуждении, в принуждении, разметая стёкла ритуальной залы дробью осколков. Вопли смертных, голоса их почти теряются в завываниях воздуха, леденелых, истончившихся, полнящих пустоту. Они валятся на пол, а Владыки, сплетясь, стремятся прочь и выше… но моё сознание на миг притягивается к Скаймине. Глаза её прикованы к ножу, убившему меня, ножу Вирейна, брошенному невдалеке. Релад неуклюже раскинулся посреди россыпи стеклянного крошева и месива расколотого плинта. Глаза Скаймины сужаются.

Сиех вздымается рыком, его глас эхом отражается от боевого клича Ньяхдоха. Закхарн оборачивается лицом к Кирью, и в руке появляется знакомая пика.

А в центре творящегося хаоса по-прежнему лежат, нетронутыые и незамеченные, тело моё

и Камень Земли.

* * *

И вот мы и здесь.

Да.

Ты понимаешь, что случилось?

Я мертва.

Да. В соседстве с Камнем, который есть моё прибежище, хранилище последних остатков силы.

И это то, отчего я всё ещё здесь, способная видеть происходящее?

Да. Камень убивает живое. Но ты — мертва.

Ты говоришь… это значит… я что, могу вернуться к жизни? Потрясающе. Как подходяще, что Вирейн вовремя повернулся ко мне, набросившись.

Я предпочитаю думать о том, как о фатуме.

И что теперь?

Твоему телу должно измениться. Оно более окажется не способно нести в себе две души; таковой способностью владеют лишь смертные. Создавая сообразно твой род, одаривая силами, что не сподручны нам, мне и не мечталось никогда, что это сотворит тебя настолько сильной. Достаточно сильной, чтобы одолеть меня, несмотря на все мои усилия. Достаточно сильной, чтобы занять

моё место.

Что? Нет, я вовсе не хочу твоего места. Ты это ты. Я это я. За это я и боролась.

И боролась хорошо. Но моя сущность, всё, что я есть, необходима этому миру, дабы он продолжался. И если не я буду той, кто возродит существующее, тогда ею станешь ты.

Но…

Я не жалею, Дочь, Маленькая Сестра, достойная наследница. И тебе не стоит. Я только желаю…

Я знаю твоё желание.

Ты так уверена? Правда?

Да. Они ослеплены гордостью, но глубоко под нею всё ещё таится любовь. Троим сутью своей предназначено единство. Я пригляжу, чтобы так оно и было.

Спасибо тебе.

Тебе спасибо. И — прощай.

* * *

Я могла бы размышлять целую вечность, взвешивать «за» и «против». Я мертва. Всё время мира в моих руках, стоит только захотеть.

Но я никогда не была чересчур терпеливой.

* * *

Внутри и вокруг стеклянной залы (и от того и от другого, впрочем, остаются одно лишь название да осколки), бушует сражение.

Бой Итемпаса с Ньяхдохом смещается ввысь, в небеса, некогда сообща делёные на двоих. Выше пары крошечных пылинок, коими они обое смотрятся с высоты, потёки тьмы рвут шаткий покат рассвета, подобно тому, как поверх утренней хмари слоится каймой ночная тень. И от края до края небосклона неустанно палит, пытась выжечь их, светло горящая белизна, сияя лучом, словно солнце, но в в тысячу времён ярче. Бессмыслица. Да, бессмыслица, ибо и без того — время дня. Не высвободи Итемпас до срока Ньяхдоха, и падший уже покоился бы внутри человеческого своего узилища. В воле Пресветлого забрать назад слово (и желание), в любую секунду, как бы то ни было. Должно быть, он на редкость доволен собой.

Скаймина завладевает ножом Вирейна. Она бросается на Релада, пытаясь выпустить брату кишки. Мужчина сильнее, но на стороне женщины жар неуёмного честолюбия и цель, оправдывающая средства. Глаза Релада широко распахнуты

в ужасе; быть может, он всегда страшился чего-то вроде этого.

Сиех, Закхарн и Кирью кружат в смертоносном танце из ложных выпадов и обманных финтов, сталь напару с когтем. Кирью, обороняясь, призывает пару сабель, мерцающих бронзой. Впрочем, результат и этой схватки предрешён заранее. Закхарн есть бой, воплощённый в плоти, а за Сиехом — всё могущество ребяческой безжалостности. Но Кирью — хитра и коварна, и она успела вкусить свободы, кислинкой отдающейся на языке. Она не умрёт так легко.

А посреди всего к моему телу движется Декарта. Остановившись, он борется с ослабевшими коленями, в конце концов, поскользнувшись в луже крови и полупадая на меня с гримасой боли. Потом его лицо затвердевает. Он смотрит вначале вверх, туда, где сражаются друг с другом его боги, затем вниз. На Камень. Исток могущества клана Арамери, но также и вещественное воплощение долга служения. Возможно, он до сих пор надеется, следуя до конца долгу, напомнить Итемпасу о ценности жизни. Возможно, он всё ещё хранит в себе крохи веры. А может, это просто оттого, что сорок лет тому назад Декарта собственноручно убил жену в доказательство

истинности своих обязательств. Поступить иначе теперь — значит свести на нет её смерть, превратив в живую насмешку.

И он тянется к Камню.

Пусто.

Но секундой прежде он был там, покоясь в луже моей крови. Хмурясь, Декарта осматривается по сторонам. Глаза застывают, привлечённые движением. Дыра в моей груди, что свободно виднеется через разорванную ткань корсажа: рваные лепестки краёв стягиваются, наползая с силой друг на друга, скрывая рану. И когда линии кровавого провала усыхает до тонкой нити, Декарта ловит взглядом проблеск тусклого сумрачного света. ***Внутри****.*

И тогда меня вдруг тащит куда-то, волочит вперёд, вниз… Верно. С бестелесной души хватит хлопот. Время вновь оживать.

* * *

Открыв глаза, я села.

Декарта, у меня за спиной, захлебнулся вздохом, ловя ртом воздух, то ли в удушье, то ли в хрипе. Никто другой, кроме него, ещё не успел заметить меня, поднявшуюся на ноги, — и разворота, к нему лицом.

— К-как… именем каждого бога, ч-что… — Рот его раскрывался и закрывался. Глаза таращились.

— Не каждого бога, — сказала я. И поскольку я по-прежнему оставалась сама собой, даже после всего, склонилась вниз — улыбнуться ему прямо в лицо. — Только моим.

А после закрыла глаза, дотрагиваясь до груди. Тишина. Ничто не билось под пальцами: моё сердце было уничтожено. Но там крылось что-то иное, давая жизнь плоти. Я могла чувствовать это. Камень Земли. Частичка жизни, порождённая смертью, полнящаяся бесчисленными возможностями. Вероятностями. Семя.

— *Расти же,* — шепнула я.

29. Трое

Как и у всякого рождения, вначале была боль.

Кажется, я исходила криком. Думаю, в то мгновение много чего происходило. Смутное чувство неба, кружащего водоворотом высоко над головой, день, исходящий по кругу в день, и ночь, и снова в утро, и всё — за долю вздоха. (И если так, значит, движмое было вовсе не небесами.) Ощущение, что где-то во вселенной бессчётное число новых видов ворвалось в жизнь на миллионах планет. Знание, что с глаз моих сочились слёзы. И там, где солёные капли орошали землю, мхи, и лишайники, и плауны расползались повсюду тягучим ковром.

Я не могу быть уверена ни в чём из того ощущенья. Я и сама менялась, где-то в тех измерениях, что не описать смертным языком. И тем повергая, захватив, большую долю разумения.

Но когда с изменением было покончено, я открыла глаза и узрела новое. Новые цвета.

Зала попросту пылала ими, раскалённая добела. Радужные переливы небесной плоти полов. Искрящиеся золотом вспышки от разбросанной

вокруг стелянной крошки. Голубизна неба… водянисто-белая, но теперь сменившаяся такой живой бирюзой, синью впополам с зеленью, что я таращилась в изумлении. Никогда ещё, за всю свою жизнь, говорю вам, не видав столь насыщенной синевы.

Следом пришли запахи. Тело претворялось чем-то иным, менее телесным, чем воплощённое, но форма его в эти мгновения была по-прежнему человеческой… как и чувства. И что-то кроме тоже было другим. После жадного вдоха на языке рассыпался колкий привкус редких капель воздуха, сливаясь исподволь с налётом крови, что слоем покрывала одежды. Я дотронулась до неё кончиками пальцев и слизнула. Соль, ещё больше металла, слабо отдающие горечью и кислицей. Разумеется, я ведь была весьма далека от того, чтобы назваться счастливой, в последние-то дни, прежде чем умереть.

Новые цвета. Новые ароматы, витающие в воздухе. Никогда прежде я не понимала так чётко, как теперь, что значит — жить во вселенной, утерявшей целую треть от себя. Война Богов стоила нам много сильнее, чем лишь смертные жизни.

Никогда. Никогда больше, дала я обет, клянясь безмолвно.

Хаос вокруг застыл. Я не хотела ни говорить, ни думать, но нарастающее чувство ответственности толкалось в груди вопреки мечтательному забытью. Наконец, вздохнув, я сосредоточилась на окружении.

Слева от меня высились трое блистающих существ, сильнее прочих и много тягуче, гибче по форме. Я узнавала в них суть себя. Уставившиеся на меня с разинутыми ртами, с оружием, заледенелым в руках и когтях. Один из них вдруг переплавился иным обличьем — ребёнка — и вышел вперёд. Глаза его горели, широко распахнутые.

— М-мать?

Это слово не было моим именем. Я бы так и отвернулась равнодушно, не прийди на ум, что таковой жест ранит его. Почему то было так важно? Не знаю, но смутное чувство беспокоило меня.

Ответила взамен отрицающе:

— Нет.

И, поддавшись импульсу, протянула руку — взъерошить тому волосы. И без того вытаращенные глаза расширились ещё, чтобы набухнуть и плеснуться слезами. И он отстранился против, прикрыв лицо руками. Я не знала, чем успела

задеть его, так что попросту поворотилась к прочим.

Ещё трое живых стояли справа… нет, вернее, лишь двое — и один полумёртвый. Тоже сиющие, хотя свет сей и крылся внутри, а тела были слабее и грубее, как недоработаные заготовки. И конечны. Я наблюдала, как истекает время умирающего, — слишком многие из плотских органов были повреждены, чтобы поддерживать жизнь. Даже оплакивая его, я чувствовала правоту смертности.

— Что это? — требовательно выплюнул один из них. Младщий, женщина. Её тяжёлый гаун и руки были забрызганы кровью. Братской кровью.

Другой же, старше по годам, подступивший к порогу собственной смерти, только слабо качнул головой, воззрясь в ошеломлении.

И вдруг ещё двое существ стали предо глазами, и у меня перехватило дыхание при их виде. Я не могла ничего поделать с собою. Так невозможно прекрасны были они, эти двое, даже за пределами оболочек, — понуждёные носить те, дабы взаимодействовать с этой гранью. Они были частью меня, роднёй, подобием, вместе с тем столь различные. Я была рождена быть вместе с ними, устраняя разрыв, пропасть меж двойни, — до-

вершенье их замысла. И теперь стоять вот так, рядом… всё во мне жаждало запрокинуть голову и петь от радости.

Но что-то было не так, неправильно. Тот, кто ощущался светом, и спокойствием, и постоянством… он был весь цельность и великолепие. Однакож в сердцевине его сути таилась порча. Я глянула ближе и постигла внутри величье и громаду, внушающую ужас, — одиночество, снедающее сердце подобно червю, завёвшемуся в яблоке. Это отрезвило меня, и смягчило, ибо мне ведомо было, что значит чувствовать подобное.

Такая же пагуба крылась и во второй сущности, чья природа звалась (и взывала) тьмой и буйством, и дичью, и страстью. Но что-то большее было сотворено с ним; нечто ужасающее, пробирающее до кости. Сломленная и подавленная, душа его увязывалась, скованная, краеострыми цепями, силой стиснутая после в чересчур малый сосуд. Беспрестанная агония. Он неловко пал на одно колено, глядя тусклыми, помутнелыми глазами сквозь ломаную гриву волос, слипшихся от грязного пота. Даже собственное дыхание, редкое и учащённое, причиняло ему боль.

Непристойно. Непотребно. Но куда больше окорбительного бесстыдства было в цепях (я

проследовала к их источнику) — и в том, что те были частью меня самой. Там крепилось ещё три других привязи, и одна из вела к шее существа, назвавшего меня Матерью.

Взбунтовавшись в отвращении, я рванула цепи, подальше от груди, желая разнести вдребезги.

Трое существ слева ахнули разом, ловя ртами воздух, (с)ворачиваясь в себя, как только могущество вернулось к ним. Их отклик, однакож, было ничем в сравнении с тёмной сущностью. Одно долгое мгновение он не двигался, только глаза ширились и ширились, покуда цепи слабели, спадали и рушились.

А затем швырнул голову назад и развергся криком, и всё существование пошло смещением. На этой же грани проявившись единым титаническим сотрясением шума и вибраций. Всё видимое разом скрылось из мира, сменившись мраком, глубоким и глубинном, — в избытке, чтобы свести слабые души с ума, длись он более сердцебиения. Тьма миновала ещё быстрее, уступая место чему-то новому.

Баланс: я чувствовала его возвращение, подобно тому, как вправляют на место болезненный вывих. Вселенная формировалась из Трёх. Впервые за века Трое вновь восстали.

А когда всё стихло, я увидала, что тьма моя вновь цельна. Там, где некогда в пробуждении мерцали тревожные тени, теперь же он сиял невозможно неверным ореолом черноты, как сам Маальстрем. Как я могла думать прежде, что он просто красив? Ах, но теперь никакой человеческой плоти не под силу было пригасить холодное величие. Глаза пылали раскалённым иссиня-чёрным, искрящиеся таинствами, и изяществом, и утончённостью, внушая страх. Стоит ему улыбнуться, и мир затрепещет, и я вместе с ним, ибо у меня нет от него защиты.

Тем не менее, увиденное поражало и по вовсе иной природе, ибо внезапно меня захлестнула волна воспоминаний. Они были слабыми, мертвенно-бледными, эти воспоминания, как если бы что-то полузабытое ворошилось в памяти… Но они бились и толкались внутри, требуя настоятельно признания, покуда я, захлебнувшись звуком, не закачала головой и не затряслась протестующе, отбиваясь от воздуха. Бывшие частью меня, — хоть я и понимала теперь, что имена их были для моего рода столь же эфемерным, как и обличья, — воспоминания неуёмно настаивали дать имя. Наречь то, что было — суть тьма. Ньяхдох.

Сверкающая же: Итемпас.

И моё…

Я нахмурилась в замешательстве. Руки поднялись, встав перед лицом, и я обозрела их, как если бы никогда прежде не видя. В каком-то роде, у меня не было имени. Меня не было. Сумеречный свет внутри, столь ненавистный прежде, обращался теперь многоцветьем, скраденным из моего существа. Существования. Сквозь кожу я видела, как эта пестрота танцует по венам и жилам, и нервам, не утерявшая ни грана могущества, будучи схищенной так долго. Грана не моей мощи. Но плоть-то была моя, не так ли? Кем же была я сама?

— Йин, — проговорил Ньяхдох с нотками изумления.

Сквозь меня дрожью (с)хлынуло чувство, тот самый баланс, обретённый мгновением назад. Внезапно я поняла. То была моя плоть, и моя власть, и моя мощь тоже. Я была той смертной, что сделала меня жизнь, что сотворила меня Энэфа, но всё это оставалось в прошлом. Отныне я могла быть кем (и чем, и чьей) ни пожелаю.

— Да, — сказала я и улыбнулась ему. — Это моё имя.

* * *

Настал черёд иным переменам.

Ньяхдох и я развернулись к Итемпасу, что рассматривал нас тяжёлым взглядом. Глаза его искрились парой топазов.

— Что ж, Нахья, — произнёс он, хоть вся ненависть, стывшая во взоре, значилась лишь мне. — Должен поздравить; и впрямь, блестящий ход. Я думал, вполне достаточно трупа этой девчонки. Теперь же вижу, следовало изничтожить её начисто.

— На это ушло бы куда больше сил, чем ты владеешь, — сказала я.

Лицо Итемпаса на мгновение искривилось мрачной вспышкой. Столь легко читаемой, что даже странно — как он сам не понимает этого? Он всё ещё думал обо мне, как о смертной; ничтожная мошкара — вот кем были и есть для него смертные.

— Ты — не Энэфа, — огрызнулся он.

— Нет, не она. — Я не могла сдержать улыбки. — Вам ли не знать, отчего душа Энэфы застряла здесь, медленно угасая все эти годы? Вовсе не из-за Камня.

Досада умножила мрак, копящийся у бога на

лице. Что за колким существом он был, этот Итемпас. Вспыльчивый и шипастый. И что только Нахья разглядел в нём? Нет, это глаз ревности. Опасно. Очень опасно. Я не вправе повторять прошлое.

— Цикл жизнесмерти струится изосквозь меня, — сказала я, касаясь груди. Что-то внутри — что-то, бывшее лишь отчасти сердцем, — билось, спокойно и ровно. — Даже Энэфа никогда воистину не понимала этой части себя. Возможно, она по-любому должна была умереть, рано или поздно, и теперь, возможно, и я — единственная из нас, кто никогда не станет истинно бессмертной. Но, по той же причине, мне никогда и не умереть по-настоящему. Уничтожьте меня, но какая-то толика неизменно да останется. Душа, плоть, а быть может, одна лишь моя память — но и её хватит с избытком, чтобы вернуть меня обратно.

— Тогда я попросту не озаботился делом потщательнее, — многообещающе проговорил Итемпас, тоном, сулящим мало приятного. — Буду уверен наперёд, что исправлюсь следующим разом.

Ньяхдох шагнул вперёд. Ореол тьмы окружал его фигуру, слабо потрескивая, покуда тот двигался, и по следу несло белую крупу — влагу, вымороженную из воздуха.

— Не будет следующего раза, Темпа, — сказал он с пугающей мягкостью в голосе. — Камень исчез, и я свободен. Я раздеру тебя на части, как и планировал, — долгими, очень долгими ночами заточения.

Аура Итемпаса вспыхнула, подобно белоснежному пламеню, глаза его возгорелись добела парой солнц.

— Некогда прежде я уже швырял тебя, Брат, на землю, сломанным и поверженным, могу повторить и снова…

— Довольно, — сказала я.

Шипение стало ответом Ньяхдоха. Он сжался, припадая к земле, руки его внезапно обратились чудовищными когтями. Ешё одно размытое резкое размытое движение, и обок падшего выросла кошачья тень. Сиех. Кирью двинулась было, как если б желая присоединиться к Итемпасу, но тотчас кончик пики Закхарн заколыхался у её горла.

И ни малейшего внимания на меня. Ни у одного. Я вздохнула.

Сознание собственной власти горело внутри, безотчётное, инстинктивное, равно как думать и дышать. Закрыв глаза, я потянулась к нему, чувствуя вдруг, как то распрямилось, расплелось,

туго натягиваясь под сердцем. Примеряясь на изготовку. Нетерпеливое. Пылкое. Жаждущее.

Забавно выйдет.

Первый порыв силы, что я послала по дворцу, был неистов, настолько, что вполне смог пошатнуть каждого, даже моих задиристых братьев, что в удивлении замолкли, потеряв дар речи. Не обращая внимания на них, я закрыла глаза, отпуская приказ, насыщая энергией и облекая волю формой. Как же много её было! Силы. Не будь я осторожной, и разрушение далось бы много легче созидания. Какой-то гранью существа я сознавала, что окружаема светом, нет, разноцветьем: туманно-серый, но также — закатно-розовелый, и с ним — зеленовато-белесое рассветное зарево. И волосы мои развевались, окутанные этим многоцветьем, освещённые. Хлёсткий удар силы, и марево обратилось облачением даррийского воина: туго стянутая блуза без рукавов и практичные, удобные штаны до икр. Последние на редкость непрактично сверкали серебром, ну… ладно, я ведь была теперь богиней, в конце концов.

Стены — шероховато-загрубелая, бурая пополам с коричневым, древесная кора — поднялись вкруг нас. Огораживая комнату, но не полностью: то тут, то там скалились лазом щели (пускай, и

теряющиеся из виду, одна за другой, стоило мне повести взгляд). Соседние ветки тут же разрастались, расщепляясь дюжиной мелких отростков, пуская ростки и прорастая вьющейся листвой. Над нами меркло небо, по-прежнему видимое, хоть и изрядно застланное — спасибо навесу листвы, раскинувшемуся поверх голов. Благодаря чему бурый полог разросся колоссальных размеров древесным стволом, сучковатым, извилистым, тянущимся всё выше и выше к небесам.

На деле, верхние из ветвей это самое небо пронзали. Глянь я с вышины на мир внизу, и разглядела б кружево белесых облаков и синеву морей, и бурую землю, и одну-единственную пышную крону, взламывающую гладь изгиба планетной сферы. Подлети я ближе, и в глаза бы бросились корни, подобно горным грядам, впившиеся в твердь, и гнездящиеся меж ними, словно зубцами рогатины, Небеса-бывшие-городом. Корни, что длиннее русел рек. Я видела б людей внизу, на земле, перепуганных и дрожащих, вылезших из домов, кое-как подбирающихся с тротуаров, — в благоговейном страхе взирая на громадное древо, что свилось двураз вкруг дворца Небесного Отче.

На деле, всё это я видела, даже не открывая

глаз. После ж я наконец распахнула их, находя своих братьев и детей, взирающих на меня в изумлении.

— Довольно, — повторила я. На сей раз всё внимание было моим. — Здешнему царству не снести… не пережить ещё одной Войны Богов. Я не позволю.

— Ты не позволишь?.. — Итемпас сжал кулаки, и я почувствовала тяжкое, рагорячённое, пошедшее нарывами, удушливое тление его мощи. На мгновение мною завладел испуг, и не без оснований. Он направлял и гнул, и покорял согласно своей воли вселенную в начале всех времён; он далеко опередил меня, много превосходя в опыте и премудростях. Мне не ведомо даже, как сражаться могуществом богов. Как сражаются они сами. Он не нападал потому лишь, что расчёт был двое против одного, и это единственное, что сдерживало его пока что.

Тогда это ж и есть надежда, решила я.

Будто бы читая мои мысли, Ньяхдох покачал головой.

— Нет, Йин. — Глаза его темнели чёрными провалами на черепе, готовые глотать целые миры. Жажда возмездия, *кары*, клубилась из падшего подобно дыму. — Он сгубил Энэфу, даже любя её.

Он не испытывает угрызений совести по всей тебе, как есть. Мы должны уничтожить его, либо быть уничтожены сами.

Затруднение, однако. Я не держала зла или обиды на Итемпаса — он убил Энэфу, не меня. Но кто вычеркнет одним махом тысячелетия стрададаний и боли Ньяхдоха? Тот заслужил справедливость. И, что ещё хуже, он был прав: Итемпас сошёл с ума, отравленный ревностью, страхом и подозрениями. Негоже позволять безумцам, кем бы они ни были, разгуливать на свободе, дабы те могли причинить боль другим или самим себе.

Но и убить его было также делом невозможным. Неможным. Трое создавали вселенную. Трое составляли вселенную. Трое и были вселенной. Без единства Троих, всему бытию придёт конец.

— Мне в голову приходит единственное решение, — произнесла я тихо. И даже так оно отдавало несовершенством. Изьяном. В конце концов, я-то знала по опыту, сколь много ущерба даже простой смертный способен причинить миру, при должном времени и избытке силы. Нам остаётся просто надеяться на лучшее.

Ньяхдох нахмурился, ясно считывая моё намерение, но ручейки ненависти всё ещё сочились.

Да, думаю, этот выход мог бы удовлетворить его жажду крови. Он кивнул единожды в знак согласия.

Итемпас затвердел, уразумевая, что мы задумали проделать. Наречие было его вымыслом; мы никогда по-настоящему не нуждались в словах.

— Я не потерплю этого.

— Тебе придётся, — сказала я, соединяя свою мощь с силами Ньяхдоха. Легчайшее из слияний, более как подтверждение, что мы, Трое, явлены созидать в согласии, но никак не поодиночке. Когда-нибудь, когда Итемпас заслужит наконец своё искупление, быть может, мы воистину восстанем Тремя. Вновь. Каких только чудес могли бы мы сотворить тогда! Вместе. Я буду ждать, ждать с нетерпением — и надеяться.

— Ты будешь служить, — сказал, обращаясь к Итемпасу, Ньяхдох, и голос его был холоден, отягощённый бременем неотъемлемого права. Я чувствовала, как реальность сходит пластами, изменяясь, перестраиваясь согласно тому. Мы и вправду никогда не нуждались в особом наречии, так или иначе; но всякая речь, всякий язык, всякое горло исполнит сказанное, ибо один из нас сказал своё слово. — Не избранному роду, но всему миру. Обречённый блуждать средь про-

стых смертных, как один из них, безвестный и неузнанный, владея тем лишь добром и почтением, что заработаешь сам, делом и словом. И только по великой нужде будучи в праве призывать свою силу и то — лишь в помощь тем самым смертным, коим расточал ты своё презрение. Ты исправишь всё зло и обиды, причинённое твоим именем.

А затем Ньяхдох улыбнулся. Нет, не безжалостно — он был свободен и не нуждался более в жестокости — но и милосердия в скривившихся губах не было ни на грош.

— Полагаю, задание это займёт тебя. На какое-то время.

Итемпас не ответил, не ответил ничего, ибо не мог уже говорить. Слова Ньяхдоха завладели им и, с помощью моей мощи, сплелись, соткались в сети, что ни единая смертная душа не в силах была ни разглядеть, ни разорвать. Пресветлый сражался что есть мочи с оплетающими его цепями, спуская даже на нас единожды собственное могущество — слепящим, яростным взрывом, но всё без толку. Одному из Трёх нечего было и надеяться выстоять против прочих двух, выстоять и победить. И кому, как не Итемпасу, было лучше прочих знать последнее. Ему, использовавшему,

и не раз, преимущество подобного толка, неравенство, — себе во благо.

Но я не могла оставить всё, как есть. Должное воздаяние разумело не только лишь умиротворение жертв, но и расплату по счетам виновного. Искупление.

— Твой приговор может завершиться и до срока, — сказала я, и слова мои также сомкнулись вкруг бога, изгибаясь и насыщяясь тяжестью, — научись ты истинной любви.

Итемпас уставился на меня. Ещё не низведённый на колени весом совместного могущества нашего, но близкий к этому. Ныне он высился, пошатываясь, пригибаясь назад, горбя спину, дрожа всем телом; исчезли и белые сполохи ауры, лицо же блестело от пота. Весьма и весьма смертного пота.

— Я… да никогда… не полюблю… тебя, — проскрежетал он сквозь зубы.

Я заморгала удивлённо.

— С чего бы мне хотеть твоей любви? Ты чудовище, Пресветлый, чудовище, уничтожающее всех, о ком, якобы, заботишься, предъявив права. Я вижу в тебе одиночество, такое же громадное, как и страдание, и муки по соседству, — но всё это: твоя собственная заслуга.

Он передёрнулся, отшатываясь, глаза его расширились. Покачав головой, я вздохнула и, подойдя поближе, поднесла руку к его щеке. Он отдёрнулся ещё раз, уже от моего прикосновения, хоть я и поглаживала его по лицу, пока он не утихомирился.

— Но я всего лишь одна из. Ваших любовников, — прошептала тихо. — Разве не ты упустил другого?

Как и ожидалось, Итемпас глянул на Ньяхдоха. Ах, что за нужда горела в его глазах! Будь хоть любая надежда на то, и я бы попросила Ньяхдоха поделиться этим мгновением с нами. Одно лишь доброе слово могло ускорить исцеление Итемпаса. Но уйдут века, прежде чем раны самого падшего затянутся настолько, чтобы сойти для того.

Я вздохнула. Что ж, пускай так. Хотела бы я сделать что-нибудь, упрощая дело им обоим, и попытаться снова, когда тлящаяся веками сработает их магия. В конце концов, я же дала обещание.

— Когда будешь готов очутиться среди нас снова, — шепнула тихо Итемпасу, — я, по крайней мере, поприветствую с добрым сердцем твоё возвращение. — А после поцеловала его, полня поцелуй всеми из обещаний, на что способна

была набраться духу. Но что удивительнее, промелькнувшее меж нами… я сама, бывшая для его рта мягкостью вопреки неуступчивости. Под низом же таились, проникая внутрь, тёплые океанские бризы — и острый привкус жгучих специй; он отстранился, оставляя тело занывшим от сладкой боли, а рот — наполнившийся влагой. Впервые я поняла, отчего Ньяхдох любил его — и, к слову сказать, рот Итемпаса так и остался приоткрытым, удивлённо отвисая, когда я отстранилась, думаю, он почувствовал схожее.

Я глянула на Ньяхдоха, всматриваясь внимательно, тот вздохнул. Чересчур по-человечески. Чересчур устало.

— Он не меняется, Ийн. Не способен.

— Если только сам не захочет, — сказала я решительно.

— Ты так наивна.

Может, и так. Но наивность не равнозначна заблуждению.

Я задержала взгляд на Итемпасе, даже подходя уже к Ньяхдоху и беря того за руку. Пресветлый пожирал нас глазами подобно умирающему от жажды при виде водопада. Трудные времена предстояли ему, но он силён, был и есть. И будет. Один из нас, что некогда вновь станет нашим.

Вихри силы скрутились вкруг Итемпаса лепестками огромного цветка, мерцая и искрясь. Когда же свет угас, он предстал смертным обликом — темноглазый, в померкнувшем ореоле волос. Прекрасная, но — не безупречная красота. Простая, человеческая. Обычный мужчина, от потрясения рухнувший как есть, замертво, на пол.

Проделав то, что собиралась, я обернулась к Ньяхдоху.

— Нет, — хмуро отрезал он.

— Он заслуживает *такую же* возможность, — проговорила я.

— Я и сам обещал уже освободить его.

— Смертью, разумеется, да. В моих силах дать ему большее. — Я ласково погладила падшего по щеке, замерцавшей под пальцами. Лицо его менялось ежесекундно — и в каждом из обликов оставаясь столь же прекрасным… хоть смертные, пожалуй, помыслили б по-иному, ибо далеко не все из них были людскими. Да я и сама была ныне не больше человеком, чем Владыка Ночи. Я, могущая теперь принять все его личины, так что боле не было нужды в единой, особенной.

В ответ на прикосновение, он вздохнул, прикрывая глаза, что и удивило, и встревожило меня единым разом. Его одиночество длилось

чересчур долго. Мне надлежало озаботиться и не воспользоваться сейчас этой его слабостью, иначе он возненавидит меня позже.

Однакож, так или иначе, дело должно быть сделано.

Я сказала:

— Он заслуживает свободу, так же, как и ты.

Падший одарил меня тяжким вздохом. Чёрнозвёздной капелью, поразительно яркой, ибо россыпь мельчайших искр переливалась, и множилась, и срасталась человеческим очертанием. На мгновение передо мной застыл бог… нет, иллюзия, фантазма, негодующая и гневная. Я внушила ему жизнь, и оно предстало человеком: дневное подобие Ньяхдоха. Он огляделся, потом уставился на сияющую сущность, столь долго бывшую другой его половиной. Ни разу за века эти двое не встречались лицом к лицу, но глаза Нахьи расширились в осознании:

— Боги мои, — выдохнул он, трепеща от страха и благовения, чересчур напуганый, чтобы дойти до всей иронии клятвы.

— Йин…

Я обернулась, находя подле себя Сиеха, в привычном детском обличьи. Туго натянутый, ровно струна, он стоял, и зелёные глаза пытливо обыс-

кивали моё лицо.

— Йин?

Я было потянулась за ним, но засомневалась. Он не был моим, против собственнических ощущений, мечущихся под кожей.

Он и сам тронулся также нерешительно, касаясь моих рук и лица в удивлении.

— Ты взаправду… *не она*?

— Нет. Просто Йин. — Я опустила руки, позволяя ему самому выбирать. Я уважу его решение, отвергни он меня сейчас. Но… — Этого ли ты хотел?

— Хотел? — Взгляд глаз угождал сердцам и более холодным, иначе моё. Он обнял меня, и я притянула его ближе, сжимая крепко. — Ах, Йин, какая же ты ещё смертная, — прошептал он, прижавшись к груди. Но я чувствовла его дрожь.

Поверх головы Сиеха я видела других моих детей. Пасынков, пожалуй; да, то было верно и осмотрительно — думать так о них. Закхарн склонила передо мной голову; солдат, отдающий дань почтения, признавая нового командира. Повиновение, — не вполне то, чего я хотела бы, но пока что сойдёт и так.

Кирью, однакож, другое дело.

Нежно выпутавшись из объятий Сиеха, я шаг-

нула навстречу ей. Мудрейшая тотчас стекла на одно колено, сгибая покорно голову.

— Я не собираюсь молить твоего прощения, уповая на великодушие, — проговорила она. Но голос предательски соскользнул страхом; боле не звуча привычно сильным, чистым тоном. — Я делала, что считала… что чувствовала *правильным*.

— Ну, разумеется, так и есть, — сказала я. — Воистину *мудрый* поступок с твоей стороны. — Как и с Сиехом, я протянула руку, гладя богиню по волосам. Длинные и серебристые, в этом её обличье, завитки вились, подобно нитям металла, скрученным в пряди. Прекрасные. Невозможные. Невозможно прекрасные.

Я позволила им медленно стечь сквозь пальцы, падая низ, — и Кирью рухнула об пол, мёртвая.

— Йин. — Сиех. Ошеломлённый и оглушённый. Мгновение я игнорировала голос, глядя вверх, — и случайно смыкаясь глазами с Закхарн. Воительница вновь почтительно склонила голову, и я знала, отчего заработала меру уважения.

— Дарр, — сказала я.

— Я улажу все дела, — ответила Закхарн, исчезая.

Удивительно, сколь велико оказалось чувство

облегчения, нахлынувшее в виски. В конце концов, быть может, человечность отстала от меня не так уж далеко.

А после я поочерёдно обвела взглядом всех оставшихся в зале. Ветвь прорастала сквозь всю комнату, но я дотронулась до неё, и та протянулась иной стороной, на отдалении.

— Теперь ты, — сказала я Скаймине, и та, побелев, отступила назад.

— Нет, — отрывисто выплюнул Ньяхдох. Развернувшись к Скаймине, он улыбнулся; мрак, ширясь, заструился по комнате. — Это — моё.

— Нет, — прошептала та, ступая ещё на один шаг назад. Будь у неё шанс сбежать… но, нет, очередная ветвь скрывала отход к лестничному маршу, — впрочем, я была уверена: она попытается, пускай и без толку. Бегство бессмысленно. — Просто убей меня.

— Больше никаких приказов, — сказал Ньяхдох. Он приподнял ладонь, сжимая пальцы, словно прихватывая невидимую привязь, и Скаймину с воплем рвануло вперёд, швыряя на колени у ног Владыки Ночи. Согнутые пальцы бессильно зацарапали воздух, хватаясь за горло, ища хоть какой-то путь к свободе, но увы. Ньяхдох наклонился, приподнимая её за подбородок

кончиками пальцев, и в поцелуе, наложенном на губы Скацмины, была какая-то не менее пугающая нежность. Как и в словах. — Я убью тебя, Скаймина, уж будь уверена, дорогая. Просто, ещё не время.

В моём сердце не было места для жалости. Тоже, так сказать, пережитки человечности.

Что оставалось лишь Декарте.

Он сидел на полу, куда его и отбросило воплощением моего древа. Подойдя ближе к нему, я разглядела сгустки пульсирующей боли в сломанном бедре — и зыбкий трепет в слабо бьющемся сердце. Слишком много потрясений для одного смертного. Ему выпала не самая лучшая ночка. Но, как ни странно, он улыбался, когда я присела подле.

— Богиня, — проговорил он, издавая следом лающий смешок, — без капли горечи, что самое удивительное. — Ах, Киннет никогда не терпела полумер, не так ли?

Наперекор себе, я переняла улыбку.

— Нет, никогда, разумеется. Не в её духе.

— Вот, как, стало быть. — Выставив подбородок, он глянул, властно и надменно, отдавая должное; жест сработал бы лучше, не задыхайся старик от перебоев в сердце. — Что насчёт нас, богиня Йин?

Твоей человеческой родни?

Я обняла руками колени, балансируя на кончиках пальцев ног. Я как-то подзабыла сотворить обувь.

— Ты изберёшь другого наследника, что станет придерживаться вашей власти, насколько возможно. Преуспеет он, или нет, уже неважно, нас, Нахьи и меня, не будет здесь, а Итемпас теперь бесполезен вам. Должно быть, будет интересно: полюбоваться на мир и что содеят с ним смертные, оставшись без нашего неизменного вмешательства.

Декарта неверяще уставился на меня, неудомевая в ужасе:

— Без богов, каждый народишко на этой планете восстанет, чтобы уничтожить нас. А после обрушится друг на друга.

— Возможно.

— *Возможно*?

— Безусловно, так тому и быть, — сказала я, — коль ваши отпрыски скажутся последними глупцами. Но никогда Энэфадех не были единоличным вашим оружием, дедушка; и тебе это известно лучше других. Богатства, с коими и близко не стоял любой другой народ; вполне хватит, чтобы нанять и снарядить целую армию,

и не одну. Священство Итемпаса, далее, и у них весьма много мотивов разнести свою версию правды, ибо и им также не избежать угрозы. И наконец, ваша собственная отлично отточенная порочность, что всё это время весьма хорошо сходяла за оружие. — Я пожала плечами неопределённо. — Арамери смогут выжить, а, может даже, и удержать власть на пару поколений вперёд. Надеюсь, этого хватит, чтобы умерить самые худшие из проявлений гнева со всего мира.

— Быть перемене, — сказал Ньяхдох, возникнув вдруг близ меня. Декарта отпрянул назад, но в глазах Владыки не таилось ни крохи злобы или умысла. Что и сводило его с ума, так ярость; теперь же он исцелялся. — Изменению должно быть. Арамери столь долго хранили мир, супротив природы. Исправление должно прийти через кровь.

— Но ежели ты умён, — добавила я, — то добьёшься своего, удержав большую часть при себе.

Декарта медленно качнул головой.

— Не я. Я умираю. А что до моих наследников… им не по силам править в согласии со сказанным тобою, но… — Он кинул взгляд на Релада, распростёртого на полу с ножом в горле. Глаза того

тускнели, широко открытые. Он истёк кровью даже сильнее, чем я.

— Дядя… — начала было Скаймина, но её утихомирил Ньяхдох, рванув поводок. Декарта глянул в сторону, после отводя взгляд.

— У тебя есть ещё один наследник, Декарта, — проговорила я. — Он умён, и разумен, и знающ, — и достаточно силён, я верю… пускай, и не будет больно благодарен за мою рекомендацию.

Я улыбнулась, видя (но обходясь без глаз) сквозь слои Небес. Изнутри дворец не так уж сильно различился. Кора и ветви заместили жемчужно-перламутровую небесь, и часть мёртвых пазух полнилась живой древесной плотью. Но даже этой простой перемены с избытком хватило, чтобы вселить ужас в небесных обитателей, как чистокровных, так и из низов. А в сердце хаоса царил Т'иврел, дирижируя дворцовой прислугой и спешно организуя эвакуацию.

Да, этот проделает всё безупречно.

Глаза Декарты расширились, он узнал приказ, едва расслышав слова. Кивнул согласно, и я дотронулась в ответ до него, желая мысленно его бедру исцеления, а сердцу — крепости. Моя воля продлит жизнь парой дней дольше… как

раз, чтобы увидеть своими глазами начало превращений.

— Я… я не понимаю, — проговорил смертный Нахья, когда его божественное подобие и я поднялись на ноги. На лице его стыло глубокое потрясение. — Зачем ты пошла на это? Что… что мне теперь делать?

Я глянула с удивлением.

— Как что? Жить, — ответила просто. — А зачем ещё, думаешь, я призвала тебя здесь?

* * *

Многое ещё предстоит сделать, но первые шаги были важнее всего. Думаю, ты была бы довольна, узрев всё это — исправление попранного дисбаланса, инициированное твоей смертью, открывая заново существование. Но, быть может, там, куда ты ушла, тебя ждут не менее волнующие открытия.

Странно признаваться в том, но я буду скучать по тебе, Энэфа. Моей душе не в привычку уединение.

Но опять же, лишь благодаря тебе, мне никогда не бывать теперь *по-настоящему* одинокой.

* * *

Спустя время, как мы оставили позади и Небеса, и Итемпаса и весь мир смертных, Сиех подхватил меня за руку.

— Пойдём с нами, — сказал он.

— Куда?

И Ньяхдох дотронулся до моего лица, с такой ошеломительной нежностью, что я затрепетала вся, смирённая необыкновенной мягкостью и лаской во взгляде. Заслужила ли я такую теплоту от него? Нет, пока что… но да, *непременно*. Дала я молчаливый обет, поднимая лицо навстречу поцелую.

— Тебе ещё многому стоит поучиться, — пробормотал он, у самых моих губ, размыкая объятье. — У меня в избытке чудес, ждущих срока, чтобы явить себя твоему глазу.

Словно простая смертная девчонка, я не смогла сдержать усмешки.

— Тогда поторопись и веди меня, — сказала я. — Давай же начнём поскорей.

И так мы миновали пределы вселенной; и на том более мне нечего прибавить.

* * *

Во всяком случае — к *этой* истории.

Приложения

Приложение первое. Глоссарий

Арамери:

Арамери /Arameri/. Они же — Семья Арамери или Дом Арамери. Правящая семья Амнов (см. Amn); советники дворянского Консорциума Нобилей (см. Nobles' Consortium) и Ордена Итемпаса (см. Order of Itempas).

Шахар Арамери /Shahar Arameri/: Высшая (Перво)Священница Итемпаса (см. Itempas) во время Войны Богов (см. Gods' War). Арамери — её прямые потомки [1].

Декарта Арамери /Dekarta Arameri/. Глава семьи Арамери.

Игрет /Ygreth/. Жена Декарта Арамери, мать Киннет. Мертва.

Киннет Арамери /Kinneth Arameri/. Единственная дочь Декарта Арамери.

Йин Арамери /Yeine Arameri/. Внучка Декарта Арамери и дочь Киннет.

Релад Арамери /Relad Arameri/. Племянник Де-

---

[1] Примечания: 1

Прим. перев.: на момент событий книги — мертва.

карта Арамери. Брат-близнец Скаймины.

Скаймина Арамери /Scimina Arameri/. Племянница Декарта Арамери. Сестра-близнец Релада.

Т'иврел Арамери /T'vril Arameri/. Внучатый племянник Декарта Арамери.

Вирейн Арамери /Viraine Arameri/. Главный скриптор семьи Арамери.

Энэфадех:

Маальстрем /Maelstrom/. Создатель Триады (Three). Непознаваем.

Боги /Gods/. Бессмертные порождения Маальстрема (см. Maelstrom). Они же — Трое, Триада (Three).

Готлинги /Godling/. Бессмертные дети Троих. Иногда также именуемые богами.

Энэфадех /Enefadeh/. Те, кто помнят /хранят память/ Энэфу (см. Enefa).

Демон /Demon/. Дитя от запретных союзов между богами либо готлингами и смертными. Уничтожены.

Итемпас /Itempas/. Один из Трёх. Он же — Пресветлый, Владыка Дня (Bright Lord), господин небес и земли. Небесный Отец (Skyfather).

Ньяхдох (Нахья) /Nahadoth/. Один из Трёх. Он

же — Владыка Ночи (Nightlord).

Энэфа /Enefa/. Одна из Трёх. Она же — Предатель (Betrayer). Мертва.

Сиех /Sieh/. Готлинг, также именуемый Обманщиком, Ловкачом, Плутом, Трикстером (Trickster). Старейший из готлингов.

Закхарн (Закха) /Zhakkarn of the Blood/. Готлинг, именуемая также Кровавой (Blood). Богиня-воительница.

Кирью /Kurue/. Готлинг, также именуемая Мудрой (Wise).

Исторические даты:

Война (Битва Богов) /Gods' War/. Апокалиптическое сражение за право властвовать над Небесным Царством (см. Heavens). Закончилось победой Пресветлого Итемпаса (см. Itempas) над своими братом и сестрой.

Времена Трёх /Time of the Three/. Промежуток времени прежде Битвы Богов (см. Gods' War).

Пресветлое[2] /Bright, the/. Время единоличного правления Итемпаса (см. Itempas) после Битвы

[2] Примечания: 2

Прим. перев.: Пресветлый /Bright/ — также использован в качестве титулования и обращения к самому богу.

Богов (см. Gods' War). Общий термин для обозначения добра, порядка, закона и справедливости — как характерныых особенностей эпохи.

Царство Богов /Gods' Realm/. За пределами вселенной.

Небесное Царство, Ад (Адовы пустоши, Преисподняя) /Heavens, Hells/. Обиталище душ, покинувших Царство Смертных (см. Mortal realm).

Царство Смертных /Mortal realm/. Вселенная, созданная Тремя.

География и народы:

Сто тысяч Королевств /Hundred Thousand Kingdoms/. Собирательное название объединённого под рукой Арамери (см. Arameri) мира.

Сенмит (сенмитский) /Senmite/. Язык Амнов (см. Amn), используемый в качестве койнэ (общего языка) на всей территории Ста тысяч Королевств (см. Hundred Thousand Kingdoms).

Амн /Amn/. Самая многолюдный и могущественный из сенмитских (см. Senmite, Senm) народов.

Сенм /Senm/. Самый южный и самый большой континент мира.

Небеса (Небесный) /Sky/. крупнейший город(-государство) Сенма (см. Senm). Кроме того, так

именуется и дворец Дома Арамери (см. Arameri).

Тэма /Tema/. Сенмитское королевство.

Тёмные /Darkling/. Расы, принявшие главенство Итемпаса (см. Itempas) лишь после Битвы Богов (см. Gods' War), под давлением победителей. В основном, народы Крайнего Севера (см. High Northern) и островные жители.

Крайний Север /High North/. Далёкий северный континент. Глушь и захолустье.

Дарр /Darr/. Государство Крайнего Севера (см. High North).

Прим. перев.: Сама Йин Дарром /Darr/ зовёт край, где родилась, и Дарре /Darre/ — народ, к которому принадлежит.

Эрребейа /Arrebaia/. Столица Дарра (см. Darr).

Сар-эн'на-нем /Sar-enna-nem/. Место собрания даррийских эн'ну (Darren ennu) и Воинского Совета (Warriors' Council).

Токланд /Tokland/. Государство Крайнего Севера.

Менчи /Menchey/. Ещё одно государство Крайнего Севера.

Наршез /Narshes/. Народ Крайнего Севера, чья родина была захвачена несколько веков тому

назад людьми Ток (см. Tokland).

Острова /Islands, the/. Огромный архипелаг к востоку от Крайнего Севера (см. High North) и Сенма (см. Senm).

Кен /Ken/. Крупнейшее из островных государств, дом людей Кен (Ken) и Мин (Min).

Атр /Uthr/. Островное государство.

Ирт /Irt/. Островное государство.

Органы правления:

Консорциум Нобилей (Дворянское Собрание) / Nobles' Consortium/. Правящий политический орган Ста тысяч Королевств (см. Hundred Thousand Kingdoms).

Салон /Salon/. Штаб-квартира Консорциума Нобилей (см. Nobles' Consortium).

Орден Итемпаса /Order of Itempas/. Священство, служащее Пресветлому Владыке (см. Bright Itempas). В дополнение к духовным обязанностям организация эта также несёт ответственность за соблюдение законов и порядка, образование и искоренение ереси. Также известен как Общество Итемпанцев (Itempan Order).

Итемпанцы (итемпанец) /Itempan/. Собира-

тельный термин поклоняющихся Итемпасу (см. Itempas). Так же означает членов Ордена Итемпаса (см. Order of Itempas).

Еретик /Heretic/. Поклоняющийся не Итемпасу (см. Itempas), но любому другому богу (или готлингу). Объявлены вне закона.

Магия:

Магия (заклинательство) /Magic/. Врождённая способность богов и готлингов изменять материальное и нематериальное. Смертные врождённым даром не обладают, могут использовать лишь при помощи языка богов (gods' language).

Скриптор /Scrivener/. Учёный-книжник (scholar), изучающий письменный язык богов (gods' written language).

Сигил(ь) /Sigil/. Идеограмма (идеограф, символ, значок) божественного языка, используемая скрипторами (см. Scrivener) для управления (поддельного, имитации) божественной магии.

Кровная печать (сигил) /Blood sigil/. Метка, наносимая на лоб всем членам семьи Арамери (см. Arameri).

Отвесные Врата /Vertical Gate/. Магическое средство передвижения между Небесами (дворцом и

городом)(см. Sky).

Подъёмник (лифт) /Lift/. Магическое средство передвижения в Небесах (см. Sky); уменьшенный вариант Отвесных Врат (см. Vertical Gates).

* * *

И прочее:

Камень Земли /Stone of Earth/. Фамильная реликвия Дома Арамери (см. Arameri).

Гулящая Старуха /Walking Death/. Вирулентная чума, смертельная инфекция, эпидемии которой часто прокатываются по территории Ста тысяч Королевств (см. Hundred Thousand Kingdoms). Заражению подвергается лишь низший социальный слой.

Алтарная, она же — жертвенная, окаёмь (роза) /Altarskirt rose/. Редкий, специально выведенный сорт белых роз; высоко ценится.

Приложение второе. Необходимые уточнения к основам[3] в именовании Небесного Отца нашего, Пресветлого Итемпаса, Несущего Мир

Зломышлятели (то есть верное к ним обращение[4]), как и прочие боги, имеют власть над материальным миром[5] — и над большей частью мира духовного. Не всемогущие — сей дар был присущ лишь единению Трёх, — но единолично превыше даров смертных, так что силы человеческие не ровня им. Однако в мудрости Своей Пресветлый Господь Наш не счёл разумным, наказав Зломышлятелей, сковать силы их полно-

---

[3] Примечания: 3

Первоначально составлено Первым Скриптором и членом Ордена Белого Пламени Сэфимом Арамери в 55-ом году Эпохи Пресветлого. В последующем пересмотрено Первыми Скрипторами — Комман Норн/Арамери (170), Лэтайз Арамери (1144), Бир Гет/Арамери (1721) и Вирейном Деррай/Арамери (2224).

[4] Примечания: 4

Сами по себе определения не соотносятся как таковые, фактически терминология употребляется согласно Скриптам Мьюнэ, решением Седьмого Созыва, в году 230-ом эпохи Пресветлого.

[5] Примечания: 5

Поименованной магией согласно стандартной терминологии Лейтарии, 1-ая поправка.

стью; посему доля их — преулучшать Царствие Земное как орудие воли нашей.

Неполная и несовместная природа их налагает и иную грань, каждому на особицу. Сей предел зовём мы сродством, ибо язык богов, похоже, не таит потребного имени. Сродство дробится на телесное либо мысленное, либо некое сочленение тех.[6] Примером тому Зломышлятель, рекомый Закхарн, коему подначально военное ремесло, как то — оружие (материя), военоначалие (разум) и противуборство (обое). В бою сей непревзойдённый готлинг множит себя тысячью подобных личин, стоя целой армии (и целая армия состоит одной лишь ею).[7] Также она блюдёт отдаление от всякого мирного сборища смертных, навроде церковных праздненств. Истинно известно, близость священных реликвий, знаменующих мир и порядок (подобно белому нефритовому кольцу, что носят верховные приспешники наши), отзывается Зломышлятелю сильнейшею болью и недомоганием.

Посколь Зломышлятели сиречь военная трофея, а семейство наше суть тюремщики, знание

---

[6] Примечания: 6
См. трактат «О магии», том 12.

[7] Примечания: 7
Отмечено в Пелльской войне, Уланском восстании и др. случаях.

натуры их и сродства есть цена великая. И крепа единая, узу повиновения в наших руках надёжно держащая.

Посему долг наш — уяснить сеи крепы, Господом нашим наложенные. Первейшую и привычную методу, коей скована телесность Зломышлятелей. Общеизвестно, что изначальная природа бога — бестелесна[8], движитель он черпает из силы невещественной (напр., движения небесных тел, росту живого и т. п.) — на пропитание и привычное бытие. Однакож, Зломышлятелям не позволено переходить в эфирные слои, но пребывать во плоти отныне и днесь. Тому исходом предел силы до круга чувств человеческих — и мощи оболочки телесной.[9] Крепа Господня также и в том, что питать себя Зломышлятелям след питьём и прочей едою обычною, дабы силы их не

[8] Примечания: 8

В дальнейшем именуется как эфирная, согласно стандартной терминологии Лейтарии, 4-ая поправка.

[9] Примечания: 9

Поскольку скриптор Пчойз в «Границах смертности» (Скрипты Мьюнэ, стр.40–98) утверждает, что ни один из смертных не в силах достигнуть мощи, сравнимой со способностями Зломышлятелей, следовательно, те выходят за пределы материи; Коллегия Скрипторов и Лейтария сходятся в том, что вышеописанное было целенаправленным деянием Господа нашего — пленить Зломышлятелей, но сохранить им достаточно могущества, дабы те могли послужить в деле восстановления мира от последствий Войны Богов.

угасали. Проба[10] казала, лиши Зломышлятелей пищи либо иных движителей, либо повреди плоть вместилища, умаляются и магические дары их (ежели не пропадают вовсе) — пока не вернутся те к прежнему здравию. Меж тем, заточённые вблизи Камня Земли, не подвластны они ни старению, ни смерти (заживляя любые раны, как бы ни глубоки те были, разве что не из праха восставая). Посему не есть правда именовать вместилища их «смертными телами», ибо те смертны лишь по виду.

В следующей главе мы распознаем природу и особицу каждого Зломышлятеля — и узду, коей каждого лучше надзирать и сдерживать.

---

[10] Примечания: 10
Семейные Архивы, различного рода, тома 12, 15, 24 и 37.

Приложение третье. Исторические записки, Архивы Семьи Арамери, том 1, из коллекции Декарта Арамери

(Переведено Скриптором Эрамом Вэрнмом, в году 724-ом эпохи Пресветлого, да ниспадёт Его свет на нас отныне и днесь.

Предупреждение: содержит еретические упоминания, помеченные HR, допущено с разрешения Лейтарии).

Меня будут знать как Этр, дочь Шахар, — той, что ныне мертва. Записи же эти гласят о её смерти, память для потомков и успокоение для моего сердца.

Нам были не ведомы слова «беда», «горе» и «страдание». Моя мать была не из болтливых; привычка держать язык за зубами въедается под кожу любому священнику. На всём белом свете нет никого, кто бы не знал лучше них, когда стоит помалкивать и не молоть лишнего. Но Первосвященница Шахар — я буду звать её так, а не матерью, как подобало бы, ибо для меня она была куда более первой, чем второй, — всегда вела себя… странно.

Старшие братья и сёстры говорили мне: однажды, ребёнком, Шахар повстречалась с Владыкой Дня(HR). Она, рождённая среди голытьбы, без роду без племени, равно плюющей на богов и законы. Её родительница сошлась с человеком, коий обоих — и мать, и дитя — считал подручным имуществом (и обращался соотвественно). После одного, совсем уж мучительного, избиения Шахар сбежала в старый храм Трёх(HR), где и молилась о божественном озарении. Владыка Дня(HR) явился к ней и подал знамение в виде ножа. Шахар обратила его против отчима, пока тот спал, раз и навсегда избавив свою жизнь от оков тьмы.

Я говорю не с целью оклеветать её память, но пролить свет: ибо таким последний Шахар почитала более всего. Резкий, яркий, высвечивающий всё и вся. Не удивлюсь, что посему Господь наш и дорожил ею: ибо она была полностью подобна Ему — быстро решая, кто достоин её любви, а кто нет(HR).

По той же причине, полагаю, он явился к ней снова, в тот ужасный день, когда все начали слабеть и умирать. Просто возник посреди ритуала Приветствия Восходящего Солнца и вручил что-то запечатанное в белую сферу кристалла.

Мы не знали тогда — то была плоть (последнее, что осталось)Леди Энэфы(HR), ныне пребывающей в сумерках Себя. Мы знали только, что чила кристалла хранит нас, но лишь в стенах храма, ослабевая на расстоянии. А за воротами улицы усеивали содрогающиеся в предсмертной агонии люди, поля — сникшее жнивьё, пастбища — падёж скота.

Мы спасли стольких, сколько смогли. Светлое Пламя, как я сожалею, что не всех.

И мы молились. То был приказ Шахар, и мы, напуганные до смерти, покорно согласились. Три дня и три ночи в плаче и мольбах, одной смутной надеждой уповая, что Господь наш возьмёт верх меж сил, раздирающих мир на части. Поделённые на несколько смен, все мы, и орденцы, и церковники, и Стражи Порядка, и простой люд, теснили в сторону истощённые тела товарищей, когда те оседали от усталости, так, чтобы, заняв их место, могли молиться другие. Непрерывно молиться. И лишь изредка осмелясь выглянуть наружу, на улицу, полную оживших кошмаров. Зловеще гогочущие чёрные существа, не то кошки, не то чудовищные дети, широким потоком текли по земле, вырвавшись на охоту. Алые столбы огня гигантскими всполохами, размером с

горные кряжи, падали с неба вдалеке; один из них полностью сжёг Дикс, город поблизости. А с ними, крича и исчезая в эфире, прежде чем рухнуть на землю, летели блестящие тела божественных чад.

Посреди всего этого одна моя мать не покидала комнат башни, неуклонно глядя на вздыбившееся кошмаром небо. Когда я вошла проведать её — многие начали в отчаянии кончать с собой, — то нашла сидящей, скрестив ноги, на полу, с белой сферой, покоящейся на коленях. Така поза, в её-то преклонном возрасте, должно быть, давалась нелегко и болезненно. Ждать, ответила Шахар на мой немой вопрос и, когда я спросила — чего? — одарила меня холодной, ледяной улыбкой.

«Подходящего мгновения для удара», — вот её слова.

Я знала, о чём речь. Смерть. Что мне оставалось? Я была простой священницей, она — первой в круге. Семья была для неё пустым словом. Пускай путь, избранный нашим орденом, — жениться, выходить замуж и растить детей в свете и мире; но моя мать заявила, что признаёт мужем одного лишь Господа нашего. А чтоб утихомирить старейшин, попросту завела детей с собратом по вере. Итогом стали мы с моим братом-близнецом;

но любви меж нами не было. В моём голосе нет злобы; мне хватило тридцати лет, что смирить гнев и утихомирить сердце. И посему я знала, что ни говори, как ни пытайся помешать или переубедить, Шахар останется глуха к любым призывам.

Тогда ж я закрыла дверь и вернулась к молитвам. Утро следующего дня знаменовалось ударом грома. Грохотало с такой силой, что, казалось, от храма Светлых Полдневных Небес не останется и камня на камне. Оправившись, мы разбрелись, поражённые тем, что вопреки всему ещё живы.

Все, кроме моей матери.

Я первой нашла её. Я, и Владыка Дня(HR), стоявший рядом с телом, прямо за открытой дверью.

Конечно, я рухнула на колени, спешно бормоча что-то о том, как почтена Его присутствием. А по правде… В глазах стояла лишь Шахар, лежавшая ничком на полу на том самом месте, где мы с ней виделись последний раз. Разломанной, рядом валялась белая сфера, а в руках матери виднелось что-то серое и мерцающее. Печаль окутывала лицо Владыки Итемпаса, осторожным касанием Он прикрыл Шахар глаза. Я была рада этому жесту скорби: наконец матушка добилась исполнения заветного желания — угодить своему господину.

— Единственная верная мне, — еле слышно произнёс он. — Все предали меня, кроме тебя.

Позже я узнаю, что имелось ввиду: леди Энэфа(HR) и лорд Ньяхдох(HR) отвернулись от него, вместе с сотнями бессмертных чад своих. Позже ж Владыка Итемпас передаст мне скованных невидимыми цепями падших богов и прикажет пустить их службу на благо мира. Чересчур много для смертного, чтобы тот мог пережить подобное. По крайней мере, для такого, как мой брат. Мы нашли Бентра той же ночью, в его комнате, с опущенными в воду для умывания окровавленными запястьями.

Всё досталось мне одной. Свидетельствовать. Нести спавшее с материнских плеч бремя. Наконец, оплакивать мертвецов. Всё одной. Если бог и снизошёл оказать честь Шахар, то что ей, покойнице, с того? Скупые жесты не ворачивают жизни.

Но память о ней не кончится. И потомки запомнят Первосвященницу Пресветлого, Шахар Арамери. Навеки.

Ради тебя, мама. Всё, ради тебя. Я буду жить дальше. Я повинуюсь приказам Господа нашего. Я изменю этот мир. Я найду мужей, достаточно сильных, дабы разделить со мной это бремя, и

я воспитаю своих детей столь же твёрдыми, холодными и безжалостными, какой была ты сама. Такого наследия ты бы хотела, не так ли? Во имя Господа нашего, да будет так.

И да помогут нам боги. Всем и во всём.

Благодарности

Так много людей, заслуживающих благодарности, — и так мало места на листе.

Прежде всего спасибо отцу, моему первому редактору и первому, кто заронил в меня искру писательства. Я правда сожалею, что заставляла тебя читать всю ту ахинею, написанную пятнадцатилетним подростком. Надеюсь, что эта книга сойдёт за извинения.

Аналогичная благодарность взращивавшим все эти годы меня как писателя «инкубаторам»: фант-семинару Viable Paradise, литфонду Speculative Literature Foundation, Обществу Карла Брэндона, литмастерским НФ и фэнтези Critters http://www.Critters.org, BRAWLers of Boston, Black Beans, The Secret Cabal и Altered Fluid. Никогда не думала, что смогу зайти так далеко. Да мне бы этого и не удалось, не поддавая вы каждый раз мне дружеского пинка. (Синяки отлично сходят, спасибо.)

Потом, Люсьен Дайвер, самому трудолюбивому литагенту на всей земле. Спасибо, что всегда верила в меня. Деви Пиллай, моему редактору,

огорошившему открытием, что и редакторы могут быть весёлыми чудаками, мило потрошащими рукописи и перемигивающимися с довольной ухмылкой. Спасибо за это и за присвоение столь громкого титула.

И напоследок, не менее важные благодарности — моей матери (привет, мам!), моим ЛДН[11] Дейдре и Кэтчан, а также всем членам старого TU-экипажа. Сотрудникам и студентам университетов, где я работала на протяжении многих лет; правда, ежедневная работа не может быть настолько весёлой. Посмертная благодарность Октавии Батлер. Спасибо, что вышла за флажки и проторила всем нам дорогу. И наконец я всегда благодарна Господу Богу, привившему мне любовь к созиданию.

Полагаю, мой долг также поблагодарить НукуНуку, соседа по комнате, вечно поощрявшего меня тычками под руку, шлепками по щеке, шерстью в клавиатуре, непрерывно отвлекающими «воу-у!», и… кхм… постойте, а почему я снова её благодарю? Ну, не берите в голову.

---

[11] Примечания: 11

ЛДН — Лучшие друзья навсегда. В оригинале — BFF (Best friends forever).

Об авторе

Н.К. Джеймизин — консультант по вопросам карьеры, политический блоггер и потенциальный гурман, живущая в Нью-Йорке. Пишет с десятилетнего возраста, хотя её ранние работы никогда не выходили в свет.

Персональный сайт http://www.nkjemisin.com.

Интервью с автором

Чем вы профессионально занимались, прежде чем стать писателем?

Я практикующий психолог и педагог по вопросам профориентации, в последнее время занимаюсь подростками и молодыми людьми (случалось иметь дело и с другими возрастными группами). Я работала в ряде университетов администратором и преподавателем, а также служила волонтёром-соцработником на некоторых общественных соцработах и давала частные уроки. Звучит странно, как вспомню, большинство студентов было не в курсе моих истинных занятий, и когда я бросилась писать книги, боюсь, им пришлось со мной нелегко! Но многие из них теперь утверждают, что пристрастились к чтению.

Чем любите заниматься в свободное от писательства времени?

Смотреть дурацкие киношки, в том числе аниме и плохо переведённую зарубежку, играть в видео-игры (о, хотелось бы мне иметь нужные мозги, чтобы писать для Squeenix и Atlus), прогу-

ливаться в компании пары колёс (последнее, увы, не так уж часто, с тех пор как переехала в Нью-Йорк, — не считая, конечно, ступенек сабвея); и изрекать напыщенные речи против социальной несправедливости на всю блогосферу.

Что (или кто) повлияло на вас?

Хмм, сложный вопрос. Идеи доходят из многих источников, не обязательно литературных. В художественном плане более всего меня восхищают Сторм Константайн, Танит Ли, Стивен Кинг, Фуми Йошинага (японская мангака), Джон Колтрейн (джазовый музыкант), художники-импрессионисты. Духовно — с точки зрения мотивации, развития писательской карьеры и работы по улучшению собственного мастерства — Октавия Батлер, мой личный грандмастер. Интеллектуально — Зигмунд Фрейд. Да, пускай он напрочь заблуждался во многих вещах, зато, думаю, абсолютно точно «врубился» в тройственную природу человеческого сознания. В самую точку, так сказать. Ну, и мне к тому же чертовски нравятся его размышления о сновидениях.

«Сто тысяч Королевств» — на удивление оригинальная сказка. Как вам пришла в голову сама идея романа?

Ух ты, спасибо за вопрос! Сознаюсь, честно-честно, понятия не имею — замысел возник, вероятно, лет десять тому назад, во время очередного панического приступа «думай о чём-нибудь, как-нибудь, лишь бы не о теме незавершённой диссертации». Всё началось, стоило образам в голове довершить мозаику: ребёнок, балующийся, как с игрушками, с шариками планет, человек, со звёздами в темнеющих волосах и безлюдной пустотой взгляда, и дворец, отчаянно балансирующий вершиной на невероятно хрупкой каменной колонне. Собственно, привычный путь возникновения большинства моих идей: случайные видения, без всякого смысла мельтешащие в голове. Итак, я начала придумывать историю, сводящую их всех вместе. Наверное, в прошлой жизни я рисовала комиксы.

Миф о Владыке Ночи и Пресветлом Итемпасе вроде бы ведёт корни из классической мифологии, но довершается абсолюьно самобытно? Неужели вы активно интересуетесь подобными сферами?

Я смотрю на существующие религии как на руководство, поскольку единственная, с которой я хорошо знакома, Христианство; и мне хотелось сконструировать нечто бесконечно разнооб-

разное — и столь же правдоподобно осязаемое. Стержень вселенной «Небес и Земли» навеян индуизмом (некоторые из его школ утверждают существование Создателя, Разрушителя и Хранителя — иногда заключая все силы в одной, иногда деля их меж двумя или тремя сущностями). Добавила пару психодинамических концепций, навроде теории Юнга о коллективном бессознательном (она очаровывала меня многие годы). Что станется, сотвори эта мощная бессознательная квинтэссенция человеческого духа всемогущих (почти что) богов? Ну, прежде всего люди попытаются подогнать их под своё понимание повседневной реальности, как то: разделение на день и ночь, и переходом в рассвет и сумерки. Конечно, сотворение богов слегка более сложный процесс, чем кажется; есть целая куча иных понятий, ассоциируемых людьми со днём, ночью и «тем, что между» — свет, тьма, оттенки серого; тепло, холод, изменение; порядок, хаос, жизнь. Я сочла подходящей христианскую концепцию возникновения человека, сотворённого по образу и подобию божьему. Чего проще — возьми да выверни наоборот; как результат (в моём исполнении, разумеется), чертовски «человечные» вышли боги, ну, с поправкой на власть

космических масштабов и всё такое прочее. Они любят, ненавидят, налаживают, кхм, сношения, заводят размолвки, впадают в переплёт. Так что же станется, смешай вы невероятную, нечеловеческую мощь с присущим человеческому роду разнообразием чувств — и вывертам мозга? Кучу проблем, снежным комом вдаряющую по башке.

Есть ли у вас любимый персонаж? Если да, то почему?

У меня они меняются по случаю. Первоначально, в фаворитах ходил Ньяхдох, сами понимаете, фигура ну крайне противоречивая. Могущественный, но уязвимый; непонятный, но такой человечный; тёмный, но не злой, ну, и так далее, по списку. Хех, вы и сами могли догадаться, всё это добро по мне — как пучок кошачьей мяты для киски. Но пока я писала эту историю, меня словно пришибло неожиданной влюблённостью в Йин; она — это я в некотором роде, но… другая. Злее, холоднее, импульсивнее… уязвимее меня «настоящей». Я определённо превосхожу её, но иногда чертовски жаль, что я — не она. Ну, и разумеется, хитрюга Сиех довершает список. Не ожидала от себя самой, что паду жертвой обаяния, как случилось с Йин, но… сами посудите. Я люблю его за то, что столь древнее существо всё ещё

способно, подобно ребёнку, сражаться — и наслаждаться — с жизнью. Люблю за то, что иногда он кажется умудрённым бытием стариком, а потом преображается, откатывая назад, возвращаясь, так сказать, к началам. Из всех персонажей, с ним одним я хотела бы повстречаться в реале (ну, существуй он на самом деле).

Теперь, когда двое из трёх богов возродились, что нам ждать от следующего романа?

Во второй книге вы узнаете, что стало со сброшенным с трона Итемпасом — и что заставило его восстать против собратьев в начале Войны Богов. Также можете рассчитывать на более полное обозрение мира Небес и Земли. В «Ста тысячах Королевств» я сосредоточилась исключительно на элите общества, весьма ограничив себя рамками власти и привилегий. В следующем же томе взгляд падёт на простонародье, на то, как живётся им под затёмнённым кронами гигантских деревьев небе, или на то, как под личиной простого бакалейщика с соседнего угла может крыться настоящий готлинг. В центре этой истории слепая юная девушка, находящая расным утром на свалке бездомного бродягу — с кожей, сверкающей подобно восходящему солнцу. Она даёт ему кров, и это простой акт добросердечия

втягивает её в самое сердце заговора с целью уничтожения богов. Ненадолго появятся и многие из героев «Королевств», но в некотором роде это будет совсем иная история. Тем не менее, думаю, что удовольствия она принесёт не меньше.

Ну, и наконец, как новичку на авторском небосклоне, что вам больше всего понравилось в процессе издания?

День, когда мой агент позвонил мне сказать, что книга продана! Но это не совсем часть «издания», правда? Ладно, тогда моя первая встреча с редактором, Деви, и нахлынувшие признания, как сильно она влюбилась в книгу. Мою книгу! Я кое-как старалась не взорваться неуместными воплями и позорно провалиться.

Но я ещё не покончила с процессом публикации, поэтому могу только догадываться, что в конечном счёте окажется лучшей деталью: после выхода, взирая на реакцию читателей. На самом деле я немного нервничаю при мысли об этом, но что тут удивительного? Совершенно не умею ждать. Кстати, раз уж зашла речь, — если вы читаете эту статью и хотите поделиться со мной впечатлениями о «Ста тысячах Королевств», зайдите на мой сайт nkjemisin.com, по адресу http://www.nkjemisin.com. Хвалите, негодуйте, без раз-

ницы, — одним словом, лей воду на мельницу, детка. *Давай, выкладывай всё как есть.*